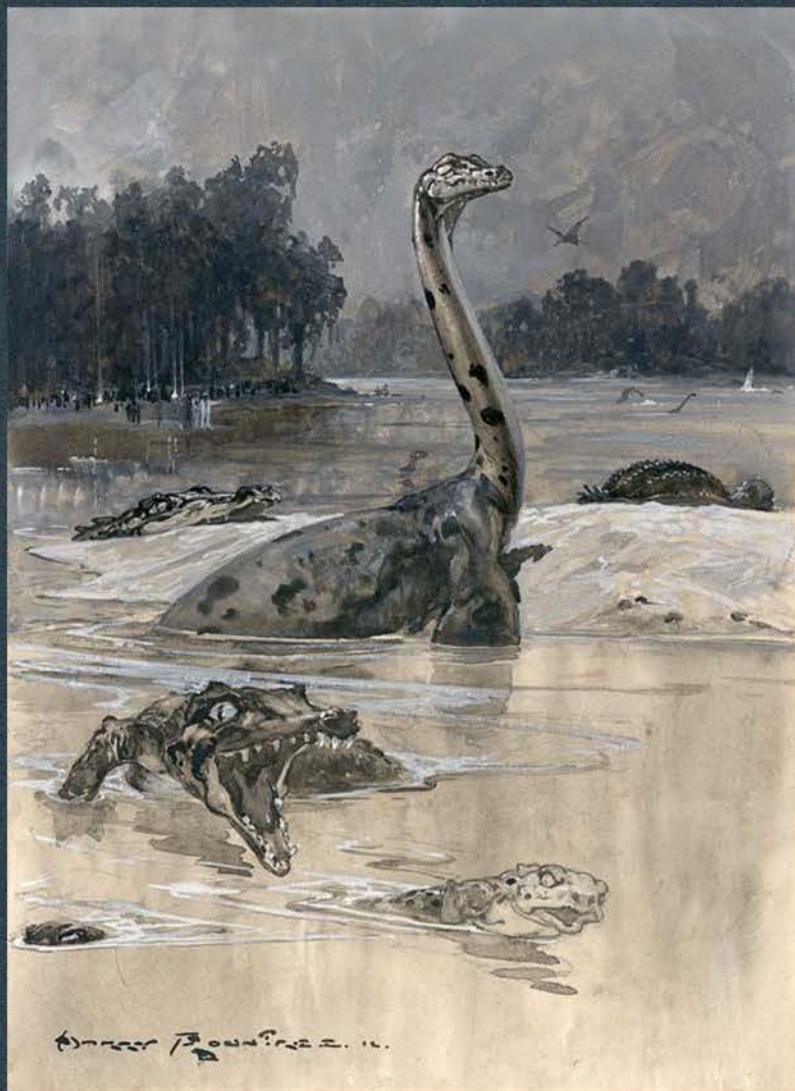

[Polaris]

АРТУР
КОНАН ДОЙЛЬ

ПОГИБШИЙ МИР

Забывтая палеонтологическая фантастика

Том XV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXLIX

Salamandra P.V.V.

Артур
КОНАН ДОЙЛЬ

ПОГИБШИЙ МИР

Факсимильное воспроизведение
изданий 1913 г.

Забывтая палеонтологическая
фантастика

Том XV

Salamandra P.V.V.

Конан Дойль А.

Погибший мир: Рассказ об изумительных приключениях профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэлона из «Ежедневной газеты». С прил. повести «Отравленный пояс». Пер. З. Журавской. Илл. Г. Раундри. Факсимильное воспроизведение изданий 1913 г. (Забытая палеонтологическая фантастика. Том XV). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 105 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLIX).

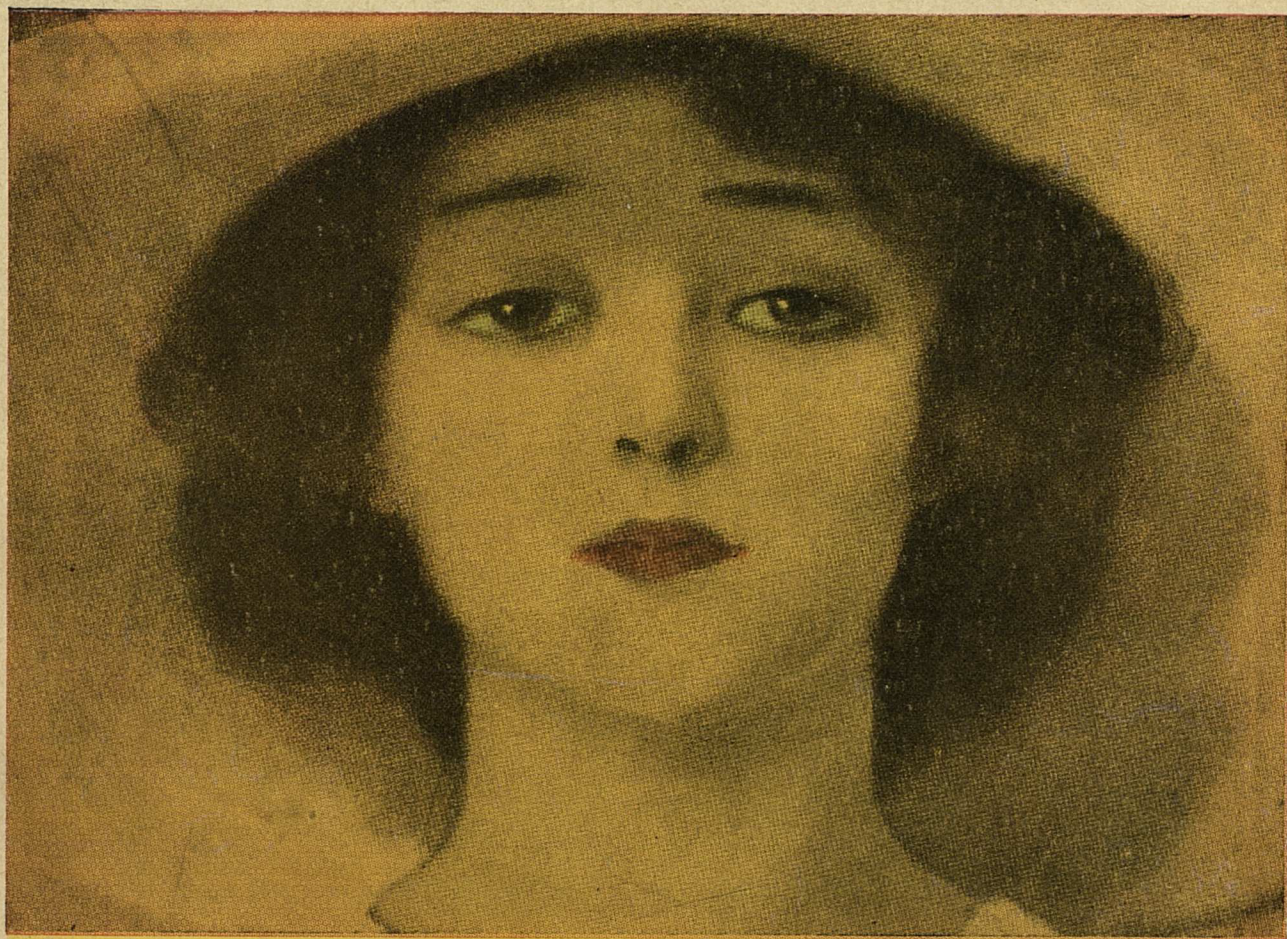
Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

В книге представлено факсимильное воспроизведение одного из первых русских переводов романа А. Конан Дойля «The Lost World», вышедшего в 1913 г., с приложением изданного в том же году перевода повести «Отравленный пояс». Читатели этого издания смогут совершить своеобразное путешествие во времени и увидеть лучший палеофантастический роман мира таким, каким он впервые предстал перед их предками более 100 лет назад.

ПОГИБШИЙ МИР

Безплатное приложєніє ко II изданію „ГАЗЕТЫ-КОПѢЙКИ“

ВОЛНЫ

МАРТЪ.

№ 4.

Изданіє Товарищества Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА“.

1913.
С.-Петербургъ.

ПОГИБШІЙ МІРЪ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Сомерли и м-ра Э. Д. Мелона изъ «Ежедневной Газеты».

Артура Конанъ-Дойля.

Глава I.

Для героизма на свѣтѣ мѣста много—
только оглянитесь вокругъ.

М-ръ Хенджертопъ, отецъ миссъ Гледисъ,—поистинѣ безтактнѣйшее существо, похожее больше на взлорошеннаго, нахохлившагося попугая, чѣмъ на человѣка,—въ сущности, очень добродушное, но цѣлкомъ сосредоточенное на самомъ себѣ. Если что-нибудь могло бы оттолкнуть меня отъ Гледисъ, такъ это—перспектива имѣть подобнаго тестя. Я убѣжденъ, что онъ въ душѣ былъ искренно увѣренъ, что я кожу къ нимъ три раза въ недѣлю исключительно ради удовольствія быть въ его обществѣ и слушать его разсужденія о биметаллизмѣ—кетати, по этому вопросу онъ дѣйствительно славится авторитетомъ.

Въ тотъ вечеръ я болѣе часа слушалъ его монотонное тебетапанье о паденіи курса, о томъ, что легковѣсная монета вытѣсняетъ старинную пелновѣсную и т. под.

— Ну, представьте себѣ,—воскликнулъ онъ, пѣтушась,—что всѣ кредиторы въ мірѣ потребовали бы одновременно отъ своихъ должниковъ, чтобъ имъ безотлагательно были возвращены полностью взятые у нихъ взаимны деньги. Какъ вы полагаете, что бы изъ этого вышло?

Самъ собой, я отвѣтилъ, что лично я разорился бы. М-ръ Хенджертопъ вскочилъ со стула, накинута на меня съ упреками за мое легкомысліе, не позволяющее говорить со мной ни на какую серьезную тему, и бомбой вылетѣлъ изъ комнаты—впрочемъ, болѣе потому, что ему пора было ѣхать на масонскій митингъ.

Наконецъ, я остался наединѣ съ Гледисъ. Насталъ рѣшительный моментъ. Весь этотъ вечеръ я чувствовалъ себя, какъ солдатъ, ожидающій сигнала къ бою, отчаянно, почти безнадежно.

Ея гордый и нѣжный профиль такъ красиво вырисовывался на фонѣ красной портьеры. Какъ она была прекрасна! Но и какъ надменна! Мы были съ ней большими друзьями, но эта дружба не шла дальше товарищескихъ отношеній,—словно это была не молодая, красивая дѣвушка, а товарищъ, репортеръ изъ «Ежедневной газеты»—отношеній искреннихъ, простыхъ, дружественныхъ и совершенно безполыхъ. Я, вообще, не терплю, когда женщина со мною слишкомъ искренна и нимало не смущается. Это—не похвала мужчине. Какъ только женщина начинаетъ при васъ чувствовать себя женщиной, она становится недовѣрчивой и робкой—наслѣдіе старыхъ временъ, когда любовь и насиліе перѣдко шли рука объ руку. Склоненная голова, потупленный взоръ, слабѣющій голосъ, краска въ лицѣ—вотъ признаки страсти, а не спокойный, открытый взоръ и прямые отвѣты. Я не такъ давно живу на свѣтѣ, по этому все же успѣлъ научиться—или же унаслѣдовалъ ту память расы, которую мы зовемъ инстинктомъ.

Гледисъ обладала всѣми тѣми достоинствами, которыми мы цѣнимъ въ женщинѣ. Нѣкоторые находили ее холодной и жестокой, но это было совершенно несправедливо. Нѣжная, смуглая кожа, почти какъ у женщинъ востока,

черные, какъ смоль волосы, огромные, съ влажнымъ блескомъ глаза, полный, но очаровательно очерченный ротъ—все говорило о томъ, что натура у нея пылкая, страстная. Но вызвать наружу эту страсть мнѣ до сихъ поръ не удавалось и, какъ это сдѣлать, я не зналъ. И все-же ждать дольше я былъ не въ состоянн. Ну, что-жъ—пусть откажетъ мнѣ: лучше быть отвергнутымъ влюбленнымъ, чѣмъ просто братомъ и товарищемъ.

Я уже готовъ былъ нарушить долгое и довольно неловкое молчаніе, когда пара темныхъ глазъ глянула на меня съ укоромъ и гордое личико неодобрительно улыбнулось.

— Я уже чувствую, что вы хотите мнѣ сдѣлать предложеніе, Недъ. Не надо, галубчикъ; такъ, какъ есть, гораздо лучше.

Я придвинулся къ ней ближе и съ неподдѣльнымъ удивленіемъ спросилъ:

— Откуда вы знаете, что я собираюсь сдѣлать вамъ предложеніе?

— Женщина всегда это знаетъ. Неужели вы думаете, что хоть какую-нибудь женщину можно въ этомъ смыслѣ захватить врасплохъ? Ну, зачѣмъ вамъ это, Недъ? У насъ установились такіа славныя, дружескія отношенія. Неужели вамъ не жаль испортить ихъ? Неужели вы не чувствуете, какъ это чудесно, когда молодой чловѣкъ и молодая женщина могутъ, оставаясь наединѣ, говорить такъ просто, какъ это было у насъ?

— Не знаю, Гледисъ. Видите-ли, такъ разговаривать я могу и—и съ кондукторомъ.—Я ужъ не знаю, какимъ образомъ мнѣ подвернулось именно это слово, но я выпалилъ его, и невольно мы оба расхохотались.—Этого мнѣ мало,—продолжалъ я.—Мнѣ надо, чтобъ я могъ обнять васъ, чтобъ ваша головка лежала у меня на груди; я хочу, о, Гледисъ!...

Замѣтивъ, что я желаю продемонстрировать наглядно, чего именно я хочу, она поспѣшно вскочила со стула.

— Ну вотъ! Все и испортили! А было такъ хорошо и просто. И вотъ такъ всегда бываетъ. Какая жалость! Неужели вы не можете сдержатъ себя?

— Да вѣдь я же не выдумываю—я, правда, люблю васъ.

— Видите ли, еслибъ мы оба любили, можетъ быть, я и относилась бы къ этому иначе, но чувство любви мнѣ совершенно незнакомо.

— Ну, вѣдь это же возмутительно!—Съ вашей красотой, съ вашей душой! О, Гледисъ, вы созданы для любви. И вы должны любить!

— Можетъ быть, когда-нибудь и полюблю. Чѣмъ же я виновата, что любовь не приходитъ?

— Ну, почему же вы не можете полюбить меня, Гледисъ? Что васъ отталкиваетъ—моя вѣжливость, или что-нибудь другое?

Она немного отодвинулась, протянула руку—такимъ красивымъ, граціознымъ движеніемъ,—закинула назадъ мою голову и съ грустной улыбкой вглядывалась въ мое принудитое лицо.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло. Вы не фатъ и потому я ска-

«Почему же вы не можете полюбить меня, Глэдис?».

жу прямо: ваша внѣшность скорѣй привлекаетъ меня. Нѣтъ, тутъ нѣчто другое, болѣе глубокое.

— Мой характеръ?

Она строго кивнула головой.

— Что же я долженъ дѣлать, чтобъ угодить вамъ?

Ну, давайте же сядемъ и поговоримъ толкомъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу говорить, если вы не сядете.

Она посмотрѣла на меня удивленно и какъ будто подозрительно, но это мнѣ было больше по вкусу, чѣмъ прежнее ея спокойствіе и полная довѣрчивость. Когда напишешь это чернымъ по бѣлому, выходитъ ужасно грубо и примитивно, но на дѣлѣ... Впрочемъ, можетъ быть, это только я одинъ такъ чувствую... Какъ бы то ни было, она сѣла.

— Ну, теперь скажите мнѣ, что вамъ во мнѣ не нравится?

— Я влюблена въ другого.

Теперь я, въ свой чередъ, вскочилъ со стула.

— Не въ опредѣленномъ какого нибудь человѣка, — пояснила она, смѣясь надъ испуганнымъ выраженіемъ моего лица, — а въ идеаль. Такого человѣка я еще никогда не встрѣчала.

— Разскажите же мнѣ, какой онъ. Какъ онъ выглядитъ?

— О, по внѣшности онъ очень похожъ на васъ.

— Какъ это мило съ вашей стороны! Но что же онъ умѣетъ дѣлать, чего я не умѣю? Вы только скажите, что онъ такое — вегетарианецъ, воздухоплаватель, теософъ, сверхчеловѣкъ — вы только скажите мнѣ, Глэдисъ, и я постараюсь сдѣлаться такимъ, — чтобъ угодить вамъ.

Она засмѣялась.

— Однако, какъ вы эластичны! Ну вотъ: прежде всего, мой идеаль не сталъ бы такъ говорить, какъ вы говорите. Это долженъ быть человѣкъ серьезный, съ твердымъ характеромъ, не склонный подчиняться глупымъ дѣвичьимъ капризамъ. Это долженъ быть человѣкъ дѣла, энергичный, способный безъ страха глядѣть въ лицо и самой Смерти — человѣкъ великихъ подвиговъ и необычныхъ переживаній. Мнѣ кажется, я никогда не могла бы полюбить самого человѣка, но только славу, добытую имъ, потому что отблескъ этой славы падалъ бы и на меня. Вотъ я понимаю любовь жены Нансена, или леди Стэнли. Вы читали послѣднюю заключительную главу этой удивительной книги, которую она написала о своемъ мужѣ? Вотъ такого чело-

вѣка женщина можетъ обожать, преклоняться передъ нимъ и въ то-же время чувствовать и себя великой, чтимой цѣлымъ міромъ, какъ вдохновительницу благородныхъ дѣлъ.

Она была такъ прекрасна въ своемъ энтузіазмѣ, что я едва не схватилъ ее въ свои объятія, но во время сдержался и отвѣтилъ:

— Не всѣмъ же быть Нансенами и Стэнли. Да и случая нѣтъ. По крайней мѣрѣ, у меня случая не было. Подвернись онъ, я бы схватился за него.

— Случаевъ сколько угодно. Такіе люди, о которыхъ я говорю, сами создаютъ случаи. Ихъ ужъ не удержишь. Я лично такого человѣка никогда не встрѣчала, но мнѣ кажется, что я превосходно знаю его. Возможностей проявить героизмъ сколько угодно вокругъ насъ. Дѣло мужчины — найти ихъ; дѣло женщины — наградить его за это своею любовью. Вотъ, помните этого молодого француза, который полетѣлъ на воздушномъ шарѣ въ страшный вѣтеръ потому только, что онъ не хотѣлъ отмѣнить назначеннаго полета? Пролетѣлъ въ 24 часа полторы тысячи миль и упалъ въ центрѣ Россіи. Вотъ это одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ я говорю. Подумайте, какъ должна была гордиться имъ женщина, которую онъ любилъ, и какъ другія женщины должны были завидовать ей! Вотъ и я хотѣла бы, чтобъ другія женщины завидовали мнѣ, что у меня такой мужъ.

— И я бы сдѣлалъ это въ угоду вамъ.

— Нѣтъ, не только въ угоду мнѣ, а потому что этого требовала бы ваша натура. Ну вотъ, напримѣръ, прошлый мѣсяцъ, когда вы описывали взрывъ въ угольной шахтѣ, развѣ вы не могли спуститься туда и помочь спасти погибающихъ, не боясь задохнуться?

— Я такъ и сдѣлалъ...

— Этого вы мнѣ не сказали.

— Да чѣмъ же тутъ особенно хвастать?

— Не знаю. — Она посмотрѣла на меня съ большимъ интересомъ. — Это былъ мужественный поступокъ.

— Нельзя было иначе. Для того, чтобъ хорошо описать что-нибудь, надо видѣть это своими глазами.

— Какой прозаическій мотивъ! Но, все-таки, я рада, что вы это сдѣлали. — Она протянула мнѣ руку, но съ такимъ достоинствомъ, что я могъ только нагнуться и поцѣловать ее. — Должно бѣть, я только глупенькая фантазерка. Но это до такой степени вѣлосъ въ меня, до такой степени стало частью меня самой, что я не могу не считаться съ этимъ. Если я выйду замужъ, я выйду только за человѣка, сумѣвшего прославиться.

— Да развѣ же это такъ трудно? — воскликнулъ я. — Вы именно такая женщина, которая можетъ воодушевить мужчину и толкнуть его на подвигъ. Вы уже воодушевили меня. Дайте мнѣ только случай, вы увидите, какъ я схвачусь за него. Я заставлю говорить о себѣ.

Глэдисъ засмѣялась.

— Почему же и чѣтъ? У васъ есть все, что нужно для этого — молодость, здоровье, сила, энергия, образованіе. Мнѣ было досадно, когда вы начали говорить, но теперь я такъ рада — такъ рада!..

— И если я...

Ея рука, какъ мягкій бархатъ, легла на мои губы.

— Ни слова болѣе. Вамъ уже полчаса тому назадъ слѣдовало быть въ редакціи, но у меня не хватало духу напомнить вамъ объ этомъ. Когда-нибудь, когда вы завоеуете себѣ мѣсто въ мірѣ, мы, можетъ быть, и возобновимъ этотъ разговоръ...

И вотъ почему, въ этотъ туманный ноябрьскій вечеръ я мчался быстрѣе вѣтра, догоняя трамвай, и сердце мое пылало рѣшимостью совершить подвигъ, достойный любимой дѣвушки, и притомъ, какъ можно скорѣе. Но развѣ могъ я тогда предполагать, въ какую невѣроятную форму облечется этотъ подвигъ, и какимъ страннымъ путемъ я дойду до него?..

Читателю может показаться, что эта вступительная глава не имѣет ничего общаго съ разсказомъ; а, между тѣмъ, безъ нея не было бы и самого разсказа, ибо только человекъ, воодушевленный жаждой геройскаго подвига, можетъ порвать съ обычной жизнью и ринуться въ волшебную, загадочную область великихъ приключеній и великихъ наградъ. Въ редакціи «Ежедневной газеты» я былъ можно сказать, послѣдней спицей въ колесницѣ, но шелъ я туда въ этотъ вечеръ съ твердой рѣшимостью найти себѣ дѣло, достойное моей Глэдисъ. Зачѣмъ ей нужно было непременно, чтобы я рисковалъ жизнью во славу ея? Не было-ли это съ ея стороны эгоизма, черствость души?—Такія мысли могутъ являться у человека среднихъ лѣтъ, но не у пылкаго 23-лѣтняго юноши, охваченнаго горячкой первой любви.

Глава II.

Попытайте счастья у профессора Чалленджера.

Мнѣ всегда былъ симпатиченъ Мак-Ардль, нашъ завѣдующій хроникой, полный, рыжий, ворчливый, съ согнутой спиной отъ вѣчнаго сидѣнія надъ газетой. Разумѣется, настоящей звѣздой редакціи былъ Вьюмондъ, но онъ обиталъ на высотахъ Олимпа, откуда онъ и не могъ различить ничего менѣе крупнаго, чѣмъ международный кризисъ, или же расколъ въ кабинетѣ министровъ. Порой мы видѣли его шествующимъ въ одинокомъ величіи въ свое святилище—кабинетъ, гдѣ онъ часами сидѣлъ, глядя въ пространство и витая мыслью надъ Балканами и Персидскимъ заливомъ. По отношенію къ намъ, онъ стоялъ на недостижимой высотѣ, и намъ приходилось имѣть дѣло только съ его старшимъ помощникомъ, Мак-Арделемъ.

Старикъ кивнулъ мнѣ, когда я вошелъ въ комнату, и сдвинулъ очки на лобъ.

— Ну-съ, м-ръ Мэлонъ, ваши дѣла, повидимому, идутъ отлично.

Я поблагодарилъ его.

— Взрывъ въ шахтѣ былъ описанъ превосходно; точно такъ же, какъ и пожаръ въ Саузвортѣ. У васъ врожденный талантъ къ описаніямъ. По какому поводу вы хотѣли видѣть меня?

— Чтобы попросить у васъ милости.

Онъ видимо встревожился.

— Что такое? въ чемъ дѣло?

— Не думаете ли вы, сэръ, что вы могли-бы дать мнѣ какое-нибудь отвѣтственное порученіе для газеты? Я бы приложилъ всѣ старанія...

— Т. е., о какомъ, собственно, порученіи вы говорите?

— Мнѣ все равно какое, только бы рискованное и опасное. И чѣмъ труднѣе, тѣмъ лучше.

— Вы очень торопитесь разстаться съ жизнью.

— Вѣрнѣе, оправдать свое существованіе.

— Боже мой, м-ръ Мэлонъ, какъ вы экзальтированы! Боюсь, что подобные эксперименты уже отжили свой вѣкъ. Спеціальныя командировки обходятся обыкновенно очень дорого и рѣдко оправдываютъ расходы; и во всякомъ случаѣ подобное порученіе мы могли бы дать развѣ только человеку опытному, человеку съ именемъ, пользующемуся довѣріемъ публики. Пустыя мѣста на глобусѣ теперь уже всѣ заполнены и романтизму въ наши дни нѣтъ мѣста. Впрочемъ, погодите!—Онъ неожиданно улыбнулся.—Что вы скажете о такой задачѣ: вывести на свѣжую воду современнаго Мюнхаузена, изобличить его обманъ и выпутать его публично. А вѣдь это было бы недурно! Какъ вы полагаете?

— Что хотите, куда хотите—мнѣ все равно.

На минуту Мак-Ардль задумался.

— Я только не знаю, удастся ли вамъ поговорить по душамъ—и можно ли вообще разговаривать по человѣчески съ этимъ господиномъ. Впрочемъ, у васъ талантъ заводить сношенія съ людьми и внушать имъ симпатію—ужь не

знаю, что это: или животный магнетизмъ—или, можетъ быть, просто ваша молодость. Я и на себѣ это испытываю.

— Вы очень добры, сэръ.

— Собственно говоря, почему бы вамъ не попытаться счастья у профессора Чалленджера?

Признаться, я немного удивился.

— Чалленджеръ? Профессоръ Чалленджеръ, знаменитый зоологъ? Это тотъ самый, который проломилъ черепъ Вленделю изъ «Телеграфа»?

Завѣдующій хроникой усмѣхнулся.

— Боитесь? А вы же говорили, что ищете приключеній.

— Если это необходимо для дѣла...

— Въ данномъ случаѣ необходимо. Не всегда же онъ такой свирѣпый. Влендель, должно быть, попался ему подъ сердитую руку или же не сумѣлъ подойти къ нему. Вы можете оказаться счастливѣе его, или тактичнѣе. Я думаю, что какъ разъ у него вы могли бы найти желаемое, и «Газета» взялась бы за такое дѣло.

— По правдѣ говоря, я ничего о немъ не знаю,—только имя мнѣ запомнилось изъ судебной хроники, въ связи съ побоями, нанесенными Вленделю.

— У меня есть кой-какія замѣтки, которыя я могу дать вамъ для руководства, м-ръ Мэлонъ. Я уже давненько слѣжу за этимъ чудаконъ.—Онъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола листокъ бумаги, на которомъ вкратцѣ было написано слѣдующее:

«Чалленджеръ, Джоржъ Эдуардъ. Родился въ Ларгсѣ, въ 1863 году. Образование получилъ въ Ларгской школѣ и въ Эдинбургскомъ университетѣ. Въ 1892 году назначенъ ассистентомъ въ Британскій музей. Въ 1893—завѣдующимъ отдѣломъ сравнительной антропологии. Въ томъ же году оставилъ мѣсто, послѣ довольно рѣзкой переписки съ начальствомъ. Имѣетъ Крѣйстонову медаль за зоологическія изысканія. Членъ ученыхъ обществъ—бельгійскаго, американской Академіи Наукъ, Зоологическаго общества въ Ла-Платѣ (слѣдовали двѣ строчки петитомъ); экс-президентъ Палеонтологическаго Общества и т. д., и т. д.—Научные труды: «Нѣсколько наблюдений надъ черепами калмыковъ»; «Очерки эволюціи позвоночныхъ» и множество брошюръ, изъ которыхъ одна, заключающая въ себѣ критику извѣстной теоріи Вейсмана, вызвала жаркія пренія на Вѣнскомъ конгрессѣ зоологовъ. Развлеченія: долгія прогулки, лазанье по горамъ. Адресъ: Эмпортъ-паркъ, Кенсингтонъ».

— Возьмите это съ собой. Пока я ничего больше не могу сообщить вамъ интереснаго.

Я спряталъ бумажку въ карманъ.

— Одну минуту, сэръ!—взмолился я, замѣтивъ, что передо мной уже не красное лицо, а розовая лысина.—Для меня все-таки неясно, зачѣмъ именно мнѣ надо интервьюировать этого господина? Что онъ сдѣлалъ замѣчательнаго?

Мак-Ардль снова повернулся ко мнѣ лицомъ.

— Два года назадъ онъ ѣздилъ въ Южную Америку, одинъ. Пробылъ тамъ цѣлый годъ. Былъ, несомнѣнно, въ Южной Америкѣ, но гдѣ именно—въ точности не указываетъ и, когда у него начали выпытывать, онъ замкнулся въ себѣ, какъ устрица. Или онъ просто вретъ—что всего правдоподобнѣе—или же съ нимъ, дѣйствительно, случилось тамъ нѣчто изумительное. Обидчивъ до того, что, какъ только его начинаютъ спрашивать, лѣзетъ драться, а репортеровъ просто на просто спускаетъ съ лѣстницы. На мой взглядъ это, вѣрнѣе всего, маія величія на научной подкладкѣ. Вотъ онъ каковъ, вашъ профессоръ Чалленджеръ. Поѣзжайте, попробуйте, можетъ быть что-нибудь изъ него и вытянете. Вы ужь не маленькій, нянекъ вамъ не нужно. Не хотите—не ѣздите. Если приключится съ вами непріятность какая, денежно, вы знаете,—отвѣчаетъ редакція.

Багровое лицо снова скрылось, уступивъ мѣсто розоватой лысинѣ, обрамленной сѣрымъ пушкомъ. Разговоръ былъ оконченъ.

Я направился было къ Клубу Дикихъ, но вмѣсто того, чтобъ зайти туда, уселся на террасѣ Адельфи и долго задумчиво смотрѣлъ на темную, лоснящуюся, словно масломъ смазанную, поверхность рѣки. На свѣжемъ воздухѣ у меня всегда и голова свѣжѣй, и легче думать. Я взялъ списокъ подвиговъ профессора Чалленджера и снова перечиталъ его при свѣтѣ электрической лампочки. И вдругъ у меня явилось—я не могу назвать это иначе, какъ вдохновеніемъ. Я чувствовалъ, что, въ качествѣ представителя печати мнѣ не добраться до этого сварливаго профессора. Но его сварливость, повидимому, означала только, что онъ фанатикъ своей науки. Нельзя ли подступиться къ нему съ этой стороны. Попробуемъ.

Я вошелъ въ клубъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ и въ большой гостиной было уже довольнолюдно, хотя толкотни еще не было. Въ креслѣ у камина сидѣлъ высокий, тощій, угловатый господинъ. Когда я придвинулъ къ нему свой стулъ, онъ повернулся ко мнѣ лицомъ. Это былъ именно тотъ, кого мнѣ нужно было—Тарпъ Генри изъ «Природы»—сухой, тощій, кожа да кости, но со всѣми, кто зналъ эго,—добрый и ласковый. Я приступилъ прямо къ дѣлу.

— Что вы знаете о профессорѣ Чалленджерѣ?

— О Чалленджерѣ?—Онъ сдвинулъ брови.—Это тотъ, который вывезъ какія-то небылицы изъ Южной Америки?

— Какія небылицы?

— Да про какихъ-то необыкновенныхъ животныхъ, которыхъ онъ будто бы видѣлъ тамъ. Впрочемъ, онъ, кажется, теперь и самъ уже отказался отъ своихъ словъ. Послѣ того, какъ было опубликовано его интервью съ корреспондентомъ Рейтера, противъ него поднялась такая травля, что онъ самъ увидалъ, что это лучше оставить. Два три человѣка, правда, были склонны отнестись къ этому съ молнией серьезностью, но онъ и ихъ скоро оттолкнулъ отъ себя.

— Чѣмъ-же?

— Своей невѣроятной грубостью. Напримѣръ, бѣдный старикъ Вадлей изъ Зоологическаго Института, послалъ ему такого рода записку: «Директоръ Зоологическаго Института свидѣтельствуетъ свое почтеніе профессору Чалленджеру и считать за личное одолженіе, если профессоръ окажетъ Институту честь своимъ присутствіемъ на слѣдующемъ засѣданіи».—Отвѣтъ былъ печатный.

— Что вы говорите?

— Въ болѣе приличной версіи онъ гласилъ слѣдующее: «Профессоръ Чалленджеръ свидѣтельствуетъ свое почтеніе директору Зоологическаго Института и считать за личное одолженіе, если тотъ уберется къ дьяволу».

— Господи помилуй!

— Бѣдный старикъ прямо взвылъ. «Я—говорить—50 лѣтъ работаю и никогда...» Очень огорчился бѣдняга.

— А еще что вы знаете о Чалленджерѣ?

— Видите-ли, я, вѣдь, бактериологъ. Я живу около своего микроскопа и почти не обращаю вниманія на то, что можно видѣть невооруженнымъ глазомъ. Я стою на границѣ познаваемаго и чувствую себя совершенно не въ своей тарелкѣ, когда мнѣ случается бросать свою работу и входить въ соприкосновеніе съ большими, грубыми двуногими. Держусь я особнякомъ и слезенъ не слушаю, но о Чалленджерѣ все-таки кое-что слышалъ, такъ какъ онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя не знать. Онъ несомнѣнно уменъ, талантливъ; сила и жизнеспособность огромныя, но при этомъ сварливъ, озлобленъ и недобросовѣстенъ. Говорятъ, что эти фотографіи его, которые онъ будто бы вывезъ изъ Южной Америки, поддѣльныя.

— Словомъ выходитъ, онъ большой чудакъ. Въ чемъ же заключается его чудачество?

— О, у него ихъ тысячи. Последнее время онъ воюетъ съ Вейсманомъ и его теоріей эволюціи. Какъ онъ ополчился на того на вѣнскомъ конгрессѣ!..

— За что именно? вы не можете мнѣ сказать?

— Въ данный моментъ нѣтъ, но у насъ въ клубной библиотекѣ имѣется переводъ протоколовъ засѣданій этого конгресса. Хотите пройти въ библиотеку?

— Очень хочу. Мнѣ это необходимо. Я посланъ интервьюировать этого господина и мнѣ нужна какая-нибудь руководящая нить. Спасибо вамъ, вы очень добры. Если только не поздно, я сейчасъ же пройду съ вами въ библиотеку.

Полчаса спустя я сидѣлъ у себя въ редакціи надъ толстой книгой, раскрытой на страницѣ: «Вейсманъ противъ Дарвина». Мое научное образованіе было не особенно блестяще и мнѣ трудно было усвоить себѣ всю сущность преній, но очевидно было, что англійскій профессоръ и со своими коллегами на свѣздѣ обошелся почти такъ же, какъ у себя дома съ репортерами. Отчетъ о засѣданіи такъ и нестрилъ помѣтками: «Протесты», «Общее негодованіе», «Просьба председателю остановить оратора» и пр., и пр. Но о чемъ собственно шелъ споръ, это было для меня такъ же непонятно, какъ если бы отчетъ былъ написанъ по-китайски.

— Что, если-бы вы перевели это для меня на англійскій языкъ?—взмолвился я къ м-ру Генри.

— Да, вѣдь, это же и есть переводъ.

— Тогда не попытаться-ли мнѣ перевести это обратно на нѣмецкій? Можетъ быть, тогда оно будетъ понятнѣе?

— Да, для непосвященнаго человѣка это дѣйствительно немножко трудно.

— Если-бы хоть одну фразу выловить, которая была бы мнѣ вполнѣ понятна. Ага! нашелъ. Кажется, даже понимаю въ чемъ дѣло. Надо выписать.

— Могу я вамъ и еще чѣмъ нибудь быть полезенъ?

— О да, я хочу написать ему. Если вы разрѣшите мнѣ поставить здѣшній штемпель и написать вашъ адресъ, это придастъ письму болѣе солидности.

— Ну да, а потомъ онъ явится сюда, напумитъ и переломастъ всю мебель.

— Нѣтъ, нѣтъ, я дамъ вамъ прочесть письмо—ничего подобнаго, увѣрю васъ.

— Ну хорошо, вотъ мой письменный столъ—садитесь, на немъ есть и бумага, и конвертъ. Только все-таки я прочту ваше письмо прежде, чѣмъ вы его отправите.

Надъ этимъ письмомъ я таки не мало потрудился, но зато остался имъ доволенъ и не безъ гордости прочелъ его своему строгому критику:

«Любезный профессоръ Чалленджеръ! Въ качествѣ скромнаго натуралиста я всегда съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за Вашими спекулятивными выводами относительно различій между Дарвиномъ и Вейсманомъ. На дняхъ мнѣ представился случай освѣжить свою память, перечитавъ....

— Вотъ врать-то!—пробормоталъ Тарпъ Генри.

— ....перечитавъ Вашъ блестящій докладъ на вѣнскомъ конгрессѣ. По ясности, по удивительной точности изложенія, онъ является послѣднимъ словомъ въ этой области. И все же, въ немъ есть одна фраза, а именно: «Я рѣшительно протестую противъ нетерпимаго и догматическаго утвержденія, будто всякій отдѣльный индивидъ есть микроскопъ, обладающій исторической архитектурой, которая медленно вырабатывалась на протяженіи цѣлаго ряда поколѣній»,—по поводу которой я желалъ бы съ Вами небесѣдовать. Не думаете ли Вы, что она слишкомъ категорична и, въ виду новѣйшихъ изысканій, Вы могли бы нѣсколько измѣнить ее? Если Вы ничего не имѣете противъ, я просилъ бы, какъ милости, разрѣшенія повидаться съ Вами, такъ какъ эта тема чрезвычайно меня интересуетъ и у меня

есть и некоторые свои мысли по этому поводу, которые я мог бы развить только в личной беседе. С Вашего разрешения, я позволю себе иметь честь заглянуть к Вам в 11 час. утра послѣзавтра (въ среду).

«Свидѣтельствуя Вам свое глубокое уваженіе, честь имѣю быть искренно преданнымъ Вамъ Эдуардомъ Маломъ».

— Ну, какъ вы находите?

— Что-жъ, если ваша совѣсть допускаетъ....

— До сихъ поръ моя совѣсть никогда еще не бунтовалась.

— Но, что же вы намѣрены дѣлать?

— Вѣхать къ нему. Мнѣ бы только попасть въ его кабинетъ, а тамъ ужъ я соображу. Можетъ быть, мнѣ даже удастся заставить его выложить все на чистоту. Если онъ спортсменъ, ему это покажется занятнымъ.

— Занятнымъ? Смотрите, какъ бы онъ васъ съ лестницы не спустилъ. Рекомендую вамъ надѣть на себя кольчугу или по крайней мѣрѣ американскій костюмъ для фут-болла. Ну, прощайте! Зайдите сюда за отвѣтомъ въ среду утромъ,—если только онъ удостоитъ отвѣтить вамъ. Это опасный человѣкъ, сварливый, вспыльчивый, ненавидимый всѣми, кто съ нимъ сталкивался и мишень насмѣшекъ студентовъ, поскольку они позволяютъ себѣ съ нимъ вольности. Можетъ быть, лучше было бы для васъ, еслибъ вы никогда не слыхали о немъ.

Глава III.

Это совершенно невозможный человѣкъ.

Опасеніямъ или надеждамъ моего друга не суждено было осуществиться. Когда я зашелъ въ среду въ клубъ, тамъ уже лежалъ отвѣтъ изъ западнаго Кенсингтона съ моимъ именемъ на конвертѣ, выведеннымъ словомъ не перомъ, а зубчатой проволокой. Онъ гласилъ слѣдующее:

«Энморъ-паркъ.

М. Г.!

Я получилъ Ваше письмо, въ которомъ Вы претендуете на сочувствіе моимъ взглядамъ, хотя я не думаю, чтобы они пужались въ сочувствіи Вашему или чьему бы то ни было. Вы осмѣлились употребить слово «спекулятивный» въ связи съ моими утвержденіями относительно дарвинизма. Обращаю Ваше вниманіе на тотъ фактъ, что подобное слово здѣсь неумѣстно и даже до известной степени оскорбительно. Но весь контекстъ убѣждаетъ меня, что Вамъ подсказала его скорѣе Ваша безтактность, чѣмъ злая воля, и потому я только вскользь упомянулъ объ этомъ. Вы цитируете отдѣльную фразу изъ моего доклада. Повидимому, Вамъ она не совсѣмъ понятна. Мнѣ казалось бы, что только низшаго разряда умъ не въ состояніи сразу взять въ толкъ ея значеніе; но если, дѣйствительно, ее нужно развить и дополнить, я согласенъ принять Васъ въ назначенный Вами день и часъ, хотя, вообще, терять не могу визитовъ и визитеровъ. Что касается Вашего предложенія, что я могу измѣнить свое мнѣніе, да будетъ Вамъ извѣстно, что я не имѣю привычки дѣлать это послѣ того, какъ я, все обдумавъ и взвѣсивъ, публично изложилъ свои взгляды. Будете любезны показать конвертъ этого письма моему слугѣ Аустину, такъ какъ ему поручено всячески оберегать меня отъ вторженія наглыхъ негодяевъ, именующихъ себя журналистами.

Преданный Вамъ Джорджъ Эдуардъ Чалленджеръ.

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ профессора. Когда я прочелъ его м-ру Генри, тотъ сказалъ только:

— Вы бы зашли въ аптеку справиться—есть какое-то новое средство отъ ушибовъ—лучше арники. Сейчасъ же вспомню, какъ оно зовется.

— У некоторыхъ людей странная манера шутить.

Было уже почти половина одиннадцатаго, когда я прочелъ это письмо; тѣмъ не менѣе таксомоторъ во-время доставилъ меня на мѣсто. Онъ остановился передъ большимъ,

солидной вѣнщины домомъ, съ красивымъ портикомъ и тяжелыми гардинами на окнахъ, указывавшими на зажиточность хозяина. Дверь открыло какое-то странное, темно-кожее, высохшее существо неопредѣленного возраста, въ темной матроской курткѣ и въ коричневыхъ кожаныхъ гетрахъ. Потомъ я узналъ, что это былъ шофферъ, систематически исполнявшій обязанности швейцара и буфетчика, обыкновенно черезъ три дня послѣ поступленія сбывавшихъ. Онъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы пытливыми светло-голубыми глазами.

— Васъ ожидаютъ?—спросилъ онъ.

— Да, мнѣ назначено.

— Письмо съ вами?

Я показалъ ему конвертъ.

— Правильно.

Повидимому, онъ былъ не любитель разговаривать. Я пошелъ за нимъ по коридору, но неожиданно былъ остановленъ маленькаго роста женщиной, выпешей, какъ потомъ оказалось, изъ дверей столовой. Это была живая, темноглазая женщина, по типу скорѣй француженка, чѣмъ англичанка.

— Одну минутку!—сказала она.—Подождите здѣсь, Аустинъ. Войдите сюда, сэръ. Позвольте васъ спросить: вы раньше когда-нибудь встрѣчались съ моимъ мужемъ?

— Нѣтъ, сударыня, не имѣлъ чести.

— Въ такомъ случаѣ я заранѣе извиняюсь передъ Вами. Я должна васъ предупредить, что это совершенно невозможный человѣкъ, прямо таки невозможный. Я нарочно васъ предупреждаю, чтобы вы были снисходительнѣе.

— Это очень любезно съ вашей стороны.

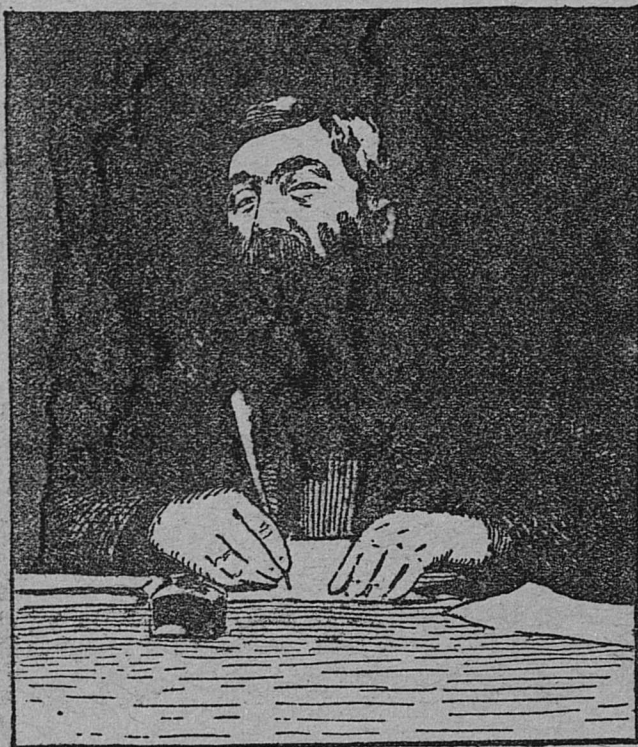
— Если вы замѣтите, что онъ сердится, скорѣй уходите. Не вступайте съ нимъ въ споръ. Нѣсколько человѣкъ уже пострадало изъ-за этого. А потомъ это кончается обыкновенно скандаломъ, который бросаетъ тѣнь и на меня, и на всѣхъ насъ. Я надѣюсь, вы не о Южной Америкѣ собираетесь разговаривать съ нимъ.

Я не могъ солгать женщинѣ и отвѣтилъ правду.

— Ахъ ты, Господи! такъ вѣдь это самая опасная тема. Вы, конечно, не повѣрите ни единому слову изъ того, что онъ вамъ будетъ рассказывать, и меня это нисколько не удивитъ. Но вы только этого не говорите, потому что его это страшно сердитъ. Сдѣлайте видъ, будто вы ему вѣрите, и тогда, можетъ быть, все обойдется благополучно. Помните, что самъ онъ искренно вѣритъ въ свое открытіе. Онъ—честнѣйшій человѣкъ. Ну, теперь идите, а то онъ, чего добраго, заподозритъ, что я предупредила васъ. Если онъ вамъ покажется опаснымъ—прямо таки *опаснымъ*—вы позвоните и постарайтесь сдержать его до тѣхъ поръ, пока я приду. Даже, когда онъ очень сердитъ, мнѣ обыкновенно удается сдерживать его.

Подбодривъ меня такимъ образомъ, маленькая женщина сдала меня съ рукъ на руки молчаливому Аустину, который ждалъ, недвижимый, какъ бронзовая статуя, пока мы разговаривали и затѣмъ повелъ меня дальше. Дойдя до конца коридора, онъ постучалъ въ дверь. За дверью раздался собачій лай, дверь открылась и я очутился лицомъ къ лицу съ профессоромъ.

Онъ сидѣлъ въ вертящемся креслѣ за большимъ столомъ, покрытымъ книгами, картами и диаграммами. Когда я вошелъ, онъ повернулся ко мнѣ лицомъ. Признаюсь, у меня духъ захватило. Я ожидалъ видѣть передъ собой нѣчто странное, но не до такой же степени. Прежде всего поражали гигантскіе размѣры его тѣла. Такой огромной головы у человѣка я еще никогда не видалъ. Я увѣренъ, что, еслибъ я надѣлъ его шляпу, она покрыла бы меня до плечъ. Лицо у него было широкое, цвѣтущее, а борода лопатой, изсиня-черная, совсѣмъ ассирійская, и ниспадающая до половины груди. Волосы спереди длинной извилистой прядью спускались на лобъ. И глаза подъ густыми кустистыми чер-

Проф. Чалленджеръ за работой.

ными бровями были сѣро-голубые, ясные, зоркіе, съ властнымъ взглядомъ. Надъ столомъ виднѣлись только могучія плечи и выпуклая, боченкомъ, грудь, да двѣ огромныя руки, покрытыя длинными черными волосами. Поразилъ меня и голосъ его, больше похожій на раскаты грома, или рыканіе льва, чѣмъ на обыкновенный человѣческій голосъ.

— Ну,—равкнулъ онъ, предерзко утаившись на меня,—что скажете?

Очевидно нужно было поддержать обманъ; иначе наше интервью закончилось бы на первой же фразѣ.

— Вы были такъ любезны, что разрѣшили прѣхать къ вамъ, сэръ,—смирненно началъ я, вынимая конвертъ.

Онъ взялъ со стола письмо и разложилъ его передъ собой.

— Ахъ, это вы тотъ молодой человѣкъ, который не понимаетъ, когда съ нимъ говорятъ по-англійски? Мои общіе выводы, на сколько я могу понять, вы изволите одобрить?

— Всецѣло, сэръ, всецѣло!—съ пафосомъ воскликнулъ я.

— Такъ-съ; это, разумѣется, большая честь для меня. Вашъ возрастъ и ваша вѣнность, разумѣется, дѣлаютъ вашу поддержку еще болѣе цѣнной,—не такъ-ли? Ну что жъ, во всякомъ случаѣ, вы лучше этого стада свиней, въ Вѣнѣ, хотя ихъ совмѣстное хрюканье не болѣе пугаетъ меня, чѣмъ отдѣльные голоса нашихъ британскихъ свиней.—Онъ посмотрѣлъ на меня такими глазами, какъ-будто я явился къ нему представителемъ отъ всей свинной породы.

— Мнѣ ихъ поведеніе представляется гнуснымъ,—сказалъ я.

— Смѣю васъ увѣрить, что я и самъ умѣю постыдиться себя и въ вашемъ сочувствіи ничуть не нуждаюсь. Такъ что это мы оставимъ. Мнѣ нужно только одно,—чтобъ никто ко мнѣ не лѣзъ и не трогалъ меня. Ну-съ, а затѣмъ, постараемся сократить вашъ визитъ, который едва ли можетъ быть пріятенъ вамъ и невыразимо тягостенъ для меня. Повидимому, вы желаете сдѣлать какія-то дополненія къ тому положенію, которое я выставилъ въ своемъ докладѣ.

На такой прямой натискъ отвѣчать уклончиво было немислимо. Приходилось тянуть игру. Я взмолился къ сво-

ей ирландской находчивости. А онъ смотрѣлъ на меня острыми, какъ сталь, глазами и ворчалъ: «Ну, ну, выкладывайте, что тамъ у васъ».

— Разумѣется, я не ученый...—началъ я съ фатоватой улыбкой.—Я просто, такъ сказать, любитель, дилетантъ. Мнѣ показалось, что вы—что вы немножко слишкомъ строги къ Вейсману. Развѣ вы не находите, что новѣйшія научныя изслѣдованія до извѣстной степени,—какъ бы это выразиться,—подтверждаютъ его теорію?

— О какихъ изслѣдованіяхъ вы говорите?—Въ его спокойномъ голосѣ чувствовалась угроза.

— Разумѣется, *васъ* они не убѣдятъ. Я имѣлъ въ виду, такъ сказать, общее направленіе современной научной мысли—такъ сказать, общенаучную точку зрѣнія, если можно такъ выразиться.

Онъ нагнулся впередъ и началъ допрашивать меня, одинъ за другимъ загибая пальцы.

— Я полагаю, вамъ извѣстно, что зародышевая спазма не то же самое, что патогенетическое яйцо?

— Ну разумѣется!—воскликнулъ я, самъ удивляясь своей наглости.

— Ну что же это доказываетъ?—продолжалъ онъ ласково, даже вкрадчиво.

— И въ самомъ дѣлѣ, что же это доказываетъ?—пролепеталъ я.

— Сказать вамъ?

— Пожалуйста.

— Это доказываетъ,—вдругъ свирѣпо заревѣлъ онъ,—что вы—наглый обманщикъ—подлый пресмыкающийся журналистъ, который имѣетъ такъ же мало понятія о наукѣ, какъ и о благопристойности.

Онъ вскочилъ на ноги. Глаза его метали искры. Даже въ эту минуту, когда мнѣ было не до наблюдений, я не могъ не изумиться, увидѣвъ, что онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не большого роста, едва доходившій головою мнѣ до плеча. Вся его сила, очевидно, ушла въ ширину и въ глубину—на развитіе мозга.

— Да вѣдь я *по-тарабарски* съ вами говорилъ!—кричалъ онъ, барабая пальцами по стволу,—а вы и уши развѣсили, думали, что это научные термины. А! Вы хотѣли меня провести? Вы думали перехитрить меня?—меня! Это съ вашими-то куриными мозгами! Ахъ вы проклятые писаки!—Вы думаете, вамъ все позволено? Вы думаете, что вашей похвалой и порицаніемъ вы можете погубить человѣка? Что мы всѣ должны преклоняться передъ вами, добиваться, какъ милости, вашихъ похвалъ? Знаю я васъ, тварей ползучихъ! Очень ужъ вы зазнались. Въ прежнее время вамъ просто на-просто рѣзали уши. Раздулись, какъ мыльные пузыри. Вотъ я васъ осажу. Не на таковскаго напали, сударь. Не знаете вы Д. Э. Ч.—онъ вамъ покажетъ! Онъ васъ предупреждалъ, но вы все-таки полѣзли—пеняйте на себя. Я съ васъ стребую пеню, голубчикъ. Отъ меня не отвертитесь. Вы играли со мной въ опасную игру—и проиграли.

— Послушайте,—возразилъ я, пятясь къ двери и отворяя ее,—ругаться вы можете, сколько угодно, но, вѣдь, всему же есть границы. Ударить меня вы не рѣшитесь.

— Неужели? Такъ таки и не рѣшусь?

Онъ медленно подходилъ ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ, но при этихъ словахъ остановился и засунулъ свои огромныя лапищи въ боковые карманы какой-то гимназической куртки, которая была на немъ надѣта.

— У меня съ вашимъ братомъ расправа короткая. Я ужъ не перваго васъ спущу съ лѣстницы, а пятаго или шестого. За каждаго штрафа три съ половиной фунта—цѣна извѣстная. Дорогонько, конечно, но что же дѣлать, когда нельзя иначе! Почему же и вамъ не послѣдовать за вашими коллегами? И вы отправитесь туда же.

И онъ опять пошелъ на меня, на ципочкахъ, точно балетный танцоръ.

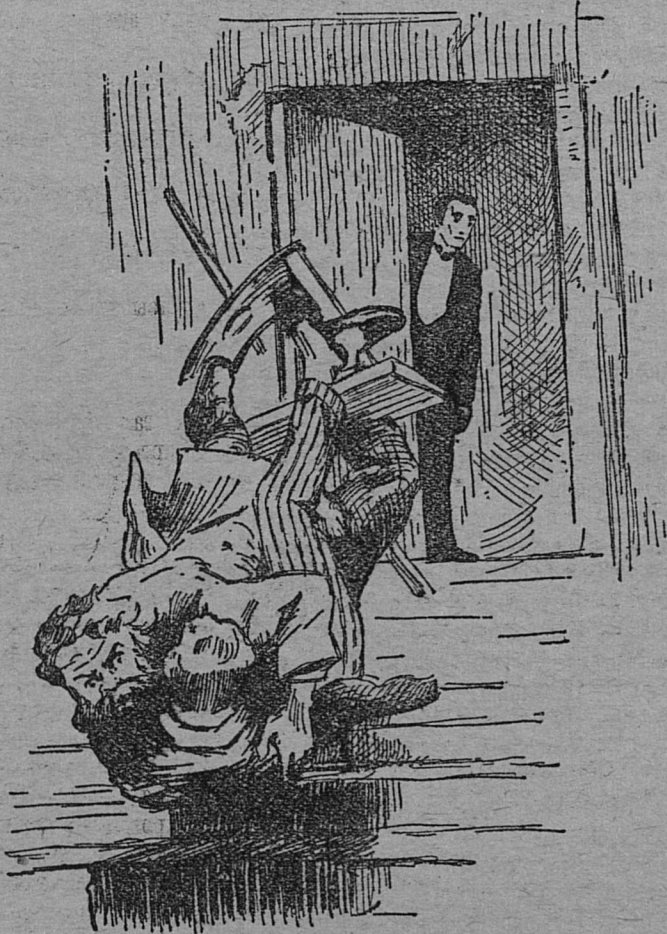
Я могъ бы повернуться и удрать раньше, тѣмъ онъ спустить меня съ лѣстницы, но это было бы уже слишкомъ позорно. Вдобавокъ я обозлился. До тѣхъ поръ я самъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ; но теперь, когда онъ грозилъ мнѣ, правда была уже на моей сторонѣ.

— Руки прочь, сударь мой! Этого я не потерплю.

— Ска-ажите, пожалуйста!—Черные усы вздыбились, обпакивъ два бѣлыхъ острыхъ клыка.—Такъ не потерпите?

— Не дурачьтесь, профессор!—воскликнулъ я.—На что вы рассчитываете? Я вѣшу пять пудовъ съ лишнимъ, крѣпокъ, здоровъ, въ боксѣ искусень и....

Не успѣлъ я договорить, какъ онъ ринулся на меня.

«Мы оба кубаремъ слетѣли съ лѣстницы и выкатились на улицу».

Счастье еще, что я отворилъ дверь и мы оба кубаремъ слетѣли съ лѣстницы и выкатились на улицу, увлекаемая собою стулъ, захваченный нами при падении. Руки и ноги наши переплелись, его борода набилась мнѣ въ ротъ, а треклятый стулъ запутался въ ногахъ у обоихъ. Вдѣльный Аустинъ распахнулъ настежь дверь швейцарской и мы покатались дальше по входной лѣстницѣ и докатились такимъ образомъ до канавы. Профессоръ первый вскочилъ на ноги, потрясая кулаками и нхтя, какъ человѣкъ, страдающій астмой.

— Ну что? будетъ съ васъ? Получили свое?

— Проклятый драчунъ!—крикнулъ я въ отвѣтъ, въ свою очередь подымаясь на ноги.

Вѣроятно, мы опять вступили бы въ драку, такъ какъ оба были въ достаточной степени разгорячены, но изъ этого идиотскаго положенія вывелъ меня полицменъ, подошедшій къ намъ, съ записной книжкой въ рукѣ.

— Что это такое? Какъ вамъ не стыдно, господа?—крикнулъ онъ намъ,—и это было первое разумное слово, которое я услышалъ въ Эяморъ-паркъ.—Ну, изъ-за чего вы подрались?

Онъ смотрѣлъ на меня.

— Этотъ человѣкъ первый напалъ на меня,—отвѣтилъ я.

— Это правда, что вы напали на него?—обратился полицмейстеръ къ профессору.

Тотъ только нхтѣлъ и отдувался не говоря ни слова.

Полицейскій строго покачалъ головой.

— Вѣдь это уже не въ первый разъ. И прошедшій мѣсяцъ у васъ были неприятели изъ-за того же. Смотрите, какой вы молодому человѣку фонарь поставили подъ глазомъ.—Вы конечно, подадите на него въ судъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—не желаю.

— Почему же такъ?

— Я самъ виноватъ. Я ворвался къ нему въ домъ. Онъ добросовѣстно предупреджалъ меня.

Полицейскій спряталъ записную книжку.

— Пожалуйста, чтобъ на будущее время у васъ этого не было. Расходитесь, господа, расходитесь.—Это относилось уже не къ намъ, а къ мальчишкѣ изъ булочной, двумъ горничнымъ и нѣсколькимъ праздничнымъ, собѣжавшимся на шумъ. Полицейскій, стуча сапогами, шагаль по тротуару, гоня передъ собою зѣвакъ. Профессоръ посмотрѣлъ на меня; въ глубинѣ его глазъ свѣтился юморъ.

— Войдите,—сказалъ онъ,—нашъ разговоръ еще не конченъ.

Это звучало довольно злобѣще, но, тѣмъ не менѣе, я послѣдовалъ за нимъ и вошелъ. Аустинъ, равнодушный, какъ деревянная статуя, заперъ за нами дверь.

ГЛАВА IV.

Самое огромное на свѣтѣ.

Какъ только дверь затворилась, изъ столовой выскочила г-жа Чалленджеръ. Маленькая женщина была страшно разсержена. Она заступила дорогу своему мужу и на скакивала на него, какъ распѣтушившійся пыленокъ на бульдога. Она, видимо, видѣла мой выходъ изъ этого дома, но не замѣтила моего возвращенія.

— Какой ты злой и грубый, Джорджъ!—воскликнула она.—Ты изувѣчилъ этого милаго юношу.

Онъ слегка отодвинулся.

— Успокойся, вотъ онъ, здоровъ и невредимъ, стоитъ позади меня.

Она сконфузилась.

— Простите, я не замѣтила васъ.

— Увѣряю васъ, сударыня, что ничего ужаснаго не случилось.

— А все таки, онъ вамъ испортилъ лицо, бѣдняжка! Ахъ, Джорджъ, какой ты скотъ. Изъ дня въ день только скандалы. Всѣ тебя ненавидятъ, всѣ потѣшаются надъ тобой. Я не могу такъ больше. Мое терпѣнiе лопнуло.

— Нечего перемывать грязное бѣлье при постороннихъ,—буркнулъ онъ.

— Да, вѣдь, это же не секретъ. Вся улица знаетъ, весь Лондонъ... Уходите, Аустинъ; вы намъ тутъ вовсе не нужны. —Я не знаю, кто только не говоритъ о тебѣ. Гдѣ твое уваженiе къ себѣ? гдѣ твое достоинство? Ты, которому слѣдовало бы стоять во главѣ цѣлаго университета съ тысячей студентовъ, которые бы всѣ боготворили тебя. Какъ ты мало уважаешь себя, Джорджъ!

— А ты меня—много уважаешь?

— Ты слишкомъ испытываешь мое терпѣнiе. Крикливый, вздорный драчунъ,—обыкновеннѣйшій забѣлка,—вотъ во что ты превратился.

— Ну, будетъ, Джесси.

— Накидывается на людей, какъ звѣрь какой, какъ бѣшеная собака!

— Нѣтъ, это уже слишкомъ. Ты должна быть наказана. Въ уголь.

Къ величайшему моему изумлению, онъ нагнулся, поднялъ ее на руки и посадилъ на высокую черную мраморную тумбу, стоявшую въ углу передней. Тумба была вышиною въ цѣлую сажень и такъ тонка, что наказанная едва умѣщалась на ней. Болѣе полѣзнаго зрѣлища, чѣмъ эта молодая женщина на этой тумбѣ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, съ болтающимися по воздуху ногами и тѣломъ, недвижимымъ отъ страха упасть,—я не могу себѣ и представить.

— Спусти меня!—кричала она.

— Попроси хорошенько.

— Гадкій, злой! Сейчасъ же спусти меня.

— Пожалуйте въ кабинетъ, м-ръ Малонъ.

— Но какъ же, сэръ?..—началъ я, указывая взглядомъ на его жену.

— Ну, вотъ, м-ръ Малонъ проситъ за тебя, Джесси.

Сказавъ «пожалуйста» и я снялъ тебѣ.

— Вотъ безсовѣстный. Ну, *пожалуйста!*

Онъ снялъ ее, какъ канарейку съ жердочки.

— Надо быть сдержаннѣе, дорогая. М-ръ Малонъ—представитель печати. Вотъ онъ завтра въ своей тряпочкѣ напечатаетъ все это и лишнюю дюжину экземпляровъ купитъ нани сосѣди. И заглавие хорошее и жно придумать: «Курьезное семейство» или «Картина изъ жизни высшего общества». А вѣдь ты, дѣйствительно, была *высоко* вознесена, когда сидѣла на этомъ пьедесталѣ. А м-ру Малону только того и надо. Онъ, вѣдь, падалю питается: онъ коршунъ стервятникъ, какъ и вся его братія—*requis ex grege diaboli*—свинья изъ чортова стада. Что, Малонъ, развѣ не такъ?

— Вы, положительно, нестерпимы!—сердито воскликнулъ я.

Онъ покотился со смѣху.

— Ну, мы сейчасъ помиримся.—Онъ хохоталъ, поглядывая то на жену, то на меня, и выставя впередъ могучую грудь. Затѣмъ, неожиданно измѣнившимся тономъ выговорилъ:—Простите, м-ръ Малонъ. Я просилъ васъ вернуться не для того, конечно, чтобы впутывать васъ въ наши маленькія семейныя распри, а для болѣе серьезной цѣли. Ну, малютка, бѣги къ себѣ и не волнуйся.—Онъ положилъ на плечи жевѣ свои огромныя руки.—Все, что ты говоришь, истинная правда. Я былъ бы гораздо лучшимъ человѣкомъ, еслибъ слушался твоихъ совѣтовъ, но я не былъ бы вполнѣ самимъ собой. Хорошихъ людей на свѣтѣ сколько угодно, милая моя, а Джоржъ Эдуардъ Чалленджеръ—только одинъ. И надо брать его такимъ, каковъ онъ есть.—Онъ неожиданно громко чмокнулъ ее въ щеку, и этотъ поцѣлуй смутилъ меня еще больше, чѣмъ все предыдущее.—А теперь, м-ръ Малонъ,—продолжалъ онъ съ большимъ достоинствомъ,—я попрошу васъ сюда.

Мы снова вошли въ ту-же комнату, изъ которой такъ стремительно вылетѣли десять минутъ тому назадъ. Профессоръ тщательно притворилъ за нами дверь, указавъ мнѣ рукою на кресло и подтолкнулъ ко мнѣ ящикъ съ сигарами, поленья:

— Настоящія испанскія: Санъ Хуанъ Колорадо. Раздражительнымъ людямъ, вроде васъ, полезны наркотики. Господи! да не грызите же! Срѣзывать надо кончикъ и притомъ осторожно, почтительно. Ну-съ, теперь усаживайтесь поудобнѣе и слушайте внимательно то, что мнѣ угодно будетъ вамъ сообщить. Если вамъ подвернется на языкъ какое-нибудь замѣчаніе по этому поводу, приберегите его для болѣе удобнаго времени.

— Прежде всего, по поводу вашего возвращенія въ мой домъ послѣ вашего вполнѣ заслуженнаго изгнанія.—Онъ выставилъ впередъ бороду и уставился на меня съ вызывающимъ видомъ:—Повторяю — *сполнѣ заслуженнаго*. Причина этому—ранъ отвѣтъ услужливому пописелу, въ которомъ мнѣ почудился проблескъ добраго чув-

ства, мало свойственнаго людямъ вашей профессіи—по крайней мѣрѣ, по моему, мало свойственнаго. Признавъ себя самого виновникомъ происшедшаго, вы обнаружили известное безпристрастіе и широту взглядовъ, которыя подкупили меня. До сихъ поръ разнообразіе человеческой породы, къ которой вы имѣете несчастіе принадлежать, всегда была ниже моего умственного горизонта. Вы же своими словами подняли себя надъ нимъ и заставили меня обратить на васъ серьезное вниманіе. Потому-то я и просилъ васъ вернуться ко мнѣ, что мнѣ захотѣлось ближе познакомиться съ вами. Пепселъ, пожалуйста, сбрасывайте въ маленькій японскій подносикъ на бамбуковомъ столикѣ, который стоитъ по лѣвую руку отъ васъ.

Онъ говорилъ, точно профессоръ на лекціи. Свое вертящееся кресло онъ повернулъ такъ, чтобы сидѣть лицомъ ко мнѣ, и въ этой позѣ, коротенькій, съ бочкообразной грудью, очень напоминалъ лягушку изъ басни, которая раздувалась, соперничая съ волкомъ; голова его была закинута назадъ, вѣки полуопущены, прикрывая глаза. Неожиданно, онъ повернулся бокомъ ко мнѣ, и теперь я видѣлъ только его косматую гриву и торчащее красное ухо. Онъ порывался въ кучкѣ бумагъ на своемъ письменномъ столѣ и, снова повернувшись лицомъ ко мнѣ, показалъ мнѣ довольно потрепанную записную книжку.

— Я расскажу вамъ объ Южной Америкѣ. Только, пожалуйста, безъ вопросовъ и безъ комментарій. Прежде всего, поймите, что ни одного слова моего вы не вправѣ будете повторить публично, не получивъ на то моего разрѣшенія. А такого разрѣшенія, по всѣмъ вѣроятіямъ, я вамъ никогда не дамъ. Поняли?

— Это очень жестоко съ вашей стороны. Ужъ во всякомъ случаѣ, добросовѣстный отчетъ...

Онъ положилъ записную книжку на столъ.

— Достаточно. Желаю вамъ добраго утра.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ я.—Я покоряюсь. Я согласенъ на всѣ условія. Разъ у меня нѣтъ выбора...

— Никакого.

— Ну, такъ я обещаю.

— Честное слово?

— Честное слово.

Онъ смотрѣлъ на меня съ сомнѣніемъ, которое было обиднымъ.

— Въ сущности, что я знаю о васъ, чтобы довѣрится вашей чести?..

— Ну, знаете, сэръ,—сердито воскликнулъ я,—вы ужъ слишкомъ много себѣ позволяете, въ жизнь мою никто меня такъ не оскорблялъ!

Моя вспышка, повидимому, болѣе заинтересовала, чѣмъ обидѣла его.

— Круглоголовый,—пробормоталъ онъ,—брахицефалъ, сѣроглазый, черноволосый, чуточку курчавый. Вы, должно быть, кельтскаго происхожденія?

— Я—ирландецъ, сэръ.

— Чистокровный?

— Да.

— Ну, тогда все понятно. Позвольте, такъ вы, значить, даете мнѣ слово, что все, сказанное мною, останется между нами? Я вамъ, разумѣется, не все открою. Но все же готовъ дать вамъ нѣсколько указаній, не безынтересныхъ. Прежде всего, вы, вѣроятно, уже знаете, что два года тому назадъ я совершилъ путешествіе въ Южную Америку, которое останется незабвеннымъ въ научныхъ лѣтописяхъ міра. Цѣлью моего путешествія было провѣрить нѣкоторыя утвержденія Уоллеса и Бэтса, что можно было сдѣлать только на мѣстѣ. Еслибъ мое путешествіе и не дало другихъ результатовъ, оно все же было бы достойно вниманія. Но со мной приключился курьезный инцидентъ, толкнувшій меня на совершенно новый путь изслѣдованій.

Вамъ, конечно, известно,—а можетъ быть и неизвѣ-

стно: вѣдь въ наше время образованныхъ людей мало, — что нѣкоторыя мѣстности, лежащія по берегамъ Амазонки, до сихъ поръ изслѣдованы только отчасти и что у этой рѣки множество притоковъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже не нанесены на карту. Я и поставилъ себѣ задачей посѣтить эти мало изслѣдованныя мѣстности, чтобъ изучить ихъ фауну и собрать новый матеріалъ для своего огромнаго труда по зоологii, который долженъ быть оправданіемъ моей жизни. Выполнивъ эту задачу, я уже возвращался обратно; и вотъ, на обратномъ пути мнѣ случилось переночевать въ одной индiйской деревушкѣ, лежащей какъ разъ при впадении въ Амазонку одного изъ ея притоковъ — о его названіи и географическомъ положеніи я пока умолчу. Мѣстность эта населена индiйцами племени Кукама, симпатичное, но выродившееся племя, по умственному развитію стоящее почти не выше средняго уровня лондонца. Прѣздомъ черезъ эту мѣстность въ первый разъ я нѣсколькихъ индiйцевъ вылечилъ и, вообще, своей личностью произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе, такъ что они съ потерпѣніемъ ждали, когда я побѣду обратно. Знаками они дали мнѣ понять, что среди нихъ есть человѣкъ, весьма нуждающійся въ медицинской помощи, и воишь племени повелѣ меня въ одну изъ хижинокъ. Но, пока я дошелъ, больной, къ которому меня звали, успѣлъ умереть. Къ больному моему изумленію, онъ оказался не индiйцемъ, но бѣлымъ, и даже можно сказать, очень бѣлымъ, такъ какъ у него были волосы лѣнянаго цвѣта и бѣлки глазъ красныя, какъ у альбиноса. Онъ былъ одѣтъ въ лохмотья, очень истощенъ и, видимо, долгое время терпѣлъ всяческой лишенія. Насколько я могъ понять изъ разговоровъ туземцевъ, для нихъ онъ былъ совсѣмъ чужой человѣкъ и пришелъ въ ихъ селеніе изъ большого лѣса одинъ и въ послѣдней степени истощенія.

Возлѣ этого человѣка лежалъ его походный ранецъ, который я, конечно, изслѣдовалъ. Внутри было написано его имя: Мэйль Уайтъ, Лекъ Авеню, Детруа, Мичиганъ. Передъ этимъ именемъ я всегда готовъ сдѣлать пляну. Я не преувеличу, если скажу, что оно будетъ стоять рядомъ съ моимъ собственнымъ, когда сдѣланное нами будетъ, наконецъ, надлежащимъ образомъ оцѣнено.

Содержаніе этого ранца ясно говорило о томъ, что человѣкъ этотъ художникъ и поэтъ. Здѣсь были стихи. Я не судя въ этихъ вещахъ, не мнѣ они показались очень плохими. Было здѣсь также нѣсколько довольно заурядныхъ пейзажей, видовъ рѣки, ящичекъ съ красками, другой ящичекъ съ цвѣтными карандашами, нѣсколько кистей, вотъ эта кость, которая лежитъ на крышкѣ моей чернильницы, томикъ Бакстера «Моли и бабочки», дешовенькій револьверъ и нѣсколько патроновъ. Изъ одежды у него ничего не было или онъ все растерялъ въ пути.

Я уже кончилъ осмотръ и хотѣлъ уходить, когда замѣтилъ, что изъ кармана его изорванной куртки что-то торчитъ. То была вотъ эта самая записная книжка, и тогда такая же потрепанная, какой вы видите ее сейчасъ. И однако-же, смѣю васъ увѣрить, даже первое изданіе Шекспира я не хранилъ бы такъ бережно, какъ эту реликвию съ тѣхъ поръ, какъ она попала мнѣ въ руки. Возьмите ее и пересмотрите по порядку всѣ страницы.

Онъ закурилъ сигару и, откинувшись на спинку кресла, уставился на меня, слѣдя за тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ на меня этотъ документъ.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ я раскрылъ эту книгу, хоть не могъ себѣ представить ясно, чего именно надо мнѣ ждать. Однако, первая страница разочаровала меня. На ней ничего не было, кромѣ изображенія очень толстаго человѣка въ матросской курткѣ. Далѣе слѣдовало нѣсколько страницъ съ изображеніями индiйцевъ и ихъ вигвамовъ; слѣдующая страница изображала жирнаго, веселаго патера въ широкополой шляпѣ, а напротивъ него — очень толстаго англичанина; внизу стояла надпись: «Завтракъ съ

фра Кристофери въ Розарио». Еще нѣсколько страницъ были заняты изображеніями женщинъ и дѣтей; далѣе шелъ непрерывный рядъ изображеній животныхъ съ такими подписями, какъ: «Ламантинъ на песчаной отмели», «Черепашка и ихъ яйца», «Черный Аджути подъ пальмою Мирити»; этотъ послѣдній рисунокъ изображалъ собою какое-то животное вроде свиньи; наконецъ, на послѣднихъ страницахъ были два рисунка длиннордыхъ и очень непривлекательныхъ огромныхъ лирицъ. Изъ всего этого я ничего не понималъ, и такъ и сказалъ профессору.

— Позвольте, да вѣдь это всего только крокодилы.

— Аллигаторы! Аллигаторы. Настоящихъ крокодиловъ въ Южной Америкѣ нѣтъ. Различіе между ними....

— Я хотѣлъ сказать, что я не вижу тутъ ничего необычайнаго — ничего, оправдывающаго ваши предупрежденія.

Онъ ясно улыбнулся.

— Переверните страницу.

Но и тутъ я не нашелъ ничего замѣчательнаго. Всю страницу занималъ ландшафтъ, грубо намазанный красками — вроде тѣхъ набросковъ, которые дѣлаютъ художники, чтобъ затѣмъ разработать ихъ въ настоящую картину. На переднемъ планѣ былъ какой-то блѣдно-зеленый откосъ, поднимавшійся отлого кверху, заканчивавшійся линіей утесовъ темнокраснаго цвѣта, напсинающихъ тѣ базальтовыя форманціи, какія мнѣ доводилось видѣть. Утесы эти тянулись непрерывной стѣной направо, поперекъ задняго плана. Въ одномъ мѣстѣ высился изолированный пирамидальный утесъ, увѣнчанный большимъ деревомъ и отдѣленный какъ бы пропастью отъ главнаго хребта. Надъ всѣмъ этимъ раскинулось голубое тропическое небо. На вершинѣ стѣны тянулась тонкая зеленая линія растительности.

— Ну? — спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія, это любопытная форманція, — ска-

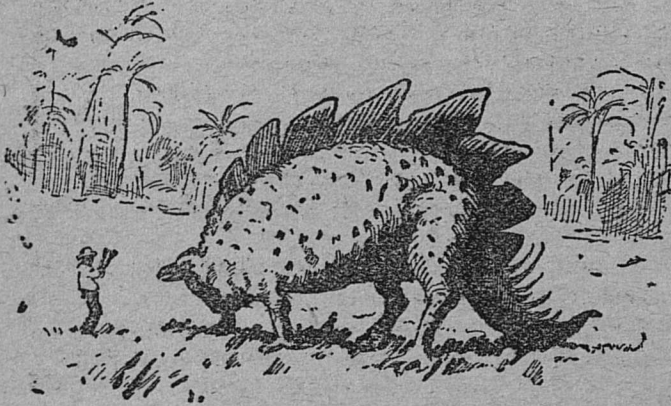
«Утесы тянулись непрерывной стѣной темнокраснаго цвѣта»...

заль я, но я не достаточно знаю геологию, чтоб утверждать, что она невозможна.

— Невозможна! невѣроятна! Никто на свѣтѣ не смѣетъ сказать, что она возможна. Ну, теперь смотрите дальше.

Я перевернул страницу и невольно вскрикнулъ отъ изумления. Слѣдующій рисунокъ изображалъ совершенно необыкновенное существо, которое могло бытъ только въ сонныхъ грезахъ курильщику опиума. Голова у него была птичья; тѣло, словно у раздувшейся ящерицы; хвостъ, тянувшійся къ землѣ, усаженъ обращенными вверх острыми иглами, а выгнутая спина покрыта высокою, разорванною гривой, походившей на рядъ посаженныхъ одинъ около другого пѣтушнихъ гребней.

Передъ этимъ страннымъ существомъ стоялъ до нелѣпости крохотный человѣчекъ, какъ-будто карликъ, и смотрѣлъ на него, не отрываясь.

«Передъ этимъ чудовищемъ стоялъ до нелѣпости крохотный человѣчекъ».

— Ну? что вы объ этомъ думаете?—воскликнулъ профессоръ, потирая руки съ видомъ торжества.

— Чудовище! необычайно!

— Но, какъ вы думаете, почему онъ нарисовалъ такое животное?

— Должно быть спяна,—такъ я полагаю.

— Ничего умнѣй вы не придумали?

— А вы какъ это объясняете?

— Очень просто. Тѣмъ, что это животное существуетъ. Оно, очевидно, срисовано съ натуры.

Я бы расхохотался, еслибъ мнѣ не представилось, что мы съ нимъ опять катимся, сдвинувшись колесомъ, по лѣстницѣ.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ я—безъ сомнѣнія...—какъ говорятъ, потакая полоумному.—Однако, сознаюсь, что эта крохотная человѣческая фигурка ставитъ меня втупикъ. Будь это еще индѣецъ, можно было бы принять его за какого-нибудь пигмея, какіе водятся въ Америкѣ, но это, повидимому, европеецъ, судя по шляпѣ.

Профессоръ согбл и фыркалъ, какъ разсерженный буйволъ.

— Нѣтъ, вы положительно переходите всякія границы. Я и не подозрѣвалъ существованія подобной тупости. Это какой-то параличъ мозга. Умственная инерція. Изумительно!—Онъ былъ слишкомъ нелѣпъ, чтобъ я могъ сердиться на него. Да это и бесполезно было, такъ какъ тогда пришлось бы все время сердиться. Я удовольствовался тѣмъ, что устало улыбнулся.—Меня поразили крохотный ростъ этого человѣка,—пояснилъ я.

— Взгляните сюда!—воскликнулъ онъ, тыча въ картину огромнымъ волосатымъ пальцемъ, толстымъ, какъ сосиска.—Вы видите это растеніе, позади животнаго? Навѣрное, вы приняли его за одувачникъ или брюссельскую капусту...—Такъ. Ну-съ, такъ имѣйте въ виду, что это—пальма—одна изъ тѣхъ, которыя въ Южной Америкѣ до-

стигаютъ вышины 50 или 60 футовъ. Развѣ вы не понимаете, что человѣкъ поставленъ здѣсь нарочно? Онъ, конечно, не могъ стоять передъ этимъ животнымъ и рисовать его. Оно бы моментально его уничтожило. Онъ нарисовалъ себя нарочно, для того, чтобъ вы могли имѣть понятіе о размѣрахъ этого животнаго. Въ человѣкѣ было росту ну, скажемъ, футовъ 5, не меньше. Дерево надо полагать въ 10 разъ больше...

— Боже мой!—воскликнулъ я.—Значитъ, вы думаете, что животное было... Да, вѣдь, такое чудовище не умѣстишь и на Чарингъ-Кросскомъ вокзалѣ!

— Вы, разумѣется, преувеличиваете, но, во всякомъ случаѣ, экземпляръ очень крупный,—снисходительно согласился профессоръ.

— Но,—воскликнулъ я,—вѣдь, нельзя же отвергать весь опытъ человечества изъ-за одного только рисунка—я перевернулъ слѣдующую страницу и удостоверился, что больше рисунковъ въ этой книжкѣ нѣтъ,—изъ за одного рисунка, сдѣланнаго какимъ-то бродячимъ американскимъ художникомъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ гашиша, или въ лихорадочномъ бреду, или же просто ради того, чтобы потѣшить свое причудливое воображеніе. Какъ человѣкъ науки, вы не можете основываться на подобныхъ данныхъ.

Вмѣсто отвѣта профессоръ взялъ съ полки книгу.

— Вотъ превосходная монографія моего талантливаго друга Рая Ланкастера. Здѣсь есть рисунокъ, который несомнѣнно заинтересуетъ васъ. Ахъ да, вотъ онъ. Надпись подъ нимъ гласитъ: «Вѣроятный видъ при жизни Динозавра Стегозавра Юрскаго періода. Ну-съ, что вы скажете объ этомъ?»

Онъ подалъ мнѣ раскрытую книгу. Я заглянулъ въ нее и вздрогнулъ. Въ рисунокѣ, изображающемъ одно изъ животныхъ погибшаго міра, несомнѣнно, было огромное сходство съ рисункомъ невѣдомаго художника.

— Это, дѣйствительно, необычайно,—сказалъ я.

— Но все-таки, васъ это не убѣждаетъ окончательно?

— Вѣдь это можетъ быть совпадениемъ; возможно, что этотъ американецъ видѣлъ подобный же рисунокъ и запомнилъ его, а затѣмъ въ бреду зарисовалъ.

— Очень хорошо,—снисходительно сказалъ профессоръ,—пока оставимъ это. Теперь я попрошу васъ взглянуть на эту кость.—Онъ протянулъ мнѣ кость, о которой уже говорилъ, что нашелъ ее въ ранцѣ умершаго. Она имѣла около шести дюймовъ длины, была толще моего большого пальца; на одномъ концѣ ея виднѣлись остатки засохшихъ хрящей.

— Какъ вы думаете, какому извѣстному вамъ животному можетъ принадлежать эта кость?—спросилъ профессоръ.

Я внимательно разсматривалъ ее, пытаясь оживить въ памяти своей полузабытыя знанія по зоологіи.

— Можетъ быть, это человѣческая ключица,—высказалъ я предположеніе.

Профессоръ презрительно махнулъ рукой.

— Человѣческая ключица изогнута. А эта кость—прямая. На ея поверхности есть выемка, показывающая, что поперекъ нея шло большое сухожиліе,—а на ключицѣ никакихъ сухожилій нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, долженъ сознаться, что я не знаю, что это за кость.

— Вамъ нечего стыдиться своего невѣжества. Не думаю, чтобы среди всѣхъ профессоровъ Южнаго Кенсингтона нашелся такой, который сумѣлъ-бы назвать эту кость. Онъ вынулъ изъ маленькой коробочки другую, маленькую косточку, величиною съ бобъ.

— Насколько я могу судить, эта человѣческая кость аналогична той, которую вы держите въ рукѣ. Это даетъ вамъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ существа, которому она принадлежитъ. Вы видите, хрящи еще не успѣли ис-

тлѣть—это значить, что кость взята не съ ископаемаго животного, но съ недавно убитаго. Что вы скажете на это?

— Разумѣется, у слона....

Профессоръ взвизгнулъ словно отъ боли.

— Молчите, какіе слоны въ Южной Америкѣ! Даже въ начальной школѣ учатъ...

— Ну, тогда это кость какого-нибудь другого большого животного—напримѣръ, тапира.

— Молодой человѣкъ, ужъ вы положитесь на меня. Я знаю свое дѣло. Не можетъ эта кость принадлежать ни тапиру, ни какому-либо иному существу, извѣстному зоологамъ. Она принадлежитъ очень большому, очень сильному, и, по всей вѣроятности, очень свирѣпому животному, которое существуетъ на поверхности земли, но до сихъ поръ еще не изучено и не замѣчено наукой. Все еще не убѣдился?

— Во всякомъ случаѣ, я глубоко заинтересованъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы не совсѣмъ безнадежны. Вы, конечно, легко представляете себѣ, что я не могъ уѣхать съ береговъ Амазонки, не попытавшись разслѣдовать эту загадку. По нѣкоторымъ признакамъ я могъ опредѣлить, откуда пришелъ въ селеніе умершій путешественникъ. Среди прибрежныхъ индѣйцевъ ходили слухи о необычайной и странной области, лежащей неподалеку. Вы, безъ сомнѣнія, слышали о *Курупури*?

— Никогда.

— Курупури—это духъ лѣсовъ—нѣчто ужасное и очень недоброе, чего слѣдуетъ избѣгать. Никто не видѣлъ его и не можетъ сказать, какой онъ съ виду, но онъ нагоняетъ ужасъ на всѣ племена, живущія по берегамъ Амазонки. И, когда спросишь, гдѣ же обитаетъ этотъ злой духъ?—всѣ указываютъ въ одну и ту-же сторону—ту самую, откуда пришелъ американецъ. Очевидно, въ этомъ направленіи находится что-то ужасное. Я рѣшилъ разслѣдовать, что именно.

— Что же вы сдѣлали?—Мое равнодушіе сразу исчезло. Къ этому человѣку нельзя было относиться безъ вниманія и уваженія.

— Мнѣ удалось преодолѣть нежеланіе туземцевъ даже говорить на эту тему; уговорами и подарками и даже, долженъ признаться, угрозами мнѣ удалось добиться того, что двое изъ нихъ согласились идти со мною, въ качествѣ проводниковъ. Послѣ многихъ приключеній, которыхъ я не стану вамъ описывать, какъ не стану говорить и о томъ, въ какомъ направленіи мы шли и какое разстояніе прошли,—мы, наконецъ, очутились въ такой области, которая еще донинѣ никогда не была описана и въ которую даже и не попадалъ никто, кромѣ моего несчастнаго предшественника. Будьте любезны взглянуть на *это*.

Онъ подаль мнѣ осколокъ разбитаго фотографическаго негатива.

— Дѣло въ томъ, что когда мы спускались внизъ по рѣкѣ, лодка наша опрокинулась и ящикъ съ негативами разбился. Почти всѣ пластинки погибли.—Это ужасная непоправимая потеря. Но нѣкоторыя пластинки все же отчасти сохранились. Вотъ—снимокъ съ негатива, который вы держите въ рукахъ. Говорили о подлогѣ, о поддѣлкѣ. Сейчасъ я не въ такомъ настроеніи, чтобы разговаривать объ этомъ или оправдываться..

Снимокъ былъ, дѣйствительно, очень безцвѣтный, и, при желаніи, это легко истолковать въ дурную сторону. Онъ изображалъ мутно-сѣрый ландшафтъ, детали котораго выяснялись для меня постепенно, по мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ него. На немъ виднѣлась длинная и несоразмѣрно высокая линия утесовъ, походившая издали на огромный водопадъ; на переднемъ планѣ была покатая, поросшая деревьями равнина.

— Мнѣ кажется, это то же мѣсто, которое изображено на рисункѣ въ записной книжкѣ,—сказалъ я.

— Это, *несомнѣнно, то же самое мѣсто*,—подтвердилъ профессоръ.—Я нашелъ слѣды становища моего предшественника. Теперь—взгляните на *это*.

Второй снимокъ изображалъ тотъ-же пейзажъ, но вблизи. Несмотря на большіе недочеты, я отчетливо различилъ острый утесъ съ деревомъ на вершинѣ, отдѣленный отъ главнаго хребта.

— Теперь я уже не сомнѣваюсь,—сказалъ я.

— Ну что-жъ, кое чего мы, значить, добились. Мы идемъ впередъ, не правда-ли? Теперь, будьте любезны взглянуть на вершину этой отдѣльной скалы. Что вы тамъ видите?

— Огромное дерево.

— А на деревѣ?

— Огромную птицу.

Онъ подаль мнѣ увеличительное стекло.—Приглядитесь внимательнѣе.

— Такъ,—продолжалъ я, глядя въ луну.—На деревѣ стоитъ огромная птица. Повидимому, у нея очень большой клювъ. Я сказалъ-бы, что это пеликанъ.

— Не могу похвалить васъ за догадливость,—замѣтилъ профессоръ.—Это не пеликанъ, да и не птица вовсе. Если это васъ интересуетъ, могу вамъ сообщить, что мнѣ удалось застрѣлить эту *птицу*, какъ вы ее называете. Это—единственное, неопровержимое доказательство, которое мнѣ удалось увезти съ собою.

— Такъ она у васъ?—Я самъ обрадовался неопровержимому доказательству.

— Она была у меня. Къ несчастью, она погибла во время того же инцидента съ опрокинутой лодкой, который погубилъ и мои фотографіи. Я схватился за нее, когда ее уносило теченіемъ, и въ рукѣ у меня осталась только часть крыла. Самъ я былъ выброшенъ волнами на берегъ въ безчувственномъ состояніи, но не выпустилъ изъ рукъ этого жалкаго остатка моего великолѣпнаго приобрѣтенія. Сейчасъ вы его увидите.

Изъ ящика письменнаго стола онъ досталъ, какъ мнѣ показалось, часть крыла огромной летучей мыши. Оно имѣло, по крайней мѣрѣ, два фута въ длину, изогнутую кость и прикрѣпленную къ ней, какъ бы перепонку.

— Чудовищной величины летучая мышь?—высказалъ я предположеніе.

— Ничего подобнаго,—строго сказалъ профессоръ.—Поразительно, до какой степени обыватели мало знакомы даже съ началами зоологій!.. Возможно ли, чтобы у васъ не было даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по сравнительной анатоміи, чтобы вы не знали, что птичье крыло—то же самое, что у человѣка предплечіе, тогда какъ крыло летучей мыши состоитъ изъ трехъ удлинненныхъ пальцевъ, соединенныхъ перепонкой. Но, если это не птица и не летучая мышь, то что же это такое?

Я уже истощилъ весь свой запасъ свѣдѣній и могъ отвѣтить только:

— Я, право, не знаю.

Онъ опять раскрылъ ту самую книгу, на которую уже однажды ссылался.—Вотъ, сказалъ онъ, указывая на изображение какого-то необыкновеннаго крылатаго чудовища,—вотъ прекрасное изображеніе диморфодона или птеродактиля, крылатаго пресмыкающагося Юрскаго періода. На слѣдующей страницѣ помѣщена діаграмма устройства его крыльевъ. Будьте любезны, сравните ее съ тѣмъ образчикомъ, который вы держите въ рукѣ.

Я смотрѣлъ и съ каждой минутой все больше дивился и въ то же время окончательнѣе убѣждался. Записная книжка, фотографическіе снимки, рассказъ Чалленджера и остатокъ крыла, сохранившійся у него—все это составляло цѣпь доказательствъ, вполне убѣдительныхъ и неопровержимыхъ. Очевидно, недовѣріе, которое до сихъ поръ выказывали профессору, было совершенно незаслуженнымъ.

Я считал долгомъ заявить объ этомъ и съ большой горячностью, такъ какъ видѣлъ передъ собой обиженного человѣка. Чалленджера, видимо, радовалъ этотъ неожиданный проблескъ добраго отношенія.

— Колоссально! необычайно!—воскликнулъ я, восторгаясь, какъ истый журналистъ.—Вы—Колумбъ науки, открывшій мѣръ, который считали погибшимъ. Мнѣ очень совѣстно, что я вначалѣ немного сомнѣвался. Все это такъ трудно было допустить... но я не могу не вѣрить очевидности, а такіа доказательства могутъ убѣдить хоть кого.

Профессоръ готовъ былъ замурыкать отъ удовольствія.

— А затѣмъ, сэръ? что же вы предприняли затѣмъ?

— Наступила пора дождей, м-ръ Малонъ; а запасы наши истощились. Я изслѣдовалъ часть вотъ этого большого утеса, но не нашелъ никакого способа взобраться на его вершину? Та другая, пирамидальная скала, на которой я увидалъ и застрѣлилъ птеродактиля, оказалась болѣе доступной. Я выросъ въ гористой мѣстности и потому безъ особеннаго труда взобрался на первый уступъ. Отсюда я могъ получить лучшее представленіе о плато, покрывавшемъ гряду утесовъ. Оно казалось очень большимъ; ни съ востока, ни съ запада я не видѣлъ конца ровной зеленой поверхности. Внизу мѣстность болотистая, перосшая дѣвственнымъ лѣсомъ, киначая змѣями, всевозможными насѣкомыми и лихорадкой. Это какъ бы естественный оплотъ, преграждающій доступъ въ эту необычайную страну.

— И никакихъ другихъ признаковъ жизни вы не замѣтили?

— Нѣтъ, не замѣтилъ; но, въ теченіе той недѣли, что мы стояли лагеремъ у подножія утеса, сверху до насъ доносились очень странные шумы.

— А тотъ звѣрь, котораго зарисовалъ американецъ? Гдѣ же онъ могъ видѣть этого звѣря?

— Мы можемъ только предположить, что онъ, должно быть, добрался до вершины и что, слѣдовательно, туда есть дорога. Очевидно также, что путь туда—очень затруднительный, иначе животныя, обитающія на плато, спустились бы внизъ и наводнили бы сосѣднія области. Кажется, ясно.

— Не какъ же они попали туда наверхъ?

— Тутъ можетъ быть одно только объясненіе. Южная Америка, какъ вы, быть можетъ, слышали, представляетъ собою гранитный материкъ. Это плато, очевидно, еще въ стародавнія времена было неожиданно поднято кверху дѣйствіемъ могучихъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ земли вулканическихъ силъ. Замѣчу кстати, что утесы, о которыхъ я говорю, базальтовые, то есть именно такіе, какіе образуются при остываніи расплавленныхъ породъ. Площадь, разбѣрами не меньше Суесска, была сразу поднята на большую высоту, вышѣ со всѣми живыми организмами, обитавшими на ней, и отрѣзана отъ остальнаго материка глубокими пропастями, крутыми обрывами, совершенно обособившими ее отъ остальнаго міра. Какой же получился результатъ? Дѣйствіе обычныхъ законовъ природы было нарушено, прервано. Борьба за существованіе ослаблена или же видоизмѣнена. И организмы, въ другихъ мѣстахъ исчезнувшіе, здѣсь продолжали жить. Птеродактиль и Стегозавръ оба принадлежать Юрскому періоду, т. е. одному изъ наиболѣе позднихъ періодовъ жизни земнаго шара. Они были сохранены искусственно, благодаря странному сочетанію исключительныхъ обстоятельствъ.

— Я совершенно убѣжденъ. Мнѣ кажется, вамъ надо генеръ представить только всѣ эти доказательства надлежащимъ авторитетамъ...

— Такъ и я въ простотѣ души восбуждалъ себя,—съ горечью возразилъ профессоръ.—Могу только сказать вамъ, что вышло совсѣмъ иначе. На каждомъ шагѣ я наталкивался на недоувѣріе, поражаемое отчасти глупостью,

отчасти завистью. Не въ моей натурѣ, сэръ, пресмыкаться, рабѣнствовать, или же представлять доказательства, когда мнѣ не вѣрятъ на слово. Послѣ первой же неудачи я отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ, не удостоивъ даже предлѣвить тѣ доказательства, которыя имѣются въ моемъ распоряженіи. Мнѣ стало противно даже говорить объ этомъ. Когда журналисты вродѣ васъ, представители празднаго любопытства толпы, врываются въ мой домъ, чтобы интервьюировать меня, это до того возмущало меня, что я не въ состояніи былъ встрѣтить ихъ съ подобающей сдержанностью. Сознаюсь, по натурѣ я нѣсколько вспыльчивъ, а, если меня разозлить, могу быть и очень грубымъ. Боюсь что вы убѣдились въ этомъ на опытъ.

Я невольно провелъ пальцемъ по своему подбитому глазу.

— Моя жена постоянно читаетъ мнѣ нотации по этому поводу, но я думаю, что каждый честный человѣкъ на моемъ мѣстѣ бѣсился бы такъ же. Сегодня вечеромъ, однакъ, я намѣренъ показать, что я при случаѣ умѣю держать себя въ уздѣ. Приглашаю васъ быть свидѣтелемъ.—Онъ взялъ со стола печатный пригласительный билетъ и подалъ мнѣ его.—Какъ видите, сегодня вечеромъ, въ половинѣ девятого, въ залѣ Зоологическаго Института, м-ръ Персиваль Уолдронъ, довольно извѣстный натуралистъ, читаетъ публичную лекцію подъ названіемъ: «Рекордъ Вѣкова». Я приглашенъ присутствовать на этой лекціи и отъ лица всѣхъ выразить благодарность лектору. При этомъ я попробую, чрезвычайно тактично и деликатно, вставить нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ быть, и заинтересуютъ публику, а въ нѣкоторыхъ изъ слушателей возбудятъ желаніе поглубже вникнуть въ суть дѣла. Вы понимаете?—не придираясь, не нагязываясь, но лишь давая понять, что вопросъ глубже, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Я буду держать себя въ ежовыхъ рукавицахъ.—Посмотримъ, будетъ ли какой-нибудь прокъ отъ этой моей сдержанности.

— И мнѣ можно присутствовать на этой лекціи?—поспѣшилъ я осведомиться.

— Ну, разумѣется!—сердечно отвѣтилъ онъ. Этотъ человѣкъ, при всей своей грубости, могъ быть необычайно милымъ и ласковымъ; когда онъ улыбался, щеки его превращались въ два румяныя яблока между полузакрытыми глазами и черной большой бородой.—Непремѣнно приходите. Для меня будетъ утѣшеніемъ знать, что въ публикѣ все же есть хоть одинъ сочувствующій мнѣ, хоть и мало свѣдующій и совсѣмъ не авторитетный. Я полагаю, народу соберется много, т. к. Уолдронъ, хоть и шарлатанъ, но лекторъ весьма популярный.—Ну-съ, м-ръ Малонъ, я удѣлилъ вамъ гораздо больше времени, чѣмъ намѣревался. Одному человѣку не слѣдуетъ монополизировать то, что принадлежитъ всему міру. Радъ буду увидать васъ вечеромъ на лекціи. А пока—вы понимаете, что матеріалы, которыя я далъ вамъ, никоимъ образомъ не могутъ быть использованы для печати.

— Но м-ръ Макъ-Арду—мой завѣдующій хроникой—вѣдь онъ же захочетъ узнать, будетъ разспрашивать...

— Скажите ему, что хотите. Между прочимъ, можете сказать, что, если онъ пошлетъ сюда еще кого-нибудь, я самъ заѣду къ нему и изобью его хлыстомъ. Словомъ, ваше дѣло позаботиться о томъ, чтобы въ печати ничего этого не появилось. Отлично! Итакъ, до вечера—въ Зоологическомъ Институтѣ, ровно въ половинѣ девятого..

Еще разъ передо мной мелькнули красныя щеки, изсиня-черная борода и сверлящія, какъ буравы, глаза—и профессоръ махнулъ мнѣ рукой, чтобы я уходилъ.

Съ апгл. З. Журавской.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

ПОГИБШИЙ МІРЪ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Сомерсли и м-ра Э. Д. Мэлона изъ «Ежедневной Газеты».

Артура Конанъ-Дойля.

Глава V.

„Это еще вопросъ“.

На улицу я вышелъ нѣсколько, такъ сказать, деморализованный, и физическимъ сотрясеніемъ, полученнымъ при первой встрѣчѣ съ профессоромъ Чалленджеромъ, и тѣмъ волненіемъ, которое я испыталъ при разговорѣ съ нимъ. У меня болѣла голова, и въ ней упорно билась мысль, что въ рассказѣ этого человѣка, несомнѣнно, есть правда и, что еслибъ только онъ позволилъ мнѣ опубликовать свой матеріалъ, я могъ бы написать для «Газеты» сенсационнѣйшую статью. Къ счастью, по пути мнѣ попался таксомоторъ; я прыгнулъ въ него и покатилъ въ редакцію. Макъ-Ардль, какъ всегда, былъ на своемъ посту.

— Ну,—съ живостью повернулся онъ ко мнѣ,—что скажете? О-го! молодой человѣкъ, какъ вы потрепаны, точно на войнѣ побывали. Неужто онъ исколотилъ васъ?

— Да, вначалѣ у насъ вышла маленькая стычка.

— Что за человѣкъ?! Ну, а потомъ?

— Потомъ онъ немножко успокоился и мы побесѣдовали. Но мнѣ ничего не удалось изъ него вытянуть—то есть для печати ничего.

— Я бы не сказалъ этого. У васъ фонарь подъ глазомъ—этого достаточно, чтобъ пропечатать его. Мы живемъ не во времена террора, м-ръ Мэлонъ. Надо осадить этого господина. Вотъ я завтра тисну о немъ замѣтку и вы увидите какой шумъ подымется. Вы только расскажите мнѣ, какъ было дѣло, а ужъ я его такъ отдѣлаю, что онъ своихъ не узнаетъ. «Профессоръ Мюнхгаузенъ»—недурно для заглавія, какъ вы находите? Мы ему напомнимъ и Калиостро, и всѣхъ историческихъ фокусниковъ. Я выведу все его вранье на чистую воду.

— Я бы не дѣлалъ этого на вашемъ мѣстѣ, сэръ.

— Почему?

— Да потому, что это вовсе не вранье.

— Что такое?!—загремѣлъ Макъ-Ардль.—Да неужто же вы вѣрите во всѣхъ этихъ мамонтовъ, мастодонтовъ, морскихъ змѣевъ и тому подобную чепуху?

— На-счетъ мамонтовъ я не знаю, объ этомъ онъ, кажется, ничего не говорилъ. Но, я думаю, что онъ, дѣйствительно, открылъ что-то новое.

— Такъ, Господи, чего же вы медлите! Садитесь и пишите.

— У меня у самого руки чешутся написать, но все, что я знаю объ этомъ, онъ мнѣ довѣрилъ по секрету и подъ условіемъ не опубликовывать этого.

Я въ нѣсколькокихъ словахъ передалъ ему содержаніе рассказа профессора.—Вотъ какъ обстоитъ дѣло.

Макъ-Ардль слушалъ меня съ глубокимъ недовѣріемъ.

— Ну хорошо,—сказалъ онъ наконецъ,—но вѣдь объ этомъ ученомъ собраніи, которое сегодня состоится, можно, вѣдь, писать? Вѣдь, этого никто намъ запретить не можетъ. Едва-ли въ другихъ газетахъ будутъ отчеты объ этомъ собраніи, такъ какъ о лекціяхъ Уолдрона уже сто разъ писали, а что тамъ Чалленджеръ будетъ выступать, этого никто не знаетъ. Если намъ повезетъ, мы можемъ оказаться единственными. Какъ бы то ни было, вы будете на этомъ со-

браніи и дадите полный отчетъ. Я приберегу для васъ свободное мѣстечко.

Въ этотъ день у меня было много дѣла и я наскоро забѣжалъ въ клубъ «Дикихъ» пообѣдать. Моимъ сосѣдомъ оказался Тарпъ Генри, которому я и рассказалъ обо всѣхъ моихъ приключеніяхъ. Онъ слушалъ меня съ недовѣрчивой усмѣшкой и покатился со смѣху, когда я сказалъ, что профессоръ убѣдилъ меня.

— Голубчикъ мой! Такія вещи бываютъ только въ романахъ. Въ жизни этого не бываетъ, чтобы люди дѣлали геніальныя открытія и потомъ теряли всѣ вещественныя доказательства. Этотъ субъектъ хитеръ, какъ всѣ обезьяны въ Зоологическомъ саду, вмѣстѣ взятыя. Все это вздоръ, вранье и чепуха!

— А тотъ поэтъ-американецъ?

— Да его никогда и на свѣтѣ не было.

— Какъ не было, когда я видѣлъ его дорожный альбомъ?

— Это не его альбомъ, а Чалленджера.

— Вы думаете, что онъ самъ нарисовалъ это животное?

— Ну, разумѣется, онъ. Кто же еще?

— А фотографіи?

— Фотографій никакихъ и не было. Вы же сами говорите, что видѣли всего одну птицу.

— Птеродактиль!

— Да, это онъ говоритъ. Это онъ увѣрилъ васъ, что это птеродактиль.

— Ну, а кости?

— Первая—самая обыкновенная кость изъ бульона, вторая—сфабрикована специально для этого случая. Человѣкъ умѣлый и знающій отлично сумѣетъ поддѣлать кость, точно такъ же какъ и фотографическій снимокъ.

Я начиналъ чувствовать себя неловко. Можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ былъ слишкомъ легковѣренъ. Вдругъ, мнѣ пришла счастливая мысль.

— А вы пойдете на это собраніе?

Тарпъ Генри задумался.

— Онъ не очень популяренъ, вашъ геніальный Чалленджеръ. Многіе воспользуются случаемъ свести съ нимъ счеты. Вѣдь его въ Лондонѣ прямо таки ненавидятъ. Если туда придутъ студенты-медики,—скандаловъ не оберешься. Я до нихъ не охотникъ.

— Ну, ужъ могли бы вы, все-таки, въ интересахъ справедливости, выслушать его доводы изъ его собственныхъ устъ.

— Да, пожалуй, это было бы добросовѣстнѣе. Хорошо, я приду. Заходите за мною.

Публики оказалось больше, чѣмъ мы предполагали. У подъѣзда стоялъ цѣлый рядъ электрическихъ моторовъ, высаживавшихъ свой легкій грузъ—сѣдобородыхъ профессоровъ; темный потокъ болѣе скромныхъ слушателей, пришедшихъ пѣшкомъ, уже заливавшій высокія сводчатыя сѣни, свидѣтельствовалъ о томъ, что ни лекціи будутъ не только ученый міръ, но и много просто обывателей. Не успѣли мы усѣсться на свои мѣста, какъ для насъ стало очевиднымъ, что въ залѣ преобладаетъ молодежь, особенно на хорахъ и въ заднихъ мѣстахъ.

Отглядываясь назад, я видѣлъ цѣлые ряды лицъ знакомаго мнѣ типа студентовъ-медиковъ. Повидимому, всѣ большіе госпитали прислали сюда чуть не весь свой персоналъ служащихъ. Настроение публики, пока было какъ-будто добродушное, но какое-то коварное. Съ времени до времени студенты хоромъ затягивали популярныя пѣсенки, что было довольно страннымъ вступленіемъ къ научной лекціи, и обнаруживали склонность къ частнымъ разговорамъ, не предвѣщавшую ничего добраго.

Такъ, напимѣръ, когда на эстрадѣ появился старый докторъ Мельдрумъ, въ своемъ, всѣмъ давно приглядѣвшемся, старомъ, порыжѣломъ цилиндрѣ, сотня голосовъ приветствовала его вопросомъ: «Гдѣ вы раздобыли эту шляпенцію?» Послѣ чего старикъ поспѣшилъ освободиться отъ своего головного убора и спрятать его подъ стулъ. Пока старый подагрикъ, профессоръ Уаддей, прихрамывая, ковылялъ къ своему мѣсту, со всѣхъ концовъ залы сыпались участливые вопросы о томъ, въ какомъ состояніи сегодня его бѣдный большой палецъ на правой ногѣ, и это явно смущало бѣднягу. Но самую шумную демонстрацію устроили профессору Чалленджеру, когда онъ взомель на эстраду и усѣлся на свое мѣсто, крайнее въ переднемъ ряду. Какъ только показалась въ виду его густая черная борода, студенты подняли такой гвалтъ, что я началъ бояться, какъ-бы Тарпъ Генри не оказался правъ въ своемъ предположеніи, что вся эта публика собралась не ради лекціи, а потому, что она прослышала, что въ преніяхъ приметъ участіе знаменитый Чалленджеръ.

Въ переднихъ рядахъ, гдѣ сидѣли болѣе шикарные зрители, эта демонстрація вызвала сочувственный смѣхъ и, повидимому, не была имъ неприятна, хотя студенты ревѣли и выли, какъ звѣри въ клѣткахъ, когда они слышатъ издали шаги уборщика. Въ этомъ крикѣ и воѣ, несомнѣнно, было что-то оскорбительное, и все же, мнѣ показалось, что въ общемъ, это былъ просто шумный приемъ, устроенный публикой человѣку, который интересуется и забавляетъ ее, но не вызываетъ въ ней чувствъ неприязни или презрѣнія. Чалленджеръ улыбался усталой снисходительною и презрительною улыбкой, — улыбкой добродушнаго человѣка, на котораго накинута съ лаемъ собака щенята. Онъ, не спѣша, усѣлся, выставивъ грудь впередъ, пригладилъ свою бороду и изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ надменно посмотрѣлъ на публику. Еще не совсѣмъ затихли крики студентовъ, какъ на эстрадѣ появились председатель, профессоръ Рональдъ Муррей, и лекторъ Уолдронъ, и черезъ минуту собраніе объявлено было открытымъ.

Профессоръ Муррей, безъ сомнѣнія, извинить меня, если я скажу, что у него, какъ у автора, есть недостатокъ, свойственный большинству англичанъ, — говорить такъ, что его никто не слышитъ. И почему это люди, у которыхъ есть, что сказать, не даютъ себѣ труда научиться говорить, это такъ, чтобъ ихъ слышали?—Для меня это навсегда останется загадкой. Они поступаютъ такъ-же неразумно, какъ человѣкъ, который вздумалъ бы накачивать въ резервуаръ драгоцѣнную жидкость черезъ наглухо закрытую трубку, когда ее ничего не стоитъ открыть. Профессоръ Муррей сдѣлалъ нѣсколько, вѣроятно, очень глубокомысленныхъ замѣчаній по адресу своего собственнаго галстука и графина съ водой стоящаго на столѣ, все время юмористически подмигивая серебряному подсвѣчнику, поставленному справа отъ него. Затѣмъ онъ сѣлъ, и поднялся м-ръ Уолдронъ, извѣстный и популярный лекторъ. По залѣ прошелъ одобрителный ропотъ. Онъ былъ высокій, худой, съ суровымъ лицомъ, рѣзкимъ голосомъ и воинственными манерами, но зато обладавшій умѣньемъ усваивать себѣ чужія мысли и передавать ихъ понятно и даже интересно для непосвященныхъ; вдобавокъ, онъ умѣлъ говорить забавно о самыхъ, казалось бы, неподходящихъ вещахъ, даже о равноденствіяхъ и позвоночныхъ.

Онъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета обозрѣлъ все твореніе и въ ясной, понятной, даже иногда живописной рѣчи развернулъ передъ нами картину созданія міра. Онъ рассказалъ намъ, какъ въ пространствѣ носился огненный шаръ—огромная масса пылающаго газа. Потомъ описалъ, какъ эта масса постепенно сгущалась, остывала, покрывалась корою, какъ на корѣ этой образовывались трещины и выступы—горы, какъ паръ превращался въ воду, какъ постепенно готовилась арена, на которой затѣмъ суждено было разыграться неразгаданной драмѣ жизни. О происхожденіи самой жизни онъ говорилъ осторожно и туманно. Что зародыши ея врядъ ли могли пережить первоначальную стадію расплавленнаго состоянія,—это, по его мнѣнію, было несомнѣнно. Слѣдовательно, жизнь на землѣ появилась впослѣдствіи. Но откуда же она возникла?—Изъ охлажденныхъ виѣорганическихъ элементовъ? Весьма возможно. Быть можетъ эти зародыши были занесены извнѣ какимъ-нибудь метеоромъ? Это врядъ-ли допустимо. Впрочемъ, въ такихъ вопросахъ неблагоразумно утверждать что-нибудь категорически. Намъ не удалось—или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не удавалось создать въ нашихъ лабораторіяхъ органическую жизнь изъ неорганическихъ матеріаловъ. Черезъ пропасть между мертвымъ и живымъ нашимъ химикамъ до сихъ поръ не удалось перекинуть моста. Но природа—болѣе тонкій, болѣе гениальный химикъ и великія силы природы, работая на протяжении многихъ и долгихъ эпохъ, могли достигнуть результатовъ, недостижимыхъ для насъ. А потому этого вопроса лучше не касаться.

Этотъ вступленіе привело лектора къ великой лѣстницѣ животной жизни, начиная съ самаго низу, отъ моллюсковъ, и морскихъ звѣздъ, потомъ все выше, выше, переходя отъ пресмыкающихся и отъ рыбъ къ кенгуровой крысѣ, которая производитъ на свѣтъ своихъ дѣтенышей живыми и такимъ образомъ является непосредственной предшественницей и прародительницей всѣхъ млекопитающихъ, а, слѣдовательно, надо полагать, и всѣхъ присутствующихъ въ этой залѣ. («Нѣтъ, нѣтъ, не правда!» донеслось откуда-то изъ дальнихъ рядовъ). Если молодой человѣкъ въ красномъ галстукѣ, который сейчасъ крикнулъ: «Нѣтъ, неправда!» и, по всей вѣроятности, хочеть насъ увѣрить, что самъ онъ вылупился изъ яйца, дождется меня послѣ лекціи, я буду радъ взглянуть на такую рѣдкость (смѣхъ). Странно, конечно, думать, что всѣ эти творческіе процессы, вѣками происходившіе въ природѣ, привели только къ тому, чтобы создать вотъ этого молодого человѣка въ красномъ галстукѣ. Но развѣ творческій процессъ уже завершенъ? Развѣ этого джентльмена слѣдуетъ признать законченнымъ типомъ и вѣнцомъ творенія? Лекторъ выразилъ надежду, что онъ не оскорбитъ чувствъ молодого человѣка въ красномъ галстукѣ, если позволить себѣ заявить, что, какія бы добродѣтели ни проявлялъ этотъ молодой человѣкъ въ своей частной жизни, великій процессъ творчества не могъ бы найти себѣ полнаго оправданія, еслибъ онъ завершился *только* созданіемъ этого типа. Но эволюція не закончена, она еще въ полномъ ходу и сулитъ намъ болѣе великія достиженія.

Отщелкавъ такимъ образомъ злополучнаго студента, который осмѣлился прервать его, лекторъ вернулся опять къ картинѣ минувшаго—описалъ, какъ высыхали моря, какъ возникали песчаныя отмели, какъ на извилистыхъ берегахъ возникала медлительная, но цѣпкая жизнь, какъ изъ переполненныхъ лагуны спасались морскія животныя сюда, гдѣ ихъ ждало изобиліе пищи, и оттого достигали огромныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, милостивыя государыни и милостивые государи, и выросла страшная порода *заврозъ*, которые и понынѣ пугаютъ нашъ взоръ, когда намъ показываютъ ихъ ископаемые скелеты, но которые, къ счастью, вымерли всѣ задолго до появленія человѣка на этой планетѣ.

— Это еще вопрос, — раздался голосъ съ эстрады.

Лекторъ былъ опытный ораторъ, колючій и остроумный, какъ мы это уже имѣли случай наблюдать при столкновении съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ галстукѣ, и прерывать его было рискованно. Но это восклицаніе показало ему такимъ нелѣпымъ, что онъ растерялся и не нашелъ, что возразить. Такъ растерялся бы астрономъ, которому кто-нибудь неожиданно крикнулъ бы, что земля не круглая, а плоская. Онъ помедлил минутку и затѣмъ, возвысивъ голосъ, повторилъ медленно и подчеркивая слова: «Которыя вымерли задолго до появленія чловѣка на нашей планетѣ».

— Это еще вопросъ, — снова буркнулъ тотъ же голосъ.

Уолдронъ съ изумленіемъ обвелъ взглядомъ профессоръ, сидѣвшихъ на эстрадѣ и остановилъ его на лицѣ Чалленджера, который сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, съ закрытыми глазами и какъ будто улыбаясь во снѣ.

— Ахъ, вотъ что! — Уолдронъ пожалъ плечами. — Это мой другъ, профессоръ Чалленджеръ! — И среди всеобщаго смѣха, онъ продолжалъ прерванную лекцію, какъ будто объяснять больше было нечего.

Но инцидентъ былъ далеко не исчерпанъ. По какой бы тропинкѣ ни направилъ стопы свои лекторъ, пробираясь сквозь дебри далекаго прошлаго, она неизмѣнно приводила его къ упоминанію о вымершихъ доисторическихъ животныхъ, а такое упоминаніе, въ свою очередь, вызывало новый отпоръ со стороны Чалленджера. Публика каждый разъ уже ждала этого, и, когда ожиданія ея оправдывались, она ревѣла отъ восторга, и *въ первую голову студенты-медики*. Стоило Чалленджеру раскрыть ротъ, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ произнести хоть слово, по залѣ уже несся крикъ: «Это еще вопросъ!», вызывавшій, въ свою очередь, другіе крики: «Какъ не стыдно!», «Замолчите!» и т. под. Несмотря на свою опытность и выдержку, лекторъ растерялся, началъ повторяться, запутался въ длинной фразѣ и, наконецъ, свирѣпо повернулся къ виновнику всѣхъ своихъ напастей.

— Это прямо таки невыносимо, — крикнулъ онъ черезъ всю эстраду. — Я долженъ попросить васъ, профессоръ Чалленджеръ, не перебивать меня больше такими невѣжественными и невѣжливыми возгласами.

По залѣ пошелъ шепотъ; студенты замерли отъ восторга, видя, что олимпійцы ссорятся между собою. Чалленджеръ медленно вынулъ изъ кресла свое грузное тѣло.

— Я, въ свою очередь, попросилъ бы васъ, м-ръ Уолдронъ, прекратить утвержденія, не вполне согласующіяся съ фактами, добытыми наукой.

Слова эти вызвали цѣлую бурю криковъ: «Молчать!» «Стыдно, стыдно!» «Выслушайте его!» «Давайте же ему сказать!» «Долой его, вонъ!» «Давайте его сюда на эстраду!» «Пусть объяснится на чистоту!» Однихъ это возмущало, другихъ забавляло. Предсѣдатель все время стоялъ, отчаянно хлопая въ ладоши и крича что-то, чего никто не слышалъ. Прорывались только отдѣльные слова: «Профессоръ Чалленджеръ — личные взгляды — потомъ» Чалленджеръ поклонился, усмѣхнулся, погладилъ борода и снова залѣзъ въ свое кресло. Уолдронъ, весь красный и обозленный, продолжалъ лекцію. Отъ времени до времени, высказывая какое-нибудь утвержденіе, онъ бросалъ ядовитый взглядъ на своего противника, повидимому, дремавшего съ той же широкой счастливой улыбкой на лицѣ. Наконецъ, лекторъ кончилъ и, должно быть, раньше чѣмъ намѣревался, такъ какъ подъ конецъ онъ говорилъ торопливо и довольно безсвязно. Доводы его казались теперь уже не убѣдительными; публика волновалась и ждала. Уолдронъ сѣлъ, а профессоръ Чалленджеръ, вызванный предсѣдателемъ, всталъ и вышелъ на край эстрады. Въ интересахъ своей газеты, я записалъ его рѣчь отъ слова до слова.

— Лэди и джентльмены! — началъ онъ, и сейчасъ же на заднихъ скамьяхъ среди студентовъ поднялся шумъ. — Прощу извиненія, я случайно забылъ упомянуть еще объ одной весьма значительной части аудиторіи. — Лэди, джентльмены и дѣти! (снова шумъ, въ продолженіе котораго профессоръ стоялъ съ поднятой рукой, сочувственно кивая своей огромной косматой головой, словно Папа, благословляющій толпу). По порученію совѣта профессоръ, я имѣю честь предложить вамъ выразить благодарность лектору за весьма живописную и свидѣтельствующую о сильно развитомъ воображеніи лекцію, которую мы только что выслушали. Съ нѣкоторыми пунктами ея я не согласенъ и счелъ своимъ долгомъ каждый разъ отмѣчать это, но, тѣмъ не менѣе, м-ръ Уолдронъ прекрасно выполнилъ свою задачу, такъ какъ задачей его было по возможности просто и интересно изложить то, что онъ считаетъ исторіей нашей планеты. Популярныя лекціи, конечно, доступны публикѣ, чѣмъ научные труды, но м-ръ Уолдронъ (онъ съ сіяющей улыбкой подмигнулъ оппоненту, м-ръ Уолдронъ извинить меня, если я скажу, что такіа лекціи по необходимости должны быть поверхностны и вводить въ заблужденіе слушателей, такъ какъ лекторъ все время примѣняется къ пониманію невѣжественной аудиторіи. (Ироническія рукоплесканія) — Популярныя лектора, по природѣ своей, *паразиты* (гнѣвный жестъ протеста со стороны м-ра Уолдрона); ради славы или ради выгоды, они эксплуатируютъ то, что было сдѣлано ихъ бѣдными и безвѣстными братьями. Одинъ, самый крохотный новый фактикъ, добытый въ лабораторіи, одинъ кирпичъ, вложенный въ стѣны храма науки, несравненно цѣннѣе всякаго такого изложенія изъ вторыхъ рукъ, которое можно выслушать отъ нечего дѣлать, но которое не можетъ дать никакихъ полезныхъ результатовъ. Это очевидно, и я говорю объ этомъ не для того, чтобы дискредитировать именно даннаго лектора, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорціональности и не принимали церковнаго прислужника за верховнаго жреца науки.

Въ этомъ мѣстѣ м-ръ Уолдронъ что-то шепнулъ предсѣдателю, который приподнялся и что-то строго сказалъ графиню съ водой, стоявшему на столѣ.

— Но довольно объ этомъ (громкіе и продолжительные аплодисменты). Позвольте мнѣ перейти къ темѣ, болѣе широкой и болѣе интересной. На какомъ именно основаніи я, въ качествѣ оригинальнаго изслѣдователя, позволилъ себѣ упрекнуть нашего лектора въ неточности? Рѣчь шла о продолжительности существованія на землѣ нѣкоторыхъ типовъ животной жизни. Я говорю объ этомъ предметѣ не какъ любитель и позволю себѣ прибавить: не какъ популярный лекторъ, но какъ ученый, совѣсть котораго обязываетъ его строго держаться фактовъ. И я повторяю, что м-ръ Уолдронъ весьма ошибается, предполагая, будто такъ называемыя *доисторическія* животныя болѣе не существуютъ, потому только, что самъ онъ никогда не видалъ ихъ. Они, дѣйствительно, какъ онъ выразился, наши прародители, но въ то же время, если можно такъ выразиться, наши *современные* намъ прародители, которыхъ мы и сейчасъ можемъ найти, со всѣми ихъ характерными чертами, колоссальностью размѣровъ и ужасающимъ видомъ, — если только у насъ хватитъ энергіи и отваги разыскать ихъ пристанище. Животныя, какъ предполагается, существовавшія толькo въ Юрскій періодъ, чудовища, которыя безъ труда сожрали и истребили бы всѣхъ нашихъ самыхъ большихъ и самыхъ свирѣпыхъ млекопитающихъ, существуютъ и понынѣ. (Крики: «Вздоръ», «Докажите! Вы то откуда знаете?» «Это еще вопросъ!») — Вы спрашиваете, откуда я знаю. Я знаю потому, что я постигъ тайное ихъ пристанище. Я знаю потому, что нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ своими глазами. (Аплодисменты, шумъ и отдѣльный возгласъ: «Вы лжете!») — Такъ я, по вашему, лгу? (Искренній, шумный, утвердительный от-

вѣтъ). Если не ошибаюсь, кто то крикнулъ: «Вы лжете»! Не будетъ ли назвавшій меня лжецомъ такъ любезенъ встать, чтобы я могъ взглянуть ему въ лицо. (Голосъ: «Вотъ онъ»).

... И надъ группой студентовъ появляется какой-то безобидный маленькій человѣчекъ въ очкахъ, который отбивается руками и ногами отъ всѣхъ, кто держитъ его.

И надъ группой студентовъ появляется какой-то безобидный маленькій человѣчекъ въ очкахъ, который отбивается руками и ногами отъ всѣхъ, кто держитъ его). «Это вы осмѣлились назвать меня лжецомъ? (Нѣтъ, нѣтъ, сэръ это не я) — кричитъ обвиняемый и мгновенно ныряетъ въ толпу) — Если кто-нибудь въ этой залѣ позволитъ себѣ усумниться въ моей правдивости, я буду радъ обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами по окончаніи лекціи (снова возгласъ: «Враль!»). Кто это крикнулъ?

Снова въ воздухѣ мелькаетъ поднятая на рукахъ фигура безобиднаго маленькаго человѣка. — Если я самъ приду посмотрѣть... (Студенты хоромъ затыгиваютъ: «Приди приди, любовь моя!»), въ залѣ поднимается невообразимый шумъ; предсѣдатель стоитъ и размахиваетъ руками, словно дирижируя хоромъ. Профессоръ, весь багровый, съ раздувающимися ноздрями, съ взъерошенной бородой, словно готовъ ринуться на публику) — Всѣ великіе изслѣдователи наталкивались на такое же недоверіе — поколѣнія глупцовъ всегда отмѣчены особой печатью, они лишены интуиціи, воображенія, которое помогло бы имъ понять, когда имъ показываютъ великіе факты. Они умѣютъ только бросать грязью въ людей, которые рисковали своей жизнью ради того, чтобы открыть новыя поприща для науки. Они всегда гнали пророковъ. Галилей, Дарвинъ и я... (шумные аплодисменты и крики, не позволяющіе продолжать).

Все это лишь торопливыя замѣтки, набросанныя наскоро и не дающія полного понятія о томъ хаосѣ, который подѣлалъ конецъ царилъ въ этомъ собраніи. Публика такъ орала, такъ неистовствовала, что изъ дамъ нѣкоторыя поспѣшили

ухватъ. Почтенные пожилые люди кричали чуть не громче студентовъ, и я самъ видѣлъ сѣдобородыхъ старцевъ, грозившихъ кулаками дерзкому профессору. Аудитория шипѣла и кипѣла, какъ горшокъ съ кипящей водой. Чалленджеръ нагнулъ впередъ и поднялъ вверхъ обѣ руки. Было что-то такое сильное, мужественное и требующее уваженія къ себѣ въ этой фигурѣ, что болтовня и крики постепенно смолкли подѣ его властнымъ взглядомъ. У него былъ такой видъ, какъ будто сейчасъ онъ скажетъ что-то рѣшительное. И каждому захотѣлось узнать, что именно.

— Я не стану задерживать васъ, — сказалъ онъ. — Не стоитъ того. Истина есть истина, и крики безразсудной молодежи, — къ которой, къ сожалѣнію, примкнули и старшіе, не менѣе безразсудные — не могутъ измѣнить существа дѣла. Я утверждаю, что я открылъ новое поприще для научныхъ изслѣдованій. Вы оспариваете это ... (рукоплесканія). Предлагаю вамъ провѣрить меня. Не желаете ли вы уполномочить одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей среды отправиться туда въ качествѣ вашихъ представителей, и провѣрить мои утвержденія.

Поднялась высокая тонкая фигура м-ра Sommerli, заслуженнаго профессора анатоміи, съ желчнымъ озлобленнымъ и засохшимъ лицомъ богослова. Онъ желалъ бы знать, не были ли тѣ результаты, о которыхъ упоминалъ профессоръ Чалленджеръ, добыты имъ во время его путешествія къ истокамъ Амазонки, совершеннаго имъ два года назадъ.

Профессоръ Чалленджеръ отвѣтилъ утвердительно. Далѣе, м-ръ Sommerli желалъ знать, какимъ образомъ профессоръ Чалленджеръ претендуетъ на новыя открытія въ такихъ мѣстностяхъ, которыя уже были тщательно изслѣдованы Уоллесомъ, Бэтсомъ и другими изслѣдователями, пользующимися заслуженной извѣстностью въ наукѣ.

Профессоръ Чалленджеръ возразилъ, что м-ръ Sommerli, повидимому, смѣшиваетъ Амазонку съ Темзой; что, въ дѣйствительности, Амазонка нѣсколько больше Темзы; можетъ быть, м-ру Sommerli не безынтересно будетъ узнать, что вмѣстѣ съ рѣкой Ориноко, которая сливается съ ней, рѣка эта орошаетъ пространство въ 50.000 квадратныхъ миль и что на такомъ огромномъ пространствѣ вполне возможно одному человѣку найти то, что пропустилъ или не замѣтилъ другой.

М-ръ Sommerli возразилъ ядовитой улыбкой, что онъ вполне оцѣниваетъ разницу между Темзой и Амазонкой, заключающуюся уже въ томъ фактѣ, что всякое утвержденіе относительно первой можно провѣрить, относительно же второй — нельзя. Онъ былъ бы очень обязанъ профессору Чалленджеру, еслибъ тотъ точнѣе указалъ на этой мѣстности градусы широты и долготы, подѣ которыми водятся и нынѣ доисторическія животныя.

Профессоръ Чалленджеръ отвѣтилъ, что до сихъ поръ онъ имѣлъ полное основаніе никому такихъ свѣдѣній не давать, но на извѣстныхъ условіяхъ готовъ дать ихъ коммисіи, избранной даннымъ собраніемъ. Можетъ быть, м-ръ Sommerli возьметъ на себя организовать такую коммисію и лично провѣрить его утвержденіе.

М-ръ Sommerli: — Да, я готовъ (громъ аплодисментовъ).

Профессоръ Чалленджеръ: — Въ такомъ случаѣ, я гарантирую, что въ вашихъ рукахъ будутъ сосредоточены всѣ необходимыя указанія для того, чтобы найти дорогу. Но такъ какъ м-ръ Sommerli поѣдетъ съ цѣлью именно опровергнуть мое утвержденіе, то было бы только справедливо, чтобы съ нимъ поѣхали еще два-три человѣка, которые можетъ-быть окажутся на моей сторонѣ. Не скрою отъ васъ, что путь и труденъ, и опасенъ. М-ру Sommerli понадобятся спутники болѣе молодые. Предлагаю желающимъ назвать себя.

Вотъ какъ неожиданно наступають иногда въ человѣч-

ческой жизни великие кризисы. Думалъ ли я, входя въ эту залу, что ввутаюсь въ такую рискованную авантюру, кака я мнѣ и во снѣ не снилась? Но Глэдисъ—вѣдь она именно этого и хотѣла. Глэдисъ, конечно, бы сказала мнѣ: «Поѣзжай». Я вскочилъ на ноги и прежде чѣмъ обдумалъ, что скажу, уже услышалъ мой голосъ. Мой сосѣдъ, Тарпъ Генри, дергалъ меня за фалды, шепча:—Садитесь, Мелонъ. Не валийте публично дурака!—Одновременно со мной поднялся высокій худой человѣкъ съ темными съ просѣдою волосами, сидѣвшій впереди меня. Онъ съ досадой обернулся ко мнѣ, но я совсѣмъ не желалъ уступить ему очередь.

— Я желаю ѣхать, г. председатель,—кричалъ я.

— Имя, имя, назовите себя!—кричала публика.

— Мое имя Эдуардъ Мэлонъ. Я сотрудникъ «Ежедневной газеты». Даю слово быть вполне безпристрастнымъ!

— А ваше имя, сэръ?—обратился председатель къ моему конкуренту.

— Лордъ Джонъ Рокстонъ. Я уже бывалъ на Амазонкѣ, знаю эту мѣстность и имѣю особые квалификаціи для того, чтобы мнѣ поручена была провѣрка.

Лордъ Джонъ Рокстонъ, какъ спортсменъ и путешественникъ, пользуется, разумѣется, всемірной извѣстностью,—сказалъ председатель,—но въ то же время и участіе представителя печати въ подобной экспедиціи было бы весьма желательно.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю,—вмѣшался профессоръ Чалленджеръ,—избрать обоимъ этимъ джентльменамъ въ качествѣ представителей данного собранія и поручить имъ сопровождать профессора Соммерли въ его путешествіи, съ цѣлью разслѣдованія на мѣстѣ и провѣрки правдивости моихъ утвержденій.

Такимъ образомъ, участіе наша была рѣшена и нѣсколько минутъ спустя, совершенно ошеломленный такъ неожиданно открывшимися передо мной новыми перспективами, я очутился въ самомъ центрѣ человѣческаго потока, уносившаго меня къ выходу. На тротуарѣ я увидѣлъ толпу хохочущихъ студентовъ, среди которыхъ быстро поднималась и опускалась рука, размахивающая тяжелымъ зонтикомъ. Провожаемый смѣхомъ и криками, профессоръ Чалленджеръ укатилъ въ своемъ моторѣ, а я очутился на Ридженъ-стритѣ съ головой, полной мыслей о Глэдисъ и о своемъ загадочномъ будущемъ.

Неожиданно кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидѣлъ насмѣшливое лицо высокаго худого человѣка, который добровольно вызвался быть моимъ спутникомъ въ этомъ странномъ путешествіи.

— М-ръ Мэлонъ, если не ошибаюсь? Мы ѣдемъ вмѣстѣ, не правда ли? Я живу тутъ неподалеку. Можетъ быть, вы будете такъ добры удѣлить мнѣ полчаса—мнѣ очень хотѣлось бы кой о чемъ переговорить съ вами.

Глава VI.

„Бичъ Божій“.

Лордъ Джонъ Рокстонъ и я прошли всю улицу Виго и очутились подъ грязнымъ порталомъ знаменитаго пріюта аристократической молодежи. Дойдя до конца длиннаго темнаго корридора, мой новый знакомый толкнулъ незапертую дверь и повернулся выключатель. Нѣсколько мгновенно вспыхнувшихъ лампъ подъ цвѣтными абажурами залили красноватымъ свѣтомъ большую комнату. Стоя у дверей, я озирался вокругъ; общее впечатлѣніе было впечатлѣніемъ необычайной комфортабельности и изящества, въ соединеніи съ атмосферой жилища настоящаго мужчины. Всюду я видѣлъ смѣсь роскоши, вкуса и небрежной неряшливости холостяка. На полу были разбросаны роскошные мѣха и красивыя восточныя цыновки, переливающіяся всевозможными оттѣнками. На стѣнахъ висѣли картины и гравюры, даже на мой неопытный взглядъ, очень цѣнные и

рѣдкія. Портреты знаменитыхъ боксеровъ и балеринъ, а также скаковыхъ лошадей, чередовались съ чувственнымъ Фрагонаромъ, воинственнымъ Жирардъ и мечтательнымъ Тернеромъ. Но, рядомъ съ этими картинами, были трофеи, сразу напомнившіе мнѣ, что лордъ Джонъ Рокстонъ пользовался огромной извѣстностью, какъ спортсменъ и атлетъ. Надъ каминомъ висѣли крестъ-на-крестъ, какъ шпаги, два весла, темно-голубое и вишнево-алое—призы, взятые на гребныхъ гонкахъ; рапиры и перчатки для бокса, висѣвшія надъ ними и подъ ними, говорили о томъ, что хозяинъ ихъ блестяще владѣетъ и этимъ оружіемъ. Вокругъ всей комнаты тянулась линія великолѣпныхъ звѣриныхъ головъ, лучшихъ въ своемъ родѣ, изъ разныхъ частей свѣта, въ томъ числѣ и голова рѣдчайшаго носорога съ нависшей верхней губой.

Посерединѣ комнаты, на роскошномъ красномъ коврѣ, стоялъ чернаго дерева съ золотомъ прелестный столъ Луи XV, очаровательная старинная вещь, святотатственно оскверненная слѣдами отъ стакановъ и сигарныхъ окурковъ. На столѣ стоялъ серебряный подносъ съ приборомъ для куренія и вороненаго серебра стойка для бутылокъ.

Мой хозяинъ молча вынулъ одну изъ нихъ и налилъ полстакана себѣ и мнѣ, долившъ водой изъ сифона. Затѣмъ, указавъ мнѣ на кресло и придвинувъ ко мнѣ мой стаканъ, протянулъ мнѣ длинную тонкую гаванну; самъ усѣлся противъ меня и долго пристально смотрѣлъ на меня своими, все время мигавшими, безпечными глазами, свѣтлоглубыми и холодными, какъ горное озеро.

Сквозь легкій вуаль сигарнаго дыма я разглядывалъ въ деталяхъ это лицо, уже знакомое мнѣ по фотографіямъ—горбатый носъ, впалыя щеки, темные съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосы, порѣдѣвшіе на макушкѣ, воинственно закрученные кверху усы, небольшой задорный кустикъ волосъ на выдавшемся впередъ подбородкѣ. Было въ немъ сходство и съ Наполеономъ III, и съ Донъ-Кихотомъ, и въ то же время это было типичное лицо англійскаго помѣщика, смѣлаго, ловкаго, полъ-жизни проведеннаго на открытомъ воздухѣ, любителя лошадей и собакъ. Лицо у него было красное, обвѣтренное, загорѣлое. Брови, кустистыя и нависшія, придавали почти свирѣпый видъ отъ природы холоднымъ глазамъ, и впечатлѣніе это еще усиливало могучій, изрытый морщинами, лобъ. Тѣломъ онъ былъ худъ, но крѣпко сложенъ; свою выносливость онъ доказалъ уже не однажды и въ этомъ отношеніи немногіе въ Англіи могли соперничать съ нимъ. Ростомъ онъ былъ немного болѣе шести футовъ, но казался ниже, изъ-за нѣкоторой сутулости плечъ. Таковъ былъ знаменитый лордъ Джонъ Рокстонъ, сидѣвшій въ данный моментъ противъ меня, затягиваясь сигарнымъ дымомъ и пристально вглядываясь въ мое лицо среди продолжительнаго и нѣсколько тягостнаго молчанія.

— Ну, что, братецъ ты мой, выходитъ, мы оба влопались? И вы, и я—очертя голову! Я полагаю, что когда вы шли на это собраніе, у васъ и въ мысляхъ ничего такого не было, а?

— Ничего подобнаго.

— И у меня тоже. А вышло такъ, что мы оба сѣли въ калошу. Вѣдь я всего только три недѣли, какъ вернулся изъ Уганды и взялъ мѣсто въ Шотландіи, даже контрактъ подписалъ. Не дурно, а? И вы, навѣрное, тоже влѣзли?

— Видите ли, это, вѣдь, входитъ въ мою профессію. Я—журналистъ, сотрудникъ газеты.

— Да, конечно, вы давеча говорили. Кстати, у меня есть маленькая работа для васъ, если вы согласны помочь мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Риска, вѣдь, вы не боитесь?

— Въ чемъ же рискъ?

— Да въ Баллингерь. Вы слышали о немъ?

— Нѣтъ!

— Какъ? Юноша, да вы гдѣ живете? Сэръ Джонъ Баллингерь—первый вѣзкокъ у насъ на сѣверѣ. Я могъ его въ пять минутъ положить на обѣ лопатки, но вѣздитъ онъ куда лучше меня. Ну-съ, а затѣмъ, всѣмъ извѣстно, что, когда ему не нужно тренировать себя, онъ заливается—для соблюденія пропорцій, какъ онъ выражается. Въ этотъ вторникъ онъ заболѣлъ бѣлой горячкой и съ тѣхъ поръ все время въ бреду. Свирѣпствуетъ ужасно. Его комната какъ разъ надъ этой. Врачи говорятъ, что для бѣдняги все кончено, если его не заставятъ поѣсть, но, такъ какъ онъ лежитъ въ постели съ револьверомъ въ рукахъ и клянется, и божится, что онъ всѣ шесть пуль выпуститъ въ перваго, кто подойдетъ къ нему, то прислуга забастовала и подойти къ нему не рѣшается. Онъ, вѣдь, крутенецъ, нашъ Джекъ, и стрѣляетъ отлично. Но нельзя же оставить перваго вѣздока въ Англіи умирать, какъ собаку, а, что?

— Я такъ думаю, что мы съ вами могли бы рискнуть. Быть можетъ, онъ задремалъ; ну, въ крайнемъ случаѣ, подстрѣлить одного изъ насъ, а другой все-таки справится съ нимъ. Если скрутить ему руки полотенцемъ и затѣмъ телефонировать въ аптеку, чтобы принесли зондъ—можно заставить его поужинать насильно.

Это неожиданное предложеніе было не изъ пріятныхъ. Особенно храбрымъ я себя не считалъ. У меня, какъ у большинства ирландцевъ, богатое воображеніе, которое рисуетъ все невѣдомое и неиспробованное не болѣе страшнымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, меня всегда учили презирать трусость, и упрекъ въ трусости для меня былъ бы позорнымъ клеймомъ. Скажу больше, я способенъ перескочить черезъ пропасть, какъ историческій гуннь, если бы кто-нибудь усумнился въ моемъ мужествѣ, но сдѣлалъ бы это не столько изъ храбрости, сколько изъ гордости и страха. И потому, хотя всѣ мои нервы ходуномъ ходили при мысли о сумасшедшемъ лицѣ алкоголика въ приступѣ бѣлой горячки, которое я рисовалъ себѣ въ сосѣдней комнатѣ, я отвѣтилъ по возможности равнодушнымъ тономъ, что я готовъ. Дальнѣйшія замѣчанія лорда Рокстона касательно опасности предпринимаемаго нами только раздражали меня.

— Отъ разговоровъ ея не убавится,—сказалъ я.—Идемте.—И поднялся съ кресла. Онъ тоже. Затѣмъ, съ легкимъ смѣшкомъ, онъ конфиденціально потрепалъ меня раза два по плечу и снова толкнулъ въ кресло.

— Хорошо, сынокъ—вы годитесь.

Я съ удивленіемъ воззрился на него.

— Съ Джекомъ Баллингеромъ я нынче утромъ сладилъ самъ. Онъ прострѣлилъ полу моего халата. Хорошо, что рука у него уже старая и отъ пьянства дрогнула,—но мы все-таки надѣли на него смиренную куртку и черезъ нѣсколько дней онъ будетъ здоровъ. Послушайте юноша, вы не разсердились на меня—а? Видите-ли, между нами—только объ этомъ молчокъ—я считаю, что эта наша поѣздка въ Южную Америку—штука очень серьезная и, если уже мнѣ брать съ собой товарища, то такого, на котораго можно положиться, и потому я устроилъ вамъ маленькое испытаніе и долженъ сказать, что вы вышли изъ него съ честью. Вѣдь, дѣлать то все придется намъ съ вами, такъ какъ этому старикашкѣ Соммерли самому нужна нянька. Кстати, вы случайно не тотъ ли Мэлони, на котораго надѣются, что онъ возьметъ ирландскій призъ на состязаніи въ бѣгъ въ Регби?

— Ну, я не знаю, возьму ли я его.

— То-то мнѣ показалось знакомымъ ваше лицо. Ну, разумѣется! Я вѣдь былъ тамъ, когда у васъ было пробное состязаніе съ Ричмондомъ—славная была пробѣжка! Я никогда не пропускаю такихъ вещей... Впрочемъ, я позвалъ васъ не для того, чтобы толковать о спортѣ. У насъ еще много дѣлъ. Вотъ расписаніе пароходовъ на первой страницѣ «Таймса». Лучшій отходить въ среду на будущей недѣлѣ,

и если вы и профессоръ къ этому времени справитесь, я думаю, мы могли бы выѣхать съ нимъ,—что? Хорошо. Я уговорюсь съ нимъ! Ну, а какъ у васъ насчетъ денегъ?

— Объ этомъ позаботится редакція.

— Стрѣлять вы умѣете?

— Какъ всякій средній англичанинъ.

— Боже мой, такъ скверно? Чему только васъ учатъ въ школахъ? Всѣ вы—точно пчелы съ выдернутыми жалами: за ульемъ смотрѣть умѣете, а, приди кто-нибудь забрать у васъ медъ, вамъ и куснуть нечѣмъ. Но въ Южной Америкѣ вамъ придется не разставаться съ ружьемъ, такъ какъ, если только нанять другъ Чалленджеръ не сумасшедшій и не вральманъ, мы увидимъ тамъ кое-что незаурядное. У васъ какое ружье?

Онъ подошелъ къ дубовому шкафу, стоявшему у противоположной стѣны и, когда распахнулъ дверцы его, передо мною мелькнулъ рядъ блестящихъ ружейныхъ стволовъ, словно трубки органа.

— Посмотримъ, что я могу удѣлить вамъ изъ моего запаса.

Одну за другой онъ вынималъ изъ шкафа чудеснѣйшія винтовки, открывалъ ихъ, щелкалъ замкомъ и потомъ, погладивъ ихъ, клалъ на мѣсто такъ же бережно, какъ мать кладетъ ребенка.

— Это Вландъ. 577. Изъ него я уложилъ вотъ это чудище.—Онъ указалъ на голову бѣлаго носорога.—Лишнихъ десять ярдовъ, и онъ включилъ бы меня въ свою коллекцію. А вотъ это тоже недурная игрушка. 470, двухствольное, бьетъ безъ промаха. Съ нимъ сражался три года тому назадъ противъ перувіанскихъ торговцевъ невольниками. Въ тѣхъ мѣстахъ мнѣ дали прозвание «Вичъ Вожій». И, дѣйствительно, я былъ для нихъ бичемъ Вожіимъ, хоть обо мнѣ и не упоминается ни въ какой Синей Книгѣ. Бываютъ, юноша, такіе положенія, когда каждому изъ насъ приходится постоять за человѣческія права и справедливость—иначе, запятнаете себя навсегда. Такъ и мнѣ пришлось одному вести войну противъ многихъ. Я самъ ее объявилъ, самъ велъ, самъ и кончилъ. Вотъ эти зарубки на стволѣ—это счетъ, сколько я ихъ укокошилъ, этихъ подлыхъ неготорговцевъ—

— Вотъ эти зарубки на стволѣ—это счетъ, сколько я ихъ укокошилъ, этихъ подлыхъ неготорговцевъ,—ихъ тутъ не мало...

ихъ тутъ немало—что? Вотъ эта, большая—это въ памяти Педро Лопеса, ихъ царя и предводителя, котораго я застрѣлилъ на одномъ изъ плузовъ рѣки Путомайо. А вотъ это пожалуй, можно будетъ дать вамъ.—Онъ вынулъ чудесное коричневое ружье съ серебряною насѣчкою.—Это тоже надежное ружье. Ему смѣло можно вѣрить свою жизнь. Онъ протянулъ его мнѣ и заперъ дубовый шкафъ.—Кстати, продолжалъ онъ, снова усаживаясь на свое кресло.—что вы знаете о профессорѣ Чалленджерѣ?

— До сегодняшняго дня я не видалъ его.

— И я не видалъ. Курьезно, однако, что мы ѣдемъ, такъ сказать, везя съ собой запечатанный приказъ отъ человѣка, котораго мы даже не знаемъ. Этотъ старый филинъ, повидимому, такъ порядочно воображаетъ о себѣ. И не особенно любимъ учеными собратьями. Какъ это вышло, что вы заинтересовались всей этой исторіей?

Я вкратцѣ рассказалъ ему свои утреннія приключенія. Онъ выслушалъ внимательно. Затѣмъ, вынулъ изъ ящика карту Южной Америки и разложилъ ее на столѣ.

— Я увѣренъ, что все, что онъ рассказывалъ вамъ,— правда, отъ слова до слова,—серьезно выговорилъ онъ,—и, замѣтите, я имѣю нѣкоторое основаніе такъ говорить. Южная Америка—славная страна: я ее люблю и, если пройти ее поперекъ, отъ Даріена до Фуэго,—это самый богатый, самый грандіозный, самый удивительный кусокъ земли на всей нашей планетѣ. Люди еще не знаютъ этого и не соображаютъ, что изъ него можно сдѣлать. Я изъ конца въ конецъ проѣхалъ ее и выдержалъ тамъ два сезона засухи—какъ разъ, когда мнѣ пришлось вести войну съ неготорговцами. И мнѣ тоже доводилось слышать такого же рода рассказы,—конечно, это были индѣйскія легенды и т. под. но въ нихъ, несомнѣнно, есть и доля правды. Чѣмъ больше вы знакомитесь съ этой страной, тѣмъ больше убѣждаетесь, что тамъ все возможно—все. Путешественники знаютъ только рѣки и узенькую полоску вдоль ихъ, внѣ же этого тамъ—совершенно неизвѣданная область. Вотъ здѣсь, въ Матто Гроссо,—онъ ткнулъ концомъ сигары въ одну точку на картѣ,—или же вотъ въ этомъ углу, гдѣ сходятся три страны, *ничто* не удивило бы меня. Онъ вѣрно говоритъ: эти двѣ рѣки орошаютъ пространство въ пятьдесятъ тысячъ миль, покрытое дѣйственнымъ лѣсомъ и размѣрами приблизительно равное всей Европѣ. Мы съ вами можемъ бродить въ одномъ и томъ же бразильскомъ лѣсу и въ то же время находиться другъ отъ друга такъ же далеко, какъ Шотландія отъ Константинополя. Человѣкъ только проложилъ туда слѣдъ, только успѣлъ заглянуть въ этотъ лабиринтъ. Въдѣ половина этой мѣстности—непроходимое болото. Почему же не допустить, что въ такой странѣ можетъ оказаться нѣчто новое и необычайное? И почему не допустить, что *намъ* удастся открыть его? И притомъ,—добавилъ онъ, весь сіяя отъ удовольствія,—въ такой экспедиціи риска и опасностей не оберешься. Я, батюшка, на своемъ вѣку видалъ всякіе виды; съ меня, какъ съ стараго крокетнаго шара, краска давно ужъ облѣзла и меня жизнь сколько ни колоти, слѣдовъ не останется. Но спортивный рискъ, юноша—это соль и приправа существованія. Ради этого одного стоитъ жить. Всѣ мы порядкомъ избаловались, извѣжили себя, приучили къ удобствамъ, и оттого скучаемъ. А дайте намъ дикія страны, просторъ, ружье за плечами и что-нибудь въ перспективѣ, чего стоитъ поискать—мы сразу преобразимся. Я много уже перепробовалъ—и войну, и гонки, и авіацію, и эта охота на кошмарныхъ животныхъ, которыя могутъ только во снѣ присниться послѣ ужина съ омарами—это будетъ совсѣмъ новое ощущеніе.—Онъ захлебывался отъ радости.

Можетъ быть, я слишкомъ распространяюсь объ этомъ моемъ новомъ знакомомъ, но, вѣдь, онъ будетъ моимъ товарищемъ и спутникомъ въ теченіе многихъ дней и потому я, какъ умѣлъ, попробовалъ изобразить его, со всѣми ку-

рьезными особенностями его фигуры рѣчи и манеръ. Я даже неохотно уходилъ отъ него,—такъ онъ заинтересовалъ меня, и ушелъ только потому, что мнѣ надо было еще дать отчетъ о собраніи. Я оставилъ его, въ красномъ свѣтѣ своихъ абажуровъ, смазывающимъ замокъ своего любимаго ружья и улыбающимся себѣ подъ носъ, при мысли объ ожидающихъ насъ новыхъ заманчивыхъ приключеніяхъ. Для меня было ясно, что, если насъ ждутъ опасности, въ цѣлой Англіи я не найду болѣе разсудительнаго и въ то же время болѣе храбраго человѣка, чѣмъ лордъ Джонъ Рокстонъ. Лучшаго спутника нельзя было и желать.

Несмотря на усталость, естественную послѣ столькихъ чудесныхъ событій, я въ этотъ вечеръ далеко за полночь сидѣлъ съ Макъ-Ардлемъ, завѣдующимъ хроникой, объясняя ему всѣ детали положенія, которое онъ счелъ достаточно серьезнымъ, чтобы завтра доложить обо всемъ сэръ Джорджу Бьюмонтъ, издателю и главному редактору. Мы условились, что я буду давать полные отчеты обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ, въ формѣ ряда писемъ къ Макъ-Ардлю, которыя будутъ печататься въ «Газетѣ», или же сохраняться для опубликованія впослѣдствіи, согласно желаніямъ профессора Чалленджера, такъ какъ, пока намъ еще неизвѣстно было, какія условія онъ поставитъ. Мы попробовали было запросить его по телефону, но въ отвѣтъ получили только грома и молнии по адресу прессы и подъ конецъ обѣщаніе, что, если мы увѣдомимъ его заблаговременно, съ какимъ пароходомъ мы ѣдемъ, онъ доставитъ намъ къ моменту отплытія всѣ указанія, какія онъ сочтетъ необходимыми. На второй вопросъ мы и вовсе не получили отвѣта, кромѣ жалобы его жены, что мужъ ея и такъ очень сердитъ, и она надеется, что мы ничѣмъ не ухудшимъ его настроенія. Третья попытка, учиненная нѣсколько попозже, вызвала въ отвѣтъ страшный грохотъ, и послѣдующее увѣдомленіе съ центральной станціи, что у профессора Чалленджера аппаратъ разбитъ и не дѣйствуетъ. Дальнѣйшихъ попытокъ мы уже не дѣлали.

Отнынѣ мой терпѣливый читатель, я уже не могу обращаться къ тебѣ лично. Начиная съ этого момента (если только до тебя когда-нибудь дойдетъ мой рассказъ) я могу держать тебя въ курсѣ дѣла лишь черезъ посредство газеты, въ которую я буду посылать корреспонденціи. Въ редакціи будетъ храниться полный отчетъ о ходѣ одной изъ замѣчательнѣйшихъ экспедицій всѣхъ странъ и эпохъ, такъ что, если я не вернусь въ Англію, ты все-таки будешь знать, какъ это вышло, что я не вернулся. Пишу эти послѣднія строки въ салонѣ «Франциски»; лопманъ свезетъ ихъ на берегъ и вручитъ Макъ-Ардлю. Прежде, чѣмъ я закрою свою записную книжку, позволь мнѣ нарисовать послѣднюю картину,—послѣднее воспоминаніе о родинѣ, которое я уношу съ собой. Сырое, туманное утро поздней весны; мороситъ мелкій, холодный дождикъ. По набережной молча шагаютъ три фигуры, закутанныя въ блестящіе непромокаемые плащи, направляясь къ сходящимъ огромнаго океанскаго парохода, надъ которымъ развѣвается синій флагъ. Впереди ихъ носильщикъ толкаетъ передъ собою тѣлѣжку, нагруженную пледами, чемоданами и оружіемъ. Профессоръ Соммерли, длинный и меланхолическій, идетъ, волоча ноги и понуривъ голову, какъ будто уже глубоко жалѣетъ, зачѣмъ онъ впутался въ такую неприятную исторію. Лордъ Джонъ Рокстонъ шагаетъ бодро, и его тонкое, съ рѣзкими чертами лицо весело выглядываетъ изъ подъ кашпона его макинтоша. Я лично радъ уже и тому, что кончились суетливые дни сборовъ въ дорогу и муки прощанья, и не сомнѣваюсь, что это отражается на моемъ лицѣ и походкѣ. Неожиданно, какъ разъ, когда мы дошли до парохода, насъ окликаютъ сзади. Это профессоръ Чалленджеръ, который обѣщалъ пріѣхать насъ проводить. Онъ бѣжитъ за нами, захавшился, красный, сердитый.

— Нѣтъ, благодарствуйте,—говоритъ онъ,—я предпо-

... Онъ бѣжитъ за нами, запыхавшійся, красный, сердитый.

читаю не всходить на бортъ. Мнѣ надо сказать вамъ всего нѣсколько словъ, и они отлично могутъ быть сказаны и тамъ, гдѣ мы стоимъ. Я хочу, чтобъ вы поняли, что для меня совершенно безразлично, къ какимъ результатамъ вы придете, и лично я себя не считаю нисколько вамъ обязаннымъ. Истина есть истина и никакіе ваши доводы не измѣнятъ этого, хоть они и могутъ возбудить интересъ и любопытство кучи ничего не стоящихъ людей. Мои инструкции и указанія находятся вотъ въ этомъ запечатанномъ конвертѣ, который вы вскрыете, когда доберетесь до города Манаосъ, лежащаго на рѣкѣ Амазонкѣ, но не раньше дня и часа, указанныхъ на обложкѣ конверта. Вамъ понятно? Касательно строгаго соблюденія моихъ инструкцій, всецѣло относительно вашихъ корреспонденцій я никакихъ ограниченій не ставлю, — разъ ужъ вы ѣдете для того, чтобъ установить факты, я только требую, чтобъ вы въ точности не указывали, куда именно вы ѣдете, и чтобъ ни одно ваше письмо не было напечатано до вашего возвращенія. Прощайте, сэръ. Долженъ сознаться, что знакомство съ вами нѣсколько умѣрило мое отвращеніе къ презрительной профессіи, къ которой вы имѣете несчастіе принадлежать. — Прощайте, лордъ Джонъ. Для васъ, насколько я понимаю, наука — закрытая книга, но вы можете поздравить себя съ тѣмъ, что охота васъ ждетъ великолѣпная. Я не сомнѣваюсь, что вамъ представится случай описать въ вашемъ охотничьемъ журналѣ, какъ вы убивали диморфодона. И вамъ счастливаго пути, профессоръ Sommerli. Если вы еще способны совершенствоваться — въ чемъ, я признаюсь, сомнѣваюсь, — вы, конечно, вернетесь въ Лондонъ умѣй, чѣмъ уехали.

Онъ повернулся на каблукахъ, и минуту спустя я уже съ палубы «Франциски» видѣлъ его коротенькую, грузную фигуру, шагающую обратно къ поѣзду, который привезъ

его. Теперь, мы плывемъ уже по каналу. Письма все уже сданы и съ лоцманомъ распрощались. Храни Боже всѣхъ, кто остался дома и дай намъ благополучно вернуться.

Глава VII.

„Завтра прыжокъ въ неизвѣстное“.

Я не стану удручать тѣхъ, кому попадется въ руки этотъ разсказъ, подробнымъ отчетомъ о нашемъ комфортабельномъ путешествіи на океанскомъ пароходѣ, точно такъ же, какъ и о недѣлѣ, проведенной нами въ Парѣ (хоть и считаю себя обязаннымъ упомянуть о чрезвычайно любезномъ отношеніи къ намъ компаніи Перейра-да-Пинта, оказавшей намъ посильную помощь въ нашей экипировкѣ). Разскажу лишь вкратцѣ о плаваніи нашемъ по рѣкѣ, широкой, илистой и мутной, съ медленнымъ теченіемъ, на пароходѣ, лишь немногимъ меньше того, который переправилъ насъ черезъ Атлантику. Наконецъ, мы переправились черезъ Обидосскія ущелья и достигли города Манаосъ. Мѣстная гостиница не сулила ничего особенно привлекательнаго, но насъ выручилъ м-ръ Шортманъ, представитель Британской и Бразильянской торговой Компаніи. Въ его гостепріимной факціи мы дождались дня, когда намъ разрѣшено было вскрыть письмо, заключающее въ себѣ инструкціи, данныя намъ профессоромъ Чалленджеромъ. Но, прежде чѣмъ разсказать о сюрпризахъ, ожидавшихъ насъ въ этотъ памятный день, я желаю бы нѣсколько подробнѣе обрисовать моихъ товарищей по экспедиціи и тѣхъ дорожныхъ спутниковъ, которыхъ мы приобрѣли уже въ Южной Америкѣ. Буду говорить безъ стѣсненій, предоставляя вамъ, м-ръ Макъ-Арду, использовать мой матеріалъ, какъ вы сочтете за лучшее, такъ какъ все равно отчетъ мой, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, долженъ пройти черезъ ваши руки.

Научныя заслуги профессора Sommerli достаточно всемъ извѣстны для того, чтобъ мнѣ не утруждать себя перечисленіемъ ихъ. Для такого рода трудной экспедиціи онъ оказался болѣе подходящимъ человѣкомъ, чѣмъ это можно было предполагать съ перваго взгляда. Его высокое, худое жилистое тѣло совершенно не знаетъ усталости; въ обращеніи онъ сухъ, насмѣшливъ и подчасъ весьма несимпатиченъ, но зато всегда ровенъ и никакія перемѣны въ окружающемъ какъ будто не вліяютъ на него. Хотя ему уже шестьдесятъ шестой годъ, я ни разу не слышалъ отъ него какого либо выраженія неудовольствія по поводу тѣхъ или другихъ неудобствъ, какія намъ иной разъ приходится переносить. Вначалѣ я думалъ, что въ нашей экспедиціи онъ будетъ только помѣхой, но теперь убѣдился, что выносливость его не меньше моей. По характеру онъ желчный человѣкъ и скептикъ. Съ самаго начала онъ не скрывалъ своей увѣренности, что профессоръ Чалленджеръ — обманщикъ, что онъ все навралъ и мы ѣдемъ на охоту за какой-то сказочной Жаръ-птицей, которая не принесетъ намъ ничего, кромѣ разочарованія и опасностей въ Южной Америкѣ, а затѣмъ насмѣшекъ въ Англіи. Вотъ что онъ твердилъ намъ всю дорогу отъ Соуэзмптона до Манаоса, растягивая въ ядовитую усмѣшку тонкій ротъ и мотая рѣдкою козлиною бородкой. Но, съ тѣхъ поръ, какъ мы высадились на берегъ, его нѣсколько утѣшаетъ красота и разнообразіе пернатыхъ и насѣкомыхъ, которыхъ мы здѣсь видимъ, такъ какъ онъ дѣйствительно всей душой преданъ наукѣ. Онъ цѣлые дни проводитъ въ лѣсу съ монте-кресто и сѣткой для ловли бабочекъ, а вечера — въ накалываніи этихъ бабочекъ на булакви и приготовленіи чучель для коллекціи. Къ числу его особенностей надо отнести еще то, что онъ небреженъ въ костюмѣ, довольно неопрятенъ, изумительно разсѣянъ и почти не выпускаетъ изо рта коротенькой трубочки. Въ молодости своей онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ научныхъ экспедиціяхъ (между прочимъ, былъ

съ Робертсономъ въ Папуа) и бивачная жизнь въ шатрѣ и лодкѣ ему не въ новинку.

Лордъ Джонъ Рокстонъ имѣть кое-что общее съ профессоромъ Sommerli, но въ другихъ отношеніяхъ представляетъ собой полную ему противоположность. Онъ на двадцать лѣтъ моложе, но почти также худъ и тощъ. Внѣшность его я, помнится, уже описывалъ въ той части моего разсказа, которая осталась въ Лондонѣ. Въ привычкахъ своихъ онъ чрезвычайно чопоренъ и чистоплотенъ, одѣтъ всегда очень тщательно въ бѣлый суконный костюмъ и высокіе сапоги коричневой кожи, защищающіе отъ москитовъ, и бреется, по крайней мѣрѣ, разъ въ день. Подобно большинству людей, которые больше дѣлаютъ, чѣмъ говорятъ, онъ немногорѣчивъ, говорить короткими фразами и часто занятъ собственными мыслями, но всегда готовъ отвѣтить на вопросъ или вмѣшаться въ разговоръ; манера говорить у него очень забавная; онъ остроуменъ и любитъ шутить. Онъ поражаетъ меня своимъ знаніемъ свѣта вообще и Южной Америки въ частности; въ успѣхъ нашей экспедиціи онъ вѣритъ безусловно, ни мало не смущаясь издѣвательствами профессора Sommerli. У него пріятный голосъ и спокойныя манеры, но его холодные голубые глаза иной разъ вспыхиваютъ, и чувствуется, что этотъ человѣкъ способенъ на страшныя вспышки гнѣва и на безпощадную настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей, тѣмъ болѣе опасныя, что онъ умѣетъ сдерживать себя. Онъ мало говоритъ о своихъ подвигахъ въ Бразиліи и Перу, но мѣстные жители при видѣ его приходятъ въ неистовый восторгъ, называя его своимъ «защитникомъ и покровителемъ», и это для меня было откровеніемъ. Среди нихъ создались уже цѣлыя легенды о подвигахъ Краснаго Вождя, какъ они его называютъ, но, не говоря уже о легендахъ, и факты, поскольку они выяснились для меня, сами по себѣ достаточно изумительны.

Факты эти таковы: нѣсколько лѣтъ тому назадъ лордъ Джонъ во время одного изъ своихъ путешествій очутился въ той никому не принадлежащей области, которая находится между Перу, Бразиліей и Колумбіей, какъ извѣстно, не имѣющими опредѣленныхъ границъ. Эта промежуточная область—довольно велика и въ ней произрастаетъ въ дикомъ видѣ каучуковое дерево, изъ котораго добывается драгоценная смола. Какъ и въ Конго, дерево это стало проклятіемъ для туземцевъ, которое можно приравнять только къ тому каторжному труду, который испанцы заставляютъ ихъ нести въ старыхъ серебрянныхъ рудникахъ. Кучка негодяевъ метисовъ завладѣла страной, вооруживъ тѣхъ индѣйцевъ, которые стали на ея сторону и обратили всѣхъ остальныхъ въ рабовъ подъ угрозой самыхъ жестокихъ нечеловѣческихъ пытокъ, заставляя ихъ добывать каучукъ, который затѣмъ сплавляютъ внизъ по рѣкѣ въ Перу. Лордъ Джонъ Рокстонъ вступился за несчастныхъ жертвъ, но не добился ничего, кромѣ угрозъ и оскорбленій. Тогда онъ формально объявилъ войну Педро Лопецу, вождю рабовладѣльцевъ, набравъ отрядъ бѣглыхъ невольниковъ, вооружилъ ихъ на свой счетъ и успѣшно провелъ кампанію, закончившуюся тѣмъ, что онъ собственноручно застрѣлилъ вождя метисовъ, Педро Лопеца, и подорвалъ систему, которую тотъ хотѣлъ ввести.

Неудивительно, что вторичное появленіе этого человѣка на берегахъ Амазонки вызвало живѣйшій интересъ среди мѣстнаго населенія, хотя чувства, внушаемыя имъ, были разумѣется далеко не одинаковы, и признательность туземцевъ равнялась только злобѣ ихъ эксплуататоровъ. Однимъ изъ полезныхъ результатовъ прежнихъ путешествій лорда Джона было то, что онъ научился бѣгло говорить на языкѣ *джераль*—нарѣчій на треть португальскомъ и на двѣ трети индѣйскомъ, которое въ ходу по всей Бразиліи.

Я уже раньше говорилъ, что лордъ Джонъ Рокстонъ можно сказать, влюбленъ въ Южную Америку. Онъ не мо-

жетъ говорить безъ восторга объ этой странѣ и своимъ восторгомъ заразилъ меня, во всякомъ случаѣ, подстрекнулъ мое вниманіе и любопытство. Какъ жаль, что я не могу здѣсь передать всѣхъ его пламенныхъ рѣчей, смѣси тѣхъ свѣдѣній и пылкаго воображенія, придавшей имъ такое обаяніе, что даже съ лица профессора Sommerli постепенно сбѣгала его циническая и недоувѣрчивая улыбка. Онъ захватывающе интересно разсказывалъ о великой рѣкѣ, наскоро изслѣдованной уже первыми завоевателями Перу и въ то-же время такъ мало извѣстной.

— Ну, скажите мнѣ, что тамъ?—воскликнулъ онъ, указывая на сѣверъ.—Лѣса, болота, непроницаемыя дебри дѣвственнаго лѣса. А кто знаетъ, что скрыто въ этомъ дѣвственномъ лѣсу? А здѣсь, къ югу—тотъ же дикій лѣсъ и болото, гдѣ еще не ступала нога бѣлаго. Куда ни кинешь взглядомъ—всюду невѣдомое, неизвѣданное. Болѣе или менѣе изслѣдованы только побережья рѣкъ. Ну, какъ же можно при такихъ обстоятельствахъ поручиться за что, что Чалленджеръ говорить неправду? Вѣдь въ такой странѣ все возможно!

Въ отвѣтъ на этотъ прямой вызовъ на лицѣ профессора Sommerli снова появлялось упрямое, насмѣшливое выраженіе и онъ, недоувѣрчиво покачивая головой, погружался въ безмолвіе, окутывъ себя облаками дыма изъ своей неизмѣнной коротенькой трубочки.

Вотъ все, что я пока могу сказать о моихъ двухъ бѣлыхъ спутникахъ; ихъ характеры, качества и недостатки, точно такъ-же, какъ и мои, будутъ выясняться постепенно, по мѣрѣ развитія событий. Но по дорогѣ мы прихватили съ собой еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые въ дальнѣйшемъ будутъ играть не малую роль. Первый изъ нихъ—колоссальнаго роста негръ, по имени Замбо,—черный Геркулесъ, послушный какъ лошадь и ума приблизительно такого же. Мы наняли его въ Парѣ по рекомендаціи Общества Судоходства, плавая на судахъ котораго, Замбо выучился довольно сносно говорить по-англійски.

Тамъ же, въ Парѣ, мы наняли Гомеца и Мануэля, двухъ метисовъ съ верховьевъ Амазонки, только что прибывшихъ съ грузомъ краснаго дерева. Оба они чернокожіе, бородатые, и свирѣпые, сильные и проворные, какъ пантеры. Оба всю жизнь прожили на верховьяхъ Амазонки, то есть вблизи той мѣстности, которую мы собираемся изслѣдовать.—Это-то и побудило лорда Джона остановить свой выборъ на нихъ. Одинъ изъ нихъ, Гомецъ, хорошъ еще тѣмъ, что превосходно говоритъ по-англійски. Всѣ трое согласились поступить къ намъ въ услуженіе, въ качествѣ поваровъ, гребцовъ и помощниковъ вообще, за 15 долларовъ въ мѣсяцъ жалованья. Кромѣ нихъ, мы наняли еще троихъ индѣйцевъ племени *мохо* изъ Боливии; изъ всѣхъ племенъ, живущихъ по берегамъ Амазонки, это племя наиболѣе искусно въ ловлѣ рыбы и въ управленіи лодкой. Старшаго изъ нихъ мы зовемъ *Мохо*, по имени его племени, а двухъ другихъ—Хозе и Фернандо. Итакъ, трое бѣлыхъ, два метиса, одинъ негръ и трое индѣйцевъ—вотъ весь составъ маленькой экспедиціи, сдѣлавшей привалъ въ Манаосъ, въ ожиданіи инструкцій, съ которыми ей предстоитъ пуститься въ путь.

Наконецъ, послѣ томительно скучной недѣли, насталъ желанный день и часъ. Представьте себѣ полутемную, потому что заана ться на окнахъ спущены, гостинную на фациендѣ Санто Игнаціо, въ двухъ миляхъ отъ города Манаосъ. За окнами все залито мѣдно-желтымъ свѣтомъ; тѣни пальмъ также четки, какъ и очертанія самихъ стволовъ. Въ безвѣтренномъ воздухѣ гудятъ, жужжатъ рои насѣкомыхъ, тропическій хоръ, состоящій изъ многихъ октавъ, отъ густого шмелинаго баса до высокаго тонкаго дисканта москита. Подъ верандой большой расчищенный садъ съ оградой изъ колючаго кактуса и съ группами цвѣтущихъ кустовъ, надъ которыми высятся большіе синіе мотыльки и крохотныя яркоцвѣтныя птич-

ки, сверкающія въ воздухѣ какъ искорки. Мы всѣ сидимъ за плетенымъ столомъ, на которомъ лежитъ запечатанный конвертъ. На конвертѣ надпись, неровнымъ почеркомъ, профессора Чалленджера:

«Инструкции Лорду Джону Рокстону и его спутникамъ. Распечатать въ Манаосъ 15 июля ровно 12 часовъ пополуночи».

Лордъ Джонъ положилъ на столъ рядомъ съ собой часы.

— Остается еще семь минутъ. Старичина очень точенъ въ своихъ указаніяхъ.

Профессоръ Sommerli кисло улыбнулся, протянувъ свою костлявую руку къ конверту.

— Не все ли равно, вскрыть его сейчасъ, или же черезъ семь минутъ? Все та же система надувательства и бессмыслицы, которая, къ сожалѣнію, присуща автору этихъ инструкцій.

— Нѣтъ, ужъ играть надо честно, по правиламъ, — замѣтилъ лордъ Джонъ. — Вѣдь это Чалленджеръ затѣялъ всю исторію; это по его милости мы очутились здѣсь и было бы совсѣмъ ужъ некрасиво, еслибъ мы не выполнили его инструкцій буквально.

— Нечего сказать, пріятная прогулка! — съ горечью воскликнулъ Sommerli. — Мнѣ и въ Лондонѣ она казалась сумасбродной и долженъ сказать, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждаюсь въ этомъ. Не знаю, что въ этомъ конвертѣ, но, если тамъ нѣтъ чего-нибудь вполне опредѣленнаго я, признаться, готовъ съѣсть на первый же обратный рѣчной пароходъ, чтобы захватить «Боливію» въ Парѣ. Въ концѣ концовъ, у меня есть болѣе серьезная работа, чѣмъ рыскать съ цѣлью опровергнуть бредни сумасшедшаго. Ну, Рокстонъ, навѣрное, теперь ужъ можно?

— Да, теперь пора, — сказалъ лордъ Рокстонъ, — можете давать свистокъ. — Онъ взялъ конвертъ, вскрылъ его перочиннымъ ножомъ и вынулъ отсюда листъ бумаги. Этотъ листъ онъ развернулъ и разложилъ на столѣ. Ни листъ ничего не было. Лордъ Джонъ перевернулъ его на другую сторону — и тамъ была чистая бумага, и только. Мы переглянулись, среди изумленнаго безмолвія, нарушеннаго только взрывомъ ироническаго смѣха профессора Sommerli.

— Ну, вотъ видите! Чего же вамъ еще? Онъ самъ сознается въ своемъ обманѣ. Намъ остается только вернуться домой и заклеить его, какъ самаго безстыднаго лгуна.

— Можетъ быть, тамъ написано невидимыми чернилами? — высказалъ я предположеніе.

— Не думаю, — сказалъ лордъ Рокстонъ, держа бумагу противъ свѣта. — Нѣтъ, юноша, — что пользы обманывать себя? Я ручаюсь головой, что на этой бумагѣ никогда ничего не было написано.

— Можно войти? — донесся чей-то голосъ съ веранды.

И тяжелая грузная фигура заслонила собой свѣтъ. Этотъ голосъ, эти чудовищныя массивныя плечи...

Всѣ мы отъ удивленія вскочили съ мѣстъ — передъ нами стоялъ Чалленджеръ, въ круглой, совсѣмъ дѣтской, соломенной шляпѣ съ цвѣтной ленточкой и парусиновыхъ башмакахъ. Заложивъ руки въ карманы и закинувъ голову назадъ, онъ стоялъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выставивъ впередъ свою ассирійскую бороду и устремивъ на насъ нестерпимо яркій взоръ.

— Боюсь, — сказалъ онъ вынимая часы, — что я опоздалъ на нѣсколько минутъ. Когда я давалъ вамъ этотъ конвертъ, сознаюсь, я вовсе не рассчитывалъ, что вы его вскроете, такъ какъ думалъ нагнать васъ раньше назначеннаго дня и часа. Къ несчастью, намъ попался прескверный лоцманъ, и лодка наша съѣла на мель. Боюсь, что это дало поводъ моему коллегѣ, профессору Sommerli, высказать нѣсколько неслестныхъ замѣчаній по моему адресу.

— Я долженъ сознаться, сэръ, — не безъ строгости сказалъ лордъ Джонъ, — что ваше появленіе весьма утѣши-

— Можно войти? — и тяжелая грузная фигура заслонила собою свѣтъ.

тельно для насъ, такъ какъ мы уже готовы были счесть нашу миссію преждевременно законченной. Даже и теперь я, воля ваша, не могу понять что это у васъ за такіе необычайные поступки.

Вмѣсто отвѣта, профессоръ Чалленджеръ вошелъ въ комнату, пожалъ руку мнѣ и лорду Джону, надменно и важно кивнулъ головой профессору Sommerli и опустился въ плетеное кресло, которое затрещало и согнулось подъ его тяжестью.

— Вы совсѣмъ готовы въ путь? — спросилъ онъ.

— Можемъ выѣхать хоть завтра.

— Значитъ, и выѣдете завтра. Пока вамъ никакихъ инструкцій не надо, такъ какъ самъ я буду съ вами, а это — преимущество неопѣненное. У меня съ самого начала было рѣшено, что я буду руководить вашими розысками. Согласитесь сами, что никакія, самыя подробныя, инструкціи не могли бы замѣнить моего совѣта и руководства. Что же касается небольшой хитрости съ конвертомъ, къ которой я прибѣгнулъ, то вѣдь ясно, что, еслибъ я сразу сообщилъ вамъ о своихъ намѣреніяхъ, мнѣ пришлось бы ѣхать вмѣстѣ съ вами, а это мнѣ было вовсе не желательно.

— Какъ и мнѣ, — искренно воскликнулъ профессоръ Sommerli. — По Атлантическому Океану можно ѣхать на различныхъ судахъ.

Чалленджеръ отмахнулся отъ него своей большой волосатой рукой.

— Я увѣренъ, что собственный вашъ здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что я былъ правъ и что лучше мнѣ было ѣхать одному и появиться только тогда, когда мое присутствіе окажется необходимымъ. Моментъ этотъ насталъ. Вы въ надежныхъ рукахъ. Теперь вы, несомнѣнно, доберетесь до мѣста назначенія. Съ этой минуты я принимаю на себя начальство надъ этой экспедиціей и попрошу васъ къ сегодняшнему вечеру закончить всѣ приготовления, такъ чтобъ мы могли выѣхать завтра рано утромъ. Я дорожу своимъ временемъ и вы всѣ, несомнѣнно, тоже, хотя ваше время можетъ быть и менѣе цѣнно. Поэтому я предлагаю всѣмъ вамъ времени не тратить даромъ, чтобъ поскорѣй увидѣть то, что я собираюсь вамъ продемонстрировать.

Лордъ Джонъ Рокстонъ уже нанялъ большой паровой

баркаса «Эсмеральда», на котором мы собирались плыть вверх по рѣкѣ. Въ смыслѣ климата, время, выбранное для экспедиціи, было почти безразлично, такъ какъ температура здѣсь и лѣтомъ, и зимой отъ 75—90 град. Цельсія.

Другое дѣло въ смыслѣ влажности. Съ декабря по май здѣсь почти сплошь идутъ дожди, и въ это время года уровень воды въ рѣкѣ постепенно подымается почти на сорокъ футовъ выше самаго низкаго своего уровня. Вода заливає берега, разливается большими лагунами на огромное пространство и получается цѣлая область, которая на мѣстномъ нарѣчьи зовется Гапо, гдѣ нѣтъ въ это время года ни проходу, ни проѣзду—она слишкомъ болотиста для ходьбы и слишкомъ мелководна для того, чтобы плыть по ней въ лодкѣ. Съ іюня вода начинаетъ убывать и къ октябрю или ноябрю совсѣмъ спадаетъ. Такимъ образомъ, наша экспедиція выѣхала какъ разъ во время, въ сухую пору года, когда Амазонка и притоки ея сведены къ болѣе или менѣе нормальному уровню. Теченіе этой рѣки не быстрее, такъ какъ уклонъ ея не больше восьми дюймовъ на милю. Для навигации это чрезвычайно удобная рѣка, ибо господствующій вѣтеръ здѣсь—попутный, восточный, что особенно важно для барочныхъ судовъ. На нашемъ пароходѣ «Эсмеральда» машины были отличныя, мы могли не считаться съ медлительностью теченія и подвигались впередъ такъ же быстро, какъ еслибъ мы плыли по озеру съ стоячей водой. Три дня мы уже плыли вверх по рѣкѣ на сѣверо-западъ и, хотя находились уже на тысячу миль отъ устья, Амазонка и здѣсь была такъ широка, что оба берега видѣлись лишь темными полосками на далекомъ горизонтѣ. На четвертый день по выходѣ изъ Манаоса, мы свернули въ притокъ Амазонки, который близъ впаденія былъ не уже главной рѣки. Но постепенно онъ значительно сузился и черезъ два дня мы, по указанію Чалленджера, вышли на берегъ въ индѣйской деревушкѣ. Онъ же настоялъ на томъ, чтобы «Эсмеральду» мы отправили обратно въ Манаосъ, ибо дальше пойдутъ пороги, черезъ которые на пароходѣ ѣхать, все равно, невозможно. Конфиденціально онъ пояснилъ намъ, что отнынѣ мы вступаемъ въ неизвѣданную область и, чѣмъ меньше лицъ будетъ посвящено въ нашу тайну, тѣмъ лучше. Онъ такъ заботился о сохраненіи этой тайны, что съ каждаго изъ насъ взялъ честное слово, а со слугъ—торжественную клятву никому не давать никакихъ свѣдѣній относительно цѣли нашего путешествія. Поэтому я принужденъ въ своемъ разсказѣ ограничиваться лишь общими указаніями и предупреждаю читателя, что, если я даже приложу карту или диаграмму, онъ не сможетъ служить указаніемъ для разысканія данной мѣстности, такъ какъ, хотя соотношение частей и правильное, всѣ остальные показанія невѣрны. Я не знаю, почему именно профессоръ Чалленджеръ такъ настаиваетъ на сохраненіи тайны и есть ли у него на то достаточныя основанія, но у насъ нѣтъ иного выбора, какъ подчиниться ему, потому что иначе онъ броситъ насъ и вернется въ Англію.

Второго августа мы разорвали послѣднюю нашу связь съ внѣшнимъ міромъ, простившись съ «Эсмеральдой».

Съ тѣхъ поръ прошло четыре дня въ теченіе которыхъ мы успѣли заарендовать у индѣйцевъ два большихъ челнока, сдѣланныхъ изъ такого легкаго матеріала (бамбуковая рама, обтянутая кожей), что, если что нибудь преградить намъ путь, мы безъ труда можемъ перенести ихъ на рукахъ. Въ эти челноки мы погрузили весь нашъ багажъ и прихватили еще съ собой двухъ индѣйцевъ: Атака и Инету—повидимому, тѣхъ самыхъ, которые сопровождали профессора Чалленджера въ его первой экспедиціи. Они пришли въ ужасъ при одной мысли о повтореніи такого опыта, но въ этихъ странахъ глава племени пользуется неограниченной властью и, если онъ относительно чего нибудь сговорится, племя повинуетъ, не разсуждая.

Итакъ, завтра мы сдѣлаемъ прыжокъ въ невѣдомое.

Это письмо я посылаю съ индѣйцемъ, который спустится внизъ по рѣкѣ. Быть можетъ, это послѣднее наше слово, обращенное къ тѣмъ, кто интересуется нашей участію. Согласно нашему уговору, я адресую его вамъ, дорогой м-ръ Макъ-Ардль, предоставляя вамъ дѣлать какія вы найдете нужными измѣненія и поправки.

У профессора Чалленджера тонъ такой увѣренный, что, несмотря на неослабѣвающий скептицизмъ профессора Соммерли, я не сомнѣваюсь, что слова его оправдаются и мы, дѣйствительно, наканунѣ совершенно необычайныхъ переживаній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. З. Журавской.

Роковая ночь.

Разсказъ Филиппа Чэмпьонъ де-Креспиньи.

(Съ англійскаго).

— Да, много я видалъ на своемъ вѣку печальныхъ лицъ, но такого горестнаго лица, какъ у Джона Геслопъ, я еще ни разу не встрѣчалъ; такой отпечатокъ глубокой скорби и отчаянія мнѣ приходится видѣть въ первый разъ!—замѣтилъ мой дядя, вытряхивая въ каминъ пепелъ изъ своей трубки и снова наполняя ее табакомъ.

Мы сидѣли вечеромъ, въ курительной комнатѣ, кромѣ меня и дяди, было еще два-три человѣка, и Геслопъ только что пожелалъ намъ доброй ночи и ушелъ спать. Онъ лишь недавно вернулся въ Англію изъ Африки, гдѣ три года занимался охотой на крупнаго звѣря, и мало былъ знакомъ съ остальными изъ нашей компаніи. Онъ всегда, и въ другіе дни, былъ нелюдимымъ человѣкомъ, не искавшимъ знакомствъ и друзей, а за время своего добровольнаго изгнанія потерялъ и тѣхъ немногихъ, которые у него ранѣе были. Но со мной у него поддерживалась за время его отсутствія, — правда очень нерегулярная, — переписка, такъ что я не терялъ его изъ виду. По своему я любилъ его и жалѣлъ всей душою.

— Если бы вы знали исторію Геслопа, васъ не удивило бы мрачное выраженіе его лица, — сказалъ я, послѣ паузы.

— Что же съ нимъ было? — спросилъ кто-то.

Я былъ въ нерѣшимости.

— Впрочемъ, я не вижу основаній къ тому, чтобы не разсказать вамъ ее, — сказалъ я, наконецъ, — хотя связанная съ нею обстоятельства были весьма непріятны и тягостны и для меня самого, какъ его друга и очевидца случая, близко касавшагося его.

Въ комнатѣ стало тихо и всѣ приготовились слушать меня.

Я бросилъ въ огонь окурокъ папироски и собравшись съ мыслями началъ:

— Это было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Я гостилъ, въ числѣ полдюжины другихъ, у генерала Ливингстона, въ снятомъ имъ на лѣто домѣ на Темзѣ. Съ нами были Дикъ Карей, Джонъ Геслопъ, Сибилъ Ливингстонъ, племянница генерала, и еще нѣсколько человѣкъ.

Все дѣло началось какъ-то за чаемъ, когда мы сидѣли на лужайкѣ въ примыкавшемъ къ дому паркѣ. Сибилъ сказала,

таго высокой водой камыша немилосердно терзали наши тѣла.

Это была труднѣйшая и опаснѣйшая часть нашего пути, и нѣсколько разъ мы проваливались на глубинѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ плыть было нельзя, гибкій же камышъ не могъ служить опорой...

И мы выбрались на берегъ, напрягая уже послѣднія силы.

Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ я пришелъ въ себя и взглянулъ на своего давняго палача.

Онъ сидѣлъ потухшій и молчаливый, какъ до нашего путешествія въ лодкѣ, и дрожалъ. Тогда я разбудилъ спавшаго подъ тѣлой кучеренка, вытащилъ изъ подъ его головы свое верхнее платье, изъ котораго онъ устроилъ себѣ изголовье, и, ставивъ съ философа его мокрый костюмъ, одѣлъ его въ сухую одежду.

Это была моя послѣдняя жертва на алтарѣ нѣмецкой философіи.

П. Зайкинъ.

ПОГИБШІЙ МІРЪ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рскстона, профессора Сомерли и м-ра Э. Д. Малона изъ «Единственной Газеты».

Артура Конанъ-Дойля.

Глава VIII.

На аванпостахъ новаго міра.

Пусть наши друзья тамъ, дома, порадуются вмѣстѣ съ нами — ибо мы уже у цѣли. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ указанія профессора Чалленджера оказывались совершенно вѣрными. Правда, мы еще не взобрались на плато, но оно высится передъ нами, и даже профессоръ Сомерли до извѣстной степени присмирѣлъ. Не то, чтобы онъ склоненъ былъ признать правоту своего соперника — нѣтъ, онъ сдается только передъ очевидностью — но теперь онъ уже не докучаетъ ему поминутно язвительными замѣчаніями, а больше молчитъ и наблюдаетъ. Однако, я долженъ вернуться къ своему рассказу съ того мѣста, гдѣ прервалъ его. Мы отсылаемъ обратно одного изъ нашихъ индѣйцевъ, повредившаго себѣ руку, и я поручаю ему отправить это письмо, хоть и сильно сомнѣваюсь, чтобы оно дошло по адресу.

Въ послѣдній разъ я писалъ вамъ передъ уходомъ изъ индѣйской деревушки, гдѣ покинула насъ «Эсмеральда». Приходится начать съ дурныхъ извѣстій, такъ какъ въ этотъ вечеръ произошла первая серьезная непріятность между членами нашей маленькой экспедиціи (не считая постоянной пикировки между профессорами), которая могла имѣть трагическій исходъ. Я уже упоминалъ о взятомъ нами въ услуженіе метисѣ, Гомецѣ, говорящемъ по-англійски: онъ отличный работникъ и, вообще, малый услужливый, но, къ сожалѣнію, черезчуръ любопытенъ — недостатокъ, нерѣдко свойственный этого сорта людямъ. Въ послѣдній вечеръ передъ уходомъ изъ деревни, онъ спрятался близъ хижины, гдѣ мы обсуждали наши планы; другой нашъ слуга, великанъ-негръ, Замбо, преданный намъ, какъ песъ, замѣтилъ его и, со свойственной неграмъ ненавистью къ полукровкамъ, поспѣшилъ вытащить его изъ кустовъ и приволокъ къ намъ — для должнаго наказанія. Гомецъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и, еслибъ не огромная сила Замбо, одной рукой обезоружившаго метиса, не сдобровать бы ему. Дѣло кончилось строгимъ выговоромъ обоимъ; ихъ заставили помириться, пожать другъ другу руки, и надо надѣяться, что дальнѣйшихъ послѣдствій эта ссора имѣть не будетъ.

Что касается распри между нашими двумя учеными, она не прекращается. Надо сознаться, что Чалленджеръ можетъ разозлить хоть кого своей надменностью и дерзостью, но и у Сомерли язычекъ, какъ бритва, и онъ не упускаетъ случая допечь противника. Вчера, напримѣръ, Чалленджеръ говоритъ, что онъ терпѣть не можетъ гулять по берегу Темзы и смотрѣть вверхъ по теченію, потому что

непріятно, вѣдь, смотрѣть на собственную будущую гробницу. Онъ, разумѣется, убѣжденъ, что прахъ его будетъ покоиться въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ хоронятъ всѣхъ знаменитыхъ людей Англіи. Сомерли, съ кислой улыбкой, замѣчаетъ, что вѣдь, Мильбанская тюрьма, сколько ему извѣстно, находится внизъ, а не вверхъ по теченію Темзы. Чалленджеръ слишкомъ преисполненъ сознаніемъ собственного превосходства, чтобы серьезно обидѣться на такое возраженіе; онъ только усмѣхнулся себѣ въ бороду и молвилъ: «въ самомъ дѣлѣ?» — снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми. Да они и на самомъ дѣлѣ дѣти, оба — одинъ тощій и придирчивый, другой грузный и надменный, но оба съ такими мозгами, которые естественно выдвигаютъ ихъ въ первый рядъ ученыхъ. Но до чего они различны!

Профессоръ Чалленджеръ.

На другой день мы двинулись в путь. Весь наш багаж легко уложился в две лодки, куда ушли и мы сами, по шести человек в каждую, причем профессоров во избежание лишних споров, посадили врезь. Я съез с Чалленджером, который был в чудеснейшем расположении духа; каждая черта его лица выражала безмолвный экстаз и благоволение. Но я уже видал его во всяких настроениях и ни мало не удивился, если среди этого ясного неба внезапно грянет гром. С ним никогда нельзя быть спокойным, но зато с ним и не соскучишься никогда, так как никогда не знаешь, что он съест через минуту.

Два дня мы плыли по реке, шириною в несколько сот ярдов; вода в ней темного цвета, но прозрачная, так что почти всюду видно дно. Такова половина притоков Амазонки; другая половина имеет воду мутную и бледную; разница зависит от того, в какой местности протекают эти реки. Темная вода — признак гниющей растительности; мутная — глинистой почвы. Дважды нам приходилось переправляться через пороги и с полмили на руках нести лодки. Какая торжественная тишина царила в джунглях! Никогда мне не забыть этой тишины. Никогда я не видал этих высоких деревьев, такой огромной толщины стволов, напоминающих колонны храма и, как колонны, возносящихся вверх, так высоко, что мы лишь смутно различаем место, где извилистые ветки их переплетались между собой, образуя над головою зеленый шатер, сквозь который лишь изредка пробивался яркий луч света. Ноги наши бесшумно ступали по мягкому ковру гниющих листьев; кругом полумрак, точно под сводами храма; мы невольно присмирели, и даже громовой бас профессора Чалленджера понизился до шепота. Сам я, конечно, не сумел бы различить и назвать все эти гигантские деревья, но наши ученые сразу отличали кедры, траянистый хлопчатник, красное дерево и др. Яркие орхидеи и мох всевозможных ярких цветов обвивали темные стволы деревьев, и, когда луч света падал на все это пестрое царство алламант, таксоний, ипомей, мне казалось, что я попал в сказочную страну. В этих огромных, как пустыни, лесах каждое растение, каждая травка тянется вверх, к свету. У кого не хватает силы самому добраться, тот обвивается вокруг более сильных братьев. Ползучие растения здесь достигают чудовищной величины и пышности, и даже те, которые в других местах не бывают ползучими, как, например, обыкновенная крапива и жасмин, здесь обвивают стволы кедров и стремятся достигнуть их вершины.

Животной жизни под этими могучими сводами не было, но постоянный шорох и движение гадь нашими головами выдавали змей и обезьян, птиц и лягушек, которые, грясь на солнышке там, наверху, с неизмеримой высоты с недоумением смотрели на маленьких темных двуногих фигурки, пребирающиеся внизу, под деревьями. На заре и на закате солнца поднимали крик обезьяны и попугаи пересмешники, но в жаркие полдневные часы воздух был наполнен лишь гудением и жужжанием насекомых, напоминающим рокот далекого прибоя, и на стволах, уходящих круглыми колоннами вверх, не заметно было никакого движения. Раз только что-то неуклюжее и косолапое, должно быть, медведь или муравьед, — грузно пробжало мимо нас и скрылось во тьме. Это было единственное живое существо, которое я видел вблизи в джунглевом лесу на берегах Амазонки.

А, между тем, были признаки, указывавшие, что вблизи этого джунгленного бора таится не только животная, но и человеческая жизнь. На третий день пути, утром, мы услышали какой-то странный звук, ритмический и мрачный, равномерно повторяющийся через определенные промежутки времени. Обе лодки поторопливо плыли на

небольшом расстоянии одна от другой. Индейцы наши вдруг, словно по команде, перестали грести и замерли на местах, точно превратившись в бронзовые изваяния; лица их выражали напряженное внимание и страх.

— Что это? — спросил я.

— Барабанный дробь, — беззвучно откликнулся мистер Джонс. — Военные барабаны. Я уже слышал их раньше.

— Да, сэр, военные барабаны, — подтвердил Гомер. — Дикие, индейцы, не седлые, разбойники; они нас подстерегают и убьют, если смогут.

— Каким же образом, где они могут нас подстерегать? — изумился я, взглядываясь в недвижный, темный бор.

Метись пожалуй широкими плечами.

— Индейцы знают. У них свои способы. Они следят за нами. Барабанами они переговариваются между собой. Если смогут, убьют нас.

Под вечер того же дня — в моей записной книжке отмечен этот день: вторник, 18-го августа — мы слышали барабанный бой по крайней мере с шести-семи различных сторон. Иногда это была торопливая, быстрая, мелкая дробь; иной раз медленные, размазанные удары; порой как будто вопросы и ответы; затрепетать, например, на востоке частая-частая дробь, потом пауза, потом откликается глухой рокот с севера. Удивительно жутко было слушать этот перемежающийся барабанный бой, в музыку которого так удобно укладывались слова без конца повторяемые нашим метисом: «Мы убьем вас, если сможем! Мы убьем вас, если сможем!» В дремучем бору царили мир и тишина; природа, казалось, мирно дремала, прикрывшись густым плащом растительности, а от человека к человеку неслась грозная весть: «Мы убьем вас, если сможем!».

Весь этот день барабаны то гремели, то шептали, и угроза их темнила лица наших темнокожих спутников. Даже смелый, хвастливый метис приуныл и присмирел. Зато, в этот день я убедился, что оба наши ученые предводители надблены тем особым видом мужества, который зовется мужеством ученого. Тем самым мужеством, которое поддерживало спокойствие в Дарвин среди аргентинских таукосов и в Уоллэс — на Малайском Архипелаге, среди охотников за черепами. Милосердая Природа устроила так, что человеческий мозг не выдерживает больше одной мысли зараз, и человек, целиком отдавший себя науке, перестает заботиться о себе самом, бояться за себя. Весь день, под непрерывной угрозой барабанных сигналов наши оба профессора наблюдали птиц, распозная их по оперению, и приспирались из-за каждого кустика на берегу, не чувствуя опасности и так же мало думая о ней, как если бы они сидели в курительной своего клуба на Сент-Джемс-стрит. Один лишь раз они снизошли до обсуждения личности подающих эти сигналы.

— Любопытно племени Маринха или Амахуака, — сказал Чалленджер, указывая толстым пальцем по направлению к чащам леса.

— Без сомнения, — поддержал Коммерли. — По всей вероятности, монгольского типа и с языком, представляющим смесь всевозможных наречий.

— Насчет языка, согласен, — снисходительно замечал Чалленджер. — Иного типа языка и быть на этом континенте, хотя наречий я один отметил до ста. Что же касается монгольского типа — это мне весьма сомнительно.

— Казалось бы, в этом легко убедиться, даже при ограниченном знании сравнительной анатомии, — ядовито замечал Коммерли.

Чалленджер вызывающе вздернул подбородком.

При ограниченном,—да, конечно. Но, при основательном знании ея, приходишь к иным выводам.

Оба противника вызывающе уставились друг на друга. А издали мелкой дробью неся злобный шепот: «Мы убьем вас, если сможем».

В эту ночь мы стали на якорь посреди рѣки, пригавзавъ къ нашимъ якорямъ тяжелые камни, и приготовились къ нападенію. Однако, ночь прошла спокойно, а съ зарею мы снова двинулись въ путь, и теперь барабаны грохотали уже за нами. Около трехъ часовъ пополудни мы наткнулись на очень крутой и высокій порогъ, съ милой длиной,—тотъ самый, на которомъ опрокинулась лодка профессора Чалленджера во время первого его путешествія. Сознаюсь, видъ этого порога былъ мнѣ утѣшителенъ, какъ первое наглядное, хотя и незначительное, доказательство правдивости его рассказа. Индѣйцы перенесли черезъ прибрежные кусты сперва наши лодки, а затѣмъ и багажъ; мы же, четверо бѣлыхъ, съ ружьями за плечами шли сбоку, охраняя ихъ отъ опасности, грозившей намъ изъ лѣсу. Къ вечеру мы миновали пороги и проѣхали еще около десяти миль дальше ихъ; тутъ и бросили якорь на ночь. По моему расчету, это было уже миль за сто отъ слиянія этого притока Амазонки съ главной рѣкой.

Слѣдующій день былъ началомъ великихъ открытій. Съ самаго утра профессоръ Чалленджеръ волновался, пристально вглядываясь то въ одинъ, то въ другой берегъ рѣки. Неожиданно онъ вскрикнулъ отъ радости, указывая на одинокое дерево, подъ острымъ угломъ наклонившееся къ рѣкѣ.

— Какъ по вашему? Что это за дерево?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, пальма Ассай,—откликнулся Сомерсли.

— Совершенно вѣрно. Это моя замѣта. Въ полумилѣ отъ этой пальмы, на другомъ берегу есть потайное отверстіе. Не смотрите на деревья—никакого просвѣта въ нихъ вы не увидите. Это-то и замѣчательно. А вонъ тамъ, гдѣ кончается темно-зеленая лѣсная поросль и начинаются свѣтло-зеленые камыши, между рошами хлопчатника, тамъ мой потайной ходъ въ невѣдомое. Дойдемъ,—сами увидите и поймете.

Мѣсто было на рѣдкость красивое. Добравшись до линіи свѣтло-зеленыхъ тростниковъ, мы нѣкоторое время пробрались сквозь нихъ, раздвигая ихъ носами лодокъ, и затѣмъ неожиданно очутились въ неглубокой и тихой рѣчущкѣ, съ свѣтлой, прозрачной водой, съ песчанымъ дномъ, шириною не больше двадцати ярдовъ. Оба берега рѣчки были покрыты роскошнѣйшей растительностью. Тотъ, кто не обратилъ бы вниманія на то, что прибрежные кусты ненадолго уступаютъ мѣсто камышамъ, никогда и не догадался бы о существованіи этой рѣчки и волшебной страны, омываемой ею.

Ибо это, дѣйствительно, была волшебная страна, самая удивительная, какую только можетъ представить себѣ человѣческая фантазія. Пышная растительность сплеталась надъ нашими головами то въ естественной сводъ, и черезъ этотъ зеленый туннель, пронизанный затѣненнымъ золотистымъ свѣтомъ, струилась зеленая, прозрачная рѣчка, поверхность которой переливала самыми фантастическими отсвѣтами. Чистая, какъ хрусталь, недвижная, какъ стекло, зеленоватая, какъ край плывучей льдины, тянулась она передъ нами, и каждый взмахъ весель разсыпалъ тысячи разноцвѣтныхъ брызгъ по ея спокойной поверхности. Это было достойное преддверіе къ странѣ чудесъ. Объ индѣйцахъ мы уже позабыли, но животная жизнь здѣсь кипѣла, и животные не пугались насъ—очевидно, они никогда не видали охотника. Забавная, черная, словно бархатная обезьянка съ бѣлоснѣжными и блестящими, насмѣшливыми глазками что-то кричала намъ съ берега. Порою слышался тяжелый всплескъ каймана. Темный, неуклюжій тапиръ изумленно уставился на насъ и потомъ, тяжело ступая, побрелъ обратно въ лѣсъ; разъ въ кустахъ мелькнуло желтое, гибкое тѣло огромнаго пумы и зеленые злые глаза мрачно глянули

на насъ черезъ плечо. Птицъ здѣсь было множество, въ особенности, болотныхъ: аистовъ, цапель, ибисовъ, бѣлыхъ, голубыхъ, ярко-красныхъ, стоявшихъ небольшими группами на каждомъ бревнѣ, свѣшивавшемся съ берега; прозрачная вода подъ ними кишѣла всевозможною рыбой.

... Никогда я не видалъ такихъ высокихъ деревьевъ, такой огромной толщины стволовъ, напоминающихъ колонны храма и, какъ колонны возносящихся въвысь... Въ этихъ огромныхъ лѣсахъ каждое растеніе, каждая травка тянется въ рхъ, къ свѣту. У кого не хватаетъ силы самому добраться, тотъ обвивается вокругъ [болѣе сильныхъ братьевъ]...

Три дня мы плыли этимъ туннелемъ, въ золотисто-зеленомъ полу-мракѣ, полу-свѣтѣ. Вдали трудно было даже различить, гдѣ кончалась вода и начинался зеленый сводъ. Глубокая тишина, царившая здѣсь, не нарушалась никакими признаками человѣческой жизни.

— Здѣсь пѣтъ индѣйцевъ. Боятся Курупури,—заявилъ Гомеръ.

— Курупури это духъ лѣсовъ,—полюбилъ лордъ Джонъ.—Это имя носятъ всѣ демоны. Бѣдные туземцы боятся, что

въ этомъ направленіи можно наткнуться на что-то опасное, и потому не ѣздить сюда.

На третій день стало очевиднымъ, что на лодкахъ ѣхать нельзя; рѣка быстро мелѣла и мы уже два раза садились на дно. Кончилось тѣмъ, что мы вытащили лодки на берегъ, въ кусты, и провели ночь на сушѣ. Утромъ мы съ лордомъ Джономъ отправились на развѣдки, прошли милю двѣ параллельно теченію и вернулись съ докладомъ, что дальше ни на какомъ челнокѣ не проѣхать. Чалленджеръ и раньше говорилъ намъ, что мы уже добрались до самаго высокаго мѣста, куда можно довести лодку вверхъ по теченію. Поэтому мы спрятали наши лодки въ кустахъ, поставивъ заминку, чтобы найти ихъ—свѣже-срубленное дерево, которое мы свалили топорами, и пошли дальше, нагрузившись всей своей кладью: ружьями, боевыми запасами, порохомъ и пулями, одеялами, палатками и пр. Начиналась самая трудная часть нашего путешествія.

Начало ея ознаменовалось открытой ссорой между нашими двумя учеными. Чалленджеръ, съ перваго же момента, какъ онъ присоединился къ намъ, взявъ на себя руководство экспедиціей, къ немалому неудовольствію Соммерли. Когда же Чалленджеръ осмѣлился дать и ему поклажу, хотя это было всего-навсего барометръ-анероидъ, старикъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Можно узнать, сэръ,—съ напускнымъ спокойствіемъ осведомился онъ,—по какому праву вы позволяете себѣ здѣсь распоряжаться?

Чалленджеръ вспыхнулъ и сразу ошетинился.

— По праву руководителя экспедиціи, профессоръ Соммерли.

— Считаю долгомъ заявить вамъ, что таковымъ я васъ не признаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? А что же я такое здѣсь, по вашему?

— Вы—человѣкъ, правдивость котораго подлежитъ сомнѣнію и провѣряется вотъ этимъ комитетомъ. Передъ вами, милостивый государь, ваши судьи.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ, вы можете продолжать вашъ путь, а я пойду своимъ. Если я не вожатый вашъ, такъ и не ждите, чтобы я велъ васъ.

И Чалленджеръ ушелъ на бортъ лодки.

Счастье еще, что съ ними было двое здравомыслящихъ людей: лордъ Джонъ и я,—не то наши взбеленившиеся ученые, чего добраго, заставили бы насъ вернуться съ пустыми руками въ Лондонъ. Сколько времени и труда намъ пришлось положить на то, чтобы умиловить и уговорить ихъ не портить дѣла! Наконецъ, Соммерли, съ неизмѣнной ядовитой усмѣшкой и неизмѣнной трубкой въ зубахъ, пошелъ впередъ, а Чалленджеръ, ворча и соня, зашагалъ сзади. Только и надежды было намъ, что на д-ра Иллингъ-ворта, шотландскаго зоолога, котораго оба профессора одинаково ненавидѣли и презирали. Какъ только начинали ссориться, мы спѣшили имъ подсунуть имя этого ученаго и примирить ихъ на предметъ общей ненависти.

Идя гуськомъ вдоль берега рѣки, мы скоро убѣдились, что она съ каждымъ шагомъ становится все уже, постепенно превращаясь, наконецъ, въ маленькій ручеекъ, теряющійся въ покрытомъ зеленой рясой болотѣ, поросшемъ густообразнымъ мохомъ, въ который ноги наши уходили до коленъ. Надъ болотомъ кружились несмѣтные рои москитовъ и прочихъ гнусныхъ пасѣкомыхъ, и мы были рады радехоньки, когда выбрались, наконецъ, на твердую землю и очутились въ тѣни деревьевъ, обойдя стороной болото, которое такъ и гудѣло вдали.

На второй день послѣ того, какъ мы, оставивъ лодки, пошли пѣшкомъ, характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Дорога все время шла въ гору и, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались, лѣса становились менѣ густыми, теряя свою тропическую пышность. Высокія деревья Амазонской заливной равнины уступили мѣсто финиковымъ и кокосовымъ пальмамъ, растущимъ группами, съ промежутками,

заполненными густымъ кустарникомъ. Въ ложинахъ, болѣе сырыхъ, пальма Мауритія раскидывала вѣтеромъ свои граціозно никнущія листья. Мы руководились исключительно компасомъ, и раза два-три возникали разногласія между Чалленджеромъ и нашими индѣйцами относительно того, куда идти, и мы, по выраженію негодующаго профессора, довѣряли инстинкту невѣжественныхъ дикарей больше, нежели мнѣнію высшаго продукта современной европейской культуры. Однако, на третій день выяснилось, что поступая такъ, мы были правы, ибо Чалленджеръ узналъ свои же собственные замѣты и зарубки, а въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на четыре обожженныхъ камня—явно, слѣды бивака.

Дорога все шла въ гору; два дня мы потратили на то, чтобы перевалить черезъ гребень, усыпанный острыми каменными глыбами. Характеръ растительности снова измѣнился; деревья были теперь приземистыя; отъ пышной флоры остались лишь изумительныя орхидеи да кустистые папоротники, которыми заросли берега горныхъ ручьевъ съ каменистыми ложами, бѣжавшими изъ ущелій. Близъ такихъ ручьевъ, или маленькихъ горныхъ озеръ мы каждый вечеръ располагались на ночлегъ и, наловивъ небольшихъ голубоватоспинныхъ рыбокъ, вроде нашей форели, которыми кишѣли эти горныя озера, устраивали себѣ превкусный ужинъ.

На девятый день, пройдя, по моему расчету, около ста двадцати миль, мы вышли изъ пояса деревьевъ, перешедшихъ подъ конецъ въ низкій кустарникъ, и очутились въ густыхъ заросляхъ бамбука, такихъ густыхъ, что пробираться сквозь нихъ можно было, только прорубая себѣ дорогу топоромъ. Цѣлый долгій день, съ семи часовъ утра до восьми вечера, лишь съ двумя часовыми промежутками отдыха, ушелъ на то, чтобы преодолѣть это препятствіе. Трудно себѣ представить что-либо болѣе однообразное и утомительное; даже на сравнительно открытыхъ мѣстахъ я не видѣлъ впереди ничего, кромѣ спины лорда Джона и высокихъ желтыхъ стѣнъ бамбука по бокамъ. Сверху узкой полоской, тонкой, какъ лезвіе ножа, свѣтило солнце, а надъ головами на высотѣ пятнадцати футовъ колыхались только голыши бамбука, темно синее небо. Не знаю, что за вѣбри живутъ въ этой чащѣ, но не разъ мы совсѣмъ близко отъ себя слышали хрустъ и топотъ какихъ-то крупныхъ, тяжелыхъ животныхъ. По топоту лордъ Джонъ рѣшилъ, что это—дикіе быки, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Только къ ночи мы выбрались изъ этихъ бамбуковъ и сейчасъ же расположились на ночлегъ, такъ какъ всѣ измучились за этотъ безконечный день.

На другой день, чуть свѣтъ, мы были уже на погахъ и созерцали совершенно иную картину мѣстности. Позади насъ стѣною высился бамбукъ, рѣзкой чертой, словно отмѣчавшей берегъ рѣки. Впереди раскинулась широкая равнина, отлого поднимавшаяся, усыпанная кой-гдѣ кучами рослыхъ, какъ деревья, папоротниковъ и закапчивавшаяся наверху длиннымъ хребтомъ. До этого хребта мы добрались къ полудню, — лишь для того, чтобы снова спуститься въ неглубокую долину, снова отлого поднимающуюся, вплоть до низкой, округлой линіи горизонта. Здѣсь-то у первой гряды холмовъ, пересѣкающихъ эту долину, произошелъ инцидентъ, можетъ быть, очень важный, а, можетъ быть, и совсѣмъ не важный—это покажетъ будущее.

Профессоръ Чалленджеръ, вмѣстѣ съ двумя индѣйцами шедшій въ авангардѣ, неожиданно остановился и взволнованно указалъ рукой направо. Всѣ мы повернули туда же и увидѣли, на разстояніи мили, или около того, что-то вроде большой сѣрой птицы, медленно подымавшейся съ земли и летѣвшей низко надъ камнями, по прямому направленію, пока она не скрылась между зарослями папоротника.

— Вы видѣли?—крикнулъ Чалленджеръ,—Соммерли, вы видѣли?

Его коллега не сводилъ глазъ съ того мѣста, куда исчезла птица.

— Это что же, по вашему?

— По моему, это птеродактиль.

Соммерли насмѣшливо фыркнулъ. Птеродактиль? А, по моему, просто журавль, только и всего!

Чалленджеръ слишкомъ разозлился, чтобы возражать. Онъ только взвалилъ себѣ на спину свой тючекъ и торопливо зашагалъ впередъ. Но лордъ Джонъ поравнялся со мною, съ цейссовскимъ биноклемъ въ рукѣ, и молвилъ такимъ серьезнымъ тономъ, какого я еще не слыхалъ отъ него.

— Я разглядывалъ эту птицу раньше, чѣмъ она поднялась надъ деревьями. Не берусь судить, что это именно за птица, но, рискуя своей репутаціей опытнаго спортсмена, рѣшительно утверждаю, что такой птицы я въ жизнь свою нигдѣ не видалъ.

Итакъ, вотъ какъ обстоитъ дѣло. Значить, мы и вправду, у предѣла невѣдомаго, у порога того потерянаго міра, о которомъ рассказываетъ нашъ вожатый?.. Не знаю. Говорю только все, какъ было. Кромѣ того, мы, пока ничего замѣчательнаго не видѣли.

А теперь, друзья-читатели, если только у меня они будутъ, мы, значить, миновали и Амазонку, и зеленую стѣну камышей, и зеленый туннель, и склонъ, усыянный пальмами, пробились сквозь бамбуковыя рогатки, пересѣкли равнину, поросшую высокими папоротниками, какъ деревья. Во всякомъ случаѣ, цѣль уже въ виду, передъ нами. Перевалившись черезъ вторую гряду, мы увидѣли предъ собой неправильной формы равнину, поросшую пальмами, а за нею—гряду высокихъ красныхъ утесовъ, которые я уже видѣлъ на рисункѣ. Вотъ она, я смотрю на нее, когда я пишу: несомнѣнно, это та самая. Отъ теперешняго нашего лагеря до ближайшей точки ея не менѣе семи миль, и она, изгибами уходя въ даль, скрываясь изъ виду. Чалленджеръ ходитъ, напыжившись, какъ призовой пѣтухъ, а Соммерли молчитъ, хотя выраженіе лица у него все же скептическое. Еще день-другой, и сомнѣнія наши разсѣются. А пока, посылаю это письмо съ Хозе, который прокололъ себѣ руку сломаннымъ бамбукомъ и настаиваетъ, чтобы мы отпустили его домой. Будемъ надѣяться, что оно дойдетъ по адресу. При случаѣ напишу опять. Прилагаю грубо начерченную карту нашего пути, которая, можетъ быть, сдѣлаетъ болѣе понятнымъ мой рассказъ о немъ.

Глава IX.

Кто бы могъ это предвидѣть?

Съ нами случилось нѣчто ужасное. Я не предвижу конца нашимъ затрудненіямъ и огорченіямъ. Чего добраго, намъ до конца жизни придется просидѣть здѣсь, въ этомъ странномъ, недоступномъ снаружи, уголкѣ. Я такъ растерянъ и смущенъ, что не могу ничего какъ слѣдуетъ сообразить. Настоящее ужасно; будущее покрыто мракомъ неизвѣстности.

Врядъ-ли когда-нибудь другіе люди оказывались въ такомъ ужасномъ безвыходномъ положеніи. Если даже мы укажемъ географически точно, гдѣ именно мы находимся, и будемъ просить нашихъ друзей, чтобы они пришли намъ на выручку,—и отъ этого пользы не будетъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, участь наша рѣшится задолго до того, какъ спасательная экспедиція прибудетъ въ Южную Америку.

Въ сущности, мы такъ же далеки отъ всякой человѣческой помощи, какъ если бы мы вдругъ очутились на лунѣ. Если мы и выберемся отсюда, то лишь собственными силами. Мои три спутника—все замѣчательные люди, огромнаго ума и мужества непоколебимаго. Они такъ спокойны, что, когда я смотрю на невозмутимыя ихъ лица, у меня невольно возникаетъ проблескъ надежды:—неужто такіе люди не

умѣютъ придумать выхода? Впрочемъ, по внѣшности и я спокоенъ, но въ душѣ полонъ мрачныхъ предчувствій.

Но позвольте изложить вамъ подробно рядъ событій, приведшихъ насъ къ этой катастрофѣ.

Когда я писалъ свое послѣднее письмо, мы находились въ семи миляхъ отъ огромной гряды красноватыхъ утесовъ, несомнѣнно окаймляющихъ плато, о которомъ говорилъ профессоръ Чалленджеръ. Когда мы подошли къ нимъ ближе, мнѣ показалось, что они мѣстами, выше, чѣмъ онъ думалъ—кой-гдѣ вышиною даже до тысячи футъ—и какъ то странно исполосованы—это, если не ошибаюсь, особенность базальтовыхъ образований. Нѣчто подобное можно видѣть на Солсберійскихъ скалахъ, близъ Эдинбурга. Вершины ихъ были, повидимому, покрыты роскошной растительностью: края—кустарникомъ, а пониже росли высокія деревья. Но никакихъ признаковъ жизни мы подмѣтить не могли.

Въ эту ночь мы разбили нашъ лагерь у самаго подножія утесовъ, въ дикомъ пустынномъ мѣстѣ. Нависшія надъ нами скалы поднимались не только перпендикулярно, но и выгибаясь наружу вверхъ, такъ что о восхожденіи на нихъ нечего было и думать. Совсѣмъ близко, рукой подать отъ насъ, высился отдѣльный тонкій, высокій утесъ, о которомъ я, кажется, уже упоминалъ, острый, какъ красный шпиль церковной башни; верхушка его приходилась наравнѣ съ плато, но между нимъ и плато зияла пропасть. На вершинѣ утеса росло одинокое высокое дерево. И плато, и утесъ въ этомъ мѣстѣ были сравнительно невысоки—футовъ пять-соть-шестьсотъ.

— Вотъ на этомъ деревѣ,—сказалъ профессоръ Чалленджеръ, указывая на него пальцемъ,—и сидѣлъ мой птеродактиль. Прежде, чѣмъ застрѣлить его, мнѣ пришлось вскарабкаться до половины на утесъ. Я—прирожденный горецъ, недурно лазаю по горамъ и могъ бы добраться и до его вершины, но это, разумѣется, ни на йоту не приблизило бы меня къ самому плато.

Когда Чалленджеръ заговорилъ о птеродактилѣ, я невольно взглянулъ на Соммерли, и въ первый разъ мнѣ показалось, что онъ начинаетъ вѣрить. На тонкихъ губахъ его не было обычной язвительной усмѣшки; напротивъ, на его худомъ, вытянутомъ лицѣ я читалъ волненіе и удивленіе. Чалленджеръ тоже замѣтилъ это и, разумѣется, возликовалъ.

— Конечно,—продолжалъ онъ,—со свойственнымъ ему тяжеловѣснымъ и неуклюжимъ сарказмомъ,—профессоръ Соммерли подумаетъ, что мой птеродактиль былъ, въ дѣйствительности, журавлемъ,—но только у этого журавля вмѣсто перьевъ, была кожа, крылья у него были перепончатыя, а во рту зубы.

Онъ усмѣхался, подмигивалъ и кланялся, пока его коллега не отвернулся и не отошелъ отъ него.

Утромъ, послѣ скромнаго завтрака, состоявшаго изъ кофе и тапіаковой каши—запасы наши были невелики, и приходилось экономить—мы стали держать военный совѣтъ, какъ намъ взобраться на плато.

Чалленджеръ председательствовалъ и такъ важничалъ, словно онъ былъ лордъ Великій Канцлеръ. Вы только представьте себѣ его сидящимъ на утесѣ, въ нелѣпой дѣтской шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, съ развѣвающейся по вѣтру огромной черной бородой, надменно поглядывающимъ на всѣхъ насъ сверху внизъ.

А внизу—мы трое: я—молодой, загорѣлый, окрѣпшій въ долгомъ пути на открытомъ воздухѣ; Соммерли, видимо, сознающій торжественность момента, хотя все еще критически настроенный, съ неразлучной трубкой въ зубахъ; лордъ Джонъ, гибкій, живой, острый, какъ бритва, опираясь на ружье, зорко вглядывающійся своими орлиными глазами въ лицо говорившаго. Позади насъ сгруппировались нашъ

двое мулатовъ и кучка индѣйцевъ: впереди громада утесовъ, заслонившихъ намъ дорогу къ пѣли.

— Нечего и говорить, — рассказывалъ Чалленджеръ, — что въ первый мой прїѣздъ сюда я испробовалъ всѣ способы взобраться на эти утесы и не думаю, чтобы кому другому это удалось на моемъ мѣстѣ, такъ какъ я самъ горецъ. Но тогда у меня не было никакихъ приспособленій для восхожденія на горы; теперь же я позаботился захватить ихъ съ собою. Съ ними я положительно увѣржаю, что я могу взобраться на вѣршину вотъ этого дѣльнаго утеса, — на другіе — нечего и пытать, такъ какъ они нависаютъ внизъ, но что пользы, когда онъ обособленъ отъ плато. Въ тотъ разъ мнѣ надо было справиться съ возвращеніемъ, такъ какъ меня захватилъ сезонъ дождей и припасы мои истощились. Я успѣлъ только пройти около шести миль на востокъ вдоль плато — и не нашелъ мѣста, удобнаго для восхожденія. Какъ же мы поступимъ теперь?

— Повидимому, разумный путь только одинъ, — сказалъ профессоръ Sommerli. — Если вы уже изслѣдовали плато съ восточной стороны, намъ остается идти на западъ, вдоль подножія, высккивая, гдѣ бы удобнѣе взобраться на него.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ лордъ Джонъ. — Вѣдь плато не особенно велико; попробуемъ обойти его кругомъ, и мы — либо найдемъ удобное мѣсто для восхожденія, либо вернемся къ тому мѣсту, откуда вышли.

— Я уже объяснялъ нашему молодому другу, — сказалъ Чалленджеръ (онъ всегда говорилъ обо мнѣ, словно я былъ десятилѣтній мальчишка — школьникъ), что удобнаго мѣста для восхожденія здѣсь быть не можетъ, ибо если бы оно было, вершина плато не могла бы быть изолированной отъ всѣхъ вліяній, совершенно измѣнившихъ условія жизни на остальной планетѣ. Но я допускаю, что могутъ найтись мѣста, гдѣ человѣкъ опытный, искусный въ лазаніи по горамъ, можетъ добраться до вершины, а громоздкое, тяжелое и неуклюжее животное и спуститься не сумѣетъ. Несомнѣнно даже, что имѣется одинъ такой пунктъ, въ которомъ восхожденіе возможно.

— Почему вы знаете? — рѣзко перебилъ его Sommerli.

— Знаю потому, что мой предшественникъ, американецъ Мэплъ Уайтъ, совершилъ такое восхожденіе. Какъ же иначе могъ бы онъ увидѣть то чудовище, которое онъ зарисовалъ въ своемъ путевомъ альбомѣ?

— Вы забываете впередъ: это еще не доказано, — вѣтилъ упрямый Sommerli. — Я признаю существованіе вѣснаго плато, такъ какъ вижу его своими глазами; но для меня еще не выяснено, есть ли на немъ какія-либо формы жизни.

— Признаете ли вы, или не признаете, это, право, совсѣмъ несущественно. Я радъ ужъ и тому, что вы, наконецъ, сумѣли замѣтить плато — кажется, оно достаточно лѣзетъ въ глаза.

Онъ взглянулъ на плато и вдругъ къ величайшему нашему изумленію, соскочилъ съ утеса, схватилъ за шиворотъ Sommerli и вздернулъ его голову вверхъ. — Вотъ! — вскричалъ онъ, голосомъ, вдругъ охрипшимъ отъ волненія — вы и теперь еще будете утверждать, что на плато нѣтъ никакой животной жизни?

Я уже говорилъ, что съ краевъ утеса свѣшивалась внизъ густая бахрома зелени. Изъ этой бахромы выдвинулось что-то черное, блестящее. Это была огромная змѣя съ плоской, лопато-образной головой. Съ минуту эта вытянутая голова качалась въ воздухъ надъ нами, и утреннее солнышко сверкало на извилистыхъ блестящихъ кольцахъ шеи; потомъ змѣя медленно втянула голову назадъ и скрылась изъ виду.

Sommerli былъ такъ заинтересованъ, что даже не протестовалъ вначалѣ, но, когда змѣя исчезла, онъ оттолкнулъ руку своего коллеги и съ достоинствомъ выговорилъ:

— Я былъ бы радъ, профессоръ Чалленджеръ, если бы вы научились дѣлать замѣчанія, не хватая людей за шиво-

ротъ. Даже появленіе обыкновеннѣйшаго пифона не можетъ оправдать подобныхъ вольностей.

— А все-таки на плато есть жизнь, — торжествующе возразилъ Чалленджеръ. — И такъ какъ теперь это ясно для всѣхъ, даже для самыхъ упрямыхъ и предубѣжденныхъ, я предлагаю сняться съ мѣста и идти на западъ, искать способовъ взобраться наверхъ.

Почва у подножія утесовъ была каменистая, съ трещинами и провалами, такъ что подвигаться впередъ можно было только медленно и съ трудомъ. Неожиданно, мы наткнулись на нѣчто, весьма поразившее насъ — остатки стараго бивака, съ пустыми жестянками изъ-подъ консервовъ, на которыхъ стояла надпись «Чикаго», съ сломаннымъ вскрывателемъ жестянокъ и пр. и пр. Тутъ же валялась екомканная и разорванная газета: «*Чикагскій демократъ*», числа разобрать было нельзя.

— Это не моя, — сказалъ Чалленджеръ. — Должно быть, это оставлено Мэплъ-Уайтомъ.

Лордъ Джонъ внимательно разглядывалъ высокій древовидный папоротникъ, подъ тѣнью котораго былъ разбитъ бивакъ. — Послушайте, господа. Взгляните-ка на это. Помоему, это оставлено нарочно, какъ замѣта.

Къ дереву былъ прибитъ гвоздемъ деревянный клинъ, указывавшій на западъ.

— Разумѣется, замѣта, — подхватилъ Чалленджеръ. — А то что же? Понимая всю опасность своей затѣи, нашъ піонеръ оставлялъ всюду замѣты, чтобы тѣ, кто, можетъ быть, послѣдуетъ за нимъ, знали, какимъ путемъ онъ шелъ. Возможно, что мы найдемъ и другіе слѣды его пути.

И мы, дѣйствительно, нашли ихъ — но какіе страшные и неожиданные. Неподалеку оттуда, у самаго подножія утесовъ, тянулась снова довольно широкая полоса бамбука, вродѣ той, черезъ которую мы уже прошли. Многіе стебли здѣсь были футовъ въ двадцать вышины, съ крѣпкими, острыми верхами, словно копья. Обходя ихъ, я замѣтилъ что-то большее внутри. И, просунувъ голову сквозь налки бамбука, увидѣлъ, что это — человѣческій голый черепъ. Неподалеку лежалъ и весь скелетъ, но черепъ отдѣлился отъ него и лежалъ ближе къ краю.

Наши индѣйцы своими *мачта* (большими ногами) расчистили проходъ и мы могли разсмотрѣть въ деталяхъ слѣды этой былой трагедіи: на мертвецѣ почти все истлѣло, но отъ сапога еще кое-что осталось, и можно было удостѣдиться по нимъ, что мертвецъ былъ европеецъ. Среди костей валялись золотые часы съ надписью: «Гудсонъ, Нью-Йоркъ» и, на цѣпочкѣ, стилографическое перо, а также серебряный морт-сигаръ, тоже съ надписью: Дж. К. отъ А. Э. С.» на крышкѣ. По состоянію металла можно было думать, что катастрофа произошла не такъ ужъ давно.

— Кто бы это могъ быть? — спрашивалъ лордъ Джонъ. — Бѣдняга! У него, кажется, всѣ кости переломаны.

— И бамбукъ растетъ сквозь переломанные ребра, — сказалъ Sommerli. — Правда, бамбукъ — быстро растущее растеніе, но все же трудно себѣ представить, чтобы этотъ трупъ лежалъ здѣсь такъ давно, что бамбукъ успѣлъ вырасти въ двадцать футовъ вышины.

— Касательно личности покойнаго — у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, — сказалъ Чалленджеръ. — Договля вѣсь на пароходѣ, я навелъ справки о Мэплъ-Уайтѣ. Въ Парѣ никто ничего не зналъ. Къ счастью, у меня былъ ключъ — рисунокъ въ его путевомъ альбомѣ, на которомъ онъ изображенъ за завтраканіемъ съ патеромъ въ Розаріо. Я разыскалъ этого патера, и, хотя онъ оказался страшнымъ болтуномъ и спершикомъ, который никакъ не могъ повѣрить, что наука разбиваетъ доводы религіи, все же онъ далъ мнѣ положительныя указанія. Мэплъ проѣхалъ черезъ Розаріо четыре года тому назадъ — за два до того, какъ я видѣлъ его мертвымъ. Но онъ тогда былъ не одинъ, а съ пріятелемъ, американцемъ, Джемсомъ Коловеромъ, котораго патеръ

— И бамбукъ растётъ сквозь переломанья ребра, — сказалъ Sommerli.

не видалъ, такъ какъ онъ оставался на пароходѣ. Я, думаю, что передъ нами смертныя останки этого самаго Джемса Коловера.

— И относительно того, какъ онъ погибъ, тоже не можетъ быть сомнѣній, — замѣтилъ лордъ Джонъ. — Онъ свалился, или былъ сброшенъ съ вершины утеса и пронизанъ насквозь бамбукомъ. Иначе, какъ бы могъ бамбукъ, который выше нашей головы, прорасти сквозь его кости?

Что-то прошумѣло надъ нашими головами и упало на мѣсто катастрофы — огромный камень, свисавшій съ края утеса. Онъ, несомнѣнно, упалъ сверху. Но самъ упалъ — или былъ сброшенъ? Случайность это или?.. — Повидимому, въ этой невѣдомой странѣ намъ угрожали самыя непредвидѣныя опасности.

Мы молча отошли и продолжали огибать линію утесовъ, высившихся непрерывною стѣной, словно чудовищныя ледяныя горы полярныхъ морей, которыя тянутся отъ края до края горизонта, и высятся, какъ башни, надъ мачтами кораблей экспедиціи. Мы прошли пять миль и не замѣтили даже ни одной трещины. И вдругъ увидели нѣчто, наполнившее наши сердца надеждой. Въ скважинѣ утеса, защищенной отъ дождя, была грубо нарисована мѣломъ стрѣла, указывающая на западъ.

— Снова Мэплъ-Уайтъ, — сказалъ Чалленджеръ. — У него, очевидно, было предчувствіе, что онъ найдетъ себѣ достойныхъ послѣдователей.

— Значитъ, у него былъ мѣлъ?

— Цѣлый ящикъ цвѣтныхъ мѣлковъ я нашелъ въ его походномъ ранцѣ. И, помню, бѣлый былъ почти весь испи-санъ.

— Это, очевидно, правильное указаніе, — сказалъ профессоръ Sommerli. — Намъ остается только слѣдовать ему. И идти дальше на западъ.

Пройдя еще пять миль, мы снова увидели нарисован-

ную на утесѣ бѣлую стрѣлу, — тамъ, гдѣ утесы впервые расщеплялись, образуя узкое ущелье. Внутри ущелья была вторая стрѣла, съ кончикомъ, загнутымъ кверху, какъ будто мѣсто, на которое она указывала, было выше поверхности земли.

Жутко было тутъ, въ этомъ ущельи! Стѣны такія высокія, а просвѣтъ голубого неба такой узенькій и затемнен- ный двойной бахромой зелени, нависавшей сверху, такъ что на днѣ царилъ полумракъ. Мы уже нѣсколько часовъ ниче- но не ѣли и страшно устали отъ долгой ходьбы по неровнымъ и острымъ камнямъ, но первыя наши были слишкомъ напря- жены для отдыха. Тѣмъ не менѣе мы велѣли нашимъ индѣй- камъ разбить бивуакъ, а сами, вчетверомъ, съ двумя мети- сами, стали подниматься вверхъ по узкому ущелью.

Возлѣ устья оно имѣло около сорока футовъ ширины, но быстро суживалось и заканчивалось острымъ угломъ, по которому нечего было и думать подняться — стѣны были почти перпендикулярны и совершенно гладкія. Очевидно, нашъ предшественникъ указывалъ не на этотъ путь восхо- жденія. Мы пошли назадъ — все ущелье было длинной не болѣе четверти мили — и вдругъ зоркіе глаза лорда Джона нашли то, что мы всѣ искали. Высоко надъ нашими головами, въ тѣни, виднѣлся болѣе темный кругъ — оче- видно, отверстіе пещеры.

Въ этомъ мѣстѣ основаніе утеса состояло изъ неплотно прилегающихъ одинъ къ другому камней, по которымъ нетрудно было вскарабкаться, и скоро всѣ сомнѣнія исчез- ли. Не только это было устье пещеры, но возлѣ него опять таки виднѣлась бѣлая стрѣла. Ясно, именно этимъ начи- налось восхожденіе на плато Мэплъ-Уайта и его злополуч- наго товарища.

Мы были слишкомъ возбуждены, чтобы вернуться въ лагерь, и рѣшили идти сейчасъ же на развѣдки. У лорда Джона былъ съ собою электрическій фонарикъ, и онъ пошелъ впередъ, отбрасывая отъ себя небольшой кружокъ желтаго свѣта; а мы, по пятамъ, за нимъ.

Пещера эта, очевидно, когда-то подвергалась дѣйствию подземныхъ водъ — стѣны ея были совсѣмъ гладкія, а дно устлано валунами. Ширина и вышина ея были какъ разъ такія, чтобы пройти, нагнувшись, одному человѣку. На протяженіи пятидесяти ярдовъ она шла почти прямо, по- томъ, поднимаясь кверху, подъ угломъ въ 45 градусовъ. Дальше дорога пошла еще круче, и намъ пришлось караб- каться на рукахъ и на колѣняхъ, по щебню, осыпавшемуся и скользящему подъ ногами. Неожиданно раздался воз- гласъ лорда Джона:

— Входъ заваленъ!

Струдившись позади него, мы увидели при желтомъ свѣтѣ фонаря, стѣну изъ отдѣльныхъ глыбъ базальта, до ходившую до самаго верха.

Верхъ пещеры обвалился.

Мы попробовали было вытаскивать отдѣльные куски, но въ результатъ только распатали верхніе, слабо держа- шіеся камни, и они угрожали свалиться и придавить насъ. Было очевидно, что намъ не по силамъ преодолѣть или устра- нить это препятствіе. Путь, которымъ Мэплъ-Уайтъ воо- брался на плато, былъ теперь уже недоступенъ.

Слишкомъ удрученные для того, чтобы говорить, мы молча вышли изъ пещеры и вернулись въ лагерь.

Однако, прежде, чѣмъ мы вышли изъ пещеры, произо- шло нѣчто, какъ потомъ выяснилось, могшее послужить намъ предостереженіемъ. Мы столпились небольшою группой въ глубинѣ пещеры, футахъ въ сорока отъ устья, когда ог- ромный камень неожиданно свалился сверху и съ страш- ной силой ударился о землю. Упавъ онъ чуть-чуть поближе — отъ насъ ничего бы не осталось. Мы не могли даже понять, откуда онъ свалился, но наши метисы, оставшіеся у входа въ пещеру, говорили, что камень пролетѣлъ мимо нихъ и

что, слѣдовательно, онъ упалъ съ вершины. Мы посмотрѣли наверхъ — тамъ не было никакого движенія, только колыхались зеленые листья на краю утеса. И все же не могло быть никакихъ сомнѣній, что камень былъ направленъ на насъ — слѣдовательно, на плато есть люди и притомъ относящіеся къ намъ враждебно.

Мы поспѣшили выбраться изъ пещеры. Положеніе само по себѣ было довольно затруднительное, но, если къ естественнымъ препятствіямъ присоединить еще сознательное противодѣйствіе челоуѣка, оно станетъ поистинѣ безнадежнымъ. И все же, глядя на эту роскошную бахромку зелени, колыхавшуюся въ нѣсколькихъ стахъ футахъ надъ нашими головами, ни одному изъ насъ не приходило въ голову вернуться въ Лондонъ, не изслѣдовавъ того, что кроется за этой зеленой завѣсой.

Обсудивъ положеніе, мы рѣшили, что самое лучшее — все таки продолжать нашъ обходъ подножія плато, въ надеждѣ найти какой-нибудь иной способъ добраться до его вершины. Линія утесовъ, постепенно понижавшихся, уже начала загибаться съ запада на сѣверъ, и, если это означало, что плато округлое, поверхность его не могла быть очень велика; въ худшемъ случаѣ, мы черезъ нѣсколько дней вернемся къ нашей исходной точкѣ.

За этотъ день мы прошли въ общемъ болѣе 2½ миль, а положеніе наше ничуть не измѣнилось. Замѣчу кстати, что, по указаніямъ нашего анероида, за весь нашъ путь, все время шедшій по уклону, мы поднялись ни болѣе ни менѣе, какъ на 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Естественно, что температура и характеръ растительности значительно измѣнились въ сравненіи съ нашимъ исходнымъ пунктомъ. Мы избавились отъ большинства гнусныхъ насекомыхъ, которыми кишитъ тропическая зона. Вокругъ насъ еще были пальмы много древовидныхъ папоротниковъ, но такихъ деревьевъ, которыя растутъ на берегахъ Амазонки, уже не было. И пріятно было видѣть на этихъ негостеприимныхъ утесахъ вьюнокъ, бегонію, страстоцвѣтъ, напоминашіе о родинѣ. Особенно волновала меня одна красная бегонія — совершенно такого цвѣта, какъ та, которая стоитъ въ вазонѣ на подоконникѣ одной, хорошо мнѣ знакомой, виллы въ Страттемѣ, — по личнымъ воспоминаніямъ тутъ не у мѣста.

Въ этотъ вечеръ — я все еще говорю о первомъ днѣ нашего обхода плато, — произошелъ неожиданный инцидентъ, разсѣявшій всѣ наши сомнѣнія относительно тѣхъ чудесъ, которыя могли ожидать насъ наверху.

Читая мой разсказъ о немъ, дорогой м-ръ Макъ-Ардель, вы можете быть впервые убѣдены, что «Газета» не напрасно потратила деньги, посылая меня въ эту экспедицію и что такой сенсаци, какую вызовутъ мои корреспонденціи, еще не бывало въ газетномъ мірѣ. Но теперь ужъ я самъ не хочу опубликовать ихъ, пока я не привезу въ Англію убѣдительныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ, потому что я не хочу, чтобы меня прозвали «Мюнхгаузенемъ». Я увѣренъ, что и вы судите также и не поставите на карту всего престижа нашей газеты, пока у васъ не будетъ въ рукахъ, что противопоставить естественному скептицизму и критическому отношенію, которое неизбежно вызовутъ подобныя статьи. И потому, даже описанію изумительнаго инцидента, изъ котораго вышелъ бы такой чудесный заголовокъ для статьи, придется полежать до времени въ папкѣ запаса.

Это произошло мгновенно. Лордъ Джонъ застрѣлилъ аджуги — маленькое животное, похожее на свинью — и мы отдали половину его индѣйцамъ, а другую половину зажарили себѣ на ужинъ. Послѣ захода солнца здѣсь становилось прохладно, и мы всѣ придвинулись поближе къ огню. Ночь была безлунная; однѣ только звѣзды слабо освѣщали равнину. И вдругъ изъ мрака что-то вылетѣло, прогудѣло надъ нами, словно аэропланъ, и спустилось на насъ. Насъ

всѣхъ, точно шаромъ, накрыли кожанья крылья; передо мною мелькнули, какъ видѣніе, длинная змѣевидная шея, свирѣпыя красные голодные глаза и огромный разинутой клювъ, къ изумленію моему полный маленькихъ блестящихъ зубовъ. Черезъ минуту видѣніе исчезло — и съ нимъ нашъ ужинъ. Въ воздухѣ наискось поднялась огромная черная тѣнь, распростертыми крыльями заслоняя звѣзды, и скрылась надъ утесами. Мы всѣ сидѣли у костра, онѣмѣвъ отъ удивленія, какъ герои Виргилія, когда на нихъ опустился съ Гарніи. Соммерли заговорилъ первый:

— Профессоръ Чалленджеръ, — сказалъ онъ торжественнымъ голосомъ, вздрагивавшимъ отъ волненія, — я считаю долгомъ извиниться передъ вами. Я очень виноватъ передъ вами, сэръ; я былъ неправъ и прошу васъ забыть прошлое.

Это было красиво сказано, и оба профессора впервые обмѣнялись рукопожатіемъ. Вотъ что дало намъ наше первое знакомство съ птеродактилемъ. Во всякомъ случаѣ, примиреніе двухъ такихъ людей стоило погибшаго ужина.

Но, если доисторическая жизнь и существовала на плато, то, очевидно, не въ большемъ изобиліи, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ трехъ дней мы никакихъ признаковъ ея не замѣчали. Путь нашъ за эти дни шелъ то каменистой пустыней, то унылыми болотами, кишѣвшими всякой болотной птицей. Съ этой стороны, то-есть съ сѣвера и востока, утесы совершенно недоступны и, еслибы не небольшой выступъ, идущій у самаго подножія надъ пропастью, намъ пришлось бы повернуть назадъ. Не разъ мы увязали по поясъ въ грязи и тинѣ гнилого полутропического болота. Въ довершеніе всѣхъ этихъ золъ, болота эти были, повидимому, излюбленнымъ обиталищемъ змѣй *яракока*, самой ядовитой и злобной изъ всѣхъ змѣй южной Америки. То и дѣло надъ поверхностью вонючей грязи показывалась извивающаяся длинная шея и голова съ разинутой пастью, злобно шипѣвшею на насъ, и намъ все время приходилось держать ружья наготовѣ. Въ памяти моей навсегда останется кошмаромъ одно воронкообразное углубленіе въ этомъ болотѣ, покрытое ярко зеленымъ мохомъ, должно быть главное гнѣздо всѣхъ этихъ гадинъ. Весь скатъ близъ этого мѣста кишѣлъ ими, и всѣ они, извиваясь, тянулись къ намъ, такъ какъ змѣя *яракока* отличается тѣмъ, что при видѣ челоуѣка она сразу нападаетъ на него. Ихъ было слишкомъ много, чтобы перестрѣлять ихъ всѣхъ, и потому мы просто-на-просто обратились въ бѣгство и помчались, что было духу. Мнѣ не забыть, какъ мы оглядывались назадъ и видѣли позади себя, межъ камышей, змѣинныя головы и шеи, злобно поворачивавшіяся въ нашу сторону. На картѣ, которую мы составляемъ, это болото такъ и названо: «*Яракока*».

Теперь утесы уже утратили свою красноватую окраску и были шоколаднаго цвѣта. Растительность наверху стала рѣже, и самая вышина утесовъ понизилась до 300—400 футовъ, но сколько-нибудь удобнаго для восхожденія мѣста все не было и не было. Наоборотъ, здѣсь утесы были какъ будто неприступнѣе — они подымались совершенно отвѣсно, какъ вы можете видѣть на прилагаемомъ рисункѣ.

— Но, позвольте, — говорилъ я, когда мы обсуждали положеніе, — вѣдь дождь-то долженъ же куда-нибудь стекать? Должны были же образоваться въ этихъ утесахъ ложбины и стоки?

— У нашего молодого друга бываютъ иногда свѣтлые проблески, — сказалъ профессоръ Чалленджеръ, потрепавъ меня по плечу.

— Долженъ-же куда-нибудь дѣваться дождь; не остается же онъ вѣчно на плато, — повторилъ я.

— Нашъ молодой другъ разсуждаетъ вполне разумно. Но, увы, мы своими глазами убѣдились, что никакихъ стоковъ и ложбинъ на плато нѣтъ.

— Да куда же онъ дѣвается? — допытывался я.

— Надо полагать, что если онъ не стекаетъ наружу, значить онъ уходитъ внутрь.

— Въ такомъ случаѣ въ центрѣ плато должно быть озеро?

— Надо полагать.

— Болѣе чѣмъ вѣроятно, но это озеро не что иное, какъ старинный кратеръ вулкана, — сказалъ Sommerli. — Да и все это образование, несомнѣнно, вулканическое. Но, какъ бы то ни было, я увѣренъ, что поверхность плато, постепенно понижаясь къ центру, образуетъ довольно большое внутреннее озеро, изъ котораго вода, быть можетъ, какими-нибудь подземными каналами просачивается въ болота Яракока.

— Если только уровень воды въ немъ не регулируется посредствомъ испаренія, — возразилъ Чалленджеръ; и между двумя учеными снова поднялся одинъ изъ ихъ обычныхъ безконечныхъ споровъ, такъ же мало понятныхъ для насъ, какъ еслибы они говорили на китайскомъ языкѣ.

На шестой день мы закончили обходъ утесовъ и пришли къ мѣсту перваго нашего бивака. Настроеніе наше было не важное, такъ какъ осмотръ подножія мы произвели самый добросовѣстный и безусловно убѣдились, что взобраться на плато не подь силу человѣку, хотя бы и опытному въ лазаніи по горамъ. Тотъ же путь, которымъ воспользовался Мэплъ-Уайтъ, нынѣ былъ непроходимъ.

Что же намъ теперь дѣлать? Провизіи у насъ, вмѣстѣ съ тою, которую мы добывали при помощи нашихъ ружей, было достаточно, но можетъ настать день, когда запасы наши истощатся, а пополнить ихъ нечѣмъ. Мѣсяца черезъ два начнется сезонъ дождей, и намъ негдѣ будетъ укрыться отъ нихъ. Утесы были тверже мрамора и прорубить себѣ дорогу на такую высоту у насъ не хватитъ ни времени, ни силъ. Не удивительно, что въ этотъ вечеръ мы угрюмо переглянулись между собой и, не обмѣнявшись ни словомъ, постѣпили залѣзть подь одѣяла. Помню, засыпая, я видѣлъ Чалленджера сидящимъ, какъ бульдогъ, на заднихъ лапахъ у костра, обхвативъ руками огромную косматую голову, погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Я пожелалъ ему доброй ночи — онъ даже не отвѣтилъ: должно быть, и не слышалъ.

Но на другое утро мы увидѣли Чалленджера совсѣмъ другимъ — сияющимъ, самодовольнымъ. Въ глазахъ его свѣтилась напускная скромность, какъ бы говорившая: «Я знаю, что я заслужилъ всѣ вати похвалы, но прошу васъ ничего не говорить, чтобъ не конфузить меня». Борода его радостно щетинилась, грудь была выпячена впередъ, рука засунута въ передній карманъ пиджака. Такимъ, по всей вѣроятности, онъ представлялся самъ себѣ на пьедесталѣ своего будущаго памятника въ Трафальгаръ-скверѣ.

— Эйрика! — крикнулъ онъ, сверкая бѣлыми зубами. — Господа, вы можете поздравить себя и меня. Задача рѣшена.

— Вы нашли способъ взобраться наверхъ?

— Смѣю думать, что такъ.

— Какой же?

Вмѣсто отвѣта, онъ указалъ намъ на копьеобразный утесъ направо.

Наши лица — мое, по крайней мѣрѣ, — вытянулись. Мы готовы были повѣрить нашему товарищу, что взобраться на него возможно, но между нимъ и плато зияла бездна.

— Черезъ эту пропасть намъ не перебраться, — вздохнулъ я.

— Попробуемъ, по крайней мѣрѣ, взобраться на вершину, — возразилъ Чалленджеръ. — А тамъ, авось, ужъ что-нибудь придумаемъ.

Послѣ завтрака мы распаковали ящики, въ которыхъ были всѣ принадлежности для восхожденія. Чалленджеръ вытаскилъ оттуда свернутую въ кольцо легкую и крѣчайшую веревку въ полтора фута длины, желѣзные скрѣпы, гвозди для подошвъ и пр. и пр. Лордъ Джонъ былъ опытный

альпинистъ, Sommerli на своемъ вѣку также совершилъ нѣсколько трудныхъ восхожденій, такъ что новичкомъ въ этомъ дѣлѣ былъ одинъ только я, но зато моя молодость и сила возмѣщали недостатокъ опытности.

Въ сущности, это была не очень трудная задача, хотя моментами у меня, что называется, волосъ становился дыбомъ. Первую половину дороги мы прошли легко, но, чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась круче, и послѣдніе 50 футъ въ мы, буквально, карабкались на четверенькахъ, цѣпляясь руками и ногами за каждый выступъ и трещину въ скалѣ. Мнѣ и Sommerli ни за что бы не добраться до вершины, еслибы Чалленджеръ, влѣзшій первымъ (удивительно, сколько силы и проворства было въ этомъ неуклюжемъ тѣлѣ), не обвязалъ веревки вокругъ ствола росшаго тамъ дерева и не бросилъ ее намъ. Съ помощью веревки мы кое-какъ вскарабкались по шероховатостямъ почти отвѣсной стѣны и очутились на небольшой, поросшей травой площадкѣ, размѣрами приблизительно въ 25 кв. футъ.

Первое, на что я обратилъ вниманіе, когда отдышался, это необычность вида, раскинушагося передо мною. Отсюда видна была, казалось, вся Бразильская равнина позади насъ, тонущая на горизонтѣ въ голубоватомъ туманѣ. На первомъ планѣ тянулся длинный скатъ, усыянный камнями и кустами древовидныхъ папоротниковъ; дальше, приблизительно по срединѣ, изъ-за холма выглядывали желтозеленныя верхушки бамбука, сквозь чашу котораго мы прошли; затѣмъ постепенно, растительность становилась все гуще, переходя въ густой лѣсъ, тянувшійся во всѣ стороны, куда глазомъ ни кинь, на добрыхъ 2.000 миль.

Я упивался этой дивной панорамой, когда на плечо мое легла тяжелая рука Чалленджера.

— Не туда смотрите, мой юный другъ. *Vestigia nulla retrorsum*. Никогда не оглядывайтесь назадъ — смотрите только впередъ, на нашу славную цѣль.

Я повернулся лицомъ къ плато. Въ этомъ мѣстѣ оно было совершенно одинаковой вышины съ утесомъ, на которомъ мы стояли, и зеленая кайма кустарника, перемежавшагося кое-гдѣ деревьями, была такъ близка отъ насъ, что трудно было даже освоиться съ мыслью о ея недоступности. Насъ раздѣляла пропасть шириной, пожалуй, не болѣе 40 футъ, но для насъ это было все равно, что 40 миль. Я ухватился рукой за стволъ дерева и нагнулся надъ бездною. Далеко внизу видѣлись фигурки нашихъ слугъ, глядѣвшихъ вверхъ на насъ. Стѣна была почти отвѣсная, какъ и другая, напротивъ.

— Это чрезвычайно интересно, — произнесъ скрипучій голосъ профессора Sommerli.

Я повернулся и увидѣлъ, что онъ съ большимъ интересомъ разглядывалъ дерево, за которое я держался. Гладкая кора его и небольшіе острые листья показались и мнѣ знакомыми.

— Позвольте! — воскликнулъ я, — да это букъ.

— Ну, да, букъ, — подтвердилъ Sommerli. — Можно сказать, соотечественника встрѣтили на чужбинѣ.

— Не только соотечественника, сударь мой, — возразилъ Чалленджеръ, — но и чрезвычайно цѣннаго союзника. Этотъ букъ будетъ нашимъ спасителемъ.

— Догадался! Мосьт! — крикнулъ лордъ Джонъ.

— Совершенно вѣрно, друзья мои, мосьт. Не даромъ же я вчера вечеромъ цѣлый часъ ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ. Помнится, я какъ то уже говорилъ нашему юному другу, что Д. Э. Ч. всего умнѣе, когда его прижмутъ къ стѣнѣ. А согласитесь, вчера всѣ мы были прижаты къ стѣнѣ. Но тамъ, гдѣ умъ и сила воли идутъ рука объ руку, всегда найдется выходъ. И это дерево, перекинутое черезъ бездну, послужитъ намъ мостомъ.

Это была, несомнѣнно, блестящая мысль. Дерево было, по крайней мѣрѣ, 60 футовъ въ длину, и, если только оно упадетъ, какъ слѣдуетъ, оно съ лихвой покроетъ про-

пасть. Чалленджеръ подаль мнѣ захваченный съ собой топоръ.

— У нашего юнаго друга крѣпкіе мускулы и сухожилия. Я полагаю, что для этой работы онъ изъ насъ всѣхъ пригодѣе. Но, все-же, я попросилъ бы его на это время воздержаться отъ всякой инициативы и дѣлать только то, что ему скажутъ.

По его указаніямъ я сдѣлалъ нѣсколько надрѣзовъ по бокамъ дерева, обезпечивающихъ его паденіе въ желаемомъ направленіи. Оно и само по себѣ росло наклонно въ сторону плато, такъ что заставить его упасть туда было не трудно. А затѣмъ я принялся рубить стволъ у подножія, чередуясь въ работѣ съ лордомъ Джономъ. Не больше, какъ черезъ часъ, раздался громкій трескъ, дерево заколыхалось, перегнулось впередъ и рухнуло, покрывъ вѣтвями кусты на противоположной сторонѣ бездны. Отдѣлившійся отъ земли стволъ подкатился почти къ самому краю нашей платформы, и въ теченіе нѣсколькихъ ужасныхъ секундъ мы всѣ думали, что мостъ нашъ рухнетъ въ бездну, но онъ все же остановился въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ края. Дѣло было сдѣлано. Мы проложили путь въ страну невѣдомаго.

Всѣ мы молча пожали руку профессору Чалленджеру, который приподнималъ свою соломенную шляпу, низко кланаясь каждому изъ насъ въ отдѣльности.

— Я требую для себя чести, — сказалъ онъ, — первому перешагнуть порогъ невѣдомой страны — какой сюжетъ для исторической картины въ будущемъ!

И онъ направился къ мосту, но лордъ Джонъ удержалъ его за фалды.

— Нѣтъ, голубчикъ, этого я не могу позволить.

— Какъ не можете позволить?! — Голова Чалленджера откинулась назадъ; борода вызывающе поднялась кверху.

— Въ научныхъ вопросахъ я, вѣдь, слушаюсь васъ и слѣдую вашимъ указаніямъ, потому что вы человѣкъ науки. Ну, а въ своей области ужъ я хозяинъ, и тутъ вы изволите слушаться меня.

— Въ какой же это вашей области?

— У каждого изъ насъ своя профессія: вы ученый, я солдатъ. По моему такъ: мы вступаемъ въ неизвѣстную намъ новую страну, которая, можетъ быть, безопасна — можетъ быть, и кишитъ врагами. Соваться туда, очертя голову, потому только, что у насъ не хватаетъ здраваго смысла и терпѣнія, по моему не резонъ.

Доводъ былъ слишкомъ разуменъ, чтобъ оставить его безъ вниманія. Чалленджеръ тряхнулъ головой и пожалъ плечами.

— Что же вы предлагаете?

— Почему я знаю, можетъ быть, за этими самыми кустами, — продолжалъ лордъ Джонъ, — засѣло племя людоедовъ и поджидаетъ своего завтрака. Можетъ быть, ихъ тамъ и нѣтъ, но, я полагаю, разумнѣе будетъ поступать, какъ будто они тамъ. Поэтому я предлагаю, чтобы Малонъ и я опять спустились внизъ и захватили съ собой наши ружья, а также Гомеца и другого метиса. Затѣмъ, одинъ изъ насъ перейдетъ на ту сторону, подъ прикрытіемъ нашихъ ружей, а затѣмъ, когда онъ убѣдится, что тамъ безопасно, мы можемъ и всѣ перебраться туда.

Чалленджеръ сѣлъ на срубленный пенъ, ворча отъ нетерпѣнія, но Sommerli и я единодушно рѣшили, что въ практическихъ вопросахъ надо слушаться лорда Джона. Теперь, когда веревка свѣшивалась съ утеса, спускаться и подниматься по немъ было много легче. Черезъ часъ мы вернулись съ винтовками и большимъ ружьемъ, которое лордъ Джонъ называлъ слономъ. Съ нами поднялись и метисы, захватившіе, по настоянію лорда Джона, тукъ съ провизіей — на случай, если наша экспедиція затянется. На каждомъ изъ насъ были надѣты пояса съ патронами.

Когда всѣ приготовленія были закончены, лордъ

Джонъ обратился къ Чалленджеру: — Ну-съ, если вамъ угодно непременно быть первымъ — пожалуйста!

— Очень вамъ обязанъ за милостивое разрѣшеніе, — сердито буркнулъ Чалленджеръ: онъ совершенно не выносилъ никакой власти надъ собой. — Разъ вы такъ добры, что позволяете, я, разумѣется, хочу быть первымъ.

И, усѣвшись верхомъ на бревно, перекинутое черезъ бездну, такъ что ноги его свѣшивались книзу, а топоръ болтался за спиною, Чалленджеръ, подсакивая, перебрался черезъ импровизированный мостъ и скоро очутился на той сторонѣ.

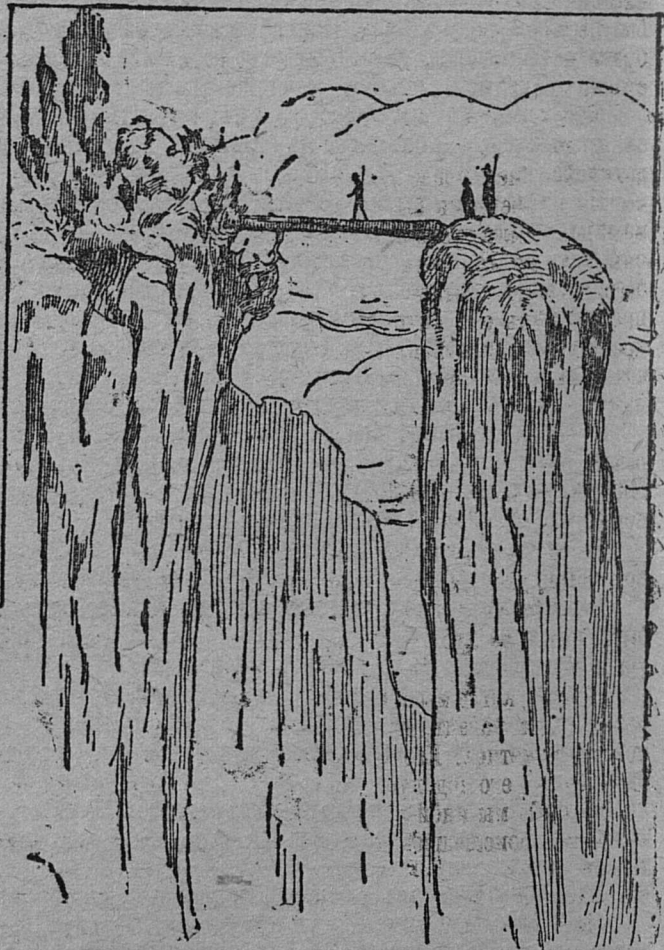
Онъ поднялся на ноги и замахалъ руками.

— Наконецъ! — крикнулъ онъ, — наконецъ!

Я съ испугомъ смотрѣлъ на него, смутно ожидая, что его поразитъ ударъ отъ руки невидимаго врага, скрытаго въ зеленой чащѣ позади него. Но тамъ все было спокойно; только какая-то странная пестрая птица вспорхнула изъ-подъ ногъ его и скрылась въ кустахъ.

Вторымъ перебрался Sommerli. И снова я былъ пораженъ его энергіей, такой неожиданной въ этомъ тѣнелюбномъ тѣлѣ. Онъ настоялъ на томъ, чтобъ мы перекинули ему за плечи двѣ винтовки, такъ что оба профессора оказались вооруженными. Вслѣдъ за нимъ перебрался я, усиливаясь не смотрѣть внизъ, въ страшную бездну, надъ которой я висѣлъ. Sommerli протянулъ мнѣ конецъ своей винтовки и черезъ минуту я уже держалъ его за руку. Что касается лорда Джона, онъ перешелъ — просто-напросто перешелъ на другую сторону по нашему мосту, ни за что не держась. Желѣзные нервы у этого человѣка!

Теперь мы всѣ четверо были въ завѣтной странѣ нашихъ грезъ, въ потерянномъ мірѣ, открытомъ Малъ-Уайтомъ. Всѣмъ намъ эта минута представлялась моментомъ высшаго нашего торжества. Кто бы могъ подумать, что она была пред-

... Что касается лорда Джона, то онъ просто-напросто перешелъ на другую сторону пропасти, ни за что не держась.

дверием нашей гибели! Сейчас я расскажу въ нѣсколькихъ словахъ, какой ударъ обрушился на насъ.

Мы были уже шагахъ въ 50 отъ края бездны, когда позади насъ раздался страшный трескъ. Всѣ четверо мы моментально кинулись назадъ. Нашъ мостъ исчезъ.

Далеко внизу, у подножія утеса, я видѣлъ обломки ствола и перепутанную массу вѣтвей. Это былъ нашъ бѣкъ. Что случилось? Земля на краю обрыва не выдержала тяжести и обвалилась. Въ первый моментъ намъ не пришло на умъ иное объясненіе. Но тотчасъ же по другую сторону бездны вынырнуло смуглое лицо нашего метиса Гомеца. Но это былъ уже не нашъ Гомецъ, съ непроницаемымъ, какъ маска, подобострастно улыбающимся лицомъ. Передъ нами было лицо, искаженное ненавистью, злобой, глаза, сверкающія дикой радостью удавшейся мести.

— Лордъ Рокстонъ!—кричалъ онъ.—Лордъ Джонъ Рокстонъ!

— Ну? Я здѣсь!—откликнулся лордъ Джонъ.

Надъ бездной пронесся злобный хохотъ.

— Да, ты здѣсь, ты, англійскій песъ. Здѣсь ты и останешься. Я долго ждалъ удобнаго случая—и, вотъ, дождался. Тебѣ трудно было взобраться туда, но спуститься будетъ потруднѣе. Проклятые глупцы! Всѣ вы попались въ западню.

Мы онѣмѣли отъ изумленія. На травѣ валялся толстый сломанный сукъ—очевидно, этимъ рычагомъ онъ и подтолкнулъ впередъ нашъ мостъ. Лицо исчезло, но черезъ минуту появилось снова, еще болѣе свирѣпое.

— Мы едва не убили васъ камнемъ въ пещерѣ,—крикнулъ Гомецъ—но это лучше. Это медлительнѣе и ужаснѣе. Ваши кости побѣлѣютъ здѣсь и никто не узнаетъ, гдѣ вы и не придетъ похоронить ихъ. Когда ты будешь умирать, вспомни о Лопецѣ, котораго ты застрѣлилъ пять лѣтъ тому назадъ, на берегу рѣки Путоmano. Я—братъ его и, чтобы ни случилось, я теперь умру счастливымъ, такъ какъ братъ мой отомщенъ.—Онъ злобно махнулъ рукой въ нашу сторону; затѣмъ все стихло.

Если-бы метисъ просто-напросто отомстилъ намъ и скрылся, дѣло могло бы кончиться благополучно для него. Его латинское, нелѣпое и неуправляемое, пристрастіе къ драматическимъ эффектамъ было причиной его гибели. Рокстонъ не даромъ былъ прозванъ бичемъ божіимъ въ этихъ странахъ: онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно оскорблять безнаказанно. Метисъ уже спускался внизъ съ утеса, но, прежде чѣмъ онъ спустился, лордъ Джонъ подбѣжалъ къ краю утеса, прицѣлился—раздался выстрѣлъ, крикъ—и вдали шумъ паденія тяжелаго тѣла. Рокстонъ вернулся къ намъ съ каменнымъ лицомъ.

— Здорово я опростоволосился!—сказалъ онъ съ горечью.—Это я своей слѣпотой вовлекъ васъ въ такую бѣду. Мнѣ бы слѣдовало имѣть въ виду, что эти люди долго помнятъ обиду и мстятъ за нее кровью, и быть осторожнѣе.

— Ну, а другой какъ же? Вѣдь не столкнуть же ему одному было этого дерева. Навѣрное, и другой помогалъ ему.

— Я бы могъ пристрѣлить и его, но отпустилъ. Можетъ быть, онъ и не при чемъ. А, можетъ быть, и лучше было убить его—можетъ быть, онъ и помогалъ.

Теперь, когда мы поняли въ чемъ дѣло, каждый изъ насъ, оглядываясь назадъ, припоминалъ что нибудь странное въ поведеніи метиса. Его постоянное желаніе проникнуть въ наши паны, его подслушиваніе, его полные ненависти взгляды, которые мы иной разъ ловили на себѣ. Мы все еще обсуждали происшедшее, стараясь сообразить, что же намъ теперь дѣлать, когда вниманіе наше привлекла странная сцена, разыгрывавшаяся внизу, на равнинѣ.

Человѣкъ, одѣтый въ бѣлое—это могъ быть только уцѣлѣвшій метисъ,—мчался во всю прыть, какъ будто за нимъ гналась сама Смерть. А за нимъ, отставая всего на нѣсколько шаговъ, гнался огромный черный негръ, нашъ вѣрный Замбо. На нашихъ глазахъ онъ нагналъ бѣглеца,

...Замбо нагналъ бѣглеца и схватилъ его за шею...

навалился на него сзади и схватилъ за шею; оба покатались на землю. Минуту спустя, Замбо поднялся, посмотрѣлъ на распростертаго на землѣ метиса и затѣмъ, радостно махнувъ рукой, побѣжалъ обратно въ нашу сторону. Бѣлая фигура лежала неподвижно посреди равнины.

Оба предателя погибли, но зло, причиненное ими, пережило ихъ. Миръ былъ самъ по себѣ, плато—само по себѣ, и мы были на плато, обособленные отъ всего міра. Передъ нами была равнина, черезъ которую лежалъ путь обратно къ нашимъ лодкамъ. Тамъ, за подернутымъ лиловой дымкой горизонтомъ, была рѣка, которая вела назадъ, къ цивилизаціи. Но связующее звено исчезло. Между нами и нашей прошлой жизнью зияла бездна и никакая человѣческая изобрѣтательность не могла перешагнуть черезъ нее. Одна минута измѣнила всѣ условія нашего существованія.

Вотъ тутъ то я узналъ, изъ чего сдѣланы мои товарищи и спутники. Лица ихъ, правда, были серьезны и вдумчивы, но совершенно спокойны. Теперь намъ оставалось только сидѣть въ кустахъ и терпѣливо ждать, пока вернется Замбо. Наконецъ, его честное черное лицо и геркулесовская фигура вынырнули надъ вершиной скалы.

— Что мнѣ теперь дѣлать?—крикнулъ онъ.—Скажите, и я сдѣлаю.

Этотъ вопросъ легче было предложить, чѣмъ отвѣтить на него. Одно было ясно. Замбо былъ единственнымъ надежнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ съ остальнымъ міромъ. Онъ долженъ остаться съ нами, не покидать насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричалъ онъ.—Я не покину васъ. Что бы ни случилось, вы всегда найдете меня здѣсь. Но индѣй

цевъ мнѣ не удержать. Они и то говорятъ, что здѣсь слишкомъ много курупури и хотятъ домой. А теперь, когда вы ушли, мнѣ ни за что не удержать ихъ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время наши индѣйцы не разъ давали намъ понять, что они устали, измучены и хотѣли бы скорѣй вернуться. Мы видѣли, что Замбо говорить правду, что ему не удержать ихъ.

— Удержи хоть до завтра, Замбо,—крикнулъ я,—чтобы я могъ послать съ ними письмо.

— Хорошо. До завтра удержу,—крикнулъ онъ въ отвѣтъ.—А теперь что мнѣ дѣлать?

Дѣла для него было очень много, и преданный негръ все сдѣлалъ превосходно. Прежде всего, повинаясь нашимъ указаніямъ, онъ отвязалъ веревку отъ срубленнаго пня и перекинулъ одинъ конецъ ея черезъ пропасть къ намъ. Веревка была не толстая, но очень крѣпкая и, хотя мостомъ она не могла служить, при подъемѣ она могла оказать намъ неоцѣнимыя услуги. Къ другому концу онъ привязалъ принесенный имъ запасъ провизіи, и мы перетянули его на свою сторону. Съ этимъ запасомъ, еслибы даже мы не нашли ничего другого, мы могли бы прожить недѣлю. Затѣмъ онъ спустился и притащилъ еще два узла всякой всячины,—жестянку съ пороховъ и пулями, бѣлье и пр. Все это мы опять таки перетянули къ себѣ по веревкѣ. Былъ уже вечеръ, когда онъ, наконецъ, спустился внизъ, завѣривъ насъ, что до слѣдующаго утра онъ индѣйцевъ, во всякомъ случаѣ, удержитъ. И всю почти первую ночь на плато я провелъ,

описывая вамъ случившееся при свѣтѣ одинокаго фонарика.

Мы поужинали и расположились бивакомъ на самомъ краю утеса, утоливъ свою жажду двумя бутылками апполинариса, оказавшимися въ одномъ изъ ящиковъ. Намъ необходимо найти воду, но кажется даже для лорда Джона приключеній на сегодняшний день достаточно, и никто изъ насъ не склоненъ былъ пускаться на ночь на развѣдку. Мы не зазгли сгнѣя и всячески старались не шумѣть.

Завтра—или, вѣрнѣе, сегодня, такъ какъ сейчасъ уже свѣтаетъ—мы пойдемъ осматривать это странное плато. Когда я напишу опять—и напишу ли еще когда-нибудь—не знаю. Внизу индѣйцы еще не ушли, и я увѣренъ, что преданный Замбо скоро явится за письмомъ. Только бы оно дошло по адресу.

Р. S. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ болѣе отчаяннымъ представляется мнѣ наше положеніе. Я положительно не вижу возможности вернуться. Еслибъ еще вблизи края плато росло высокое дерево, изъ котораго мы могли бы сдѣлать мостъ,—но на разстояніи 50 ярдовъ пѣтъ ни одного подходящаго. А дальше, если и найдется, намъ даже и соединенными усиліями не удастся дотащить его до края. А веревка слишкомъ коротка, чтобы при помощи ея спуститься. Нѣтъ, наше положеніе безнадежно, совершенно безнадежно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пер. З. Журавская.

Первая любовь!

Первой юной любви золотая весна!
О, я слышу, я слышу твои голоса!
Какъ горятъ твои росы и плещетъ волна!
Какъ подъ солнцемъ твоимъ расшумѣлись лѣса!
Я иду, улыбаясь, съ цвѣткомъ на груди.
Смотрить въ сердце мое утра пламенный лучъ.
Весь невѣдомый міръ предо мной впереди,
И въ дали голубой нѣтъ тумановъ и тучъ.
Я иду и пою, а цвѣты говорятъ,
Говорятъ про мою молодую любовь.
И на юныхъ устахъ поцѣлуи горятъ;
И огнемъ пламенѣетъ кипучая кровь.
Ночь настанетъ—среди синихъ небесныхъ вы-
сотъ.

Ярче звѣздъ разгораются грезы мои,
А весна мнѣ волшебныя пѣсни поетъ
Нѣжнымъ шорохомъ травъ и журчаньемъ струи.
Въ лунный вечеръ я темною тѣнью иду

Никого. Тишина. Только звѣзды горятъ.
И поетъ мое сердце въ весеннемъ бреду
Про косу золотую и ласковый взглядъ.
Жду, тоскую, сгораю—и вотъ въ тишинѣ
Дверь неслышно раскрылась... Качнулась си-
рень...

Простучали башмачки—и тихо ко мнѣ
Пробирается милая, стройная тѣнь.
Страстно нѣжныя руки вкругъ шеи легли..
Вновь вездѣ тишина. Только звѣзды горятъ.
Только рослая трава весенней земли
Съ голубою луной про любовь говорятъ.
Гдѣ-жъ ты, юность моя? Все исчезло, какъ дымъ..
Ахъ, устанетъ ли сердце о прошломъ рыдать?
Вѣдь такимъ, какъ тогда—полнымъ силъ, моло-
дымъ.

Никогда, никогда я не буду опять!

В. Вегеновъ.

* * *

Я взбиралась на утесы
И, объята моремъ грезъ,
Я рукой сбивала росы
Съ бѣлоснѣжныхъ альпенрозъ.

На горахъ алѣли краски
Догорающихъ лучей,
Какъ плѣнительныя сказки
Въ звукахъ ласковыхъ рѣчей,

Какъ волшебныя сказанья
О невѣдомыхъ цвѣтахъ,
Пыль забытаго преданья
О промчавшихся вѣкахъ...

Я взбиралась на утесы
И, объята моремъ грезъ,
Я рукой вплетала въ косы
Цвѣтъ стыдливыхъ альпенрозъ.

Олегъ Леонидовъ.

ПОГИБШИЙ МІРЬ.

Разсказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэллона изъ «Ежедневной Газеты».

Артура Конанъ-Дойля.

Глава X.

Необычайныя вещи.

Съ нами происходятъ самыя необычайныя вещи. Бумаги въ моемъ распоряженіи немного—всего на-всего пять старыхъ записныхъ книжекъ и нѣсколько отдѣльныхъ листовъ, да одинъ единственный стилографическій карандашъ; но, пока руки мои не отказались служить мнѣ, я буду записывать свои переживанія и впечатлѣнія, ибо, разъ ужъ мы—единственные представители человѣческой расы, которымъ довелось видѣть это, чрезвычайно важно записать все это, пока пережитое свѣжо въ моей памяти и пока на насъ фактически не настигла опасность, которая, все время виситъ надъ нашими головами. Удастся ли Замбо доставить эти записки на берегъ Амазонки, чтобы послать ихъ въ Европу, или же я самъ какимъ-нибудь чудомъ вернусь и привезу ихъ съ собою, или же, наконецъ, ихъ найдетъ какой-нибудь отважный изслѣдователь, идущій по нашимъ стопамъ—во всякомъ случаѣ, то, что я пишу, будетъ безсмертно, какъ классически-правдивый разсказъ о подлинныхъ переживаніяхъ.

На утро послѣ того, какъ мы попались въ ловушку, разставленную подлымъ негодяемъ Гоцеомъ, началась новая стадія нашихъ изслѣдованій. Первое, что мнѣ довелось испытать здѣсь, не внушило мнѣ особенно благопріятнаго мнѣнія о мѣстѣ, гдѣ мы очутились. Всю ночь я не смыкалъ глазъ, задремалъ только подъ утро и, проснувшись, увидалъ на собственной ногѣ нѣчто необычайное. Во снѣ брюки мои поднялись къверху, открывъ кусочекъ кожи надъ поскомъ. И на этомъ кусочкѣ кожи сидѣло что-то красное и большое, словно виноградина. Изумленный этимъ зрѣлищемъ, я нагнулся снять его, но, къ ужасу моему, виноградина лопнула у меня между пальцами, разбрызгавъ по всемъ направленіямъ высосанную ею кровь. Вырвавшійся у меня крикъ отвращенія привлечь вниманіе профессоровъ.

— Чрезвычайно интересно,—сказалъ Соммерли, наклоняясь надъ моей ногой.—Изумительно крупная разновидность клопа или клеща. Если не ошибаюсь, не классифицированная.

— Первый плодъ нашихъ работъ,—громогласно и, по обыкновенію, педантически подтвердилъ Чалленджеръ.—По моему, намъ слѣдуетъ окрестить его.

Маленькая неприятность быть укушеннымъ, я увѣренъ, молодой мой другъ, не перевѣситъ для васъ чести видѣть свое имя вписаннымъ въ безсмертные списки зоологии. Къ несчастью, вы раздавили этотъ рѣдкій экземпляръ, какъ разъ въ моментъ его насыщенія.

— Мерзкая гадина!—воскликнулъ я.

Чалленджеръ укоризненно подыалъ брови и успокоительно потрепалъ меня по плечу.

— Вы должны воспитать въ себѣ научный взглядъ на вещи и способность мыслить отвлеченно. Для человѣка съ философскимъ взглядомъ, какъ я, подобный клопъ съ его невѣроятно-растяжимымъ желудкомъ,—такое же дивное созданіе природы, какъ и павлинъ, или, ну, скажемъ: сѣверное сіяніе. А вы не цѣните этого. Грустно мнѣ слышать отъ васъ такія слова! Впрочемъ, намъ, вѣроятно, удастся добыть другой экземпляръ.

...Чалленджеръ подскочилъ и заревѣлъ, какъ буйволъ, бѣшено срывая съ себя куртку и сорочку... Мы выловили насѣкомое прежде, чѣмъ оно успѣло укусить профессора...

— Несомнѣнно,—угрюмо подтвердилъ Соммерли,—второй экземпляръ только что залѣзъ къ вамъ за воротникъ рубашки.

Чалленджеръ подскочилъ и заревѣлъ, какъ буйволъ, бѣшено срывая съ себя куртку и сорочку. Мы съ Соммерли такъ хохотали, что едва въ состояніи были помочь ему. Наконецъ, мы обнажили чудовищный торсъ (54 дюйма въ обхватъ), весь заросшій черными волосами и изъ этой чащи выловили насѣкомое прежде, чѣмъ оно успѣло укусить профессора. Всѣ кусты кругомъ кишѣли этими гадинами, и было очевидно, что намъ слѣдуетъ перенести свой лагерь на другое мѣсто.

Но, прежде всего, надо было условиться съ вѣрнымъ Замбо, который уже дожидался насъ на вершинѣ пика съ жестянками какао и бисквитовъ, которыя онъ поспѣшилъ переправить намъ на веревкѣ. Изъ оставшихся запасовъ мы велѣли ему оставить себѣ столько, чтобы ему хватило на два мѣсяца, а остальное отдать индѣйцамъ, въ награду за ихъ службу и въ уплату за то, что они отираютъ наши письма. Нѣсколько часовъ спустя они уже потянулись гуськомъ по равнинѣ, черезъ которую пришли мы, сюда каждаго съ узелкомъ на головѣ. Замбо же занялъ нашу палатку, разбитую у подножья утеса, и останется жить тамъ, въ качествѣ единственной связи нашей съ міромъ, который лежитъ внизу.

А теперь надо было рѣшить, что предпринять. Прежде всего мы перенесли нашъ бивакъ изъ кустовъ, кишавшихъ клопами, на небольшую прогалину со всѣхъ сторонъ окруженную деревьями. Посрединѣ ея было нѣсколько боль-

ших, плоских камней; по близости превосходный источник; наскомых здѣсь никакихъ не было; и тутъ мы комфортабельно расположились выработать планъ завоеванія новой страны. Въ вѣтвяхъ деревьевъ кричали птицы, въ особенности одна, голосъ которой былъ намъ совершенно незнакомъ—но, помимо этого, никакихъ признаковъ жизни не было.

Первымъ дѣломъ мы составили списокъ нашихъ запасовъ, чтобы знать, на что мы можемъ рассчитывать. Кое-что мы захватили съ собой; вмѣстѣ съ тѣмъ, что намъ переправилъ Замбо, провизии у насъ было вдоволь, ея могло хватить на нѣсколько недѣль. А главное, было четыре ружья и тысяча триста патроновъ, а также картечица, по пулю всего полтораста, среднего калибра. Кроме того, было нѣсколько научныхъ приборовъ, въ томъ числѣ большой телескопъ и хорошій полевой бинокль. Все это мы перенесли на прогалину и окружили колючей изгородью изъ кустовъ, срубленныхъ нами при помощи топора и ножей. И порѣшили сдѣлать это мѣсто нашей главной квартирой, гдѣ мы будемъ хранить наши запасы и сами укрываться отъ опасности. И назвали его: Фортъ Чалленджеръ.

Былъ уже полдень, когда мы покончили всѣ наши приготовления, но солнце жгло не очень сильно; и, вообще, на плато и температура, и растительность принадлежали поясу, почти умѣренному. Въ чащѣ деревьевъ, окружавшей насъ, видѣлись и буки, и дубы, и даже березы. Надъ сооруженнымъ нами фортомъ высилось, превышая ростомъ всѣ другія, огромное дерево *джинко*, широко раскинувъ свои могучія вѣтви и листья, похожія на женскіе волосы. Въ тѣни его мы и усѣлись. Рѣчь держалъ лордъ Джонъ, снова принявшій на себя роль командира, такъ какъ настала пора активныхъ начинаній.

— Пока ни звѣрь, ни человѣкъ не видѣлъ и не слыжалъ насъ, мы въ безопасности,—говорилъ онъ.—Какъ только станетъ извѣстно, что мы здѣсь, начнутся непріятности. Пока еще нѣтъ оснований думать, что наше присутствие замѣчено. И намъ прежде всего надо притаиться и понемножку производить рекогносцировки. Надо присмотрѣться къ своимъ сосѣдямъ, прежде чѣмъ нанести имъ визитъ.

— Но, вѣдь, впередъ то надо идти,—отвѣтилъ возразить я.

— Конечно, надо, голубчикъ. Но умненько, осторожно. Не заходить такъ далеко, чтобы нельзя было вернуться назадъ. А, главное, не стрѣлять, если только это не безусловно необходимо для спасенія жизни.

— Однакоже, вы сами вчера стрѣляли,—сказалъ Соммерли.

— Ну, тутъ нельзя было иначе. Впрочемъ, вѣтеръ былъ изрядный и дулъ въ другую сторону. Врядъ ли звукъ выстрѣла можно было слышать издали. Кстати, какъ мы назовемъ это плато?

Предлагали разныя названія, болѣе или менѣе удачныя; но Чалленджеръ окончательно разрѣшилъ вопросъ:

— По моему, мы не въ правѣ назвать его иначе, какъ именемъ пioniра, который первый открылъ его—Мэплъ-Уайтъ-Лэндъ—Земля Мэплъ Уайта.

Такъ она и названа на картѣ, которую я составляю. Подъ этимъ же названіемъ она будетъ, современемъ, я надѣюсь, фигурировать и во всѣхъ атласахъ.

Ближайшей нашей цѣлью былъ мирный захватъ Земли Мэплъ-Уайта. Мы сами уже убѣдились, что земля эта населена невѣдомыми намъ существами, а по рисункамъ Мэплъ-Уайта знали, что можемъ встрѣтить здѣсь и болѣе грозныхъ и опасныхъ чудовищъ. Скелетъ, найденный нами въ тростникахъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что здѣсь есть и люди, и притомъ враждебно настроенные, такъ какъ скелетъ этотъ, несомнѣнно, былъ сброшенъ сверху.

Очевидно, положеніе наше было очень опасное, тѣмъ болѣе, что бѣжать отъ опасности намъ было некуда, и мы

могли только одобрить мѣры предосторожности, предложенныя лордомъ Джономъ. Но нельзя же было намъ оставаться на окраинѣ невѣдомаго міра, когда всѣ мы дрожали отъ нетерпѣнія проникнуть въ него и вырвать его тайну.

Поэтому мы завалили входъ въ нашъ фортъ—или «зарѣбу», какъ зовутъ это индѣйцы—колючими кустами и, медленно, осторожно, двинулись въ страну невѣдомаго, вдоль ручья, вытекавшего изъ нашего источника; такимъ образомъ мы не могли сбиться съ дороги и всегда могли вернуться въ лагерь.

Не успѣли мы тронуться, какъ убѣдились, что, дѣйствительно, насъ ждутъ чудеса. На протяженіи нѣсколькихъ ярдовъ намъ пришлось пробираться сквозь чащу лѣса, гдѣ было много деревьевъ, совершенно мнѣ незнакомыхъ, но Соммерли сказалъ, что это—*конифера* и *цикадацеа*—древесныя породы, давно исчезнувшія на землѣ внизу. Дальше ручей расширился, образуя довольно большое болото, съ берегами густо обросшими страннаго вида тростниками,—*жисситацеа*, или *хвоицы*, по опредѣленію нашихъ ученыхъ—и древовидными папоротниками, верхушки которыхъ раскачивались вѣтеръ. Неожиданно лордъ Джонъ, шедшій впереди, остановился и поднялъ руку.

— Смотрите! Клянусь Юнитеромъ, это слѣдъ праотца всей птичьей породы.

На мягкомъ илѣ передъ нами явственно отпечатѣлся слѣдъ трехъ пальцевъ. Владелецъ ихъ, очевидно, перешелъ черезъ болото и скрылся въ лѣсу. Всѣ мы нагнулись намъ этимъ чудовищной величины слѣдомъ. Если это былъ, дѣйствительно, птичій слѣдъ—а какое же животное могло оставить подобный слѣдъ?—значитъ, у этой птицы ноги значительно больше, чѣмъ у страуса—значитъ, она и ростомъ значительно выше страуса. Лордъ Джонъ зорко оглядѣлся вокругъ и, на всякій случай, зарядилъ свое ружье двумя пулями.

— Ручаюсь своей охотничьей репутаціей, что слѣдъ этотъ свѣжій, недавній. Животное, или птица, что бы это ни было, прошло здѣсь не далѣе, какъ десять минутъ тому назадъ,—смотрите, вонъ въ томъ, другомъ, болѣе глубокомъ слѣду еще просачивается вода. Глядите: да оно не одно, а съ дѣтенышемъ.

Дѣйствительно, рядомъ съ большими шелъ рядъ другихъ слѣдовъ, поменьше.

— А это что же, по вашему такое?—торжествующе вскричалъ профессоръ Соммерли, указывая на отпечатки какъ будто человѣческой руки о пяти пальцахъ, понадавившіеся мѣстами среди трехпальцевыхъ слѣдовъ.

— Вельденъ!—въ полномъ восторгѣ вскричалъ Чалленджеръ.—Я видалъ точно такіе слѣды въ вельденской глинѣ. Это существо, идущее на заднихъ ногахъ, снабженныя тремя пальцами, но отъ времени до времени упирающееся въ землю одною изъ переднихъ лапъ, о пяти пальцахъ. Не птица, дорогой мой Рокстонъ—о, нѣтъ! Это не птица.

— А что же такое? Животное?

— Нѣтъ. Пресмыкающееся—игуанодонъ. Никто иной не могъ оставить подобнаго слѣда. Но кто бы могъ надбѣять—въ наше время—встрѣтить что либо подобное?

Онъ закончилъ почти благоговѣйнымъ шепотомъ. Идя по слѣду, мы вышли изъ болота и миновали заросли кустарника и деревьевъ. За ними было открытое пространство и на немъ пять самыхъ необыкновенныхъ существъ, какія я когда-либо видѣлъ. Мы залегли въ кустахъ и могли на досугъ разглядѣть ихъ.

Какъ я уже сказалъ, ихъ было пять: два взрослыхъ и три маленькихъ. Но и дѣтеныши были ростомъ со слона, а взрослые выше и крупнѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ животныхъ. Кожа у нихъ была асиднаго цвѣта, вся въ чешуйкахъ, какъ у ящерицы, и блестя на солнцѣ. Всѣ пятеро сидѣли, раскачиваясь на своихъ мощныхъ широкихъ хвостахъ и на заднихъ лапахъ, о трехъ пальцахъ каждая, а

передними, болѣе короткими и о пяти пальцахъ, срывали вѣтки съ деревьевъ и обгладывали ихъ. Не знаю, какъ и описать ихъ вамъ; кажется, больше всего они походили на чудовищно огромныхъ кенгуру, футовъ двадцать въ длину, и съ кожей, какъ у черныхъ крокодиловъ.

...Мы залегли въ кустахъ и могли на досугъ разглядѣть ихъ... Они походили на чудовищно огромныхъ кенгуру, футовъ двадцати въ длину, съ кожей, какъ у черныхъ крокодиловъ...

Ужъ и не знаю, сколько времени мы пролежали въ кустахъ, приглядываясь къ этому изумительному зрѣлищу. Вѣтеръ дулъ въ нашу сторону, и спрятаны мы были хорошо, такъ что могли не опасаться быть открытыми. Маленькіе играли и неуклюже прыгали вокругъ своихъ родителей; большіе тоже подпрыгивали и глухо ударялись о землю. Силища у нихъ, должно быть, была непомѣрная, такъ какъ, когда одному не сразу удалось оторвать вѣтку отъ довольно большого дерева, онъ, разсердившись, обхватилъ дерево передними лапами и вырвалъ его съ корнемъ, словно стебелекъ травы,—что указывало не только на превосходно развитыя мускулы, но и на слабое умственное развитие, такъ какъ дерево своей тяжестью обрушилось ему на спину, и онъ нѣсколько разъ вскрикнулъ, пронзительно и жалобно, видимо, отъ сильной боли. Очевидно, послѣ этого инцидента, папаша-игуанодонъ нашелъ мѣстопробываніе здѣсь опаснымъ, такъ какъ онъ сейчасъ же закопывалъ въ лѣсъ, а за нимъ его самка и трое гигантскихъ дѣтенышей. И долго еще ихъ блестящія спины сквозили межъ стволовъ, а головы колыхались надъ кустарникомъ. Потомъ они скрылись изъ виду.

Я посмотрѣлъ на своихъ спутниковъ. Лордъ Джонъ стоялъ, положивъ палецъ на взведенный курокъ ружья, и по глазамъ его было видно, какъ горѣло его охотничье сердце. Чего бы онъ не далъ за то, чтобы повѣсить такую голову у себя въ кабинетъ надъ каминомъ. Но все же онъ

благоразумно воздержался отъ выстрѣла, ибо успѣхъ нашего изслѣдованія чудесъ невѣдомой страны зависѣлъ именно отъ того, удастся ли намъ скрыть свое появленіе отъ ея обитателей. Оба профессора замерли въ безмолвномъ экстазѣ. Отъ полноты чувствъ они невольно взялись за руки—ни дать ни взять, какъ дѣти передъ елкой. По лицу Чалленджера блуждала ангельская улыбка; обыкновенно насмѣшливое лицо Sommerli приняло чуть не благоговѣйное выраженіе.

— Нынѣ отпускаеш!—воскликнулъ онъ, наконецъ.— Что только объ этомъ скажутъ въ Англіи!

— Это я вамъ, дружище, могу въ точности сказать, что объ этомъ скажутъ въ Англіи,—подхватилъ Чалленджеръ.—Скажутъ, что вы—враль и шарлатанъ, какъ всѣ, и сами вы, говорили обо мнѣ.

— А, если я покажу имъ фотографическіе снимки?

— Скажутъ, что вы ихъ поддѣляли.

— А живые экземпляры—или хотя бы чучела?

— Вотъ этимъ, пожалуй, можно взять. Погодите, еще, можетъ быть, когда нибудь Мэлони и вся его грязная улица будетъ пѣть намъ хвалы. Запишите, молодой человѣкъ, что августа 28-го вы видѣли въ странѣ Мэппль-Уайта пятерыхъ живыхъ игуанодоновъ—и дайте знать объ этомъ въ вашу тряпку.

— Да, чтобы ему за это дали по шеѣ носкомъ редакторскаго сапога,—засмѣялся лордъ Джонъ.—Въ Лондонѣ все кажется нѣсколько инымъ, чѣмъ здѣсь, голубчикъ. Многіе даже не рассказываютъ о своихъ приключеніяхъ, потому что знаютъ, что имъ, все равно, не повѣрятъ. И можно ли за это осуждать? Намъ самимъ черезъ два мѣсяца это будетъ казаться сномъ. Какъ, бишь, вы ихъ назвали?

— Игуанодоны. Точно такіе же отпечатки ихъ ногъ вы найдете въ Кентѣ на Гестингскихъ пескахъ, и въ Суссексѣ. Югъ Англіи кишѣлъ ими въ древности, когда тамъ было много зелени. Условія жизни измѣнились, и игуанодоны вымерли. А здѣсь, повидимому, условія не измѣнились, и они остались жить.

— Если мы выберемся отсюда живыми, я непременно захвачу съ собой хоть одного,—сказалъ лордъ Джонъ.— Господи, какъ бы испугались чернокожіе въ Сомали, или Угандѣ, еслибъ увидѣли такое чудище! Не знаю, какъ вы, братцы, а у меня все время такое чувство, какъ будто я хожу по тонкому льду.

У меня было то же чувство окружающей насъ тайны и опасности. Въ сумракѣ подъ деревьями все время мерещилась угроза, и невольно смутный страхъ закрадывался въ сердце. Правда, чудовищныя ящерницы, которыхъ мы только что видѣли, повидимому, были неповоротливыя и безобидныя животныя, которыя врядъ ли напали бы на насъ, но по чѣмъ знать, какія еще неожиданныя встрѣчи ждутъ насъ въ этомъ мірѣ чудесъ, какія чудовища подстерегаютъ насъ въ своихъ берлогахъ между скалами, или въ кустахъ. Доисторическая жизнь мало мнѣ была знакома, но, помню, я читалъ, что тогдашнія животныя могли бы питаться нашими львами и тиграми, какъ кошки мышами. Что, если въ странѣ Мэппль Уайта есть такіе звѣри?

Въ то же утро страхи наши оправдались. Пренеприятная это была исторія—противно даже вспомнить. Если, какъ говоритъ лордъ Джонъ, игуанодоны будутъ вспоминаться намъ, какъ смутный сонъ, то ужъ навѣрное, птеродактили всегда будутъ нашимъ кошмаромъ. Но дайте рассказать по порядку, какъ это было.

Мы пробирались черезъ лѣсъ очень медленно, отчасти потому, что лордъ Джонъ, прежде чѣмъ позволить намъ идти впередъ, самъ отправлялся на развѣдки, отчасти потому, что профессора наши поминутно останавливались, наткнувшись на какую-нибудь новую разновидность растенія или животнаго. Въ общемъ, мы сдѣлали не болѣе двухъ-трехъ миль, держась все время вправо отъ ручья, и вышли, нако-

нецъ, на большую прогалину. Но и здѣсь намъ преградили путь сначала кустарникъ, потомъ камни, нагроможденные одинъ на другой—да и все плато было усыяно огромными валунами. Медленно пролагали мы себѣ дорогу между этими камнями и кустами, доходившими намъ до пояса, какъ вдругъ спереди, навстрѣчу намъ донесся какой-то странный свистъ и гоготанье. Лордъ Джонъ поднялъ руку, давая намъ знакъ остановиться, и быстро, нагибаясь, почти бѣгомъ, побѣжалъ впередъ. Мы видѣли, какъ онъ вынырнулъ изъ-за камней, словно отъ удивленія разводя руками, и затѣмъ какъ будто позабылъ о насъ (до того онъ былъ захваченъ тѣмъ, что видѣлъ). Въ концѣ концовъ онъ жестомъ подзывалъ насъ, давая намъ въ то же время знакъ не шумѣть и быть осторожными. По всему его поведенію я почувствовалъ, что впереди нѣчто изумительное, и въ то же время опасное.

Подкравшись къ нему, мы въ свою очередь выглянули изъ-за камней. Передъ нами была чашеобразная яма—можетъ быть, прежній кратеръ вулкана—и на днѣ этой ямы, въ нѣсколькихъ сотняхъ ярдовъ отъ того мѣста, гдѣ мы прятались, стояли лужи загнившей воды, покрытой зеленой плѣсенью и обрамленной тростниками. Эта яма, очевидно, была пріютомъ птеродактилей. Ихъ тутъ были сотни. Въ водѣ у краевъ лужи плескались уродливые птенцы и не менѣе уродливыя мамы, на высокихъ желтыхъ ногахъ, обтянутыхъ кожей. Отъ этихъ то крылатыхъ пресмыкающихся и исходило странное басистое гоготанье, слышанное нами, удушливый зловонный запахъ, такой отвратительный, что насъ затопило. Повыше, каждый на особомъ камнѣ, высокіе, сѣрые, высохшіе, словно мертвые, а не живые, возсѣдали страшные самцы, совершенно недвижные, если не считать того, что они вращали красными, налитыми кровью глазами и щелкали челюстями, точно мышеловкой, когда мимо пролетала неосторожная стрекоза. Ихъ огромныя перепончатыя крылья, вмѣстѣ съ передними конечностями, были сложены на груди, и въ этой позѣ они походили на старухъ, закутанныхъ въ шали небѣленаго холста, надъ которыми торчали ихъ свирѣпыя головы. Вмѣстѣ съ самцами этихъ отвратительныхъ тварей было тутъ не менѣе тысячи.

Наши профессора готовы были простоять тутъ цѣлый день, до того восхитила ихъ возможность нагляднаго изученія доисторической жизни. Они указывали на дохлую рыбу и мертвыхъ птицъ, валявшихся между камней, и поправляли другъ друга съ тѣмъ, что имъ удалось, наконецъ, разрѣшить вопросъ, почему въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ районахъ, напримѣръ, на Кембриджскихъ Зеленыхъ Пескахъ, находятъ такое множество костей,—очевидно, птеродактили, подобно пингвинамъ, всегда жили стадами.

Кончилось тѣмъ, что Чалленджеръ, увлекшись споромъ съ Sommerli, высунулъ голову изъ-за камней и едва не навлекъ гибели на всѣхъ насъ. Мгновенно ближайшій самецъ испустилъ пронзительный свистъ и, захлопавъ крыльями, взвился на воздухъ. Самки и дѣтеныши сгрудились всѣ вмѣстѣ на краю лужи, между тѣмъ какъ часовые, одинъ за другимъ, поднимались и взвивались къ небу. Это было изумительное зрѣлище,—не менѣе сотни этихъ огромныхъ и уродливыхъ тварей рѣяли, какъ ласточки, надъ нашими головами. Но скоро мы поняли, что заглядывать на нихъ опасно. Вначалѣ они описывали въ воздухѣ большіе круги, словно для того, чтобъ убѣдиться въ размѣрахъ опасности. Затѣмъ, спускаясь ниже, все болѣе суживали круги и, наконецъ, носились уже вокругъ насъ, и сухой, шуршащій трескъ ихъ крыльевъ напоминалъ звуки на Гендонскомъ аэродромѣ въ дни составленій въ воздушныхъ полетахъ.

— Бѣгите, братцы, въ лѣсъ и держитесь всѣ вмѣстѣ, не разбѣгайтесь,—поднимая ружье прикладомъ вверхъ, крикнулъ лордъ Джонъ.—Эти мерзавцы задумываютъ недоброе.

Птеродактили уже настолько приблизились къ намъ,

что почти касались нашихъ лицъ своими крыльями. Мы били ихъ ружейными прикладами, но удары звучали глухо, словно мы били по подушкѣ. И вдругъ, изъ жужжащаго аспиднаго цѣпта диска высунулась длинная шея—и Sommerli вскрикнулъ отъ боли. Кровь лилась по лицу его въ томъ мѣстѣ, гдѣ клюнулъ птеродактиль. Другой мгновенно укусилъ меня въ шею сзади, и я чуть не свалился отъ удара

Вмѣстѣ съ самцами этихъ отвратительныхъ тварей было тутъ не менѣе тысячи...

Чалленджеръ свалился и, когда я нагнулся, чтобы помочь ему встать, чудовище снова укусило меня сзади и повалило на Чалленджера...

могучаго клюва. Чалленджеръ свалился и, когда я нагнулся, чтобы помочь ему встать, чудовище снова укусило меня сзади и повалило на Чалленджера. Въ то же мгновеніе я услышалъ трескъ ружейнаго выстрѣла—и одинъ изъ птеродактилей съ подстрѣленнымъ крыломъ заметался на землѣ, шипя и плюя на насъ, съ выкатившимися, налитыми кровью глазами, словно дьяволъ на средневѣковыхъ гравюрахъ. Его товарищи, испуганные выстрѣломъ, поднялись выше, но продолжали летать надъ нашими головами.

— Ну, теперь, братцы, бѣги, что есть духу,—не то мы пропали!—крикнулъ лордъ Джонъ.

Мы бросились бѣжать по направленію къ лѣсу, но не успѣли еще добѣжать, какъ эти гарпіи снова накинудись на насъ. Они сбили съ ногъ Sommerli, но мы успѣли подняться и увлечь въ чащу деревьевъ. Здѣсь мы были въ безопасности, такъ какъ птеродактили, запутываясь крыльями въ вѣтвяхъ и не могли спуститься. Израненные и сконфуженные, мы, прихрамывая, брели назадъ, но еще долго видѣли ихъ летающими такъ высоко, что они казались величиной не больше голусѣя, и, очевидно, слѣдящими за каждымъ нашимъ движеніемъ. Когда деревья стали гуще, они, наконецъ, прекратили погоню, и больше мы ихъ не видали.

— Чрезвычайно интересный и убѣдительный опытъ,—сказалъ Чалленджеръ, когда мы остановились у ручья,

обмывая распухшее от укуса колѣно.—Теперь мы съ вами, Sommerli, можем сказать, что основательно изучили повадки этих проклятых птеродактилей.

Соммерли вытиралъ кровь, текущую изъ раны на лбу; я обмывалъ и перевязывалъ укушенную шею; у лорда Джона былъ оторванъ рукавъ пиджака, но зубы чудовища лишь слегка опарнали ему кожу.

— Обратите вниманіе,—продолжалъ Чалленджеръ:—нашего юнаго друга онъ несомѣнно, клонувъ въ шею, между тѣмъ, какъ рукавъ лорда Джона онъ могъ оторвать только зубами. Меня же били крыльями по головѣ,—словно хотѣли показать намъ всѣ разнообразныя способы ихъ нападенія.

— Да ужъ можно сказать: ушли мы отъ бѣды,—серьезно сказалъ лордъ Джонъ.—Подлѣйшая смерть,—погибнуть отъ такихъ мерзкихъ гадинъ! Досадно, что пришлось стрѣлять—но, ей Богу, больше ничего не оставалось.

— Мы не были бы здѣсь, еслибъ вы не выстрѣлили,—съ убѣжденіемъ подтвердилъ я.

— Авось, не повредить. Въ этомъ дремучемъ лѣсу, должно быть, немало раздается звуковъ, похожихъ на выстрѣлы—ну, хоть бы трескъ отъ паденія большихъ деревьевъ. Но, теперь, если вы, господа, ничего не имѣете противъ,—предложилъ бы я вернуться въ лагерь. Достаточно съ насъ на сегодня тревоженій, да и раны не мѣшаютъ промывать карболкой. Чортъ ихъ знаетъ, этихъ гнусныхъ тварей—можетъ быть, укусы ихъ ядовиты.

Но впереди насъ ждалъ новый сюрпризъ. Пробираясь вдоль ручья, къ нашей колючей заградѣ, мы думали, что наши приключенія кончены на этотъ день. Не тутъ то было. Импровизированныя ворота форта Чалленджеръ были не тронуты, какъ и стѣны его, и, однакоже, здѣсь, несомѣнно, побывало какое-то странное и могущественное существо. Никакихъ слѣдовъ на землѣ оно по себѣ не оставило; только въсплывшая вѣтка гигантскаго *джингко* указывала, какимъ путемъ оно могло прійти и уйти. Но всѣ наши припасы были разбросаны по землѣ, а одна жестянка съ мясными консервами изломана въ куски—очевидно, съ цѣлью извлечь оттуда содержимое. Точно такъ же изломанъ былъ въ щепки ящикъ съ патронами, а одна изъ мѣдныхъ пуль отъ картежи валялась искрошенной въ мельчайшіе кусочки. Невольный ужасъ овладѣлъ нами. Испуганными глазами мы вглядывались въ надвигающіяся тѣни лѣса, гдѣ, казалось намъ, притаилась и подстерегаетъ насъ какая-то страшная опасность. Какъ хорошо, что какъ разъ въ это время насъ окликнулъ голосъ вѣрнаго Замбо, и, поспѣшивъ на край плато, мы увидели его на вершинѣ противоположнаго утеса!

— Все ладно, масса Чалленджеръ, все въ порядкѣ,—кричалъ онъ, скаля зубы.—Мой сидитъ тутъ. Нѣтъ бояться. Мой всегда тутъ, когда нужно.

Его добродушная черная рожа и безконечная равнина, раскинувшаяся передъ нами, уходя вдаль до притока Амазонки, помогли намъ вспомнить, что все же мы живемъ на землѣ, въ двадцатомъ столѣтіи, а не перенесены волшебной силой на какую-то иную планету въ самой ранней и дикой стадіи ея развитія. Какъ трудно было представить себѣ, что тамъ, за этой равниной, огромная рѣка, по которой ходятъ пароходы, и люди на нихъ толкуютъ между собой о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, въ то время, какъ мы, заброшенные, хуже чѣмъ на необитаемый островъ,—къ существамъ доисторической эпохи, можемъ только смотреть вдаль и тосковать по всему, что съ ней связано.

Еще одно воспоминаніе сохранилось у меня отъ этого достопамятнаго дня—имъ я и закончу свое письмо. Наши профессора, по всей вѣроятности, раздосадованные нанесенными имъ обидами, поссорились между собой изъ-за того, къ какой породѣ слѣдуетъ отнести нашихъ враговъ—къ породѣ птеродактилей, или же диморфодоновъ. Я, чтобъ не мѣшать имъ, отошелъ въ сторонку, и, закуривъ сигару,

присѣлъ на сваленный древесный стволъ. Ко мнѣ подсѣлъ лордъ Джонъ.

— Послушайте-ка, Мэлонъ, вы хорошо помните то мѣсто, гдѣ были эти твари?

— Отлично помню.

— Похоже на жерло кратера, не правда ли?

— И очень.

— Замѣтили вы, какая тамъ почва?

— Каменистая.

— Нѣтъ, вокругъ воды, тамъ, гдѣ тростники?

— Голубоватаго цвѣта. Словно глина.

— Вотъ-вотъ вулканическаго происхожденія воронка, наполненная синей глиной.

— Ну такъ что же изъ этого?

— О, ничего, ничего.—И онъ направился въ ту сторону, откуда доносился высокій, визгливый голосъ Соммерли и густой басъ Чалленджера. Я, вѣроятно, и забылъ бы объ этихъ словахъ лорда Джона, еслибъ ночью не услышалъ его бормотанья: «Синяя глина—глина въ кратерѣ вулкана».

Это были послѣднія слова, слышанныя мною. Совершенно обезсиленный, я уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Глава XI.

Разокъ случилось и мнѣ быть героемъ.

Лордъ Джонъ Рокстонъ былъ правъ, думая, что укусы отвратительныхъ летучихъ ящерицъ, напавшихъ на насъ, можетъ быть ядовиты. На утро послѣ этого перваго нашего приключенія на плато, рана Соммерли и моя воспалились, и обоимъ насъ стало лихорадить; а у Чалленджера колѣно такъ распухло, что онъ почти не могъ ходить. И потому мы весь день просидѣли въ лагерѣ; лордъ Джонъ рубилъ и таскалъ колючіе кусты, чтобъ увеличить вышину и плотность нашей изгороди—единственной нашей защиты. Помню, весь этотъ долгій день меня пресѣдало ощущение, что кто-то спрятался по близости и наблюдаетъ за нами—но кто и откуда—этого я угадать не могъ.

И такъ сильно было это ощущеніе, что я сказалъ о немъ профессору Чалленджеру; но тотъ приписалъ его мозговому возбужденію, вызванному лихорадкой. А я все время озирался, въ увѣренности, что увижу что-нибудь, но видѣлъ только темныя кусты и мракъ, царившій подъ деревьями, которыя образовали сводъ надъ нашими головами. А, между тѣмъ, меня не покидала эта увѣренность, что кто-то, бдительный и враждебно настроенный, тутъ, близко, рукой подать, и слѣдитъ за нами. При этомъ мнѣ вспоминались суевѣрные индѣйцы, вѣрующіе въ Курпури—грознаго и недобраго духа лѣсовъ—и для меня было теперь такъ понятно, что его грозный образъ всюду мерещился тѣмъ, кто осмѣлился вступить въ его священное убѣжище.

Ночью—это была третья ночь, проведенная нами на Землѣ Мэппль-Уайта—мы пережили нѣчто ужасное, оставившее по себѣ самое тягостное впечатлѣніе, и отъ души благодарили лорда Джона, за то, что онъ весь день работалъ, сѣлаясь сдѣлать наше убѣжище недосыгаемымъ. Всѣ мы улеглись спать вокругъ погасавшаго костра, но были разбужены ужасающими криками и воплями. Не придумаю даже, съ чѣмъ сравнить эти звуки, доносившіеся какъ будто издали, за нѣсколько сотъ ярдовъ. Они были такіе же громкіе и раздрающіе, какъ свистокъ паровоза, но тотъ свистъ рѣзкій и чистый, сразу слышишь, что свиститъ машина, тутъ же звуки были полны муки и ужаса. Мы зажимали уши, чтобы заглушить эти отчаянные вопли, страшные, мучительные, какъ вопли грѣшниковъ въ аду. И, наряду съ этими пронзительными воплями порою раздавался низкій грудной смѣхъ, воющий и гортанный, словно аккомпанировавшій воплямъ, которые порою заглушали его. Этотъ страшный дуэтъ длился минуты три-четыре; слышно было, какъ перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, встревоженные птицы. Затѣмъ звуки внезапно прекратились. Напуганные,

мы долго сидели молча. Затѣмъ лордъ Джонъ подбросилъ сучьевъ въ огонь, который запылалъ сильнѣе, и яркій отсвѣтъ его озарилъ тревожныя лица моихъ товарищей и огромныя вѣтви, нависшія надъ нашими головами.

— Что это такое было?—шепнулъ я.

— Утромъ узнаемъ,—отвѣтилъ лордъ Джонъ.—Это было близко, рукой подать,—не дальше, чѣмъ отсюда до просѣки.

— Намъ посчастливилось стать свидѣтелями какой-нибудь доисторической трагедіи—одно чудовище загрызло другое,—сказалъ Чалленджеръ такимъ торжественнымъ тономъ, какого я еще не слыхалъ отъ него.—Поистинѣ, счастье для человѣка, что онъ созданъ позже всѣхъ тварей. Въ первые дни творения земля была населена такими существами, съ которыми ему не справиться бы, при всемъ его мужествѣ и хитрости. Развѣ помогли бы ему его силки, стрѣлы и дротики, въ борьбѣ съ такими силами, какія свирѣпствовали тутъ сегодня ночью? Даже и современное ружье оказалось бы безсильнымъ.

Соммерли пожалъ плечами.

— Тсс... Вы ничего не слышите?

Среди полного безмолвія раздавалось регулярное *топъ-топъ*, словно какое-то большое и грузное животное осторожно переступало мягкими, но тяжелыми лапами, крадась вокругъ нашего лагеря. Потомъ остановилось у входа, загражденнаго кустами. Мы отчетливо слышали его глухое свистящее дыханіе. Одна лишь изгородь отдѣляла насъ отъ этого кошмара ночи. Всѣ мы схватились за ружья, а лордъ Джонъ снялъ одну вѣтку, чтобы образовать отверстіе въ изгороди.

— Я, кажется, вижу его,—шепнулъ онъ.

Я нагнулся черезъ плечо и заглянулъ въ отверстіе. Да, я тоже видѣлъ его. Въ тѣни деревьевъ смутно обрисовывалась иная, болѣе черная тѣнь какаго-то невѣдомаго звѣря, пригнувшагося къ землѣ. Онъ былъ не великъ, не больше лошади, но линія его тѣла и поза говорили о грозной силѣ и свирѣпости. Громкое дыханіе, со свистомъ вырывавшееся изъ его груди, словно изъ машины, свидѣтельствовало о внушительныхъ размѣрахъ грудной клѣтки и, вообще, о силѣ сложенія. Когда тѣнь шевельнулась—мнѣ почудилось, будто сверкнули во мракѣ зеленоватые, злые глаза. Затѣмъ послышался шорохъ вѣтвей, словно животное медленно подкрадывалось.

— Онъ, кажется, хочетъ прыгнуть сюда,—сказалъ я, хватаясь за ружье.

— Не стрѣляйте, ради Бога! Не стрѣляйте,—шепнулъ лордъ Джонъ.—Въ ночной тишинѣ выстрѣлъ разнесется далеко. Приберегите эту послѣднюю карту.

— Если онъ перепрыгнетъ черезъ изгородь, мы погибли,—сказалъ Соммерли,—и голосъ его дрогнулъ, перейдя въ отрывистый нервный смѣшокъ.

— Нѣтъ, нельзя дать ему перепрыгнуть. Но стрѣлять, пока, все-таки не надо. Я попробую иначе прогнать его.

Въ жизни своей не видалъ я такого храбреца. Лордъ Джонъ мгновенно нагнулся, выхватилъ изъ костра пылающую головню и выскользнулъ съ нею черезъ брешь, продланную имъ въ нашей заградѣ. Звѣрь, угрожающе фыркалъ, шель на него. Лордъ Джонъ, не задумываясь, кинулся къ нему и ткнулъ его горящей головней въ самую морду. На мигъ передо мною освѣтилась страшная голова—словно чудовищной жабы,—неровная кожа, вся въ наростахъ, и бородавкахъ,—отвислыя губы, вымазанныя свѣжей кровью. Затѣмъ, тотчасъ, раздался трескъ сухихъ сучьевъ и вѣтвей.—Нашъ грозный посѣтитель уходилъ.

— Я такъ и думалъ, что онъ испугается огня,—сказалъ лордъ Джонъ, вернувшись къ намъ и швырнувъ головню въ костеръ.

— Ну, можно ли такъ рисковать!—ужасались всѣ мы.

— Другого средства не было. Еслибъ онъ попалъ сюда, мы бы только перестрѣляли другъ друга, пытаясь попасть въ него. А, еслибъ мы ранили его, цѣлясь въ отверстіе, онъ бы навѣрное ужъ прыгнулъ сюда—не говоря уже о томъ, что мы бы сами выдали себя. Да, я думаю, что мы счастливо ушли отъ большой бѣды. Что это за звѣрюга?

Наши ученые нерѣшительно переглянулись.

— Лично я не рѣшаюсь высказаться опредѣленно по этому поводу,—сказалъ Соммерли, нагибаясь къ огню, чтобы раскурить трубку.

— Отказываясь высказаться опредѣленно, вы только выказываете сдержанность, подобающую истинному ученому,—снисходительно похвалилъ его Чалленджеръ.—Я и самъ не рѣшусь пойти дальше общаго предположенія, что мы имѣли дѣло съ одной изъ разновидностей плотояднаго динозавра. Я уже и раньше высказывалъ предположеніе, что такіе разновидности, можетъ быть, и существуютъ на плато.

На мигъ передо мною освѣтилась страшная голова—словно чудовищной жабы—неровная кожа, вся въ наростахъ и бородавкахъ—отвислыя губы, вымазанныя свѣжей кровью.

— Мы должны помнить,—поддержалъ Соммерли,—что многія доисторическія формы вовсе не дошли до насъ. Такъ что вы не должны требовать, чтобы мы умѣли назвать вамъ всѣхъ животныхъ, которыя могутъ намъ повстрѣчаться.

— Совершенно вѣрно. Завтра, можетъ быть, у насъ окажется больше данныхъ для болѣе точной классификаціи. А сейчасъ предлагаю возобновить нашъ прерванный сонъ.

— Да, но только не такъ, какъ раньше, а поставивъ часового,—рѣшительно заявилъ лордъ Джонъ.—Въ такой странѣ, какъ эта, рискъ недопустимъ. На будущее время мы всѣ будемъ дежурить по очереди, по два часа каждый.

— Въ такомъ случаѣ, сегодня я дежурю первый,—сказалъ Соммерли,—я все-равно хотѣлъ выкурить трубку.

Утромъ мы безъ труда открыли причину страшнаго шума слышаннаго нами ночью. Просѣка игуанодоновъ стала ареной чудовищной бойни. На землѣ было столько крови, собравшейся цѣлыми лужами, и столько разорванныхъ кусковъ мяса разбросано было по зеленой травѣ, что можно было подуматъ: чудовище растерзало нѣсколькихъ животныхъ; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы убѣдились, что растерзано только одно, и буквально въ куски, хотя

растворивший его зверь был, вероятно, не больше его самого.

Наши профессора внимательно исследовали кусок за куском, носившие слѣды могучихъ зубовъ и когтей.

— Мы можемъ судить лишь приблизительно,—говорилъ профессоръ Чалленджеръ, глядя на лежащій у него на колыняхъ кусокъ бѣловатаго мяса.—Всѣ эти признаки подошли бы и къ сабельно-зубому тигру, скелетъ котораго находятъ и во многихъ нашихъ пещерахъ; но зверь, видѣнный нами вчера, несомнѣнно, былъ крупнѣе и болѣе близокъ къ преемыкающимъ. Я лично, склоненъ предполагать, что былъ аллозавръ.

— Или мегалозавръ,—добавилъ Sommerli.

— Совершенно вѣрно. Или любой изъ большихъ плотоядныхъ динозавровъ — величайшихъ и самыхъ грозныхъ хищниковъ, какіе когда-либо были проклятіемъ земли и благословеніемъ музеевъ.—И онъ громко расхохотался, какъ всегда первый смѣялся своимъ шуткамъ, хотя бы онъ вовсе не были смѣшны.

— Чѣмъ меньше вы будете шумѣть, тѣмъ лучше,—оставилъ его лордъ Джонъ.—Мы не знаемъ кто и что можетъ подслушать насъ. Если эта звѣрюга вернется на прогалину позавтракать остатками ужина и застанетъ насъ здѣсь, намъ будетъ не до смѣха. Кстати, что это за пятно.

На мутно-аспидной, чешуйчатой шкурѣ растерзаннаго животнаго, повыше плеча, было странное черное пятно, какъ будто отъ застывшаго асфальта. Никто изъ насъ не могъ объяснить себѣ его происшествія, хотя Sommerli и вспомнилъ, что нѣчто подобное онъ замѣтилъ и на кожѣ одного изъ дѣтенышей игуанодона, два дня тому назадъ. Чалленджеръ ничего не говорилъ, но видъ у него былъ напыщенный, какъ бы говорившій: «я знаю, да не хочу сказать», такъ что лордъ Джонъ, наконецъ, прямо обратился къ нему, спрашивая его мнѣніе.

— Если ваша свѣтлость милостиво позволить мнѣ открыть ротъ, я буду счастливъ высказаться,—отвѣтилъ онъ съ напыщеннымъ сарказмомъ. Я не привыкъ, чтобы со мной обращались такъ, какъ, повидимому, привыкли обращаться съ людьми, ваше сіятельство. Я не зналъ, что надо просить у васъ позволенія, прежде чѣмъ улыбнуться невинной шуткѣ.

И только, когда лордъ Джонъ пространно извинился передъ нимъ, нашъ обидчивый другъ понемногу утихнулъ и съ своего пня прочелъ намъ, по обыкновенію, цѣную лекцію, какъ будто обращался не къ тремъ дорожнымъ спутникамъ, а къ большой аудиторіи.

— Относительно пятна, замѣченнаго вами, я склоненъ поддержать мнѣніе моего друга и коллеги, профессора Sommerli, что пятно это асфальтовое. Въ виду того, что плато это, несомнѣнно, вулканическаго происхожденія, асфальтъ же принято считать однимъ изъ необходимыхъ составныхъ элементовъ царства Плутона, я не сомнѣваюсь, что здѣсь онъ существуетъ въ расплавленномъ состояніи, и животное, останки котораго мы видимъ, какъ нибудь пришло съ нимъ въ соприкосновеніе. Для насъ много важнѣе рѣшить иной вопросъ—много ли здѣсь такихъ чудовищъ, какъ то, которое оставило по себѣ слѣдъ на этой простѣкѣ. Въ общихъ чертахъ, мы знаемъ, что плато это не больше одного изъ нашихъ среднихъ англійскихъ графствъ. На этомъ ограниченномъ пространствѣ несчетные годы жило извѣстное количество существъ, которыя въ остальномъ мѣрѣ давно перешли въ область легенды. Казалось бы, за такой долгій промежутокъ времени хищники, обитающіе здѣсь, должны были истощить весь свой запасъ пищи, и, либо перейти на травояднѣе, либо умереть съ голоду. Какъ видите, ни того, ни другого не произошло. Слѣдовательно, остается предположить, что мудрая Природа сама нашла средство ограничить размноженіе этихъ свирѣпыхъ хищниковъ. Вопросъ—что это за средство и какимъ образомъ оно дѣйствуетъ —

одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ нашему разрѣшенію. Смѣю надѣяться, что намъ еще представится случай ближе изучить этихъ плотоядныхъ динозавровъ.

— А я позволяю себѣ надѣяться, что этого не будетъ,—возразилъ я.

Профессоръ только повелъ бровями, какъ строгій учитель, въ отвѣтъ на непочтительную выходку дерзкаго ученика.

— Можетъ быть, мой уважаемый коллега имѣетъ что нибудь возразить,—обратился онъ къ Sommerli; и оба снова погрузились въ научный споръ.

Въ это утро мы исследовали и нанесли на карту небольшую часть плато, избѣгая приближаться къ болоту птеродактилей и держась все время къ востоку отъ ручья, тогда какъ раньше шли на западъ. И здѣсь мѣстность сплошь заросла густымъ лѣсомъ съ такимъ изобиліемъ нижней поросли, что пробираться черезъ нее можно было только очень медленно.

До сихъ поръ я рассказывалъ только объ ужасахъ Земли Мэплъ-Уайта; но въ этой картинѣ была, вѣдь, и другая, лицевая сторона:—все это утро мы шли среди цвѣтовъ, по большей части, какъ я замѣтилъ, бѣлыхъ и желтыхъ—наши профессора объяснили, что это были излюбленные цвѣта доисторическаго міра. Во многихъ мѣстахъ земля была сплошь покрыта ими; ноги наши тонули по щиколку въ этомъ мягкомъ цвѣточномъ коврѣ; благоуханія, сладкія и острыя, опьяняли и кружили голову. Вокругъ жужжали родныя англійскія пчелы. Многие изъ деревьевъ, мимо которыхъ мы проходили, гнули вѣтви до земли подъ тяжестью плодовъ; нѣкоторые изъ нихъ были новы для насъ, другіе хорошо знакомы. Во избѣжаніе опасности отравиться, мы слѣдили за тѣмъ, которые изъ нихъ клюютъ птицы, и это вносило пріятное разнообразіе въ нашъ пищевой режимъ. Въ дѣвственной чашѣ, черезъ которую мы пробирались, было много тропинокъ, вытоптанныхъ дикими звѣрями, а въ болотистыхъ мѣстахъ несчетное множество слѣдовъ, въ томъ числѣ слѣды игуанодоновъ. Однажды мы даже видѣли небольшое стадо ихъ, пасущееся на травѣ, и лордъ Джонъ въ бинокль разглядѣлъ, что у всѣхъ у нихъ были на тѣлѣ пятна отъ асфальта, хотя и не въ тѣхъ мѣстахъ, какъ у растерзаннаго животнаго. Но что это означало, мы такъ и не могли рѣшить.

Видѣли мы также много мелкихъ животныхъ, какъ, напримеръ, дикообразовъ, чешуйчатаго муравѣда и дикаго кабана, пѣлаго цвѣта, съ длинными кривыми клыками. Однажды, въ просвѣтъ между деревьями мы видѣли свѣтло-зеленый склонъ холма и быстро шагающее по немъ огромное животное темно-коричневаго цвѣта. Оно прошло такъ быстро, что мы не могли разглядѣть его, какъ слѣдуетъ; но, если это былъ олень, какъ увѣрялъ лордъ Джонъ то, должно быть, огромный, какъ тѣ чудовищные ирландскіе лоси, которыхъ и понынѣ иногда выкапываютъ изъ топей моей родины.

Со времени загадочнаго визита, нанесеннаго намъ невѣдомыми посѣтителями, мы ни разу съ спокойнымъ сердцемъ не возвращались въ свой лагерь. Однако, на этотъ разъ, мы все нашли въ порядкѣ. И въ этотъ вечеръ долго совѣщались о теперешнемъ нашемъ положеніи и нашихъ планахъ на будущее. Эту бесѣду я долженъ изложить подробнѣе, такъ какъ она внушила мнѣ идею, позволившую намъ лучше узнать страну Мэплъ-Уайта, чѣмъ мы могли бы это сдѣлать за нѣсколько недѣль изслѣдованій. Первымъ открылъ дебаты Sommerli. Онъ весь день ко всѣмъ придирался и теперь вопросъ лордъ Джона: что мы будемъ дѣлать завтра, поднялъ въ его душѣ всю накопившуюся горечь.

— И, сегодня, и завтра, и всѣ дни намъ надлежитъ прежде всего искать выхода изъ западни, въ которую мы попали. Вы все придумываете, какъ бы пробраться вглубь страны.

А я говорю, что намъ надо думать о томъ, какъ намъ выйти изъ нея.

— Я удивляюсь, сэръ,—загремѣлъ Чалленджеръ, расправляя свою пышную черную бороду,—что человѣкъ науки способенъ поддаваться такимъ презрѣннымъ чувствамъ. Передъ вами такая арена для честолюбія даровитого натуралиста, какой еще не видано отъ начала міра, а вы предлагаете покинуть ее, удовольствовавшись самыми поверхностными свѣдѣніями о ней и ея обитателяхъ. Я ждалъ отъ васъ лучшаго, профессоръ Соммерли.

— Не забывайте,—язвительно возразилъ Соммерли,—что въ Лондонѣ у меня обширная аудиторія, оставленная теперь на произволъ бездарнаго замѣстителя. А, слѣдовательно, мое положеніе совершенно иное, чѣмъ ваше, профессоръ Чалленджеръ, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, вамъ никогда не поручали въ высшей степени отвѣтственной дѣла воспитанія юношества.

— Совершенно вѣрно. Я счелъ бы святотатствомъ отвлечь умъ, способный къ высокимъ изслѣдованіямъ, къ болѣе низменному дѣлу. Вотъ почему я всегда сурово отвергалъ предлагаемыя мнѣ школьныя занятія.

— Напримѣръ? Какія же это занятія вамъ предлагали? —фыркнулъ Соммерли. Но лордъ Джонъ поспѣшилъ переменить разговоръ.

— Я долженъ сказать,—вмѣшался онъ,—что мнѣ было бы обидно вернуться въ Лондонъ, не узнавъ больше, чѣмъ я знаю объ этой удивительной странѣ.

— Я не посмѣлъ бы войти въ редакцію и предстать передъ лицомъ старика Мак-Арля,—поддержалъ я. (Вы мнѣ простите эту фамильярность?) Редакція не простила бы мнѣ, еслибъ я принесъ ей такія крохи свѣдѣній. Притомъ же, насколько я могу судить, вопросъ этотъ и бесполезно обсуждать, такъ какъ мы все равно не можемъ уйти отсюда, еслибъ и хотѣли.

— Нашъ юный другъ восполняетъ многіе пробѣлы своего образованія извѣстной долей здраваго смысла,—замѣтилъ Чалленджеръ.—Интересы его убогой профессіи мы во вниманіе принимать не можемъ, но такъ какъ мы, дѣйствительно, не можемъ и уйти отсюда, то спорить, дѣйствительно, напрасная трата энергіи.

— А я говорю, что все другое—напрасная трата энергіи,—заворчалъ Соммерли.—Позвольте вамъ напомнить, что мы явились сюда съ совершенно опредѣленной миссіей —проверитъ утвержденія профессора Чалленджера—по порученію Зоологическаго Института въ Лондонѣ. Эти утвержденія, какъ я считаю долгомъ признать, оказались вполне достоверными. Слѣдовательно, задача наша выполнена. Что же до деталей работы, которую надлежитъ выполнить на этомъ плато, она такъ огромна, что выполнить ее могла бы надѣяться только большая экспедиція, специально экипированная. Если же мы возьмемся за нее сами, единственный возможный результатъ будетъ тотъ, что мы вовсе не вернемся и не сдѣлаемъ въ наукѣ того, уже весьма значительнаго вклада, который мы и сейчасъ можемъ сдѣлать. Профессоръ Чалленджеръ нашелъ способъ всѣхъ насъ доставить на это плато, казавшееся недоступнымъ: я полагаю, что и теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ нему съ просьбой обнаружить ту же блестящую изобрѣтательность въ доставленіи насъ обратно въ тотъ міръ, откуда мы пришли.

Сознаюсь, теперь, когда Соммерли изложилъ ясно свою точку зрѣнія, она показалась мнѣ вполне разумной. Даже Чалленджеръ былъ смущенъ тѣмъ доводомъ, что, если онъ не возвратится, враги его такъ и не будутъ посрамлены.

— Проблема выхода отсюда кажется, на первый взглядъ неразрѣшимой,—началъ онъ,—но я не сомнѣваюсь, что, при надлежащемъ напряженіи ума, разрѣшить ее возможно. Я готовъ согласиться съ моимъ коллегой, что продолжительное пребываніе на Землѣ Мэплъ-Уайта въ настоящее время не дѣлесообразно и что скоро передъ нами встанетъ вопросъ

о возвращеніи къ цивилизаціи. Но, все же, я наотрѣзъ отказываюсь уйти отсюда, пока мы не получимъ хотя бы поверхностнаго представленія обо всей этой странѣ и не составимъ хотя бы грубой карты ея.

Соммерли нетерпѣливо фыркнулъ.

— Мы потратили уже два дня на изслѣдованія и о географіи ея знаемъ не больше, чѣмъ въ первый день. Очевидно, все плато густо заросло лѣсомъ, и нужны мѣсяцы, чтобы пройти его и установить сношеніе одной части къ другой. Будь здѣсь хоть одинъ центральный пикъ, тогда другое дѣло; но тутъ, куда ни пойдешь,—все скаты. Чѣмъ дальше мы зайдемъ, тѣмъ меньше у насъ будетъ надежды увидѣть общую картину плато.

И вотъ въ этотъ-то моментъ меня и осянило вдохновеніе. Случайно я взглянулъ на огромное, сукроватое дерево, *джингко*, раскинувшее надъ нами свои вѣтви. Если стволъ его толще всѣхъ другихъ стволовъ, то, ужъ, навѣрное и вышина должно быть соответствующая. И, если край плато есть высшая точка его, отъ которой оно идетъ, все понижаясь, внутрь, то почему бы не использовать это гигантское дерево въ качествѣ сторожевой башни, съ которой видно все вокругъ. Я съ дѣтства славился по всей Ирландіи своимъ умѣньемъ лазить по деревьямъ. Мои товарищи, можетъ быть, и лучшіе альпинисты, чѣмъ я, но въ этомъ ужъ никто изъ нихъ не превзойдетъ меня. Только бы стать на нижнюю вѣтку, а тамъ ужъ я доберусь до вершины. Товарищи пришли въ восторгъ отъ этой мысли.

— Нашъ юный другъ,—говорилъ Чалленджеръ, надувая свои румяныя щеки,—песомѣнно способенъ на акробатическія упражненія, недоступныя человѣку болѣе солидной, хотя, можетъ быть, и болѣе внушительной внѣшности. Я вполне одобряю его намѣреніе.

— Клянусь Св. Георгіемъ, юноша, вы попали въ самую точку,—говорилъ лордъ Джонъ, хлопая меня по плечу.—И какъ это намъ раньше не пришло въ голову. Теперь осталось не больше часа до сумерокъ, но, все же, если вы захватите съ собой записную книжку, вы можете, въ общихъ чертахъ, сдѣлать набросокъ мѣстности. Давайте поставимъ три ящика, одинъ на другой, я подниму васъ—и айда.

Онъ уже влѣзъ на ящики и осторожно поднималъ меня, когда Чалленджеръ сзади такъ поддалъ мнѣ въ спину ладонью, что я моментально очутился на деревѣ. Я уцѣпился обѣими руками за толстый сукъ и скоро нашелъ опору для ногъ. Надъ головой моей были три отличныхъ сука, точно три высокихъ ступени лѣстницы, а между мной и ими множество надежныхъ вѣтвей, и я карабкался съ такою быстротой, что скоро потерялъ изъ виду землю и видѣлъ подъ собой только вѣтки. Временами трудно было лѣзть, но въ общемъ, я двигался быстро, и громкій голосъ Чалленджера казался, доносясь издали. И, все же, дерево было такъ огромно, что просвѣта и надъ собою я еще не видѣлъ. На суку, по которому я карабкался, было впереди что-то вроде нароста. Я нагнулся, чтобы снизу посмотрѣть, что это такое—и едва не свалился съ дерева отъ изумленія и ужаса.

На разстояніи какихъ-нибудь одного-двухъ футовъ, на меня смотрѣло человѣческое лицо. Существо, которому оно принадлежало, скорчилось за наростомъ и подняло голову одновременно со мной. Я назвалъ это лицо человѣческимъ—во всякомъ случаѣ, я еще не видалъ обезьяны, у которой лицо было бы такъ похоже на человѣческое. Оно было длинное, блѣснотое, усыянное прыщами, съ приплюснутымъ носомъ, съ выдавшейся впередъ нижней челюстью, съ щетинистой бородой, росшей низко на подбородкѣ. Глаза, смотрѣвшіе изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей, были по вѣтриному свирѣпы, и, когда невѣдомое существо открыло ротъ и заворчалъ на меня, словно сердито выругавшись себѣ подъ носъ, я замѣтилъ, что у него кривые и острые собачьи зубы. Злые глаза свѣтились ненавистью и угрозой. Но выраженіе это мгновенно смѣнилось выраженіемъ безум-

наго страха,—и существо нырнуло вниз, въ зеленую сѣнь перепутанныхъ вѣтвей. Я мелькомъ увидалъ красное, волосатое тѣло, словно у рыжей свиньи—и затѣмъ невѣдомое существо скрылось изъ виду.

— Въ чемъ дѣло?—кричалъ снизу Рокстонъ.—Какая нибудь бѣда стряслась?

— Вы видѣли?—кричалъ я ему, цѣпляясь за вѣтку и весь дрожа отъ волнения.

— Мы слышали шорохъ, какъ будто у васъ нога соскользнула. Въ чемъ дѣло?

Я былъ такъ взволнованъ и потрясенъ этимъ неожиданнымъ появленіемъ человѣка-обезьяны, что уже готовъ былъ слѣзть обратно, чтобы рассказать о немъ моимъ товарищамъ. Но большая часть дороги была уже сдѣлана, и обидно было бы вернуться, не выполнивъ своей задачи.

...На разстояніи какихъ-нибудь одного-двухъ футовъ, на меня смотрѣло человѣческое лицо... Злые глаза свѣтились ненавистью и угрозою...

И, потому, послѣ долгой передышки, собравшись съ духомъ и съ силами я продолжалъ лѣзть дальше. Одинъ разъ я нечаянно ступилъ на гнилой сукъ и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ висѣлъ только на рукахъ, но въ общемъ дѣло шло довольно гладко. Постепенно листья наверху рѣдѣли, и судя по вѣтру, дувшему мнѣ прямо въ лицо, я былъ уже выше вершинъ всѣхъ деревьевъ лѣса. Но я рѣшилъ не глядѣть по сторонамъ, пока не доберусь до высшей точки наблюденія, и продолжалъ карабкаться, пока вѣтви не стали гнуться подъ моею тяжестью. Тутъ я уцѣлся поудобнѣе, выбравъ раздвоенную вѣтку, и, покачиваясь, сталъ разглядывать удивительнѣйшую картину, раскинувшуюся передъ моими глазами.

Солнце стояло надъ самымъ горизонтомъ; вечеръ былъ изумительно ясный и прозрачный, и все плато было передо мной, какъ на ладони. Отсюда оно представлялось мнѣ овальнымъ, миль тридцать въ ширину, и миль двадцать въ длину. Оно походило на неглубокую воронку, всѣ стороны которой спускались къ большому озеру въ центрѣ ея. Озеро это могло имѣть въ окружности миль десять; оно было зеленоватое и очень красивое, съ густою каймой тростниковъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на поверхности воды выступали желтыя песчаныя отмели, блестящія, какъ золотыя, при свѣтѣ заката. По краямъ этихъ песчаныхъ отмелей, лежали, въ

большомъ количествѣ, какіе-то длинные темные предметы, слишкомъ большіе, чтобы ихъ можно было принять за крокодиловъ, и слишкомъ длинные, чтобы счесть ихъ лодками. Въ бинокль мнѣ было ясно видно, что они—живые, но что это такое, я все-таки сообразить не могъ.

Съ того края плато, на которомъ находились мы, къ центральному озеру спускались лѣсистыя уклоны, лишь мѣстами прерываемые прогалинами. У ногъ моихъ лежала «просѣка игуанодоновъ»; дальше круглый просвѣтъ между деревьями обозначалъ собой то мѣсто, гдѣ находилось болото птеродактилей. Но съ той стороны, которая лежала противъ меня, плато имѣло совсѣмъ иной видъ. Тамъ, за лѣсистымъ склономъ, тянулся рядъ базальтовыхъ утесовъ, точно такихъ же, какъ и на краю плато, образуя гряду вышиною футовъ въ двѣсти, и у подножія этихъ красноватыхъ утесовъ я разглядѣлъ въ бинокль много темныхъ отверстій, которыя, по моимъ догадкамъ, были устьями пещеръ. Въ одномъ такомъ отверстіи что-то бѣлѣло и поблескивало, но я не могъ разобрать, что это такое. Пока солнце не зашло, я сидѣлъ наверху и наносилъ на карту все подмѣченное мною. Когда же такъ стемнѣло, что я уже не могъ различать деталей, я слѣзъ съ дерева и присоединился къ моимъ спутникамъ, съ нетерпѣніемъ дожидавшимся меня у подножія дерева. На этотъ разъ я былъ героемъ. Я самъ придумалъ это самъ и выполнилъ; и теперь въ рукахъ у меня была карта, которая могла замѣнить намъ мѣсяцъ блужданій среди невѣдомыхъ опасностей. Одинъ за другимъ, мои товарищи подходили и торжественно жали мнѣ руку. Но, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію карты въ деталяхъ, я счелъ долгомъ рассказать имъ о моей встрѣчѣ съ человѣкомъ-обезьяной.

— Онъ все время сидѣлъ тамъ.

— Откуда вы это знаете?—спросилъ лордъ Джонъ.

— У меня все время было такое ощущеніе, что чей-то недобрый взоръ слѣдитъ за нами. Я, вѣдь, говорилъ вамъ, профессоръ Чалленджеръ.

— Нашъ юный другъ, несомнѣнно, говорилъ нѣчто подобное. Онъ единственный изъ насъ одаренъ свойственной кельтамъ воспримчивостью къ такого рода впечатлѣніямъ.

— Вся теорія телепатіи...—началъ было Sommerli, набивая трубку.

— Слишкомъ обширна, чтобы обсуждать ее сейчасъ,—рѣшительно прервалъ его Чалленджеръ.—Скажите мнѣ лучше,—обратился онъ ко мнѣ съ видомъ епископа, экзаменующаго ученика воскресной школы,—не случилось ли вамъ замѣтить—можетъ это существо пригнуть своей большой палецъ къ ладони?

— Право, нѣтъ.

— Есть у него хвостъ?

— Нѣтъ, хвоста нѣту.

— Можетъ онъ цѣпляться пальцами ногъ за вѣтви?

— Мнѣ кажется, еслибъ этого не было, онъ не могъ бы такъ быстро спуститься съ дерева.

— Въ Южной Америкѣ,—если память не измѣняетъ мнѣ—возражать будете потомъ, профессоръ Sommerli,—насчитывается до 36 породъ обезьянъ, но человѣкоподобная обезьяна здѣсь неизвѣстна. Ясно, однако же, что она существуетъ въ этой странѣ и что она не тождественна съ волосатой гориллой, которая встрѣчается исключительно въ Африкѣ и, вообще, на Востоку. (Я взглянулъ на него въ эту минуту и чуть было не сказалъ, что близкіе родственники гориллы встрѣчаются и въ Европѣ).—Влѣднѣе цвѣтъ кожи указываетъ, что эта порода обезьянъ живетъ не на свѣту, а въ листьяхъ деревьевъ. Вопросъ въ томъ, къ чему она ближе: къ обезьянѣ, или къ человѣку. Въ послѣднемъ случаѣ, весьма возможно, что это—такъ называемое «недостающее звено». Прежде всего, мы обязаны разрѣшить этотъ вопросъ.

— Ничего подобнаго!—рѣзко возразилъ профессоръ

Соммерли.—Теперь, когда благодаря уму и энергії м-ра Мэллона (я не въ правѣ вычеркнуть эти слова) у насъ есть карта мѣстности, нашъ долгъ и непосредственная задача наша—постараться благополучно выбраться изъ этого проклятаго мѣста.

— Немногимъ же вы довольствуетесь,—проворчалъ Чалленджеръ.

— Наше дѣло дать отчетъ о видѣнномъ и предоставить дальнѣйшія изслѣдованія другимъ. Въ этомъ всѣ мы согласились еще до того, какъ м-ръ Мэллонъ принесъ намъ карту.

— Хорошо,—сказалъ Чалленджеръ,—я признаю, что на душѣ и у меня станетъ спокойнѣе, когда я буду увѣренъ, что результаты нашей экспедиціи не пропадутъ даромъ. Но какъ выбраться отсюда,—этого я себя пока не представляю. Однакожъ, донынѣ я еще не встрѣчалъ задачи, съ которой не могъ бы справиться мой дѣятельный умъ. И я обещаю вамъ съ завтрашняго же дня посвятить свое вниманіе разрѣшенію этого вопроса.

Больше мы этого вопроса не затрагивали и весь остатокъ вечера, при свѣтѣ костра и единственной свѣчи, посвятили составленію первой карты погибшаго міра,—нанесенію на нее всѣхъ деталей, грубо намѣченныхъ мной съ моей сторожевой башни. Съ карандашемъ въ рукѣ, Чалленджеръ задумался надъ большимъ пустымъ мѣстомъ, обозначающимъ собой центральное озеро.

— Какъ же намъ назвать его?

— Почему бы вамъ не воспользоваться случаемъ увѣковѣчить собственное имя?—съ обычной ядовитостью освѣдомился Соммерли.

— Смѣю думать, сэръ, что мое имя и безъ этого сохранится въ потомствѣ,—строго отвѣтилъ Чалленджеръ.—Всякій невѣжда можетъ увѣковѣчить свою, ничего не стоящую, память, навязавъ свое имя горѣ, или рѣкѣ. Я въ такихъ памятникахъ не нуждаюсь.

Соммерли, криво усмѣхнувшись, готовъ былъ уже снова напасть на него, но лордъ Джонъ поспѣшилъ вступить.

— Окрестить это озеро надлежитъ нашему юношѣ. Онъ первый увидѣлъ его и, кланяясь св. Георгію, имѣетъ полное право назвать его «Озеромъ Мэлонъ».

— Несомнѣнно. Пусть нашъ юный другъ дастъ ему имя.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я, краснѣя,—если позволите, я назову его «Озеромъ Гладисъ».

— А вамъ не кажется, что Центральное Озеро было бы лучше?—замѣтилъ Соммерли.

— Я предпочитаю Озеро Гладисъ.

Чалленджеръ бросилъ на меня сочувственный взглядъ и покачалъ головою, насмѣшливо и неодобрительно.—Мальчишки всегда останутся мальчишками. Пусть будетъ Озеро Гладисъ.

Глава XII.

„Въ лѣсу было страшно“.

Я, кажется, говорилъ уже,—а, можетъ быть, и не говорилъ, такъ какъ въ послѣднее время я что-то сталъ все забывать,—что изъ явленія признательности моихъ спутниковъ, восхвалявшихъ меня за то, что я выручилъ ихъ, преисполнили меня гордостью. Я былъ младшій изъ всѣхъ насъ, не только годами, но и опытомъ, знаніями, силой характера, и, естественно, что съ самаго начала, я былъ въ тѣни. И вдругъ теперь выдвинулся на первый планъ. Какъ тутъ было не возгордиться? Но, увы! гордыня всегда ведетъ къ паденію. Послѣ такой удачи я преисполнился самоувѣренности и это въ ту же ночь толкнуло меня на такое приключеніе, какого я не пожелаю и злѣйшему моему врагу, закончившееся ударомъ, о которомъ жутко даже вспомнить.

Вышло это такъ. Исторія съ лазаньемъ на дерево и обезьяной взвинтила меня, и уснуть я не могъ. Соммерли дежурилъ, скорчившись у небольшого костра, такой чудной, костлявой; винтовку онъ зажалъ между колѣнями и его

остроконечная, козлиная бородка качалась каждый разъ, когда онъ, отъ усталости, начиналъ дремать. Лордъ Джонъ спалъ, закутавшись въ южно-американскій плащъ, *пунчо*, которымъ онъ всегда укрывался; Чалленджеръ храпѣлъ такъ, что храпъ его перекачивался по всему лѣсу. Полная луна свѣтила ярко; ночной холодъ ципалъ щеки. Что за ночь для прогулки. И вдругъ мнѣ пришло на умъ:—А почему бы и нѣтъ? Что, если я незамѣтно выскользну изъ лагеря, дойду до центрального озера и къ завтраку вернусь обратно съ подробнымъ отчетомъ? Не будетъ ли это еще болѣе цѣнной услугой моимъ товарищамъ и спутникамъ? По крайней мѣрѣ, если Соммерли настаитъ на своемъ и мы придумаемъ способъ вернуться обратно, тайна центра плато, все таки, будетъ открыта и открыта благодаря мнѣ. Я одинъ проникну туда, гдѣ до меня еще не ступала нога человѣка. Я подумалъ о Гладисѣ, объ ея преклоненіи передъ героями,—о Макъ-Арду. Вотъ-то будетъ статья для нашей газеты—въ пѣлыхъ три столбца! Ужъ послѣ этого, я, навѣрное, сдѣлаю карьеру, и меня въ первую же ближайшую войну пошлутъ корреспондентомъ на театръ военныхъ дѣйствій. Я схватилъ ружье—карманы мои были полны патроновъ—и, раздвинувъ колючую изгородь, неслышно выскользнулъ изъ лагеря. Соммерли, побѣжденный дремотой, продолжалъ кивать головою, словно игрушечный китаецъ, у догораваго костра.

Не сдѣлавъ я и ста шаговъ, какъ уже раскаялся въ своемъ необдуманномъ рѣшеніи. Помнится, я уже говорилъ, что у меня слишкомъ сильно развито воображеніе, и это мѣшаетъ мнѣ быть дѣйствительно мужественнымъ; но въ то же время я безумно боюсь быть смѣшнымъ. Эта-то боязнь стать смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и гнала меня впередъ. Я прямо таки не въ состоянн былъ вернуться съ пустыми руками. Еслибъ даже товарищи не хватились меня и не узнали бы о моемъ малодушествѣ, мнѣ все-таки было бы невыразимо стыдно передъ самимъ собой. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лѣсу ночью мнѣ было жутко до нелзя, и я отдалъ бы все, что имѣю, за то, чтобы благополучно очутиться снова въ лагерѣ.

Въ лѣсу было страшно. Деревья росли такъ густо, такъ развѣсисты были ихъ вѣтви, что я не видѣлъ луннаго свѣта; лишь мѣстами сквозь узоръ вѣтвей, видѣлось звѣздное небо. Когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, я сталъ различать, что не всюду подъ деревьями было одинаково темно—мѣстами я смутно различалъ очертанія стволовъ, мѣстами же были какіе-то черные провалы, словно устья пещеръ, отъ которыхъ я съ ужасомъ отшатывался, проходя мимо. Мнѣ вспомнился отчаянный вопль растерзаннаго игуанодона—этотъ страшный вопль, разнесшійся по лѣсу. Вспомнилось, какъ лордъ Джонъ ткнулъ горячей головней въ окровавленную бородавчатую морду. Вѣдь, и сейчасъ я иду какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ *она* охотится. Каждую минуту *она* можетъ выскочить изъ мрака и ринуться на меня—это страшное чудовище, у котораго нѣтъ имени.

Я остановился, вынувъ изъ кармана патронъ, и сталъ заряжать ружье. Но взвелъ курокъ и ахнулъ—впопыхахъ я захватилъ не винтовку, а ружье малаго калибра, для мелкаго звѣря.

Снова мнѣ захотѣлось вернуться. Вѣдь поводъ вполне основательный—тутъ ужъ никто не осудитъ меня. И снова глупая ребяческая гордость не позволила мнѣ этого сдѣлать. Въ сущности, вѣдь и отъ винтовки съ такимъ врагомъ было бы мало проку. Если вернуться только съ тѣмъ, чтобы перемѣнить ружье, трудно надѣяться, чтобы мнѣ удалось войти и снова уйти незамѣченнымъ. Пришлось бы объяснить въ чемъ дѣло, и тогда это уже не было бы моею единоличною попыткой. Помедливъ немного, я набрался храбрости, подвинулъ себя и пошелъ дальше, держа подъ мышкой безполезное ружье.

Жутко и тревожно было въ лѣсной темнотѣ, но еще тре-

вожжи, пожалуй, на бѣлыхъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ полянахъ. Спрятавшись въ кустахъ, я приглядѣлся, прежде чѣмъ выйти на свѣтъ. Ни одного игуанодона не было видно. Быть можетъ, давешняя трагедія прогнала ихъ съ обыкновенно ихъ пастбища. Въ серебристомъ туманѣ не замѣтно было никакихъ признаковъ жизни. Собранный съ духомъ я быстро перебѣжалъ черезъ нес и на той сторонѣ сразу нашелъ ручей, который былъ моимъ проводникомъ. Это былъ пріятный спутникъ, весело журчавшій—ни дать ни взять нашъ милый ручеекъ, въ которомъ я въ дѣтствѣ удилъ форелей. Этотъ ручей непременно приведетъ меня къ озеру и поможетъ мнѣ вернуться обратно въ лагерь, не сбившись съ дороги. Нерѣдко, я терялъ его изъ виду, продираясь сквозь густые кусты, росшіе на берегу, но все время слышалъ его плескъ и журчанье.

По мѣрѣ того, какъ я спускался по уклону, деревья становились рѣже и, наконецъ, смѣнились кустарникомъ. Тутъ было легче идти и можно было видѣть, не будучи видимымъ. Я прошелъ совсѣмъ близко отъ болота птеродактилей, и, должно быть, спугнулъ одного изъ нихъ, такъ какъ совсѣмъ по близости раздался характерный сухой трескъ крыльевъ, и одинъ изъ нихъ—по крайней мѣрѣ, двадцати футовъ въ длину—взмывъ кверху, на мигъ заслонивъ развернутыми крыльями луну. Перепончатые крылья его на свѣту казались прозрачными и весь птеродактиль—какимъ-то летучимъ скелетомъ. Я пригнулся къ самой землѣ, зная по опыту что достаточно одного предостерегающаго крика птеродактилей, чтобы на меня накинута цѣлая сотня этихъ мерзкихъ тварей. Только, когда онъ вновь ушелъ на дерево, я рискнулъ продолжать свой путь.

Ночь была на рѣдкость тихая, но постепенно я сталъ различать какой-то глухой и непрерывный звукъ, словно шепотъ, который, чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣе былъ слышенъ. Похоже было, какъ будто вода кипитъ и булькаетъ въ большомъ горшкѣ. Вскорѣ я напалъ и на источникъ шума—на небольшой полянкѣ передо мной открылось озеро върнѣе, лужа—не больше обыкновеннаго бассейна у фонтана—полная какой-то черной жидкости, похожей на смолу, поверхность которой все время поднималась и опускалась, покрываясь пузырьками газа. Воздухъ надъ этой лужей весь сверкалъ отъ зноя и земля кругомъ была такъ горяча, что рука съ трудомъ выдерживала. Очевидно, вулканическія силы, нѣкогда поднявшія надъ землей это плато, и сейчасъ еще не перестали дѣйствовать. Я и раньше замѣчалъ обожженные камни и кучи лавы, выглядывавшія изъ-подъ пышной растительности, но это озерко кипящаго асфальта было первымъ признакомъ актуальной дѣятельности бывшаго кратера. Однако, разглядывать его мнѣ было некогда; надо было торопиться, чтобы къ завтраку вернуться обратно въ лагерь.

Прогулка была не изъ пріятныхъ, и я до самой смерти не забуду ея. Когда по пути попадались озаренныя луной поляны, я обходилъ ихъ, крадучись, переходя же снова въ чащу лѣса, замиралъ отъ страха каждый разъ, какъ слышалъ трескъ сучьевъ—знакъ близости какого-нибудь лѣсного звѣря. Отъ времени до времени передо мной мелькали тѣни—огромныя и безшумныя, словно съ подушками на ногахъ. Не разъ я готовъ былъ повернуть обратно, но гордость побѣждала страхъ, и я шелъ дальше и дальше.

Наконецъ (часы мои показывали ровно часъ утра), въ просвѣтѣ между деревьями впереди заблестѣла вода; и минутъ десять спустя я былъ ужъ въ тростникахъ, окаймлявшихъ центральное озеро. У рта у меня совсѣмъ пересохло отъ долгой ходьбы; я легъ ничкомъ и съ наслажденіемъ напился свѣжей, холодной воды. Къ тому мѣсту, куда я вышелъ, была протоптана широкая дорога со множествомъ разныхъ слѣдовъ—очевидно, это было мѣсто водопоя многихъ животныхъ. У самой воды высилась отдѣльная боль-

шая глыба лавы. Я вскарабкался на нее и, лежа на верхушкѣ ея, могъ отлично видѣть во всѣ стороны.

Первое, что я увидѣлъ, чрезвычайно изумило меня. Описывая, что я видѣлъ съ вершины дерева джитнко, я уже говорилъ, что на дальней, утесистой сторонѣ плато я видѣлъ много темныхъ пятенъ, которыя показались мнѣ устьями пещеръ. Теперь же, глядя на эти утесы, я отчетливо видѣлъ по всѣмъ направленіямъ свѣтовые диски, красноватые, рѣзко очерченные, словно пушечные борты корабля, корпусъ котораго скрытъ мракомъ. Въ первый моментъ я подумалъ, что это раскаленная лава отъ недавняго изверженія—но какъ же могла бы лава подняться такъ высоко? А, если не лава, тогда что же это такое? Остается только предположить, что красноватые диски—отраженія огней, зажженныхъ у входовъ пещеры—огней, которые могли быть зажжены только рукой человѣка. Это было изумительно-необычайно—и въ то же время это не могло быть ничѣмъ инымъ. Слѣдовательно, на плато были люди. Какіе, однако блестящіе результаты дастъ моя единоличная развѣдка. Съ такими новостями не стыдно показаться и въ Лондонѣ.

Долго я лежалъ такъ, слѣдя за красными, вздрагивающими пятнами свѣта. Отъ меня до нихъ было, должно быть, миль десять, но даже и на этомъ разстояніи можно было замѣтить, что временами они тускнѣли, какъ будто кто-то проходя мимо, заслонялъ ихъ. Чего бы я не далъ, ч бы подкрасться туда, заглянуть хоть однимъ глазкомъ въ пещеры и принести моимъ товарищамъ вѣсть о внѣшнемъ видѣ и обычаяхъ расы, обитавшей въ такомъ странномъ мѣстѣ. Сейчасъ объ этомъ ничего было и думать, но не можемъ же мы уйти съ плато, не выяснивъ себѣ въ точности этого вопроса.

На одной изъ песчаныхъ отмелей показался какъ будто огромный лебедь съ неуклюжимъ тѣломъ и длинной гибкой шеей...

Озеро Гладисъ—мое собственное озеро—серебрилось предо мною, и яркая луна отражалась въ центрѣ его. Было оно, повидимому, неглубокое, такъ какъ во многихъ мѣстахъ изъ воды выдвигались песчаныя отмели. Всюду, на спокойной поверхности его виднѣлись признаки жизни,—то поднимется

рябь и разбьются круги по водѣ; то сверкнетъ серебриста, чешуя большой рыбы, то мелькнетъ выгнутая, аспиднаго пѣта, спина какого-нибудь водяного чудовища. Одинъ разъ, на одной изъ песчаныхъ отмелей показался какъ будто огромный лебедь съ неуклюжимъ тѣломъ и длинной гибкой шеей. Потомъ онъ поплылъ, нырнулъ, и я большое ужъ не видалъ его.

Вниманіе мое скоро было отвлечено отъ далекаго и обращено на болѣе близкое, находившееся у самыхъ ногъ моихъ. Пара какихъ-то животныхъ, вродѣ большихъ армадилловъ (броненосцевъ) пришли напиться и усѣлись на заднихъ лапахъ, пригибая головы къ водѣ и лакая ее длинными красными языками. Рядомъ съ ними помѣстилась дѣлая семья оленей: самецъ, — великолѣпное, царственное животное съ пышно развѣтвляющимися рогами, самка и двое дѣтенышей. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ на землѣ, навѣрное, нѣтъ уже больше такихъ оленей, — всѣ видѣнные мною не доходили бы этому и до плеча. Неожиданно, одъ фыркнулъ и мгновенно исчезъ, вмѣстѣ со своею семьей, въ тростникахъ; армадиллы тоже скрылись. По тропинкѣ приближался новый звѣрь — настоящее лѣсное чудовище.

Въ первый моментъ я подивился — эта уродливая фигура показалась мнѣ какъ будто знакомой, но гдѣ же я могъ видѣть эту выгнутую спину, поросшую трехугольной щетиной, эту странную птичью голову, пригнутую къ самой землѣ? Но потомъ я вспомнилъ. Это былъ *стегозавръ* — то самое животное, которое зарисовалъ Мэппль-Уайтъ въ своемъ дорожномъ альбомѣ и которое сразу обратило на себя вниманіе Чалленджера. Такъ вотъ онъ какой въ натурѣ! Земля тряслась подъ его страшной тяжестью, и онъ такъ громко хлѣбалъ воду, что звукъ этотъ разносился по всему лѣсу. Минутъ пять онъ былъ такъ близко отъ меня, что мнѣ достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться отвратительной щетины на его спинѣ. Потомъ, грузно ступая, отошелъ и скрылся между большими камнями.

Я взглянулъ на часы — была уже половина третьяго — пора и въ обратный путь. Сообразить, въ какую сторону идти, было нетрудно, такъ какъ моимъ вожатымъ былъ ручей, впадавшій въ центральное озеро: до сихъ поръ онъ былъ по лѣвую мою руку — значитъ, теперь будетъ по правую. Я отдохнулъ и весело зашагалъ назадъ, зная, что несу моимъ товарищамъ интересныя новости, — главное, разумѣется, о пещерахъ, и пещерныхъ жителяхъ. Но и то уже было важно, что теперь я своими глазами видѣлъ центральное озеро и могъ засвидѣтельствовать, что и на немъ обитаютъ странныя, не свойственныя землѣ создания, такія формы первобытной жизни, какихъ мы раньше не встрѣчали. Немногимъ людямъ доводилось провести такъ странно ночь и такъ много за одну ночь прибавить къ человѣческому знанію.

Думая объ этомъ, я прошелъ ужъ половину дороги назадъ, какъ вдругъ странный шумъ позади меня вернулъ мои мысли къ тревогамъ настоящей минуты. Это было что-то среднее между фыканьемъ и ворчаньемъ, глухимъ, басыстымъ, угрожающимъ. Очевидно возлѣ меня кто-то есть, но, оглянувшись, я никого не разглядѣлъ и ускорилъ шаги. Пройдя около получаса, я снова услышалъ тотъ же звукъ, опять-таки позади себя, но уже болѣе громкій, и еще болѣе угрожающій. Сердце мое замерло отъ страха, кожа похолодѣла и волосы встали дыбомъ при мысли, что звѣрь, очевидно, гонится за мной. Что такія чудовища разрываютъ другъ друга въ куски — это было естественнымъ результатомъ борьбы за существованіе, но чтобы они охотились на человѣка, да еще цивилизованнаго — съ этимъ трудно было примириться. Передо мной встала страшнымъ видѣніемъ окровавленная морда чудовища, прогнаннаго горящею головней тамъ, на прогалинѣ, — и колѣни мои подогнулись. Я остановился и вперилъ взоръ въ освѣщенную луною тропинку позади. Все было спокойно; все кругомъ будто спало. Серебристыя просвѣты и темныя пятна кустовъ — больше я ничего не

видалъ. Но вотъ, среди безмолвія лѣса и ночи, неотступный и грозный, снова раздался тотъ же звукъ, низкій, гортанный, еще громче, еще ближе. Теперь уже не могло быть сомнѣній. Какой-то страшный звѣрь идетъ за мною и съ каждой минутой настагаетъ меня.

Ошеломленный, не въ силахъ двинуться, я стоялъ и смотрѣлъ на пройденную мною тропинку. И вдругъ, увидалъ *его*. Отъ кустовъ на дальнемъ концѣ прогалины, черезъ которую я только что перешелъ, отдѣлилась большая темная тѣнь и выпрыгнула на свѣтъ. Я умышленно сказалъ: *выпрыгнула*, такъ какъ животное это не шагало, а прыгало; на манеръ кенгуру, на могучихъ заднихъ лапахъ, держа переднія согнутыми передъ собою. Росту оно было огромнаго, словно слонъ, поставленный на заднія лапы, но, не смотря на громоздкое тѣло, движенія его были проворны и быстры. Въ первый моментъ, мнѣ показалось что это игуанодонъ, и я обрадовался, такъ какъ уже убѣдился, что игуанодоны безвредны, но вскорѣ увидѣлъ, что это звѣрь совсѣмъ иного сорта. Вмѣсто кроткой, суженной къ концу; оленьей морды, у этого звѣря морда была широкая, почти четырехугольная, жабя, какъ у того, который такъ напугалъ насъ давеча ночью. Теперь я зналъ уже, что это плотоядный динозавръ — одно изъ самыхъ свирѣпыхъ и опасныхъ животныхъ, когда-либо ходившихъ по землѣ. Прыгнувъ, животное тотчасъ опускалось на всѣ четыре лапы и припадало носомъ къ землѣ — обнюхивая мои слѣды. Иной разъ оно не сразу находило слѣдъ, но все-таки, въ концѣ концовъ, находило его и быстро скакало дальше по тропинкѣ, пройденной мною.

Даже теперь, когда я вспоминаю эту погоню, у меня холодный потъ выступаетъ на лбу. Что мнѣ было дѣлать? Въ рукахъ у меня было ружье, но оно было безсильно противъ такого врага. Я озирался въ отчаяніи, ища какого-нибудь камня, или дерева, за которымъ укрыться, но въ виду были только тоненькія молодые деревца, которыя, я зналъ, мой преслѣдователь безъ труда вырветъ съ корнемъ, какъ траву. Единственное мое спасеніе было въ бѣгствѣ. По лѣсу, черезъ кочки и пни я быстро бѣжать не могъ, но, оглянувшись; я замѣтилъ идущую впереди довольно широкую и хорошо утопанную тропинку. Вбѣгать я былъ мастеръ, и на такомъ грунтѣ, пожалуй, звѣрь и не догонитъ меня. Швырнувъ отъ себя прочь обременительное и бесполезное ружье, я помчался такъ, какъ никогда еще не бѣгалъ. Всѣ нервы мои были напряжены, грудь тяжело вздымалась, мнѣ казалось: вотъ-вотъ она лопнетъ отъ напряженія и недостатка воздуха — но позади меня былъ такой кошмаръ, что я неся стрѣлой. Когда я, наконецъ, задохнувшись, остановился, чтобы перевести духъ, мнѣ показалось, что звѣрь потерялъ мой слѣдъ. На тропинкѣ позади меня все было тихо. Но затѣмъ, неожиданно, снова донесся топотъ и тяжелое дыханіе моего преслѣдователя. Онъ бѣжалъ за мною по пятамъ. Я погибъ.

Что за безуміе было такъ долго топтаться на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ броситься бѣжать! До тѣхъ поръ онъ шелъ по слѣду, отыскивая его чутьемъ и потому не быстро. Теперь же, когда онъ увидѣлъ меня, онъ просто бѣжалъ по той же тропинкѣ, по какой и я. Вотъ ужъ онъ выпрыгнулъ на свѣтъ — огромный, страшный, чудовищный. Я отчетливо видѣлъ его большіе выпученные глаза, рядъ огромныхъ зубовъ и блестящіе когти на могучихъ переднихъ лапахъ. Съ крикомъ ужаса я повернулся и кинулся бѣжать дальше по тропинкѣ. Тяжелое прерывистое дыханіе звѣря за мною доносилось все громче. Его тяжелый топотъ раздавался уже совсѣмъ близко. Вотъ-вотъ его когтистая лапа схватитъ меня за плечо. И вдругъ что-то хрустнуло — и я почувствовалъ, что падаю, лечу куда-то внизъ. И вокругъ меня все вдругъ стало тихо и темно.

Когда я вышелъ изъ безсознательнаго состоянія — въ которомъ пробылъ, вѣроятно, нѣсколько минутъ — меня пре-

жде всего поразил ужасный и необычайно сильный запах. В темнотѣ я нащупалъ рукой какъ-будто большой кусокъ говядины, другой рукою наткнулся на большую кость? Надо мною видѣлся кружокъ звѣзднаго неба—очевидно, я лежалъ на днѣ глубокой ямы. Медленно я поднялся на ноги и сталъ ощупывать себя. Все тѣло мое болѣло и ныло, но все было цѣло—ни руки, ни ноги, не сломаны и не вывихнуты при паденіи. Въ головѣ все пугалось, мозгъ плохо работалъ. Вспомнивъ, при какихъ обстоятельствахъ я попалъ въ эту яму, я со страхомъ поднялъ глаза, ожидая увидѣть на блѣдномъ фонѣ неба темный силуэтъ страшной головы чудовища. Но ничего не увидѣлъ, и никакихъ звуковъ сверху ко мнѣ не доносилось. Я началъ, неторопливо обходить странное мѣсто, гдѣ я такъ неожиданно очутился, на благо себя, и ощупывать его стѣнки.

Какъ уже сказано, это была яма, съ крутыми, почти отвѣсными стѣнами и ровнымъ дномъ, футовъ въ двадцать въ диаметръ. Все это дно было завалено кусками откровенно-зловоннаго, гніющаго мяса. Воздухъ здѣсь былъ отравленный, ужасный. Скользя и спотыкаясь, обѣ эти вонючіе куски, я неожиданно наткнулся на что-то твердое, оказавшееся столбомъ, крѣпко вбитымъ посреди ямы. Столбъ этотъ былъ такъ высокъ, что я не могъ достать рукой его верхушки, и, повидимому, смазанъ жиромъ.

Мнѣ вдругъ пришло на умъ, что въ карманѣ у меня лежить коробка восковыхъ свечекъ. Чиркнувъ одной изъ нихъ, я сразу составилъ себѣ болѣе ясное представление о мѣстѣ, гдѣ я находился. Это была западня, капканъ, — несомнѣнно приготовленный рукою человѣка. Столбъ посреди ямы, заостренный сверху, сажени въ три вышины, былъ черенъ отъ загнившей крови животныхъ, пронзенныхъ имъ, въ то время, какъ они летѣли въ низъ. Куски гніющаго мяса были останками жертвъ, очевидно, разрѣзанныхъ на куски, чтобы очистить мѣсто на столбѣ для новыхъ. Мнѣ вспомнились слова Чалленджера, что на плато не можетъ быть людей, такъ какъ у нихъ нѣтъ оружія, чтобы справиться съ чудовищами, которыми оно кишитъ. Но теперь для меня было ясно, что человѣкъ все же измыслилъ способы бороться съ ними. Эти люди, кто-бы они ни были, въ своихъ узкогорлыхъ пещерахъ были въ безопасности отъ огромныхъ динозавровъ, которые не въ состояніи были пролѣзть туда, и болѣе развитой, чѣмъ у животныхъ, умъ ихъ научился изобрѣтать ловушки, въ которыя попадались и самые сильные враги ихъ изъ царства четвероногихъ. Видно, въ борьбѣ со звѣремъ, человѣкъ всегда останется побѣдителемъ.

Взобраться по стѣнѣ ямы наверхъ для привычнаго человѣка было дѣломъ нетруднымъ, но я долго колебался, прежде чѣмъ рискнулъ вернуться во владѣнія страшнаго звѣря, которому я едва не попалъ въ лапы. Почему я зналъ, не спрятались ли онъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, поджидая моего выхода. Подъ конецъ, однако, я набрался храбрости, припомнивъ одинъ разговоръ между Чалленджеромъ и Коммерли о динозаврахъ. Оба утверждали, что эти чудовища совершенно лишены ума, что въ огромномъ черепѣ ихъ нѣтъ мѣста мысли и что, если они исчезли съ лица земли—то только потому что, по глупости, не сумѣли приспособиться къ измѣнившимся условіямъ жизни.

Для того, чтобы сторожить мой выходъ, звѣрю надо было сперва догадаться и осмыслить, что со мной случилось, а это, въ свою очередь, предполагало наличность разума, способнаго связать послѣдствіе съ причиною. Гораздо вѣроятнѣе было предположить, что безмозглое животное, руководствующееся единственно инстинктомъ, какъ только я исчезну, прекратитъ погоню за мной и, постоявъ немного въ изумленіи, уйдетъ въ другое мѣсто, искать другой добычи. Добравшись до края ямы, я высунулъ голову и осмотрѣлся. Звѣзды уже гасли; небо поблѣднѣло; холодный предутренній вѣтеръ такъ пріятно обвѣвалъ лицо. Врага моего было не видно и не слышно. Я неторопливо вылезъ и сталъ на краю ямы,

готовый снова прыгнуть туда, при малѣйшемъ признакѣ опасности. Но, успокоенный абсолютной тишиной и наступленіемъ дня, я взялъ себя въ руки, набрался храбрости, и, крадучись, пошелъ обратно по тропинкѣ, которая привела меня къ ямѣ. Неподалеку оттуда я поднялъ свое ружье, валившееся на землѣ, и вскорѣ затѣмъ, услышалъ плескъ ручья, который былъ моимъ вожатымъ. И, все время испуганно оглядываясь, направился домой.

Неожиданно, въ тихомъ, чистомъ утреннемъ воздухѣ гулко разнесся звукъ выстрѣла. Я насторожился—но выстрѣлъ не повторился. Что это значитъ? Какая опасность угрожаетъ моимъ товарищамъ?.. Но потомъ мнѣ пришло въ голову иное, болѣе простое объясненіе. На дворѣ уже бѣлый день, а меня нѣтъ. Мое отсутствіе, конечно, замѣчено. Они, навѣрное, вообразили, что я заблудился въ лѣсу, и вотъ дали выстрѣлъ, чтобы указать мнѣ направленіе въ лагерь. Правда, мы уговорились стрѣлять только въ крайнемъ случаѣ,—но, вѣдь, они могли подумать, что это и есть крайній случай, надо, значитъ, прибавить шагу и поскорѣй успокоить ихъ.

Я страшно усталъ и потому не могъ идти такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось; но мѣста начались уже знакомыя. Вотъ налѣво отъ меня болото птеродактилей; а впереди просѣка игуанодоновъ. Одна только полоса деревьевъ отдѣляетъ меня отъ Форта Чалленджера. Я крикнулъ, что было силъ, чтобы дать знать друзьямъ о своемъ приближеніи. Но отвѣта не было. Сердце мое сжалось тяжелымъ предчувствіемъ. Что то жуткое было въ этой тишинѣ. Я уже не шелъ, а бѣжалъ. Вотъ и наша колючая изгородь, такая же, какой я оставилъ ее, но ворота открыты настежь. Я кинулся внутрь. И, при свѣтѣ холоднаго, яснаго утра, глазамъ моимъ представилось страшное зрѣлище. Всѣ наши вещи въ безпорядкѣ раскиданы были по землѣ; товарищи мои исчезли, а возлѣ догораваго костра, на травѣ была красная лужа крови.

Я былъ такъ ошеломленъ этимъ нежданномъ ударомъ, что, должно быть, на время утратилъ рассудокъ. Смутно помню, какъ помнятся дурные сны, что я бѣгалъ по лѣсу около лагеря, зовя моихъ товарищей. Но лѣсныя тѣни были безмолвны и не откликались на мой отчаянный зовъ. Страшная мысль, что я, можетъ быть, никогда больше не увижу ихъ, что я одинокъ и покинутъ въ этой ужасной странѣ, откуда нѣтъ дороги обратно въ цивилизованный міръ, приводила меня въ отчаяніе. Только теперь я почувствовалъ, какъ мнѣ стали дороги мои товарищи и спутники, какъ я привыкъ полагаться на спокойную самоувѣренность Чалленджера, на властное, насмѣшливое спокойствіе и находчивость лорда Рокстона. Безъ нихъ я былъ, какъ заблудившійся ребенокъ во мракѣ, беспомощный и безсильный. И не зналъ, за что взяться, что предпринять.

Придя нѣсколько въ себя, я началъ думать и соображать, что за внезапное несчастье могло обрушиться на моихъ товарищей. Самое безпорядочное бѣгство ихъ изъ лагеря показывало, что на нихъ напали врасплохъ и, должно быть, именно тогда, когда я слышалъ выстрѣлъ. Выстрѣлъ былъ только одинъ—очевидно, борьба длилась не долго. Ружья всѣ лежали на землѣ, и только у одного—у винтовки лорда Джона—не хватало патрона. У костра валялись одѣяла Коммерли и Чалленджера,—значитъ, они еще спали, когда произошло нападеніе. Банки и жестянки съ провизіей были раскиданы въ ужасающемъ безпорядкѣ, какъ и наши фотографическіе аппараты и пластинки къ нимъ, но все было цѣло—ничего не пропало. Зато провизію, которая лежала на виду—а ея, помнится, было довольно много—унесли всю, безъ остатка. Значитъ, напали не люди, а животные, потому что люди, ужъ, конечно, ничего не оставили бы за собой.

Но, если это были животные, или хотя бы одинъ звѣрь, вродѣ того, который гнался за мной—что же случилось съ моими бѣдными товарищами? Эти чудовища такъ свирѣпы, что

отъ нихъ могли остаться только клочки, какъ отъ растерзаннаго игуанодона. Правда, о насиліи говорила одна только лужа крови на травѣ. Но эти чудовища такъ сильны, что имъ ничего не стоитъ унести свою жертву, какъ кошка уносить мышь. Если оно схватило только одного, разумѣется, другіе двое бросились за нимъ. Но тогда они захватили бы съ собою ружья. Чѣмъ больше я вдумывался въ это, напрягая свой усталый, измученный мозгъ, тѣмъ болѣе это казалось мнѣ необъяснимымъ. Я обшарилъ весь лѣсъ вблизи, но не могъ найти слѣдовъ пропавшихъ безъ вѣсти товарищей. Одинъ разъ я самъ заблудился и лишь счастливый случай, послѣ часа скитаній въ чащѣ, помогъ мнѣ набрести на лагерь.

Неожиданно, мнѣ пришла мысль, нѣсколько утѣшившая меня. Вѣдь я же не абсолютно одинокъ въ этомъ лѣсу.

Тамъ, внизу, у подножья скалы, ждетъ вѣрный Замбо. Если крикнуть, онъ отзовется. Я подошелъ къ краю плато и заглянулъ внизъ. Дѣйствительно, Замбо сидѣлъ у огня, закутанный въ одѣло. Но, къ изумленію моему онъ былъ не одинъ. Напротивъ него сидѣлъ еще другой человѣкъ. Въ первый моментъ я безумно обрадовался—вообразивъ, что это кто-нибудь изъ двоихъ товарищей ухитрился спуститься внизъ. Но, приглядѣвшись, при свѣтѣ взошедшаго солнца, я увидѣлъ свою ошибку. То былъ индѣецъ. Я громко крикнулъ и замахалъ платкомъ. Замбо поднялъ голову, махнулъ рукой и началъ карабкаться на утесъ. Черезъ нѣсколько времени онъ уже стоялъ на вершинѣ и выслушивалъ съ глубокимъ огорченіемъ исторію исчезновенія моихъ товарищей.

— Это, навѣрное, дьяволъ унесъ ихъ, масса Мэлонъ. Вы попали въ страну злого духа, сэръ, и онъ всѣхъ васъ утащитъ къ себѣ. Послушайтесь моего совѣта, масса Мэлонъ, и спускайтесь скорѣе, пока онъ не добрался до васъ.

— Какъ же я могу спуститься, Замбо?

— Нарвите съ деревьевъ побольше лѣанъ, масса Мэлонъ. Перебросьте ихъ сюда. Я привяжу ихъ къ дереву, и у васъ будетъ мостъ.

Мы думали объ этомъ. Но здѣсь нѣтъ никакихъ крѣпкихъ лѣанъ, которыя бы могли выдержать нашу тяжесть.

— Пошлите за веревками, масса Мэлонъ.

— Кого послать — и куда?

— Пошлите въ индѣйскія селенія, сэръ. Въ индѣйскихъ деревняхъ куча веревокъ. Тамъ внизу есть индѣецъ,—пошлите его.

— Кто такой?

— Одинъ изъ нашихъ индѣйцевъ. Тѣ, другіе, побили его и отобрали у него его наѣ. Онъ бросилъ ихъ и вернулся къ намъ. Онъ готовъ снести письмо, принести веревокъ, что вы ему прикажете, то и сдѣлаетъ.

Снести письмо? Почему бы и нѣтъ? Можетъ быть, его можно послать за помощью. И, ужъ во всякомъ случаѣ, можно отправить съ нимъ письмо. Значитъ, жизни наши таки и не пропали даромъ, значить, вѣсть о нашемъ открытіи дойдетъ до ученаго міра и до нашихъ друзей тамъ, дома. У меня уже лежали два готовыхъ письма. Я рѣшилъ посвятить весь остатокъ дня третьему и описать все происшедшее до этого дня. А затѣмъ, всѣ три отдать индѣйцу. И потому велѣлъ Замбо подъ вечеръ опять влѣзть на скалу, а самъ просидѣлъ весь день съ карандашемъ въ рукѣ, описывая приключенія вчерашней ночи. И присоединилъ къ этому записку къ первому бѣлому купцу, или капитану парохода; котораго повстрѣчаетъ нашъ индѣецъ, съ просьбой прислать веревокъ, и покрѣпить, такъ какъ отъ этого зависитъ спасеніе нашихъ жизней. Все это я вечеромъ вручилъ Замбо, съ добавленіемъ трехъ соевеновъ, сохранившихся въ моемъ кошелькѣ,—чтобъ онъ отдалъ индѣйцу и пообѣщалъ ему вдвое больше, если онъ возвратится съ веревками.

Теперь вамъ будетъ понятно, дорогой м-ръ Макъ-Ардлѣ, какимъ образомъ я ухитрился переправить вамъ это письмо, и вы будете знать правду, въ случаѣ, если вашему злосчастному корреспонденту ужъ не доведется больше писать вамъ.

Сегодня я слишкомъ усталъ и слишкомъ утомленъ, чтобъ строить какіе либо планы. Завтра надо будетъ придумать какой-нибудь способъ не потерять изъ виду этого лагеря, и въ то же время отправиться на розыски моихъ несчастныхъ друзей.

Глава XVII.

Зрѣлище, котораго я никогда не забуду.

Когда солнце сѣло, я увидѣлъ одинокую фигуру индѣйца на фонѣ широкой равнины—единственную нашу надежду на спасеніе. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся въ туманѣ, пронизанномъ отсвѣтами заходящаго солнца.

Было уже совсѣмъ темно, когда я вернулся въ нашъ разгромленный лагерь, бросивъ послѣдній взглядъ внизъ, на костеръ Замбо—единственную свѣтлую точку того міра, отъ котораго мы были отрѣзаны, и успокоивъ свою удрученную душу сознаніемъ его близости. Все же у меня было теперь немного легче на душѣ—по крайней мѣрѣ, память о насъ не погибнетъ и перейдетъ къ потомству, и трудъ нашъ не пропадетъ даромъ.

Жутко было провести ночь въ этомъ разгромленномъ лагерѣ, но еще страшнѣе блуждать по лѣсу, а иного выбора не было. Благоразуміе подсказывало быть насторожѣ; не ложиться и все время быть на чеку; но природа брала свое, и измученное тѣло требовало отдыха. Я влѣзъ было на одну изъ вѣтвей дерева джингко, но устроиться сколько нибудь удобно здѣсь было невозможно; задремли я, непременно свалился бы и сломалъ бы себѣ шею. Поэтому, я слѣзъ съ дерева и сталъ раздумывать, какъ мнѣ быть. Забаррикадировавъ входъ въ нашу заграду, я зажегъ три небольшихъ костра, расположивъ ихъ треугольникомъ, поужиналъ съ большимъ апшетитомъ, и уснулъ, какъ убитый. Пробужденіе было совершенно неожиданнымъ и чрезвычайно пріятнымъ. Рано утромъ, чуть свѣтъ, чья-то рука легла на мое плечо. Я мгновенно вскочилъ и схватился за ружье, но тотчасъ же радостно вскрикнулъ, увидавъ передъ собою на колѣняхъ, лорда Джона.

Это былъ онъ—и въ то же время не онъ. Я оставилъ его, какъ всегда, спокойнымъ, выдержаннымъ, опратно одѣтымъ. Теперь онъ былъ блѣденъ, съ сумасшедшими глазами, и тяжело дышалъ, какъ будто запыхавшись отъ долгаго бѣга. Лицо его было въ кровь исцарапано; платье на немъ висѣло лохмотьями, пляпу онъ потерялъ. Я съ изумленіемъ уставился на него, но онъ, не давая мнѣ времени на разпросы, началъ торопливо собирать наши припасы.

— Живѣ, юноша! Живѣ! Каждая минута на счету. Забирайте винтовки, обѣ. И я возьму два ружья. Теперь забирайте патроны, побольше, сколько можете взять. Набейте ими всѣ карманы. Теперь еще консервовъ надо прихватить. Полдюжины жестянокъ хватить. Ладно. Не задумывайтесь. Разговаривать будемъ потомъ—теперь некогда. Живѣ, милый, или мы погибли.

Совершенно растерявшись съ просонокъ и ничего не понимая, я бѣжалъ за нимъ по лѣсу, съ двумя винтовками за плечами и съ полными руками всякихъ припасовъ. Онъ завелъ меня въ самую чащу лѣса и тутъ только остановился, посреди пустого, колючаго кустарника.

— Ну, вотъ!—задыхаясь, выговорилъ онъ.—Тутъ мы, кажется, въ безопасности. Они, разумѣется, кинутся въ лагерь, первымъ дѣломъ. И будутъ озадачены.

— Кто они? Гдѣ наши профессора? И кто насъ преслѣдуетъ?

— Люди-обезьяны. Боже мой, что за скоты! Говорите тише—у нихъ уши длинныя и глаза зоркіе, но обонянія, повидимому, нѣтъ, насколько я могу судить, и по слѣду они насъ не найдутъ. Куда вы уходили, юноша? Счастье ваше, что васъ не было съ нами!

Въ нѣсколькихъ словахъ я шепотомъ рассказалъ ему, гдѣ я былъ и что дѣлалъ.

— Нехорошо,—покачалъ онъ головой, когда я рассказывалъ ему о динозаврѣ и о капканѣ.—Тутъ дня спокойно не проживешь. Что? Но все же подобныхъ ужасовъ я не предполагалъ, пока эти дьяволы не захватили насъ. Я попалъ однажды въ лапы къ людоедамъ, но тѣ—ангелы въ сравнении съ этими.

— Какъ же это произошло?

— Это было раннимъ утромъ. Наши ученые едва глаза продрали. Не успѣли даже поругаться, какъ вдругъ, съ дерева посыпался градъ обезьянъ—словно яблоки, когда тряхнешь яблоню. Они, должно быть, еще съ ночи засѣли на этомъ деревѣ. Я прострѣлилъ одной изъ нихъ пузо, но, прежде чѣмъ мы успѣли сообразить, въ чемъ дѣло, мы всѣ трое уже лежали на землѣ, а они сидѣли на насъ. Я называлъ ихъ обезьянами, но у нихъ были палки въ рукахъ и они все время трещали, словно переговариваясь между собой, и въ концѣ концовъ связали намъ руки лианами. Если это животные, такихъ животныхъ мнѣ еще не доводилось видѣть. Должно быть, это и есть «недостающее звено»—питекантропы. Они унесли своего раненаго товарища, изъ котораго кровь лила, какъ изъ зарѣзанной свиньи, и затѣмъ уселись вокругъ насъ. Такихъ свирѣпыхъ рожъ я еще не видалъ. Всѣ огромныя, съ человѣка ростомъ и, навѣрное, много сильнѣе. Глаза удивительно странные—сѣрые, точно стеклянныя, а брови рыжія, кустиками—и все трещать, и все трещать. Уставились на насъ, выпуча глаза и глядя. Чалленджеръ не изъ робкихъ, но и онъ оробѣлъ. Потомъ устыдился, должно быть, вырвался, вскочилъ на ноги—и давай ихъ честить, словно какихъ-нибудь репортеровъ. Ругается, какъ сумасшедшій—я такъ и подумалъ, что онъ рехнулся со страху.

— Ну? И что же они?

— Я ужъ думалъ: конецъ намъ пришелъ, но, наоборотъ, повидимому, это произвело на нихъ хорошее впечатлѣніе. Они столпились всѣ вмѣстѣ и опять затрещали, видимо, совѣщаясь, что имъ дѣлать съ нами. Потомъ одинъ сталъ рядомъ съ Чалленджеромъ. Не смѣйтесь, юноша, но, ей богу, они были, точно братья родные. Я не бы повѣрилъ, еслибъ не видѣлъ собственными глазами. Старая обезьяна—должно быть, наибольшій у нихъ—былъ точъ въ точъ нашъ профессоръ, только рыжій: то же короткое, приземистое тѣло, могучія плечи, грудь колесомъ, то же отсутствіе шеи, та же рыжая бахрома вмѣсто бороды и густыя кустистыя брови, то же выражение глазъ—злое и надменное. Когда онъ положилъ лапу на плечо Чалленджеру, Sommerli не выдержалъ и истерически захохоталъ. И обезьяны тоже захохотали—дьявольски безобразно это у нихъ выходитъ!—и потащили насъ всѣхъ въ лѣсъ. Ружей и прочаго они не тронули—побоялись, должно быть—но провизію, какую заимѣтили, всю унесли. Намъ съ Sommerli по дорогѣ солоно пришлось—вотъ видите, каковъ я сталъ: весь въ ломотьяхъ и испаранъ—это оттого, что они тащили насъ сквозь колючіе кусты; но у нихъ самихъ бока точно кожанные. А Чалленджеръ четверо изъ нихъ несли на плечахъ, точно римскаго триумфатора—ему и тутъ повезло. Что это?

Издали донесся какой-то странный шумъ, точно трескъ кастаньетъ.

— Это они,—шепнулъ лордъ Джонъ, заряжая ружье.—Скорѣе, юноша, смотрите, чтобъ всѣ стволы были заряжены—живыми мы имъ въ руки не дадимся. Ишь, раскричались какъ—это они сердятся. Слышите?

— Они далеко отсюда.

— Насъ они не найдутъ, но я боюсь, что они рыщутъ по всему лѣсу, отыскивая насъ. Ну, теперь я доскажу вамъ свою исторію. Притащили они насъ въ свой городокъ—около тысячи хижинъ изъ листьевъ и вѣтвей въ большой кущъ деревьевъ, что возлѣ самаго края утесовъ. Эти грязныя твари всего меня ошупали, и теперь мнѣ кажется, что я никогда не смою съ себя этой грязи. Тутъ насъ еще крѣпче

связали и положили рядышкомъ подъ деревомъ, и сторожка намъ приставили—этакое верзилу, съ дубинкой въ рукѣ. Говоря «насъ», я подразумеваю себя и Sommerli. Чалленджера они посадили на дерево, дали ему ананасъ, и онъ чувствовалъ себя очень недурно. Впрочемъ, надо отдать ему честь: онъ и насъ угостилъ ананасомъ и ослабилъ нѣсколько стягивавшія насъ веревки. Еслибъ вы видѣли его, какъ онъ сидѣлъ въ расщепѣ дерева, рядомъ со своимъ рыжимъ двойникомъ и распѣвалъ во все горло матросскія пѣсни—музыка, повидимому, благотворно на нихъ дѣйствуетъ—вы хохотали бы до упаду; но намъ въ то время было не до смѣха. Счастье еще, что вы сбѣжали и унесли съ собой нашъ «архивъ».

— А, теперь, юноша, я вамъ скажу нѣчто такое, что весьма васъ удивитъ. Вы говорите, что видѣли признаки человѣческихъ жилищъ—огни, капканы и пр. А мы видѣли и самихъ людей. Маленькіе, жалкіе, съ убитыми лицами—и не мудрено. Повидимому, тутъ, на плато, обитаютъ двѣ враждующія расы—на одномъ концѣ, гдѣ пещеры,—люди, а въ лѣсу человекоподобныя обезьяны, и они ведутъ жестокую войну между собою. Такъ, по крайней мѣрѣ, выясняется для меня положеніе. Вчера обезьяны захватили съ полдюжины людей и притащили ихъ въ свой городокъ, какъ плѣнныхъ. До чего они трещали и кричали—ужасъ что такое! Несчастныхъ краснокожихъ человѣчковъ они кусали, царапали безжалостно. Двоимъ свернули шею; у третьяго оторвали руку—прямо таки оторвали, какъ звѣри. А тотъ молодчина—даже не вскрикнулъ. Но намъ было нестерпимо тошно на это смотрѣть. Sommerli дурно сдѣлалось, и даже для Чалленджера это было уже чересчуръ... Они, кажется, ушли—а? какъ вы думаете?

Мы прислушались,—кромѣ птичьихъ криковъ ничто не нарушало лѣсной тишины. Лордъ Джонъ продолжалъ рассказывать.

— Очень это вы хорошо сдѣлали, юноша, что сбѣжали. Они, должно быть, въ погонѣ за индѣйцами и позабыли, что насъ было четверо въ лагерь, а то бы они сейчасъ же вернулись въ лагерь, за вами. Разумѣется, вы правы: они съ перваго же дня слѣдили за нами и выжидали благоприятный моментъ... Боже мой! Это точно кошмаръ. Вы помните заросли тростниковъ, гдѣ мы нашли скелетъ американца. Такъ это какъ разъ подъ обезьяньимъ городкомъ—туда они и сбрасываютъ своихъ плѣнныхъ. Тамъ, навѣрное, цѣлая куча скелетовъ—мы только не посматрѣли. У нихъ тамъ наверху расчищенная площадка—точно площадь для парада. Они всѣ собираются и смотрятъ—просто разбился упавшій, или же наткнулся на острый тростникъ. И насъ водили смотрѣть. Четверо индѣйцевъ, одинъ за другимъ, прыгали внизъ, и всѣ были пронизаны насквозь—словно кусокъ масла иглой. А мы то дивились, какъ это тростникъ проросъ сквозь ребра американца. Это было ужасно—но въ то же время и дьявольски интересно. Смотришь и оторваться не можешь, хоть и знаешь, что черезъ минуту, можетъ быть, и тебя сбросятъ.

— Пока мы, цѣлы, но я думаю, что насъ только приберегли на сегодня, вмѣстѣ съ полдюжиной индѣйцевъ. Чалленджера они, пожалуй, пощадятъ, но Sommerli и мнѣ не одобровать. Разговариваютъ они не столько словами, сколько знаками, такъ что понять ихъ не трудно. И я рѣшилъ все-таки попытаться спасти себя и другихъ. Только я одинъ и могъ это сдѣлать: отъ Sommerli проку мало, да и отъ Чалленджера тоже. Единственный разъ, что имъ удалось перекинуться словомъ, они подняли споръ о томъ, какое ученое названіе дать красноголовымъ дьяволамъ, которые завладѣли нами. Одинъ говорилъ, что это—дрюнитики съ Явы, другой называлъ ихъ питекантропами. Вотъ юродивые! Но я, все-таки, кое-что подмѣтилъ, что можетъ намъ пригодиться. Впервыхъ, бѣгать по открытому мѣсту эти твари не могутъ такъ быстро, какъ человѣкъ. Ноги у нихъ корот-

кия, кривья, а туловище тяжелое, грузное. Даже Чалленджер может дать любому из них двадцать очков вперед, а уж за вами, или за мной ни одному из них не угнаться. А во-вторых, обь огнестрѣльномъ оружьи они понятія не имѣютъ. Едва ли даже они поняли, что приключилось съ тѣмъ, котораго я застрѣлилъ. Еслибъ только намъ добраться до нашихъ ружей, думалъ я, еще посмотримъ, чья возьметъ.

— И потому, сегодня утромъ я высвободился изъ веревки, далъ своему сторожу такого пинка ногой, что онъ опрокинулся навзничъ и удралъ. И вотъ, какъ видите, на-шелъ и васъ, и ружья.

— А тѣ двое?

— Надо бѣжать спасать ихъ. Взять ихъ съ собою я не могъ. Чалленджеръ сидѣлъ на деревѣ, а Соммерли совсѣмъ ослабъ, еле ноги таскаетъ. Это было единственное средство добыть ружья и попытаться спастись. Разумѣется, они могутъ въ отместку сбросить ихъ со скалы. Чалленджера врядъ ли тронуть, но за Соммерли я не поручусь. Но, вѣдь, ему все-равно бы не уйти отъ нихъ—въ этомъ я увѣренъ. Такъ что я своимъ побѣгомъ не ухудшилъ дѣла. Но насъ обоихъ, все же, честь обязываетъ возвратиться туда и попробовать выручить товарищей. И потому, молитесь Богу, юноша, потому что сегодня же вечеромъ, такъ или иначе, все это разрѣшится.

Я старался передать характерную отрывистую, образную рѣчь лорда Джона, полную отваги и презрѣнія къ опасности, но врядъ ли мнѣ это удалось. Онъ былъ рожденъ вождемъ. Въ моментъ опасности голосъ его сразу становился властнымъ, тонъ рѣшительнымъ, холодные глаза загорались яркимъ огнемъ, донъ-кихотскіе усы щетинились отъ радостного возбужденія. Его безстрашіе, умѣнье цѣнить драматизмъ приключенія, хотя и бы самъ онъ былъ ближайшимъ его участникомъ, его взглядъ на опасность, какъ на одинъ изъ видовъ спорта, какъ на поединокъ между человѣкомъ и Судьбой, въ которомъ проигравшій платитъ смертью, дѣлали его въ такіе минуты незамѣнимымъ товарищемъ. Еслибъ не страхъ за участь тѣхъ двоихъ, я положительно радовался бы, что иду на такое дѣло, съ такимъ человѣкомъ. Мы только стали выѣзжать изъ нашихъ кустовъ, какъ вдругъ онъ схватилъ меня за плечо.

— Это они!

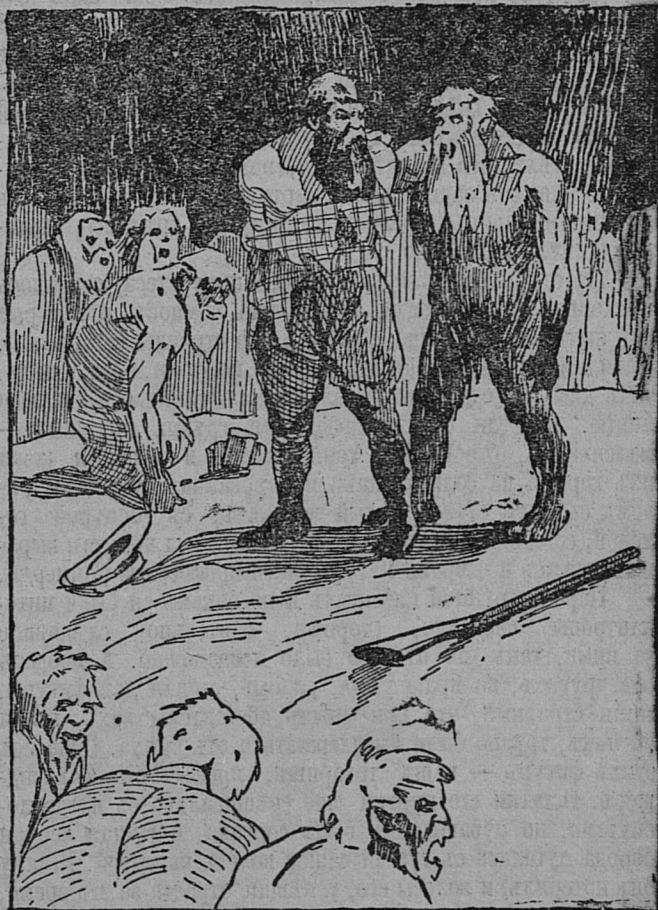
Съ того мѣста, гдѣ мы залегли, виденъ былъ темный сводъ, увѣнчанный зеленью, образуемый стволами и вѣтками. Подъ этимъ сводомъ шли вереницей люди-обезьяны, кривоногіе, съ согнутыми спинами, съ длинными руками, порою касавшимися земли; шли они не быстро, мелкими шажками, поворачивая головы то вправо, то влѣво. Отъ этой привычки гнуть спину, они казались меньше ростомъ, но на мой взглядъ росту въ нихъ было футовъ пять, не меньше. У многихъ въ рукахъ были дубинки и на разстояніи ихъ можно было принять за безобразныхъ и волосатыхъ людей. Только минуту я отчетливо видѣлъ ихъ. Затѣмъ они скрылись между кустами.

— Нѣтъ, сейчасъ лучше не стрѣлять,—сказалъ лордъ Джонъ, схватившійся было за ружье.—Надежнѣе будетъ выждать здѣсь, пока они прекратятъ поиски. Тогда посмотримъ, нельзя ли пробраться въ ихъ городокъ и ударить ихъ въ самое больное мѣсто. Переждемъ тутъ часокъ и тогда пойдемъ.

Чтобы заполнить время, мы откупили одну изъ жестянокъ и позавтракали. Лордъ Рокстонъ, у котораго съ утра кромѣ фруктовъ, ничего во рту не было, накинута на фду съ аппетитомъ изголодавагося человѣка. Затѣмъ, съ парой ружей у каждого и съ полными карманами патроновъ, мы отправились на выручку товарищей. Но предварительно поставили замѣты, чтобы найти нашъ тайничекъ въ лѣсу и дорогу къ форту Чалленджеръ, на случай, еслибъ онъ намъ опять понадобился. Прячась между кустами, мы подкрались

наконецъ, къ обезьяньему городку, къ самому краю утеса, близъ нашего перваго бивака. Здѣсь лордъ Джонъ остановился и посвятилъ меня въ свои планы.

— Пока мы въ чащѣ, намъ не совладать съ этими тварями. Потому что они съ деревьевъ видятъ насъ, а намъ ихъ не видать. Но на открытомъ мѣстѣ будетъ перевѣсъ за нами. И бѣгать мы умѣемъ быстрѣе ихъ. Такъ что намъ слѣдуетъ держаться открытыхъ мѣстъ. На краю плато большихъ деревьевъ меньше, чѣмъ въ центрѣ его. Значитъ, линія наступленія намѣчена заранее. Иди не спѣша, гляди въ оба, ружье держи наготовѣ. А, главное, въ руки имъ не давайся, пока есть въ запасѣ хотя бы одинъ патронъ—вотъ тебѣ, братъ, мое послѣднее слово, юноша ты мой милый!

...Рядомъ стояли двѣ фигуры, такіе странные, что, при иныхъ обстоятельствахъ, глядя на нихъ, трудно было бы удержаться отъ смѣха. Одна изъ этихъ фигуръ былъ нашъ товарищъ профессоръ Чалленджеръ... Рядомъ съ нимъ стоялъ его господинъ—король питекантроповъ... (См. столб. 67).

Дойдя до края утеса, я поднялъ глаза—на противоположной скалѣ сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ вѣрный Замбо. Я дорого бы далъ за то, чтобы окликнуть его и сказать ему, какъ круто намъ приходится, но это было опасно, такъ какъ насъ могли услышать. Лѣсъ, повидимому, кишѣлъ питекантропами—то и дѣло до насъ доносилась странная трескотня ихъ рѣчей. И каждый разъ мы спѣшили нырнуть въ кусты и пережидали, пока звуки не заглухнутъ вдали. По этому подвигались мы впередъ очень медленно и прошло, по крайней мѣрѣ, два часа, пока удвоенная осторожность движеній моего спутника не показала мнѣ, что мы близки къ цѣли. Онъ далъ мнѣ знакъ лежать смирно, а самъ поползъ впередъ. И черезъ минуту вернулся, весь дрожа отъ волненія.

— Идемъ! Живѣй! Дай Богъ, чтобы мы не опоздали. Я, самъ дрожа всѣмъ тѣломъ, тоже поползъ впередъ

и легь рядомъ съ нимъ, сквозь раздвинутые кусты глядя на площадку, открытую передъ нами.

Этого зрѣлища я не забуду до послѣдняго моего вздоха—это было такъ жутко, такъ невѣроятно, что я не знаю, какъ описать вамъ это. Быть можетъ, когда я буду снова сидѣть въ Клубѣ Дикихъ—если я доживу до этого—мнѣ и самому будетъ казаться это сквернымъ сномъ, видѣнемъ лихорадочнаго бреда. Но, все-таки, я опишу вамъ его, пока оно свѣжо у меня въ памяти и, по крайней мѣрѣ, одинъ человекъ, лежавшій въ мокрой травѣ рядомъ со мною, будетъ знать, что я не лгу.

Передъ нами было большое открытое мѣсто въ нѣскольکو сотъ ярдовъ въ діаметрѣ, покрытое зеленымъ дерномъ и низкими папоротниками. Вокругъ него полумѣсяцемъ росли деревья, а на нихъ, въ нѣсколько этажей, одинъ надъ другимъ, высились странные домики, сплетенные изъ листьевъ и сучьевъ. Видали вы островки, куда слетаются грачи вить свои гнѣзда—такъ вотъ это было нѣчто въ такомъ родѣ, только каждое гнѣздо было шалашемъ. Отверстія шалашей и вѣтви деревьевъ было густо усажены питекантропами, поменьше тѣхъ, что я видѣлъ—очевидно, самками и дѣтенышами. Занимая задній планъ картины, онъ съ живѣйшимъ интересомъ приглядывались къ тому же зрѣлищу, которое всецѣло захватило насъ.

На открытомъ мѣстѣ, у самого края утеса, собралось нѣсколько сотъ рыжихъ, волосатыхъ самцовъ, нѣкоторые изъ нихъ были огромнаго роста и всѣ страшно безобразны. Повидимому, нѣкоторая дисциплина, все-таки, была у нихъ, такъ какъ ни одинъ не пытался прорвать образовавшуюся линію. Впереди стояла небольшая группа индѣйцевъ—маленькихъ, стройныхъ, тонконогихъ, и красныя кожи ихъ горѣли на солнцѣ, какъ полированная бронза. И рядомъ съ ними стоялъ бѣлый человекъ, съ понурой головой, со сложенными на груди руками; вся поза его выражала ужасъ и отвращеніе. Это былъ профессоръ Sommerli.

Передъ группой плѣнныхъ и по бокамъ ея были питекантропы, очевидно, сторожа, бдительно слѣдившіе за ними, такъ что бѣгство было невозможно. А поодаль отъ другихъ, на краю утеса, рядомъ, стояли двѣ фигуры, такія странныя, что при иныхъ обстоятельствахъ, глядя на нихъ, трудно было бы удержаться отъ смѣха. Одна изъ этихъ фигуръ—нашъ товарищъ, профессоръ Чалленджеръ. Остатки его куртки еще свѣшивались съ плеча лоскутами, но рубашка его была сорвана, и густая черная борода путалась съ густой чащей волосъ на груди. Шляпу онъ потерялъ, и волосы его, успѣвшие отрасти за это время, развѣвались, спутанные, по вѣтру. За одинъ день высшій продуктъ современной цивилизаціи превратился въ форменнаго дикаря. Рядомъ съ нимъ стоялъ его господинъ—король питекантроповъ. Лордъ Джонъ правду говорилъ: это былъ живой двойникъ Чалленджера, съ той разницей, что тотъ былъ черный, а онъ рыжій. Та-же приземистая, широкая и плотная фигура, тѣ же могучія плечи и сутулая спина, и огромная борода, и густые волосы на груди. Только лобъ у питекантропа былъ низкій, покатый и черепъ сплюснутый, представлявшій полный контрастъ съ могучей головой и умнымъ высокимъ лбомъ европейца. Во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ король обезьянъ былъ нелѣпѣйшей пародіей на профессора.

Описывать все это долго, но достаточно было нѣсколькихъ секундъ, чтобы эта картина врѣзалась мнѣ въ память. А затѣмъ вниманіе мое было отвлечено другимъ, болѣе важнымъ и трагическимъ. Драма казни плѣнныхъ была въ полномъ разгарѣ. Два питекантропа выхватили изъ группы индѣйцевъ одного и приволокли его на край утеса. Король поднялъ руку—то былъ сигналъ. Питекантропы схватили несчастнаго за руки и за ноги, раскачали его надъ бездной и что было силы швырнули внизъ—съ такой силой, что онъ описалъ кривую въ воздухѣ, прежде чѣмъ

началъ падать. Какъ только онъ скрылся изъ виду, всѣ, кромѣ стражи, бросились къ самому краю утеса, и наступила пауза—моментъ абсолютной тишины, нарушенной неожиданнымъ крикомъ бѣшеннаго восторга. Питекантропы скакали и прыгали, болтая въ воздухѣ длинными пуклюжими руками. Потомъ отхлынули назадъ и снова выстроились въ линію, въ ожиданіи новой жертвы.

...Питекантропы схватили несчастнаго за руки и ноги, раскачали его надъ бездной и швырнули внизъ съ такой силой, что онъ описалъ кривую въ воздухѣ...

На этотъ разъ былъ чередъ Sommerli. Двое стражей схватили его за кисти рукъ и грубо потащили къ краю. Тонкій, долговязый, онъ бился у нихъ въ рукахъ, но это была борьба цыпленка противъ ястреба. Чалленджеръ повернулся къ королю и, отчаянно жестикулируя, видимо умолялъ его пощадить товарища. Но питекантропъ грубо оттолкнулъ его и покачалъ головой. Это былъ его послѣдній сознательный жестъ. Грянулъ выстрѣлъ—и король грузнымъ краснымъ комомъ рухнулъ на землю.

— Стрѣлай въ самую гущу! Стрѣлай, сынокъ! Не зѣвай!

Есть странныя глубины въ душѣ самаго зауряднаго человека. Я отъ природы человекъ не злой и не могу безъ слезъ видѣть даже раненнаго зайца. Но тутъ во мнѣ проснулась такая жажда крови, жажда истребленія, что я безъ счету спускалъ курокъ, заряжая ружье снова и снова, и дико вскрикивалъ, какъ настоящій дикарь. Съ нашими четырьмя ружьями мы вдвоемъ произвели въ рядахъ питекантроповъ страшное опустошеніе. Обы питекантропа, державшіе Sommerli, были убиты, и онъ стоялъ, растерянно озираясь и шатаясь, какъ пьяный, не умѣя даже сообразить, что онъ свободенъ. Обезьяны, растерянно метались во всѣ стороны, не понимая, откуда на нихъ свалилась такая напасть и что это означаетъ. Онѣ кричали, визжали,

жестиконировали, тонули сами упавших. Потомъ въ угъ бросились всѣ на деревья, искать убѣжища въ своихъ на- лапахъ, оставивъ поле битвы усѣянными трупами убитыхъ товарищей. Плыныя на время остались одни.

Быстрый умъ Чалленджера сразу произвелъ оцѣнку положенія. Онъ схватилъ за руку ошеломленнаго Sommerli и потащилъ его къ намъ. Двое стражей бросились за ними и были свалены пулями лорда Джона. Мы выбѣжали изъ своего прикрытія навстрѣчу друзьямъ и сунули каждому изъ нихъ въ руки по заряженному ружью. Но Sommerli совершенно выбился изъ силъ. Онъ едва ноги волочилъ.

Быстрый умъ Чалленджера сразу произвелъ оцѣнку положенія... Онъ схватилъ ошеломленнаго Sommerli и потащилъ его къ намъ...

А питекантропы уже оправлялись отъ своей паники и бѣжали намъ наперерѣзъ, прямокомъ черезъ кусты, угрожая отрѣзать намъ отступленіе. Чалленджеръ и я бѣжали, поддерживая съ двухъ сторонъ Sommerli, бѣжавшаго между нами, а лордъ прикрывалъ отступленіе, все время застрѣливаясь отъ непріятеля, кидавшагося на насъ изъ-за кустовъ. Милую, если не больше, обезьяны бѣжали за нами по пятамъ; потомъ начали отставать, ибо успѣли сообразить, что мы сильнѣе ихъ и не желали напрасно подставлять свой лобъ подъ пули, бьющія безъ промаха. Когда, наконецъ, мы добѣжали до лагеря, позади насъ никого не было.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось намъ, но мы ошиблись. Не успѣли мы закрыть за собой дверь нашей заграды, и въ изнеможеніи кинулись на землю, какъ услышали за собою легкій топотъ человеческихъ ногъ и жалобный плачь у заграды. Лордъ Рокстонъ выбѣжалъ съ винтовкой въ рукѣ и распахнулъ двери. За нами, ницъ, лежали на землѣ четверо уцѣлѣвшихъ краснокожихъ, дрожа отъ страха передъ нами и, все же, умоляя насъ о защитѣ. Одинъ изъ нихъ краснорѣчивыми жестами пояснилъ, что лѣса

эти полны опасностей. Потомъ вскочилъ, подбѣжалъ къ лорду Джону и снова упалъ передъ нимъ ницъ, обхвативъ руками его ноги и прижимаясь къ нимъ лицомъ.

— Послушайте, что же это? Чортъ побери!—Лордъ Джонъ въ смущеніи теребилъ усы.—Послушайте, какого чорта...—что же намъ съ ними дѣлать? Ну, вставай, мальшъ, и не трись физиономіей объ мои сапоги.

Соммерли уже сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и набивалъ трубку.

— Придется взять ихъ къ себѣ, подъ свое покровительство,—сказалъ онъ.—Вы всѣхъ насъ вытащили изъ когтей смерти. Честное слово, это было сдѣлано удивительно кстати.

— Великолѣпно!—воскличалъ Чалленджеръ. — Великолѣпно! Не только мы, какъ отдѣльныя личности, но и вся европейская наука коллективно у васъ въ неоплатномъ долгу за сдѣланное вами. Не колеблясь, скажу, что исчезновеніе профессора Соммерли и мое оставило бы замѣтную пустоту въ исторіи современнаго естествознанія. Нашъ юный другъ и вы выказали себя прямо съ блестящей стороны.

Онъ взиралъ на насъ, сіяя благодушнѣйшей отеческой улыбкой, но что бы сказала европейская наука, еслибы она увидала своего любимца, свою гордость и надежду, полупагима, въ изорванномъ грязномъ платьѣ, съ голой грудью, растрепаннаго, неумытаго? Между колѣнами у него была зажата жестянка съ консервами, а въ пальцахъ—большой кусокъ австраійской баранины. Индѣецъ взглянулъ на него и вдругъ, взвизгнувъ, какъ собаченка, снова кинулся на землю и прильнулъ лицомъ къ ногамъ лорда Джона.

— Не бойся, миленькій, не бойся, голубчикъ!—говорилъ лордъ Джонъ, глядя его по длиннымъ волосамъ, заплетеннымъ въ косички.—Это онъ васъ боится, Чалленджеръ,—не можетъ вынести вашего вида, и ей-Богу-же, меня это нисколько не удивляетъ. Не бойся, миленькій, онъ только человѣкъ,—такой же, какъ и всѣ мы.

— Позвольте!—крикнулъ профессоръ.

— А, если съ виду и немножко другой, такъ это вѣсело, Чалленджеръ. Не будь вы такъ похожи на короля...

— Честное слово, лордъ Рокстонъ, вы слишкомъ много себѣ позволяете...

— Да, вѣдь, это же фактъ.

— Я бы попросилъ васъ, сэръ, переимѣнить тему разговора. Ваши замѣчанія непочтительны и непонятны. Вопросъ въ томъ, что намъ дѣлать съ этими индѣйцами. Самое простое было бы отвести ихъ домой, еслибы мы знали, гдѣ ихъ домъ.

— На это отвѣтить не трудно,—сказалъ я.—Они живутъ въ пещерахъ по ту сторону центрального озера.

— Нашъ юный другъ знаетъ даже, гдѣ они живутъ. Я полагаю, отсюда туда не далеко.

— Добрыхъ двадцать миль.

Соммерли застоналъ.

— Мнѣ ни за что не дойти туда. Вы слышите? Эти мерзавцы все еще гонятся за нами по слѣду.

Дѣйствительно, въ эту минуту изъ глубинъ лѣса до насъ донеслись трескучіе голоса питекантроповъ. Индѣйцы снова завизжали отъ страха.

— Надо уходить отсюда и живо,—молвилъ лордъ Джонъ.—Юноша, возьмите на свое попеченіе Соммерли. А индѣйцы пусть тащатъ провизію. Ну, шевелитесь, братцы. Надо уйти прежде, чѣмъ они догадаются, гдѣ мы.

Меньше, чѣмъ въ полчаса, мы уже добрались до нашего тайнаго мѣстечка въ кустахъ и спрятались тамъ. Весь день питекантропы перекликались въ лѣсу, вблизи нашего лагеря, но ни одинъ не набрелъ на наше убѣжище, и всѣ бѣглецы, бѣлые и краснокожіе, отъ усталости крѣпко уснули. Я самъ спалъ до вечера и проснулся только пото-

му, что кто-то дернул меня за рукав. Передо мною на колѣняхъ стоялъ Чалленджеръ.

— Вы все заносите въ свой дневникъ и, конечно, разсчитываете опубликовать его, м-ръ Мэлонъ,—торжественно началъ онъ.

— Ну, разумѣется. Вѣдь я же здѣсь, какъ представитель печати.

— Правильно. Вы, можетъ быть, слыхали шуточку лорда Джона по поводу—по поводу моего будто бы схождения—съ...

— Да, слышалъ.

— Нечего и говорить, что подобные намеки, подчеркнутые въ вашемъ разсказѣ, были бы чрезвычайно для меня оскорбительны.

— Я буду строго придерживаться истины.

— У лорда Джона слишкомъ много фантазіи, и онъ способенъ объяснить самымъ нелѣпымъ образомъ то почтеніе, которое и самыя неразвитыя расы всегда оказываютъ достоинству и силѣ характера. Вы слѣдите за моею мыслью?

— Слѣжу.

— Остальное предоставляю вашей деликатности.—Затѣмъ, послѣ долгой паузы, онъ прибавилъ:—Король питекантроповъ, положительно, выдающееся существо—на рѣдкость красивая и интеллигентная личность. Вамъ не кажется?

— Весьма замѣчательное существо,—подтвердилъ я.

И профессоръ, успокоенный, снова улегся.

Съ англійскаго перев. З. Журавская.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

СУМАСШЕДШІЕ ПАПЫ

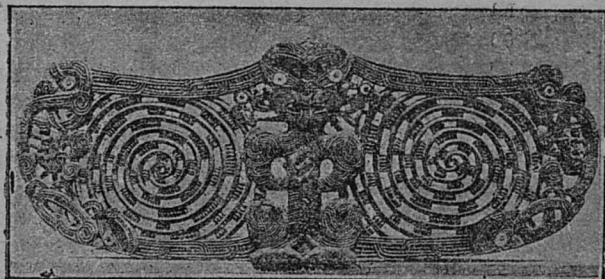
Въ исторіи римско-католической церкви имѣются разсказы о лицахъ, занимавшихъ папскій престолъ, будучи не только лишенными качествъ, которыя требуются отъ духовнаго главы сотенъ миллионовъ людей, но прямо-таки сумасшедшими. Были папы, которые по своей безнравственности превосходили худшихъ римскихъ императоровъ дохристіанской эпохи. Въ періодъ съ IX по XI вѣковы былъ даже по изслѣдованіямъ историковъ, цѣлый рядъ т. н. демоническихъ папъ. Т. напр., папа Стефанъ VI произвелъ свой судъ надъ трупомъ папы Формозы: онъ вынулъ его останки изъ могилы, снялъ съ него облаченіе, отрубилъ два пальца и голову и бросилъ его трупъ въ Тибръ. Папа Сергій III, нравственную личность котораго епископъ Дюшенъ рисуетъ тремя словами: «Свирѣпый, ненавистный и повѣса», отецъ будущаго Іоанна XI, родившагося отъ его любовной связи со своей служанкой Морозіей, принесъ на папскій престолъ порокъ и прелюбодѣйство. Іоаннъ XII, внукъ Морозіи, родившійся отъ ея втораго сына Альбериха, первый папа, перемѣнившій свое имя при вступленіи на папскій престолъ, въ конюшняхъ производилъ посвященія въ духовный чинъ; пилъ за здоровье дьявола и все это онъ продолжалъ, чтобы досадить Св. Духу. Мало этого, онъ осквернялъ или осклонялъ ненавистныхъ ему кардиналовъ и въ церкви насиловалъ женщинъ. Іоаннъ XIII повѣсилъ за волосы префекта Рима въ наказаніе за одинъ заговоръ противъ него. Бенедиктъ IX, Геліогабалъ папства, предназначенный на папскій престолъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, едва достигнувъ юношескаго возраста, повелъ настолько ужасную жизнь, что римское дворянство пыталось его задушить на алтарѣ. Продавъ папскую тиару, онъ растратилъ всѣ полученныя за нее деньги; потомъ онъ снова ее вернулъ, чтобы вторично бросить. Онъ кончилъ тѣмъ, что удалился въ горы, какъ дикій звѣрь, и умеръ отъ своихъ позорныхъ кутежей.

Всѣ эти ужасные дегенераты въ большинствѣ случаевъ обязаны саномъ Теодоръ и ея ужаснымъ дочерямъ, Морозіи и Теодорѣ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, куртизанка Теодора была женою вліятельнаго римлянина Теофилакта и добилась такой власти, что располагала назначеніемъ папской тиары. Она сдѣлалась любовницей герцога Тосканскаго Альбериха, и, благодаря ей, Іоаннъ X получилъ папскую тиару. Еще будучи священникомъ, онъ плѣнилъ Теодору и съ ея помощью сдѣлался епископомъ Болоньи, потомъ архіепископомъ Равенны и наконецъ папою. Впрочемъ, нѣкоторые историки приписываютъ это вліянію не Теодоры, а ея дочери, тоже носившей имя Теодоры. Ея дочь Морозія пользовалась такою же властью благодаря примѣненію одинаковыхъ съ нею средствъ. У Морозіи была дочь Теодора (Молодая), которая превзошла

ее въ своихъ любовныхъ неистовствахъ. Она была настоящей любовницей папы Іоанна X.

Нѣсколько позднѣе признаки умственного вырожденія у папъ проявлялись во многихъ случаяхъ. Въ 1294 г. папа Бонифаций VIII прогуливался по Риму въ императорскихъ одеждахъ и съ короной Константина на головѣ. По его приказу, предъ нимъ несли скипетръ, шпагу и царскую державу. Но болѣе злымъ безумцемъ былъ папа Урбанъ VI (1378 г.). Онъ проклиналъ казначея, добросовѣстство сдававшего остатки кассы, ужасно обращался съ кардиналами и нѣкоторыхъ изъ нихъ погубилъ съ помощью такихъ ужасныхъ пытокъ, которыя авторы не рѣшаются описывать. Папа Александръ VI былъ еще хуже его. Упомянувъ о спискѣ папъ, на которомъ папа Пій X уничтожилъ изъ традиціонной номенклатуры имена недостойныхъ папъ, Ф. Дезессаръ говоритъ, что среди нихъ не видно ни Сергія II, ни Іоанна III, ни Іоанна XIII. Напротивъ, онъ возстановилъ три имени, которыхъ тамъ не было, и между прочимъ противнаго Бенедикта IX. Вообще Пій X зачеркнулъ имена папъ, избраніе которыхъ было подложно. Онъ считалъ, что всѣ эти недостойные папы, преступные и убійцы, остаются папами въ вѣчность, и что нѣтъ такого синода, святой коллегіи или собора, которые бы могли отрѣшить ихъ.

Ф. Дезессаръ говоритъ, что надо подумать о возможности въ будущемъ подобныхъ явленій со стороны папъ. Быть можетъ, они окажутся опаснѣе прежнихъ, но въ другомъ родѣ. Онъ не думаетъ, что въ наше время возможна серія демоническихъ папъ, но они могутъ оказаться дурными въ другомъ родѣ. Вдругъ подобный папа провозгласитъ себя цезаремъ, всемирнымъ императоромъ, внесетъ безпорядокъ въ литургію, начнетъ отлучать отъ церкви кого вздумается и причислять къ лику святыхъ по своему желанію. Тѣмъ дальше можетъ увлечь его безуміе, чѣмъ онъ будетъ болѣе чувствовать себя «непогрѣшимымъ». Никто не можетъ его остановить, и всѣ должны его терпѣть до его послѣдняго вздоха. Смѣстить его нельзя, заставить подать въ отставку тоже невозможно, потому что такая отставка недопустима.

ПОГИБШИИ МІРЪ.

Рассказъ объ изумительныхъ приключеніяхъ профессора Джорджа Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Соммерли и м-ра Э. Д. Мэллона изъ «Ежедневной Газеты».

Артура Конанъ-Дойля.

Глава XIV.

Рѣшительный бой.

Мы думали, что наши преслѣдователи, питекантропы, не подозрѣваютъ, гдѣ мы прячемся, но скоро убѣдились въ своей ошибкѣ. Кругомъ насъ въ лѣсу была тишина, не шелухнетъ и листъ,—но намъ слѣдовало бы, уже по первому опыту знать, какъ хитры наши враги и какъ терпѣливо они умѣютъ выжидать удобнаго случая. Не знаю, что меня ждетъ впереди, но знаю одно—что никогда еще я не былъ такъ близокъ къ смерти, какъ въ это утро.

За вчерашній день мы всѣ такъ мало ѣли и пережили столько волненій, что проснулись такими же усталыми, какъ и легли. Соммерли такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ держался на ногахъ; но этотъ старикъ былъ полонъ своеобразнаго угрюмагаго мужества и ни за что не хотѣлъ признавать себя побѣжденнымъ. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили подождать здѣсь часокъ-другой, подкрѣпиться пищей, что было намъ всѣмъ очень нужно, а затѣмъ идти напрямикъ черезъ плато и вокругъ центральнаго озера, къ пещерамъ, гдѣ по моимъ наблюденіямъ, должны были жить индѣйцы. Тамъ насъ, вѣроятно, примутъ радушно—вѣдь заступятся же за насъ тѣ ихъ нѣхъ, которыхъ мы спасли отъ смерти. А затѣмъ, выполнивъ свою миссію и овладѣвъ всѣми тайнами Земли Мэплъ Уайта, мы уже посвятимъ все свое вниманіе насущному вопросу: какъ намъ выбраться отсюда и вернуться на родину. Даже Чалленджеръ соглашался съ тѣмъ, что тогда все, за чѣмъ мы пришли сюда, будетъ сдѣлано, и въ дальнѣйшемъ первый долгъ нашъ—ознакомить цивилизованный міръ съ нашими изумительными открытіями.

Теперь у насъ было время внимательнѣе приглядѣться къ индѣйцамъ, которыхъ мы выручили изъ бѣды. Всѣ они были небольшого роста, крѣпкіе, живые, хорошо сложенные, съ мягкими черными волосами, связанными въ пучекъ на затылкѣ кожанымъ ремнемъ; и штаны на нихъ также были кожаные. Лица у нихъ были безволосыя, съ правильными чертами и добродушнымъ выраженіемъ. Ушные мочки, отвислыя и окровавленные, показывали, что въ нихъ были продѣты какія-то украшенія, вырванныя ихъ мучителями. Рѣчь ихъ была намъ не понятна, но между собой они болтали весьма оживленно и, такъ какъ они все время повторяли слово «Аккала», указывая на себя и другъ на друга, мы рѣшили, что это, должно быть названіе ихъ племени. Порой, съ искаженнымъ страхомъ и ненавистью лицами, они потрясали кулаками по направленію къ чащѣ лѣса и кричали: «Дода! Дода!»—очевидно, такъ они называли своихъ враговъ.

— Ну, что вы скажете о нихъ, Чалленджеръ?—спрашивалъ лордъ Джонъ.—Для меня ясно только одно—что вотъ этотъ юноша, съ выбритой передней частью головы, состоитъ у нихъ вождемъ.

Это, дѣйствительно, было ясно, такъ какъ маленький индѣецъ все время держался поодаль отъ прочихъ, и, обращаясь къ нему, они знаками выказывали ему свое глубокое уваженіе. Онъ былъ, повидимому, моложе ихъ всѣхъ, но духъ его былъ такъ гордъ и лысокъ, что, когда Чалленд-

жеръ положилъ руку ему на голову, намѣреваясь прочесть намъ маленькую лекцію, онъ рванулся, какъ припущенная лошадь, свернулъ глазами и отскочилъ отъ профессора. Затѣмъ, прижавъ руку къ груди и выпрямившись съ большимъ достоинствомъ, нѣсколько разъ повторилъ слово: «Марета». Профессоръ, нимало не смутившись, схватилъ за плечо ближайшаго индѣйца и продолжалъ свою лекцію, какъ будто въ рукахъ у него было какое-нибудь чучело, или препаратъ.

— Типъ этого племени,—докладывалъ онъ своимъ гремучимъ басомъ,—если судить по вмѣстимости черепа, лицевому углу и прочимъ признакамъ, не можетъ быть отнесенъ къ низшимъ типамъ; наоборотъ, долженъ быть поставленъ значительно выше многихъ извѣстныхъ мнѣ южно-американскихъ племенъ краснокожихъ. Эволюція подобнаго племени на этомъ плато совершенно необъяснима. Между этими людьми и питекантропами, которыхъ мы видѣли на этомъ плато, лежитъ такая пропасть, что невозможно допустить, чтобы одни, постепенно развиваясь здѣсь, стали другими.

— Такъ какой-же дьяволъ занесъ ихъ сюда?

— Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, вызоветъ живѣйшій интересъ и самые оживленные споры во всѣхъ ученыхъ обществахъ Европы и Америки. Насколько я могу судить—онъ выпятилъ грудь и обвелъ надменнымъ взоромъ присутствующихъ—по моему скромному разумнію, на этомъ плато, поставленномъ въ совершенно особые условія развитія, эволюція дошла до позвоночныхъ, причемъ болѣе древніе типы животныхъ уцѣлѣли и продолжали уживаться съ болѣе новыми. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь современныхъ намъ животныхъ какъ, напримѣръ, тапира,—имѣющаго за собой весьма длинный рядъ предковъ—большаго оленя и муравьеда—и наряду съ ними пресмыкающихся Юрекаго періода. Это ясно. Но теперь является вопросъ о совмѣстномъ сожителствѣ челоукоподобныхъ обезьянъ—и вотъ этихъ индѣйцевъ. Какъ можно объяснить это съ научной точки зрѣнія? Я лично могу найти только одно объясненіе—что и тѣ, и другіе—пришельцы извнѣ. По всей вѣроятности, въ древнія времена въ Южной Америкѣ существовали челоукоподобныя обезьяны, которыя еще въ глубокой древности нашли дорогу на это плато и, развиваясь, превратились въ тѣхъ существъ, которыхъ мы видѣли и которыхъ—онъ пристально и строго смотрѣлъ на меня—по своей внѣшности и сложенію, еслибъ имъ сопутствовало и соответственное умственное развитіе, сдѣлали бы—я, не колеблясь, утверждаю это—сдѣлали бы честь любой расѣ. Что касается индѣйцевъ, я не сомнѣваюсь, что они пришли снизу на это плато и пришли значительно позднѣе питекантроповъ, гонимые голодомъ или жаждой завоеванія. Встрѣтивъ здѣсь такихъ свирѣпыхъ звѣрей, какихъ они раньше никогда не видали, они укрылись въ пещерахъ, но безъ сомнѣнія, имъ пришлось вести жестокую борьбу и съ дикими звѣрями и, въ особенности, съ питекантропами, которые ненавидѣли ихъ, какъ незваныхъ гостей, и въ безпощадной войнѣ съ ними проявляли умъ и хитрость, несвойственные и самымъ крупнымъ звѣрямъ. Оттого ихъ здѣсь, повидимому, очень немного. Ну-съ, господа, разрѣшилъ я

вамъ загадку, или что-нибудь для васъ еще осталось невыясненнымъ?

Профессоръ Sommerli былъ слишкомъ удрученъ для того, чтобы возражать, но все-же онъ замахалъ головой въ знакъ того, что онъ, вообще, не согласенъ со своимъ коллегой. Лордъ Джонъ только почесалъ себѣ затылокъ и сказалъ, что тутъ онъ мало компетентенъ и спорить ему не приходится. Я лично, какъ всегда, перевелъ рѣчь на прозаическую и практическую почву, замѣтивъ, что одинъ изъ индѣйцевъ куда-то пропалъ.

— Онъ пошелъ за водой,—сказалъ лордъ Джонъ Рокстонъ.—Взялъ у меня пустую жестянку изъ подъ консервовъ и пошелъ.

— Куда? Въ старый лагерь?

— Нѣтъ, къ ручью. Онъ тутъ недалеко журчитъ, между деревьями. Въ сотнѣ шаговъ, не больше. Но онъ что-то замѣшался.

— Я пойду за нимъ,—предложилъ я, взявъ свою винтовку и зашагалъ по направлению къ ручью, оставивъ товарищей доканчивать скудный завтракъ. Вамъ можетъ показаться большой неосторожностью съ моей стороны, что я рѣшился, хотя бы не надолго, покинуть наше убѣжище, но примите во вниманіе, что обезьяній городокъ былъ далеко отъ насъ, что враги, поскольку намъ было извѣстно, еще не открыли нашего убѣжища и, во всякомъ случаѣ, съ ружьемъ въ рукѣ мнѣ нечего было бояться ихъ. Тогда я еще не зналъ, какіе они сильные и хитрые.

Ручеекъ журчалъ гдѣ-то совсѣмъ близко, но сквозь чащу деревьевъ и кустарника я не могъ разглядѣть его. Только я потерялъ изъ виду своихъ товарищей, какъ замѣтилъ подъ однимъ изъ деревьевъ что-то красное. Подошелъ—и въ ужасѣ отшатнулся: это былъ трупъ пропавшаго индѣйца. Онъ лежалъ на боку, весь вытянувшись, съ неестественно изогнутой шеей, такъ что голова его была повернута лицомъ къ плечу. Я крикнулъ, чтобы предупредить своихъ, подбѣжалъ и нагнулся надъ трупомъ. Должно быть, мой ангелъ хранитель былъ въ эту минуту очень близокъ ко мнѣ, или же, можетъ быть, шелестъ листьевъ встревожилъ меня и заставилъ взглянуть наверхъ. Изъ густой зеленой листвы, нависшей надъ моей головой, медленно спустились внизъ двѣ длинныхъ мускулистыхъ руки. Еще мигъ—и эти руки стиснули бы мое горло. Я отскочилъ назадъ, но какъ я ни былъ проворенъ, эти руки были еще проворнѣе. Одна изъ нихъ все-таки схватила меня за шею сзади, а другая—за подбородокъ. Я инстинктивно обхватилъ руками горло; въ то же мгновеніе огромная лапа скользнула по моему лицу и сжала мнѣ шею поверхъ моихъ рукъ. Я почувствовалъ себя слегка приподнятымъ надъ землей; могучая рука нестерпимо давила мнѣ шею, все больше поворачивая ее назадъ и назадъ, что вызывало нестерпимую боль въ позвоночникѣ. Я готовъ былъ лишиться чувствъ, но все же уцѣпился за эту руку и оторвалъ ее отъ своего подбородка. Поднявъ голову, я увидѣлъ страшное лицо и жестокіе свѣтло-голубые глаза, глядѣвшіе на меня пристально, какъ бы гипнотизируя меня. Что-то притягивающее, властное было въ этомъ пристальномъ, недвижномъ взглядѣ. Я не въ состояніи былъ дольше бороться. Когда животное почувствовало, что силы мои ослабѣваютъ, двѣ бѣлыхъ собачьихъ клыка на мигъ сверкнули по обѣимъ сторонамъ уродливаго рта, и мощная рука снова стала надавливать на мой подбородокъ, закидывая мою голову вверхъ и назадъ. Туманъ поплылъ передъ моими глазами; серебрястые колокольчики зазвенѣли въ ушахъ. Откуда то глухо, какъ будто издали, донесся звукъ ружейнаго выстрѣла; я ощутилъ слабый толчокъ, упалъ и остался лежать на землѣ безъ движенія и безъ сознанія.

Очнувшись я уже на травѣ въ нашей берлогѣ. Кто-то принесъ воды изъ ручья, и лордъ Джонъ обрызгивалъ ею мнѣ

голову, а Чалленджеръ и Sommerli съ озабоченными лицами поддерживали меня подъ руки. Изъ-подъ масокъ ученыхъ вдругъ проступили человѣческія лица. Я былъ не столько изувѣченъ, сколько нервно потрясенъ, оттого и упалъ, и черезъ полчаса, несмотря на адскую боль въ спинѣ и невозможность повернуть шею, все же могъ сидѣть и разсуждать, какъ здоровый.

— Ну, и напугали же вы насъ, голубчикъ!—говорилъ лордъ Джонъ.—Вѣдь это могло стоить вамъ жизни, мальчикъ мой милый. Когда я услышалъ вашъ крикъ, кинулся сюда и увидалъ, что ваши ноги болтаются въ воздухѣ, а голова наполовину откручена, я ужъ думалъ: останется насъ только трое. Я выстрѣлилъ наспѣхъ и промахнулся, на этотъ разъ негодяй все-таки струсиль, бросилъ васъ и самъ улизнулъ. Ахъ, чортъ. Жалко, что у меня нѣтъ подъ рукой человѣкъ пятидесяти съ винтовками! Я бы перестрѣлялъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ и очистилъ отъ нихъ эту мѣстность.

Теперь ясно было, что питекантропы подмѣтили, куда мы укрылись и что за нами со всѣхъ сторонъ наблюдаютъ. Днемъ намъ особенно нечего было ихъ бояться, но ночью они легко могли напасть на насъ скопомъ; поэтому лучше было поскорѣе убраться отъ такого опаснаго сосѣдства. Съ трехъ сторонъ насъ обступила густая чаща лѣса, гдѣ мы легко могли очутиться въ засадѣ. Но съ четвертой—отлого спускавшейся къ озеру, росъ только низкій кустарникъ съ разбросанными кой-гдѣ деревьями и мѣстами совсѣмъ открытыми прогалинами. Это былъ тотъ же путь, которымъ я шелъ во время моей одинокой прогулки и который привелъ меня къ пещерамъ индѣйцевъ. Очевидно, намъ и слѣдовало идти этимъ путемъ.

Объ одномъ мы жалѣли—что приходится бросить нашъ старый лагерь—не только потому, что тамъ было еще много припасовъ, но и потому, что уходя оттуда, мы теряли Замбо, единственное звено, связывавшее насъ съ внѣшнимъ міромъ. Все же, ружья наши были при насъ и патроновъ въ запасѣ достаточно, такъ что на время уйти мы могли, а тамъ дастъ Богъ, можно будетъ и возстановить сообщеніе съ нашимъ вѣрнымъ негромъ. Онъ торжественно обѣщалъ ждаты насъ на вершинѣ утеса, и мы не сомнѣвались, что онъ сдержитъ слово.

Едва перевалило за полдень, мы пустились въ путь. Юный вождь шелъ впереди, какъ вожатый, но съ негодованіемъ отказался нести какую-бы то ни было ношу. Вслѣдъ за нимъ шли двое уцѣлѣвшихъ индѣйцевъ, неся на плечахъ наши скудные пожитки. Мы, четверо бѣлыхъ, шли въ арьергардѣ, держа ружья наготовѣ. Когда мы тронулись, вслѣдъ намъ понеслось изъ чащи лѣса громкое улюлюканье питекантроповъ—былъ ли то крикъ торжества, или презрительная насмѣшка надъ нашимъ бѣгствомъ,—мы не знали. Оглядываясь назадъ, мы видѣли лишь густой зеленый навѣсъ, но, судя по гвалту, который несся изъ-подъ этого навѣса, нашихъ враговъ было тамъ много. Однако, пуститься въ погоню за нами они не посмѣли, и вскорѣ мы были уже на открытомъ мѣстѣ, за предѣлами ихъ власти.

Шагая позади товарищей, я не могъ не улыбаться, глядя на нихъ. Это ли изысканный щеголь, лордъ Джонъ Рокстонъ, котораго я такъ еще недавно видѣлъ у него дома, въ роскошномъ кабинетѣ, посреди персидскихъ ковровъ и картинъ, тонущихъ въ тѣни розовыхъ абажуровъ? Это ли импозантный профессоръ, массивная фигура котораго на эстрадѣ казалась такой внушительной? Это ли, наконецъ, строгій и чопорный Sommerli? Всѣ трое были въ грязи, въ крови, оборванные, какъ послѣдніе бродяги; всѣ безъ шляпъ, съ головами, повязанными носовыми платками, съ небритыми, неузнаваемыми лицами. И Чалленджеръ, и Sommerli, оба хромали; я отъ слабости еле волочилъ ноги

послѣ утренняго моего приключенія, а шея моя была твердая и не гнувшаяся, какъ мраморная доска. Мы представляли собой довольно таки жалкое зрѣлище, и я не увивляюсь, что индѣйцы оглядывались на насъ порою со страхомъ и изумленіемъ.

Подъ вечеръ мы достигли берега озера, и, когда передъ нами заблестѣла водная гладь, наши краснокожіе спутники подняли радостный крикъ, указывая на что-то впереди. Дѣйствительно, это было дивное зрѣлище. По зеркальной родѣ плыла цѣлая флотилія челноковъ, направляясь къ берегу, на которомъ мы находились. Когда мы впервые замѣтили ихъ, они были отъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ миль, но подвигались очень быстро, и вскорѣ гребцы и наши индѣйцы могли разглядѣть другъ друга. Съ громкими, восторженными криками они повскакали съ мѣстъ, какъ сумасшедшіе размахивая въ воздухѣ веслами и коньями. Затѣмъ, съ новою силой налегли на весла, причалили къ берегу и простерлись ницъ передъ юнымъ вождемъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, пожилой человѣкъ въ ожерельѣ и браслетахъ изъ крупныхъ блестящихъ стеклянныхъ бусъ, съ накинутой на плечи шкурой какого-то красиваго пестраго звѣря, выбѣжалъ впередъ и нѣжно обнялъ спасеннаго нами юношу. Потомъ посмотрѣлъ на насъ, задалъ нѣсколько вопросовъ и, получивъ отъ своихъ отвѣты, съ достоинствомъ приблизился къ намъ и каждого изъ насъ по очереди прижалъ къ своей груди. Затѣмъ, по знаку его, все племя пало ницъ передъ нами, воздавая намъ честь и хвалу. Лично я чувствовалъ себя въ эту минуту очень неловко, и читалъ то же чувство на лицахъ лорда Джона и Соммерли, но профессоръ Чалленджеръ расцѣлывалъ, какъ цвѣтокъ на солнцѣ.

— Можетъ быть, это и недостаточно развитая раса, — молвилъ онъ, самодовольно поглаживая бороду и поглядывая на насъ, — но поведеніе ихъ по отношенію къ тѣмъ, кто выше ихъ, могло бы послужить примѣромъ нѣкоторымъ и цивилизованнымъ европейцамъ. Странно, какимъ вѣрнымъ чутьемъ одаренъ человѣкъ, близкій къ природѣ!

Было очевидно, что туземцы собрались на войну: всѣ они были вооружены копьями—длинными бамбуковыми палками съ гнѣтымъ наконечникомъ—луками и стрѣлами; и, кромѣ того, у каждого еще была привѣшена сбоку дубинка или же каменный топоръ. Ихъ мрачные злобные взгляды, которые они бросали на насъ вдали, повторяя снова и снова слово: «Дода!», ясно показывали, что это былъ отрядъ, посланный на выручку, или для мести за сына вождя. Все племя усѣлось на четвереньки, въ кружокъ, и принялось совѣщаться; мы же усѣлись по близости на глыбу базальта, наблюдая за ними. Трое или четверо по очереди говорили; затѣмъ нашъ юный другъ произнесъ краснорѣчивую рѣчь, сопровождавшуюся такими выразительными жестами, что, и не зная языка, мы поняли все имъ сказанное.

— Что пользы возвращаться обратно?—говорилъ онъ.—Рано или поздно это падо будетъ сдѣлать. Наши товарищи умерщвлены. Что изъ того, что я возвратился невредимымъ? Другіе преданы смерти. Никто изъ насъ не можетъ считать себя въ безопасности. Теперь мы всѣ въ сборѣ и готовы.—Онъ указалъ на насъ.—Эти туземцы—друзья намъ. Они доблестные воины и ненавидятъ людей-обезьянъ не меньше нашего. Они управляютъ громомъ и молніей.—Онъ указалъ на небо.—Отчего бы намъ снова не попытаться счастья съ ними? Идемъ впередъ и либо умремъ, либо обезпечимъ себѣ спокойную жизнь на будущее. А иначе, можемъ ли мы вернуться безъ стыда къ нашимъ женамъ?

Маленькіе краснокожіе воины съ жадностью впивали каждое слово оратора и, когда онъ кончилъ, восторженными кликами выразили свое одобреніе, потрясая копьями въ воздухѣ. Старый вождь подошелъ къ намъ и о чемъ

то спросилъ насъ, указывая на насъ. Лордъ Джонъ сдѣлалъ ему знакъ подождать отвѣта и повернулся къ намъ.

— Ну-съ, господа, рѣшайте, что намъ дѣлать. Я лично очень не прочь покончить разъ навсегда съ этими погаными обезьянами и, если онѣ исчезнутъ съ лица земли, мнѣ кажется, землѣ не о чемъ будетъ жалѣть. Я иду съ этими краснокожими человѣчками и намѣренъ оказать имъ сильную помощь. А вы что скажете, юноша?

— Разумѣется, я тоже пойду.

— А вы, Чалленджеръ.

— Я, конечно, отъ товарищей не отстану.

— А вы, Соммерли?

— Мы что-то ужъ слишкомъ отделились отъ цѣли нашей экспедиціи, лордъ Джонъ. Смѣю васъ увѣрить, что, покидая свою кафедру въ Лондонѣ, я вовсе не предполагалъ, что мнѣ придется руководить походомъ дикарей на колонию человекоподобныхъ обезьянъ.

— Приходится иной разъ браться и за черную работу,—усмѣхнулся лордъ Джонъ.—Ну-съ, такъ какъ же вы рѣшаете?

— Благоразумно ли мы поступаемъ,—это подлежитъ большому сомнѣнію. Но, если вы всѣ пойдете, какъ же мнѣ то отстать отъ васъ?

— Значить, вопросъ рѣшенъ,—молвилъ лордъ Джонъ и, повернувшись къ старому вождю, кивнулъ головой и щелкнулъ куркомъ ружья. Старикъ сжалъ руку, сначала ему, потомъ всѣмъ намъ по очереди, а его подчиненные снова подняли громкій радостный крикъ. Часъ былъ уже поздній, наступленіе пришлось отложить, и индѣйцы расположились на ночь бивакомъ. Со всѣхъ сторонъ засверкали и задымились костры. Нѣсколько краснокожихъ скрылись въ чащѣ и вернулись, гоня передъ собой молодого игуанодона. Какъ и у всѣхъ прочихъ, у него было асфальтовое пятно на плечѣ и, только, когда одинъ изъ туземцевъ съ видомъ собственника вышелъ впередъ и, видимо, далъ свое согласіе на закланіе принадлежавшаго ему животнаго, мы поняли, что эти огромныя твари—составляютъ здѣсь частную собственность, какъ у насъ стадо коровъ, и пятна на нихъ—не что иное, какъ мѣтки владѣльцевъ. Тяжелый, неповоротливый и питающийся растительной пищей, съ огромнымъ тѣломъ и крохотнымъ мозгомъ, игуанодонъ былъ кротокъ и послушенъ даже ребенку. Черезъ нѣсколько минутъ колоссальное животное было убито, и куски его мяса жарились надъ дюжиной костровъ, вмѣстѣ съ разрыванной на куски огромною рыбой, убитой багромъ.

Соммерли прилетѣлъ и уснулъ на песокъ, но мы трое долго еще бродили по берегу, знакомясь съ этой невиданной, странной землей. Дважды намъ попадались ямы съ голубою глиной, точно такой какую мы видѣли въ болотѣ птеродактилей. Это были воронки потухшихъ вулкановъ, почему то чрезвычайно интересовавшія лорда Джона. Чалленджеръ, наоборотъ, всего больше заинтересовался клокочущимъ и булькающимъ горячимъ грязевымъ источникомъ, гейзеромъ, выдѣлявшимъ какой-то странный газъ; на поверхности его поминутно вскакивали и лопались, какъ мыльные пузыри, шарики газа. Онъ сунулъ въ гейзеръ полый внутри тростникъ и, какъ школьникъ, закричалъ отъ радости, когда прикоснувшись къ тростнику зажатую спичкой, вызвалъ трескъ взрыва и синеватый огонекъ на другомъ концѣ тростниковой трубки. Но еще больше обрадовался онъ, когда кожаная сумка, сунутая имъ въ гейзеръ на концѣ тростника и наполнившаяся газомъ, шипя, взлетѣла на воздухъ.

— Легко воспламеняющійся газъ, много легче атмосфернаго воздуха. Не боясь ошибиться, я утверждаю, что онъ содержитъ въ себѣ значительное количество водорода въ свободномъ состояніи. Молодой человѣкъ, ресурсы Д. Э. Ч. еще не исчерпаны. Онъ, можетъ быть, еще

покажетъ вамъ, какъ великій умъ умѣетъ утилизировать все въ природѣ.—Его видимо, распиралъ какой-то тайный замыселъ, но онъ, все-таки, удержался и ничего не сказалъ намъ.

Мнѣ лично самое озеро казалось гораздо интереснѣе его береговъ. Мы надѣлали столько шуму, что спугнули оттуда все живое и кромѣ нѣсколькихъ птеродактилей, описывавшихъ круги надъ нашими головами, въ ожиданіи падали, въ лагерь и вокругъ него все было тихо. Иное дѣло на озерѣ. Розоватая вода его кипѣла жизнью. Въ нихъ то и дѣло мелькали большія, аспиднаго цвѣта спины съ высокими зубчатыми плавниками и вновь исчезали въ глубинѣ. Въ прибрежномъ пескѣ копошились огромныя черепахи и еще какія-то причудливой формы пресмыкающіяся; особенно поразило меня огромное плоское созданіе, похожее на живой вздрагивающій коврикъ изъ черной засаленной кожи, медленно ползшее къ водѣ. Тамъ и сямъ изъ воды высывалась змѣиная голова на длинной высокой шеѣ, быстро разрывая воду, отчего спереди у нея получалось какъ-бы ожерелье изъ бѣлой пѣны, а сзади длинный струящийся слѣдъ, словно это проплылъ большой лебедь. Одна изъ этихъ тварей выбросилась на берегъ, неподалеку отъ насъ, обнаруживъ огромное бочкообразное тѣло съ высокими плавниками позади, длинной змѣиной шей; и наши оба профессора, бросившіеся туда, подняли восторженный крикъ:

— Плезиозавръ! Прѣсноводный плезиозавръ!—воскликнулъ Соммерли,—думалъ ли я дожить до этого? Ну и повезло же намъ, дорогой мой, Чалленджеръ! Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, еще ни одному зоологу такъ не везло.

Только, когда совсѣмъ смерклось, и огни костровъ засверкали красными звѣздочками во мракѣ, нашихъ ученыхъ удалось увести отъ этого первобытнаго озера, притягивавшаго ихъ неотразимыми чарами. Даже потомъ, лежа на пескѣ, мы время отъ времени слышали фыканье и тяжелые всплески огромныхъ тварей, обитавшихъ въ водахъ его.

Чуть свѣтъ, всѣ въ нашемъ лагерѣ были — же на ногахъ и, часъ спустя, мы выступали въ походъ. Какъ часто мнѣ хоѣлось быть военнымъ корреспондентомъ. Но могъ ли я думать, что попаду на такую войну? Вотъ первый мой рапортъ съ поля брани.

Въ продолженіе ночи къ намъ все время прибывала подмога—свѣжіе вспомогательные отряды изъ пещеръ, и къ утру насъ было уже человѣкъ четыреста или пятьсотъ. Развѣдчиковъ выслали впередъ, а за ними тяжелой колонной выступалъ остальной отрядъ, неторопливо поднимаясь по скату, пока не дошелъ до опушки лѣса. Здѣсь онъ вытянулся въ длинную линію, раздѣлившись на коньеносцевъ и лучниковъ. Рокстонъ и Соммерли помѣстились на правомъ флангѣ; мы съ Чалленджеромъ—на лѣвомъ. Словно каменный вѣкъ живой воскресъ передъ нами, а мы готовились помогать въ битвѣ людямъ каменнаго вѣка съ оружіемъ новѣйшаго образца, купленнымъ въ лучшемъ оружейномъ магазинѣ въ Джемсъ-стритъ.

Ждать непріятеля пришлось не долго. Изъ лѣсу донесся дикий, прензительный крикъ, и неожиданно оттуда выскочила цѣлая стая людей-обезьянъ, очевидно, съ намѣреніемъ прорвать центръ наступающихъ. Это было смѣлое, но нелѣпое движеніе, такъ какъ кривоногіе питекантропы двигались по землѣ неуклюже и медленно, въ то время, какъ противники ихъ были быстры и увертливы, какъ кошки. Страшно было глядѣть, какъ свирѣпыя уродливыя питекантропы съ пѣной у рта и горящими злобой глазами набрасывались на людей, не умѣя во время схватить ихъ, между тѣмъ какъ стрѣла за стрѣлой врѣзывалась въ ихъ ряды, производя жестокое опустошеніе. Возлѣ меня огромный питекантропъ, катаясь по землѣ, вылъ отъ боли—изъ

груди и реберъ его торчали наружу до люжины стрѣлы. Изъ состраданія, я пристрѣлилъ его, и онъ растянулся между огромными кактусами. Но только мнѣ, пока, и пришло стрѣлять, такъ какъ атака была направлена на центръ наступленія, и для того, чтобы отбить ее, индѣйцы не нуждались въ нашей помощи. Изъ всего отряда питекантроповъ, выскочившаго изъ лѣса, едва ли хоть одинъ вернулся обратно.

Но, когда мы очутились между деревьями, дѣло стало серьезнѣе. Загаздалась отчаянная борьба, и были моменты, когда мы были увѣрены, что намъ не сдобровать. Питекантропы съ тяжелыми дубинами въ рукахъ накидывались на индѣйцевъ и нерѣдко успѣвали убить троихъ-четверыхъ, прежде чѣмъ мѣткая стрѣла выводила ихъ изъ строя. Одинъ изъ этихъ страшныхъ ударовъ сыпавшихся во всѣ стороны, раздробилъ въ щепки ружье Соммерли, а другой раздробилъ бы и его черепъ, если-бъ стоявшій рядомъ индѣецъ не угодилъ копьемъ въ самое сердце питекантропу. Другіе люди-обезьяны съ деревьевъ бросали въ насъ камнями и бревнами, иной разъ и сами, свергнувшись съ дерева, падали на индѣйцевъ и пускали въ ходъ свои могучія, цѣпкія руки, душа враговъ, за горло. Былъ моментъ, когда краснокожіе дрогнули, и если-бъ не наши винтовки, навѣрное, обратились бы вспять. Но старый вождь сумѣлъ такъ подбодрить ихъ, что они съ новой яростью ударили на питекантроповъ, и тѣ, въ свою очередь, стали отступать. Соммерли стоялъ безоружный, но я едва успѣвалъ спускать курокъ, а на другомъ флангѣ такъ и трещали выстрѣлы нашихъ товарищей. Паника напала на питекантроповъ. Съ крикомъ и воємъ они бросились въ разсыпную по лѣсу; индѣйцы же съ дикими кликами торжества устремились за ними въ погоню. Вся вѣковая вражда, вся ненависть и злоба, накопившіяся за сотни лѣтъ, вылились наружу въ этотъ день мести за всѣ вынесенныя обиды и гоненія. Наконецъ-то человѣкъ будетъ господиномъ на здѣшней землѣ! Какъ ни смѣшили бѣглецы, все же не уйти имъ было отъ проворныхъ индѣйцевъ, и со всѣхъ концовъ лѣса до насъ доносились ликующіе клики, трескъ ломающихся вѣтвей и тяжелый стукъ паденія, когда питекантропы соскакивали съ деревьевъ, на которыхъ они прятались.

Я бѣжалъ вслѣдъ за другими, но по дорогѣ столкнулся съ лордомъ Джономъ и Чалленджеромъ, бѣжавшими намъ наперерѣзъ.

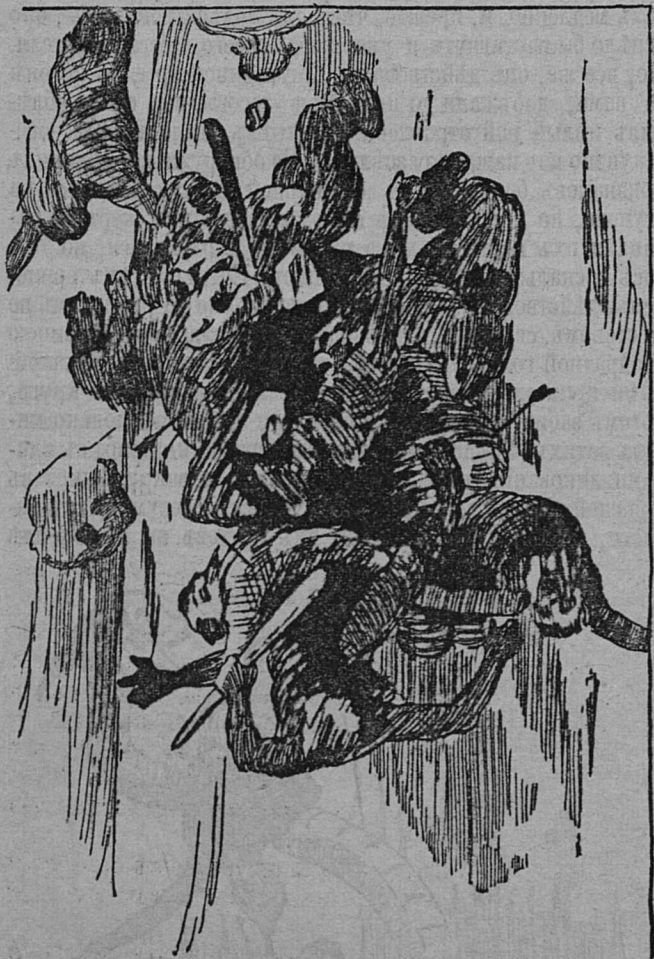
— Все кончено,—сказалъ лордъ Джонъ.—Я думаю, остальное слѣдуетъ предоставить имъ самимъ. Пожалуй, чѣмъ меньше мы будемъ смотрѣть на эту бойню, тѣмъ лучше мы будемъ спать сегодня.

Но «эта бойня» зажигала яркій блескъ въ глазахъ Чалленджера. Онъ весь напыжился, какъ боевой пѣтухъ.

— Намъ посчастливилось присутствовать при одной изъ рѣшающихъ историческихъ битвъ—битвѣ, обусловившихъ собой участь міра. Что такое, друзья мои, побѣда одной націи надъ другой? Результатъ безразличенъ. Но эти яростныя битвы, когда, на зарѣ вѣковъ, пещерные жители впервые одолѣли тигровъ, или слоны впервые почувствовали надъ собою господина,—вотъ это настоящія побѣды, которыя стоятъ многого. И надо же было, чтобы намъ довелось сыграть рѣшающую роль въ такой битвѣ! Отнынѣ на этомъ плато будущее принадлежитъ человѣку.

Нужна была сильная вѣра въ конечную цѣль, чтобы оправдать такіа жестокія средства. Въ лѣсу намъ то и дѣло попадались груды тѣлъ питекантроповъ, пронзенныхъ копьями или стрѣлами. Мѣстами возлѣ трупа убитаго животного лежала и кучка труповъ краснокожихъ—видно было, что здѣсь разъяренный питекантропъ дорого продалъ всю жизнь. А впереди раздавались все тѣ же торжествующіе крики, указывавшіе намъ направленіе погони. Люди-обезьяны загнали обратно въ ихъ городокъ, гдѣ они въ послѣдній

разъ попробовали оказать сопротивление и снова были разбиты. Мы поспѣли какъ разъ во время, чтобы присутствовать при заключительной страшной сценѣ. Около сотни самцовъ питекантроповъ, затравленные, толпились у края утеса, который мы уже видѣли два дня назадъ. Индѣйцы съ коньями въ рукахъ полукругомъ обступили ихъ—и черезъ минуту все было кончено. Штукъ тридцать-сорокъ были пропавши на мѣстѣ; остальные сброшены въ пропасть, и полетѣли на тѣ самые острые бамбуки, на которые они сбрасывали своихъ враговъ. Чалленджеръ правду сказалъ:

... Остальные были сброшены въ пропасть..

отнынѣ владычество человѣка было обезпечено на Землѣ Мэплъ Уайта. Самцы были истреблены, обезьяній городокъ разрушенъ; самки и дѣтеныши уведены въ плѣнъ и рабство; въковой распрѣ положенъ кровавый конецъ.

Намъ побѣда индѣйцевъ была очень выгодна. Теперь мы могли вернуться въ нашъ лагерь, взять новую одежду и новый запасъ провизіи. Могли повидаться и съ вѣрнымъ Замбо, который издалъ въ ужасѣ глядѣлъ на этотъ ливень обезьянъ, падавшихъ, какъ спѣлыя груши, съ деревьевъ.

— Уходите оттуда! Уходите!—кричалъ онъ намъ, что есть мочи паяя глаза и вращая синеватыми бѣлками.—Если вы останетесь, вы, навѣрное, попадете къ дьяволу въ лапы.

— Это голосъ благоразумія,—съ убѣжденіемъ подхватилъ Sommerli. Достаточно съ насъ приключеній, совершенно не подобающихъ ни положенію нашему, ни нашимъ вкусамъ. Чалленджеръ, помните, вы дали слово. Отнынѣ вы обязаны посвятить всю вашу энергію тому, что найти какой-нибудь способъ вернуться изъ этой страны ужасовъ въ цивилизованный міръ.

Глава XV.

Великія чудеса дано было намъ увидеть.

Я пишу каждый день понемножку, но убѣжденъ, что раньше, чѣмъ я кончу, намъ сквозь тучи, наконецъ, заблещетъ солнце. Мы здѣсь живемъ вродѣ, какъ плѣнные, не зная хорошенько, какъ намъ выбраться отсюда, и это очень огорчаетъ и злитъ насъ всѣхъ четверыхъ. А, все же, можетъ быть придетъ день, когда мы порадуемся, что насъ удержали тутъ противъ нашей воли, чтобы мы еще могли наглядѣться на чудеса этой единственной въ мірѣ страны и на странныхъ ея обитателей.

Побѣда индѣйцевъ надъ питекантропами и истребленіе этихъ послѣднихъ были поворотнымъ пунктомъ въ нашихъ здѣшнихъ приключеніяхъ. Съ этого дня мы стали, фактически, господами на плато Мэплъ Уайта, ибо, послѣ того, какъ невѣдомыя чары, которыми мы владѣемъ, помогли имъ избавиться отъ своего извѣчнаго врага, они смотрятъ на насъ съ признательностью, смѣшанной со страхомъ. Они, можетъ быть, и сами были бы рады отдѣлаться отъ такихъ грозныхъ союзниковъ, отъ которыхъ не знаешь, чего еще ждать, но до сихъ поръ еще не указали намъ ни единого способа, какъ спуститься отсюда внизъ, на равнину. Знаками, если только мы правильно поняли ихъ, они намъ показывали, что прежде можно было попасть сюда и обратно черезъ туннель, нижнее выходное отверстіе котораго мы видѣли въ пещерѣ. Несомнѣнно, и индѣйцы, и питекантропы, въ разное время, попали сюда именно черезъ этотъ туннель, черезъ него же проложили себѣ путь на плато и Мэплъ Уайтъ со своимъ товарищемъ. Но въ прошломъ году здѣсь было страшное землетрясеніе, и верхній конецъ туннеля заваленъ землей. Когда мы знаками выражали свое желаніе спуститься внизъ и спрашивали, какъ же намъ теперь это сдѣлать, индѣйцы только пожимали плечами и качали головами. Я не знаю въ чемъ дѣло—не могутъ они, или просто не хотятъ помочь намъ уйти отсюда.

Побѣдоносная кампанія завершилась тѣмъ, что оставшіеся въ живыхъ питекантропы, съ отчаяннымъ, жалобнымъ воемъ были прогнаны черезъ все плато и поселены вблизи индѣйскихъ пещеръ, гдѣ они отнынѣ будутъ жить, въ качествѣ порабощенной расы, подъ присмотромъ своихъ господъ,—какъ евреи въ Вавилонѣ, или въ Египтѣ. По ночамъ до насъ доносятся изъ-за деревьевъ жалобныя, прѣжные вопли, словно какой-то первобытный Іезекиль скорбитъ объ утраченномъ величіи и славѣ обезьяняго города. Отнынѣ ихъ удѣлъ—быть дровосѣками и водносами, на службѣ у человѣка.

Два дня спустя послѣ битвы, мы, съ помощью нашихъ союзниковъ перенесли свой лагерь къ подножью утесовъ. Они настаивали, чтобы мы поселились съ ними, въ пещерахъ, но лордъ Джонъ рѣшительно воспротивился этому, доказывая, что это можетъ быть опаснымъ: если-бы индѣйцы замыслили какое-либо вѣроломство по отношенію къ намъ, тамъ, въ пещерахъ, мы будемъ всецѣло въ ихъ власти. Поэтому мы остались независимыми и, на всякій случай, держимъ оружіе наготовѣ, хотя отношенія у насъ съ индѣйцами самыя дружественныя. Мы часто посѣщаемъ ихъ пещеры, замѣчательныя въ своемъ родѣ, хотя намъ до сихъ поръ не удалось опредѣлить, чьихъ рукъ онѣ дѣло—человѣка, или природы. Всѣ онѣ выдолблены въ одномъ и томъ же пластѣ мягкаго камня, лежащемъ между вулканическаго пропихожденія базальтомъ, образовавшимъ красныя утесы надъ ними, и твердымъ гранитомъ, составляющимъ ихъ основаніе.

Отверстія пещеръ находятся на высотѣ 80 футъ надъ землей, и къ нимъ ведутъ высокія выдолбленныя въ камнѣ лѣстницы, такія узкія и крутыя, что ни одно крупное животное не могло бы взобраться по нимъ. Внутри онѣ сухія и теплыя, идутъ прямыми коридорами различной длины

вглубь горы; гладкія сѣрыя стѣны ихъ изукрашены множествомъ превосходныхъ рисунковъ, изображающихъ, по большей части, различныхъ животныхъ, имѣющихся на плато; рисунки сдѣланы острымъ концомъ обожженного тростника. Если бы даже и все живое на этомъ плато погибло, будущій изслѣдователь Земли Мэплъ Уайта найдетъ на стѣнахъ этихъ пещеръ убѣдительныя доказательства тому, что еще недавно, на землѣ жили причудливой формы животныя—динозавры, игуанодоны и земноводныя, представляющія собою помѣсь рыбы съ ящерицей.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали, что огромные игуанодоны совершенно покорены и приручены человѣкомъ и ходягъ стадами, принадлежащими опредѣленнымъ владѣльцамъ, которые ихъ убиваютъ на мясо, мы рѣшили, что человѣкъ, даже при помощи первобытнаго оружія умѣлъ стать господиномъ на первобытной землѣ. Однако, вскорѣ, мы убѣдились, что это не совсѣмъ такъ и что его все еще только терпятъ здѣсь. На третій день послѣ того, какъ мы перенесли свой лагерь поближе къ пещерамъ, разыгралась трагедія. Чалленджеръ и Sommerli отправились къ озеру, въ сопровожденіи нѣсколькихъ туземцевъ, которые, подъ ихъ руководствомъ, убивали гарпунномъ интереснѣйшіе образчики водяныхъ ящерицъ. Мы съ лордомъ Джономъ остались въ лагерѣ; большинство индѣйцевъ покинули свои пещеры и расположились на поросшемъ травой скатѣ передъ пещерами, занимаясь разными своими дѣлами. Неожиданно раздался пронзительный предостерегающій крикъ и слово: «Stoa!», повторяемое сотнею голосовъ заразъ. И мы увидели бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ къ пещерамъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, обезумѣвшихъ отъ страха, торопливо карабкающихся по лѣстницамъ, спасаясь въ надежное убѣжище отъ невѣдомой опасности.

Сверху они махали намъ руками, знаками давая понять, что и намъ надо поскорѣй присоединиться къ нимъ. Мы оба схватили свои ружья и выбѣжали поглядѣть, въ чемъ дѣло. Неожиданно изъ ближайшей кущи деревьевъ выбѣжало человѣкъ пятнадцать индѣйцевъ; они мчались, что было духу, а за ними по пятамъ—два грозныхъ чудовища, ихъ тѣхъ, которыя оустошили намъ первый лагерь и гнались за мной во время моей одинокой прогулки. Видомъ они походили на гигантскихъ уродливыхъ жабъ и подвигались впередъ прыжками, какъ жабы, но ростомъ были больше самаго большого слона. До сихъ поръ мы никогда не видали ихъ днемъ, и, въ сущности, они, дѣйствительно, выходять изъ своихъ берлогъ только ночью, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ потревожатъ во время дневного сна. Мы были прикованы къ мѣсту этимъ изумительнымъ зрѣлищемъ, такъ какъ пятнистая и бородавчатая кожа чудовищъ отливала перламутромъ, какъ рыба чешуя и подъ солнцемъ переливалась всѣми красками радуги.

Однако, наблюдать намъ пришлось недолго, такъ какъ чудовища настигли бѣгущихъ и началось ужасающее опустошеніе. Динозавры насакивали на каждого по очереди, наваливались на него всей своей тяжестью и, оставивъ его изувѣченнымъ и раздавленнымъ, въ прысочку бѣжали дальше, за другими.

Несчастные индѣйцы визжали отъ страха, но, какъ ни напрягали силы, не могли убѣжать отъ неувимыхъ и проворныхъ, несмотря на свою неуклюжесть, чудовищъ. Одинъ изъ другихъ, они погибли на нашихъ глазахъ, и, прежде, чѣмъ мы съ лордомъ Джономъ, поспѣли имъ на помощь, ихъ осталось уже не болѣе полдюжины. Но помочь то имъ мы не помогли, а сами подвергли себя той же опасности. На разстояніи двухсотъ ярдовъ мы опорожнили свои магазины, всаживая пулю за пулей въ кожу страшныхъ животныхъ, но тѣ принимали это такъ же равнодушно, какъ еслибы мы швыряли въ нихъ комками бумаги. Какъ истыя пресмыкающіяся, они были неуязвимы, такъ какъ центры ихъ жизненной энергіи не были сосредоточены въ мозгу, но разбро-

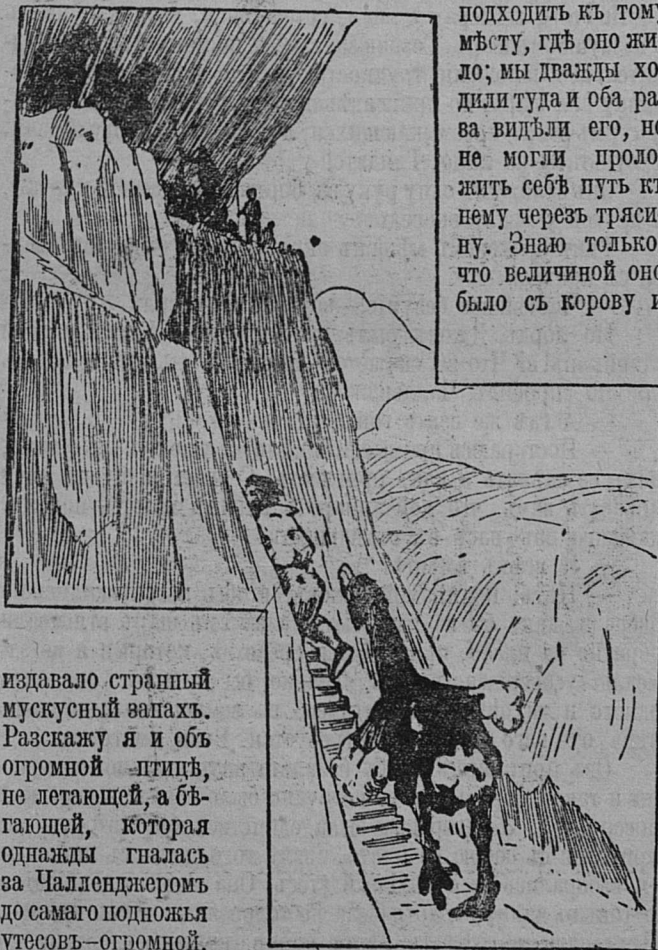
саны по всему позвоночнику, и современнымъ оружіемъ съ ними ничего пелья было подѣлать. Самое большое, что мы могли сдѣлать—это отвлечь ихъ вниманіе вспышками огня и громомъ выстрѣловъ и дать время индѣйцамъ и себѣ самимъ добѣжать до лѣстницъ, ведущихъ къ спасенію. Но тамъ, гдѣ были безсильны коническія рывныя пули двадцатаго вѣка, отравленныя стрѣлы туземцевъ, обмокнутыя въ сокъ строфанта и затѣмъ въ разлагающееся гниющее мясо, вполне достигали цѣли. Для охотника, преслѣдующаго чудовище, пользы отъ такихъ стрѣлъ было мало, такъ какъ при медлительности его кровообращенія, ядъ, дѣйствовалъ медленно, и, прежде, чѣмъ онъ подѣйствовалъ бы, оно успѣло бы настигнуть и умертвить своего преслѣдователя. Но, все же, онъ дѣйствовалъ. Когда динозавры, въ погонѣ за нами, добѣжали до подножья утесовъ, ихъ сразу облѣпилъ цѣлый рой отравленныхъ стрѣлъ, вылетающихъ ежесекундно изъ каждой разсѣлины. Не обнаруживая никакихъ признаковъ боли, они въ безсильной ярости кидались на ступени, по которымъ отъ нихъ скрылись ихъ жертвы, царапали ихъ когтями, даже начинали карабкаться, но тотчасъ соскальзывали обратно, внизъ. Но, ядъ, тѣмъ временемъ, дѣйствовалъ. Одинъ съ громкимъ не то рычаньемъ, не то стономъ, свалился, ударившись объ землю своей огромною квадратной головой. Другой, съ пронзительными, жалобными криками завертѣлся, описывая неправильные круги, потомъ забился въ агоніи на землѣ и черезъ нѣсколько минутъ затихъ. Убѣдившись, что оба мертвы, индѣйцы съ кликами ликования высыпали изъ пещеръ и закружились въ бѣшеной пляскѣ вокругъ мертвыхъ тѣлъ, обезумѣвъ отъ радости, что двое опаснѣйшихъ ихъ враговъ на этой землѣ

Изъ тростниковъ высунулась зеленая водяная змѣя и мгновенно сжала въ своихъ могучихъ кольцахъ нашего рулевого... (См. стр. 41).

перестали существовать. В ту же ночь они разрубили на части и унесли трупы чудовищ—во избежание заразы: есть их нельзя было, так как ядь продолжает действовать и в мертвых тѣлах. Но вырванные сердца пресмыкающихся, огромные, как подушки, остались лежать на мѣстѣ, гдѣ были убиты их обладатели, и продолжали медленно биться, слегка вздуваясь и опускаясь, живя страшной, независимой жизнью. Только на третій день эти страшные сердца перестали биться.

Когда-нибудь, когда у меня будетъ лучший письменный столъ, чѣмъ пустая жестянка изъ-подъ мясныхъ консервовъ, и лучшія орудія для письма, чѣмъ обломокъ карандаша и послѣднія странички измятой записной книжки, я напишу подробнѣе о нашей жизни у индѣйцевъ Аккала и, вообще, о странныхъ условіяхъ жизни въ странѣ Мэлль Уайта. Память, я увѣренъ, не измѣнитъ мнѣ, ибо все пережитое въ этой странѣ, врѣзалось въ мою душу неизгладимыми чертами, какъ врѣзаются только воспоминанія о первыхъ крупныхъ переживанияхъ дѣтства, и забыть ихъ я уже не могу. Никакія новыя впечатлѣнія не могутъ изгладить этихъ. Когда придетъ время, я опишу и удивительную лунную ночь на озерѣ, когда молодой ихтиозавръ—изумительное существо, полу-тюлень, полу-рыба, съ парой глазъ подъ костяными вѣками по обѣ стороны морды и третьимъ во лбу—запутался въ сѣти индѣйцевъ и едва не опрокинулъ нашего челнока, пока мы волокли его къ берегу. В ту же ночь огромная зеленая водяная змѣя неожиданно высунулась изъ тростниковъ и утащила рулевого съ лодки Чалленджера. Расскажу я и объ удивительномъ бѣломъ существѣ, появляющемся только ночью—мы и до сихъ поръ не знаемъ, было ли то животное, или пресмыкающееся—жившемъ въ гниломъ болотѣ къ востоку отъ озера и мелькавшемъ въ темнотѣ, свѣтясь слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Индѣйцы такъ боялись его, что не рѣшались даже близко

издавало странный мускусный запахъ. Расскажу я и объ огромной птицѣ, не летающей, а бѣгающей, которая однажды гналась за Чалленджеромъ до самаго подножья утесовъ—огромной, много больше страуса съ шеей, джера до самыхъ утесовъ...

подходить къ тому мѣсту, гдѣ оно жило; мы дважды ходили туда и оба раза видѣли его, но не могли проложить себѣ путь къ нему черезъ трясину. Знаю только, что величиной оно было съ корову и

какъ у коршуна и страшной головой—настоящая хоячая смерть. Когда Чалленджеръ былъ уже въ безопасности, однимъ ударомъ своего изогнутаго клюва она сорвала каблукъ съ подошвы его сапога, словно срѣзала ножницами. На этотъ разъ, однако, и современное оружіе оказалось дѣйствительнымъ и гигантская птица двѣнадцати футовъ длины—се зовутъ *форораккусъ*, какъ объяснили намъ запыхавшійся, но ликующій профессоръ—забилась на землѣ, пронзенная пулей лорда Рокстона; и изъ этого вихря разлетающихся перьевъ и жививающихся членовъ на насъ глядѣли безтрепетные, блестящіе, желтые, не мигающіе глаза. Хотѣлось бы мнѣ дожить до того дня, когда съ поганый, приплюснутый черепъ будетъ красоваться среди охотничьихъ трофеевъ лорда Джона въ улицѣ Альбани. Наконецъ, я непременно опишу подробнѣе токсодона—колоссальную, въ 10 футовъ длины, морскую свинку съ торчащими наружу острыми, какъ рѣзецъ, зубами, убитую нами на разсѣтѣ, когда она пришла къ озеру на водопой.

И особенно любезно буду я описывать тихіе лѣтніе вечера, когда мы одной дружной семьей лежали въ густой травѣ, любясь глубокимъ синимъ небомъ и разглядывая страшныхъ пернатыхъ, копошившихся около насъ и невѣдомыхъ намъ странныхъ существъ, повывѣзавшихъ изъ своихъ норъ и берлогъ, поглядѣть на насъ, а надъ нами колыхались ёлки кустовъ, отяжелѣвшій отъ сочныхъ вкусныхъ плодовъ, подъ нами-же, въ травѣ, алѣли и бѣлѣли красивые причудливые цвѣты;—или долгія лунныя ночи на озерѣ, когда мы часами недвижно лежали въ лодкѣ, съ изумленіемъ и страхомъ вглядываясь въ огромные круги, расходившіеся по водѣ послѣ всплеска какого-то фантастическаго чудовища. Все это живетъ въ моей памяти и когда-нибудь все это я опишу подробно.

Но, спросите вы, зачѣмъ же вы и ваши товарищи, медлите здѣсь, занимаясь наблюденіями и опытами, вмѣсто того, чтобы день и ночь придумывать способы, какъ вернуться въ цивилизованный міръ? Я отвѣчу вамъ, что всѣ мы усердно заняты этимъ, каждый по своему, но до сихъ поръ ничего еще не придумали. Въ одномъ только мы скоро убѣдились: индѣйцы не намѣрены помогать намъ. Они—наши друзья—можно сказать даже: преданные рабы—но, когда мы стали просить ихъ, чтобы они помогли намъ сдѣлать и перенести къ ущелью мостъ, по которому, мы могли бы перейти, или же дали намъ кожаныхъ ремней, или лѣанъ, изъ которыхъ мы могли бы сплести веревки и на нихъ спуститься, мы наткнулись на добродушный, но категорическій отказъ. Они улыбаются, подмигивали, качали головами—и только. Даже и старый вождь не хочетъ слушать насъ, и одинъ только Маретасъ (юноша, спасенный нами отъ питекантроповъ), грустно глядитъ на насъ и знаками даетъ намъ понять, что его огорчаетъ неисполненіе нашихъ желаній. Съ тѣхъ поръ, какъ мы одержали побѣду надъ людьми-обезьянами, индѣйцы смотрятъ на насъ, какъ на сверхъ-человѣковъ и убѣждены, что, пока мы съ ними, счастье имъ не измѣнится. Каждому изъ насъ предложено получить въ полную собственность маленькую краснокожую жену и отдѣльную пещеру—только бы согласиться забыть свою родину и остаться навсегда на плато. Пока всѣ милы съ нами, хотя мы и не приняли ихъ предложенія, но, все же наши планы мы держимъ въ секретѣ, боясь, какъ бы они, въ случаѣ чего, не удержали насъ силой.

Несмотря на опасность, грозящую отъ динозавровъ (впрочемъ, она страшна только ночью; днемъ они рѣдко покидаютъ свои берлоги), я за послѣднія три недѣли дважды побывалъ въ нашемъ лагерѣ, чтобы повидаться съ вѣрнымъ Замбо, который продолжаетъ сторожить и ждать насъ у подножья утесовъ.

Но напрасно я жадно вглядывался въ широко раскинувшуюся равнину, въ надеждѣ увидать желанную помощь.

Поросшая кактусами равнина пустынна и безмолвна, до самой линии камышей вдали.

— Теперь они уже скоро придут, масса Малонъ. Не пройдет и недѣли, какъ индѣйцы возвратятся, и принесутъ веревокъ и вытащутъ васъ отсюда.

Такъ утѣшаетъ меня нашъ вѣрный негръ.

Во второй разъ, какъ я ходилъ въ лагерь, у меня было курьезное приключеніе,—нѣчто странное. Я шелъ обратно по хорошо знакомой дорогѣ и находился уже на разстояніи не болѣе мили отъ болота птеродактилей, какъ, вдругъ, вижу, на меня идетъ какое-то чудище,—человѣкъ, но заключенный въ плетеную тростниковую клѣтку, со всѣхъ сторонъ закрытую и имѣющую форму колокола. Подойдя ближе, я съ величайшимъ изумленіемъ узналъ лорда Джона. При видѣ меня, онъ вылезъ изъ своего курьезнаго защитнаго аппарата и подошелъ ко мнѣ, смѣясь, но все же, видимо, сконфуженный.

— Это вы, юноша? Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь!

— А вы что тутъ дѣлаете?—воскликнулъ я.

— Навѣщаю своихъ друзей, птеродактилей.

— Чего ради.

— Интересные звѣрьки—вы не находите? Но ужасно не общительные. Чрезвычайно грубы съ посторонними, не любятъ незваныхъ гостей. Оттого я и укрылся въ эту клѣтку, защищающую меня отъ ихъ навязчиваго вниманія.

— Но что же вамъ понадобилось въ этомъ болотѣ?

Онъ пылливо воззрился на меня, и во взорѣ его я подмѣтилъ нерѣшимость.

— Вы думаете, одни только профессора любознательны и охотники наблюдать? Я изучаю нравы птеродактилей. Ну, и будетъ съ васъ. Чего пристали?

— Какъ вамъ угодно. Я не обижаясь.

Онъ добродушно засмѣялся.

— Не обижайтесь, голубчикъ. Мнѣ хочется добыть одного изъ этихъ чертовыхъ птенцовъ для Чалленджера. Меня это занимаетъ. Но вы уходите отсюда. Я, вѣдь, въ своей клѣткѣ безопасенъ отъ нихъ, а вы нѣтъ. Ну, прощайте, пока; къ вечеру и я вернусь въ лагерь.

И онъ зашагалъ дальше въ лѣсъ, въ своей курьезной защитной оградѣ.

Если лордъ Джонъ странно велъ себя въ это время, то Чалленджеръ и подавно. Надо замѣтить, что онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на индѣйскихъ женщинъ, и онѣ липли къ нему, какъ мухи, такъ что онъ всегда носилъ съ собой большую пальмовую вѣтвь, которою и отгонялъ ихъ, когда ихъ вниманіе становилось чрезмерно ужъ назойливымъ. Онъ рассказывалъ, какъ султанъ въ опереткѣ, со знакомъ власти въ рукѣ, съ огромной черной бородой, торчащей впередъ, а за нимъ вился рой большеглазыхъ молодыхъ индианокъ, слегка задрапированныхъ одной только древесной корой; болѣе курьезнаго и забавнаго зрѣлища я не могу себѣ представить. Что касается Соммерли, онъ всецѣло поглощенъ былъ жизнью насѣкомыхъ и птицъ на этомъ плато и все свое время (за исключеніемъ тѣхъ часовъ, когда они перебрашивались съ Чалленджеромъ) проводилъ въ томъ, что насаживалъ на булавки пойманныхъ насѣкомыхъ.

Чалленджеръ усвоилъ себѣ привычку по утрамъ гулять одинъ, и порой возвращался съ торжественнымъ и внушительнымъ видомъ, какъ человѣкъ, сознающій всю тяжесть лежащей на немъ ответственности. Однажды, все съ той же пальмовой вѣткой въ рукѣ и толпой обожательницъ позади, онъ повелъ насъ въ свою потайную мастерскую и посвятилъ насъ въ свои планы.

Мастерская эта помѣщалась на прогалинѣ въ самомъ центрѣ пальмовой рощи, гдѣ билъ одинъ изъ тѣхъ горячихъ грязевыхъ источниковъ, о которыхъ я уже упоминалъ. На землѣ были навалены кучей ремни, вырѣзанные изъ кожи игуано-

на, и рядомъ лежала сморщенная перепонка, оказавшаяся вычищеннымъ и высушеннымъ желудкомъ одной изъ огромныхъ рыбъ-ящерицъ, водившихся въ озерѣ. Изъ этой перепонки былъ устроенъ мѣшокъ, одно отверстіе котораго было зашито, а въ другое, очень небольшое, вставлено нѣсколько полыхъ тростниковъ, другими концами погруженныхъ въ коническія воронки, гдѣ скопился газъ, булькавшій на поверхности грязеваго источника. Вскорѣ сморщенная перепонка понемногу стала расплываться и обнаруживать тенденцію подняться на воздухъ; но Чалленджеръ врезками пригизалъ ее къ стволамъ сосѣднихъ деревьевъ. Черезъ полчаса образовался изрядныхъ размѣровъ мѣшокъ, наполненный газомъ, и судя по тому, какъ онъ подпрыгивалъ и рвался съ привязи, способный подняться довольно высоко. Чалленджеръ умильно улыбался и разглаживалъ бороду, любясь на своего первенца, видимо довольный плодами своихъ думъ и заботъ.

— Неужели вы хотите, чтобъ мы взлетѣли кверху въ этой штукѣ, Чалленджеръ?—извѣстительно осведомился Соммерли.

— Я надѣюсь, дорогой мой, демонстрировать передъ вами силу моего аппарата съ такой убѣдительностью, что, я увѣренъ, вы не задумаетесь вѣрить себя ему.

— Выкиньте это изъ своей головы. Ничто въ мірѣ не заставитъ меня пойти на такое безуміе. Лордъ Джонъ, надѣюсь, вы не станете поощрять его?

— По моему, это дьявольски хитрая выдумка,—отозвался нашъ лордъ.—Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ она функционируетъ.

— Вы увидите это,—поспѣшно сказалъ Чалленджеръ.—Послѣдніе дни я все время ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ намъ спуститься съ этого плато. Просто слѣзть,—нельзя туннеля нѣтъ; мостъ намъ не дадутъ построить. Какъ же быть то? При видѣ водорода, свободно выделяющагося съ поверхности этого гейзера, у меня, естественно, возникла мысль о воздушномъ шарѣ. Сознаюсь, я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе трудностью найти подходящую оболочку для шара, но приглядѣвшись къ огромнымъ внутренностямъ этихъ пресмыкающихся, я разрѣшилъ и эту задачу. Результаты на лицо. Глядите!

Онъ заложилъ одну руку за борть потрепанной куртки, и другой указалъ впередъ.

Тѣмъ временемъ мѣшокъ округлился и отчаянно рвался съ привязи.

— Чистѣйшее безуміе!—ворчалъ Соммерли.

Но лордъ Джонъ былъ въ восторгѣ.—Какой умный старикантъ! а? Что вы скажете?—шеннулъ онъ мнѣ и затѣмъ громко спросилъ Чалленджера.

— А гдѣ же взять гондолу?

— Постараюсь промыслить и это. Я уже думалъ о томъ, какъ ее сдѣлать и какъ привязать. Сейчасъ я просто хочу показать вамъ, что мой аппаратъ вполне можетъ поднять cadaго изъ насъ въ отдѣльности.

— И всѣхъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ; планъ мой таковъ, чтобы мы спускались по очереди, какъ бы на парашютѣ, а затѣмъ шаръ втягивали обратно на плато, при помощи средствъ, которыя я не замедлю усовершенствовать. Только бы онъ могъ поднять одного и тихонько спустить его на землю вниз—больше вѣдь, отъ него ничего и не требуется. Вотъ, смотрите!

Онъ притащилъ глыбу базальта внушительной величины и такой формы, что ее нетрудно было обвязать веревкой посерединѣ. Эта веревка была единственной, которую мы принесли съ собою на плато, послѣ того, какъ съ помощью ея взобрались на отдѣльный утесъ. Она имѣла около соти футовъ въ длину, и, хотя была не толстая, но очень крѣпка. Чалленджеръ сдѣлалъ нѣчто вродѣ кожанаго ошейника съ прикрѣпленными къ нему кожаными ремнями. Ошейникъ онъ надѣлъ на отверстіе шара, а висѣвшіе отъ него

ремни соединилъ внизу, такъ что давленіе прикрѣпленной къ нимъ тяжести должно было распредѣлиться по довольно большой поверхности. Затѣмъ къ ремнямъ была привязана базальтовая глыба, а свободный конецъ веревки, оставшійся висѣть, профессоръ трижды обмоталъ вокругъ своей руки.

— Теперь, — сказалъ Чалленджеръ, съ радостной улыбкой, какъ бы предвкушая полную удачу, — я покажу вамъ подъемную силу моего аэростата.

Съ этими словами онъ пожемъ перерѣзалъ привязи, на которыхъ держался шаръ.

Никогда еще мы, всѣ четверо, не были такъ близки къ гибели. Самодѣльный аэростатъ взвился на воздухъ съ ужасающею быстротой. Чалленджеръ мгновенно очутился въ воздухѣ и повисъ на веревкѣ. Я только только успѣлъ уцѣпиться за него руками, какъ почувствовалъ, что тоже поднимаюсь на воздухъ. Лордъ Джонъ, какъ въ тискахъ, зажалъ руками мои ноги, но я чувствовалъ, что и его тоже тянетъ вверхъ съ земли. На мигъ передъ умственными очами моими мелькнуло видѣніе — четверо авантюристовъ, болтающихся въ воздухѣ, точно сосиски, надъ страной, которую они изслѣдуютъ... Но, къ счастью, какъ ни крѣпка была наша веревка, все же она не выдержала тяжести камня и трехъ здоровыхъ мужчинъ. Раздался трескъ, и мы всѣ трое, барахтаясь другъ на другѣ, очутились на землѣ. Однако же, подъемной силы этой проклятой машины, повидимому, предѣла не было. Поднявшись на ноги, мы увидали далеко въ поднебесѣхъ темное пятнышко — глыбу базальта.

— Великолѣпно! — вскричалъ немало не смущенный Чалленджеръ, потирая ушибленную руку. — Какихъ же вамъ еще доказательствъ надо? Я и не ждалъ такого успѣха. Обѣщаю вамъ, господа, черезъ недѣлю будетъ готовъ второй аэростатъ, и тогда вы можете спокойно и благополучно совершить первую стадію своего обратнаго путешествія.

До сихъ поръ я подробно описывалъ каждое отдѣльное событіе, переживаемое нами. Теперь я намѣренъ сократить свой рассказъ, такъ какъ, у меня не хватаетъ бумаги. Мы, дѣйствительно, спустились благополучно, хотя совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какъ ожидали, и теперь пребываемъ здоровы и невредимы. Черезъ полтора — два мѣсяца мы будемъ въ Лондонѣ и возможно, что даже раньше этого посланія. Мы уже и теперь всѣмъ сердцемъ рвемся домой, въ родной городъ, гдѣ оставили все, что дорого намъ.

Перемѣна въ нашемъ положеніи, которой мы этимъ обязаны, произошла вечеромъ того самого дня, когда Чалленджеръ продѣлалъ свой рискованный опытъ съ самодѣльнымъ аэростатомъ. Я уже говорилъ, что единственный человекъ,

повидимому, сочувствовавшій нашимъ попыткамъ выбраться изъ страны Мэплъ-Уайта, былъ спасенный нами юноша, сынъ стараго вожда. Онъ одинъ не стремился удержать насъ противъ нашей воли въ этой странѣ, и достаточно ясно показывалъ намъ это знаками. Въ тотъ вечеръ, когда смерклось, онъ пришелъ къ намъ, въ нашъ маленькій лагерь, и вручилъ мнѣ (почему-то со мной онъ былъ особенно ласковъ — можетъ быть, потому, что мы съ нимъ почти однихъ лѣтъ) небольшой свитокъ коры, съ важнымъ видомъ указавъ на рядъ пещеръ вверхъ; затѣмъ, приложилъ палецъ къ губамъ, въ знакъ того, что это должно хранить въ секретѣ, и безшумно скрылся, возвратившись обратно къ своимъ.

Я поднесъ къ свѣту этотъ свитокъ коры и сталъ разглядывать его. Онъ былъ почти квадратный, и на внутренней сторонѣ его было нѣчто вроде страннаго рисунка изъ линий, который я здѣсь воспроизвожу.

Линіи эти были аккуратно начерчены углемъ на бѣлой поверхности и на первый взглядъ показались мнѣ чѣмъ-то вроде нотъ.

— Что бы это ни было, клянусь, что для насъ это страшно важно, — сказалъ я. — По лицу его, когда онъ давалъ мнѣ этотъ свитокъ, я видѣлъ, что это важно.

— Если только это не шуточка дикаря, — вставилъ Сомерсли, — что, по моему, вполне возможно, ибо подобныя шутки присущи были и первобытному человѣку.

— Это, очевидно, письмена, — сказалъ Чалленджеръ.

— Совсѣмъ точно ребусъ для конкурса, — замѣтилъ лордъ Джонъ, вытягивая шею, чтобы взглянуть поближе на линіи. И вдругъ поспѣшно потянулъ къ себѣ кусокъ коры.

— Ей-Богу, я, кажется, догадался, воскликнулъ онъ. — Мальчикъ правду говорить. Смотрите! Сколько тутъ палочекъ нарисовано? Восемнадцать. Пещеръ тамъ наверху, вѣдь, тоже восемнадцать.

— Онъ и указывалъ на пещеры, когда давалъ мнѣ этотъ свитокъ.

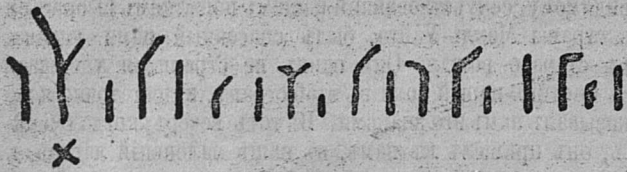
— Ну, вотъ, видите. Значитъ, я вѣрно думаю. Это — карта расположенія пещеръ. Смотрите. Ихъ всѣхъ восемнадцать, всѣ въ рядъ, одна поглубже, другія помельче, нѣкоторыя съ развѣтвленіями — таковы онѣ и есть на самомъ дѣлѣ. Вотъ только крестикъ зачѣмъ? Онъ стоитъ подъ самой глубокой и вилообразной.

— Наверное затѣмъ, чтобы указать, что черезъ эту пещеру идетъ сквозной ходъ, — высказалъ я предположеніе.

— Я думаю, что нашъ юный другъ разгадалъ ребусъ, — сказалъ Чалленджеръ. — Еслибы черезъ эту пещеру не было сквознаго хода, я не понимаю, зачѣмъ этому дикарю, который имѣетъ всѣ основанія желать намъ добра, было обращать на нее наше особое вниманіе. Но, если тамъ есть сквозной ходъ, и онъ имѣетъ соответствующее выходное отро-

... Лордъ Джонъ изо всѣхъ силъ держалъ меня за ноги, но я чувствовалъ, что и онъ поднимается съ земли..

Чертежъ.

етіе на другой сторонѣ, мы очутимся не болѣе, какъ на разстояніи сотни футъ отъ земли.

— Сотня футъ! Легко сказать,—проворчалъ Соммерли.

— Да, вѣдь, у насъ есть веревка длиннѣе сотни футъ—вскричалъ я.—По этой веревкѣ намъ не трудно будетъ спуститься.

— Ну, а какъ же съ индѣйцами? Вѣдь они увидятъ насъ въ пещерѣ.

— Въ тѣхъ пещерахъ, которыя надъ нашими головами, никого нѣтъ; эти пещеры служатъ кладовыми. Почему бы намъ не пойти сейчасъ же на развѣдки.

На плато имѣется сухое, смолистое дерево, родъ араукаріи, по словамъ нашего ботаника—изъ котораго индѣйцы всегда дѣлаютъ факелы. Каждый изъ насъ захватилъ съ собой по пучку сучьевъ этого дерева и по заросшимъ травой ступенькамъ мы поднялись въ пещеру, отмѣченную крестомъ на чертежѣ. Какъ я предсказывалъ, пещера оказалась пустой, если не считать огромнѣйшихъ летучихъ мышей, которыя, хлопая крыльями, носились надъ нашими головами. Чтобъ не привлечь вниманія индѣйцевъ, мы не зажгли огня, пока не отошли достаточно далеко, сдѣлавъ при томъ нѣсколько поворотовъ, и тогда только зажгли свои факелы. Передъ нами былъ чудеснѣйшій сухой туннель, съ сѣрыми гладкими стѣнами, исчерченными туземными рисунками, каменнымъ сводомъ надъ головой и блестящимъ пескомъ подъ ногами. Мы поспѣшно пробѣжали его весь и со стороны горькаго разочарованія принуждены были остановиться уткнувшись въ глухую каменную стѣну, безъ единой щели, въ которую могла бы проскользнуть хоть бы мышка. Никакого выхода здѣсь не было.

Этого мы не ждали и очень всѣ огорчились. Тутъ ужъ не землетрясеніе было причиной загражденія входа. Стѣна, преградившая намъ путь, была такая же гладкая, какъ и боковыя. Здѣсь всегда былъ тупикъ и ничего больше.

— Ничего, друзья мои,—утѣшалъ насъ непоколебимый Чалленджеръ... Я, вѣдь, обѣщалъ вамъ сдѣлать новый воздушный шаръ.

Соммерли чуть не плакалъ.

— Неужели мы попали не въ ту пещеру?—раздумывалъ я.

— Въ ту, голубчикъ,—возражалъ лордъ Джонъ, вода нальцемъ по картѣ. Семнадцатая справа, и вторая слѣва. Пещера—та самая.

Я посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ онъ держалъ палецъ—и вскрикнулъ отъ радости.

— Понялъ! Идите за мной. Идите всѣ за мной!

И я кинулся бѣжать назадъ, съ факеломъ въ рукѣ.—Вотъ. Здѣсь мы въ первый разъ зажгли факелы.—На землѣ валялось нѣсколько спичекъ.

— Да, здѣсь.

— Ну, вотъ и разгадка. Пещера то, вѣдь развѣтвляется, и въ темнотѣ мы прошли мѣсто развѣтвленія, не замѣтивъ его. Пойдемте дальше. Справа долженъ идти другой рукавъ, подлиннѣе.

Я былъ правъ. Не прошли мы и тридцати шаговъ, какъ увидели чернѣющее въ стѣнѣ большое отверстіе. Разумѣется, мы сейчасъ же свернули вправо. Здѣсь туннель былъ еще шире перваго. Мы не шли, почти бѣжали, стораю отъ нетерпѣнія. И вдругъ, среди не рглядной тьмы, передъ нами блеснулъ какъ-будто темно-красный огонь. Мы въ изумленіи остановились. Словоно полоса огня преградила намъ путь.

Мы подошли ближе. Ни звука, ни шага, ни движенія; словно свѣтящаяся завѣса пламени—гла передъ нами, себѣя стѣны пещеры и превращая песокъ на днѣ ея въ искрящіеся алмазы. Только приблизившись, мы замѣтили, что завѣса была сферической формы.

— Братцы! Да это луна!—воскликнулъ лордъ Джонъ.—Мы вышли наружу, голубчики. Ей Богу, мы прошли насквозь!

Дѣйствительно, въ выходное отверстіе пещеры, выходящее на утесы съ другой стороны плато, еіяла полная багровая луна. Отверстіе было небольшое, не больше окна, но съ насъ было достаточно и этого. Просунувъ въ него голову, мы убѣдились, что спускъ въ этомъ мѣстѣ не трудный, и что до подножья недалеко. Не удивительно, что снизу мы не замѣтили этого отверстія, обходя вокругъ плато—утесы надъ нимъ нависли такъ грозно, что никому бы и въ голову не пришло попробовать именно здѣсь восхождение. Убѣдившись, что, съ помощью нашей веревки здѣсь отлично можно спуститься, мы вернулись въ лагерь и стали готовиться къ завтрашнему вечеру.

Надо было все оборудовать живо и такъ, чтобъ индѣйцы не догадались и не удержали насъ силой. Мы рѣшили оставить имъ всѣ пожитки, кромѣ ружей и патроновъ. Только у Чалленджера былъ неудобнѣйшій б гажъ, о которомъ мнѣ не хочется распространяться и который надѣялся намъ кучу хлопотъ. Медленно тянулся этотъ день, но, когда настала вечеръ, у насъ уже все было готово. Съ превеликимъ трудомъ втащили мы свой багажъ вверхъ по ступенькамъ и затѣмъ, въ послѣдній разъ, оглянулись на фантастическую страну, которая, боюсь, скоро станетъ общензвѣстной, добычей охотника и прожестера, но которая для насъ была и останется сказочной страной, гдѣ мы много дерзали, много страдали и многому научились—нашей страной, какъ мы всегда любовно будемъ ее называть. Слева сосѣднія пещеры бросали красноватые отбѣты во мракъ надвигающейся ночи. Съ травянистаго откоса доносились веселые голоса, смѣхъ и пѣсни индѣйцевъ. Вдали тянулись лѣса, а въ самомъ центрѣ плато смутно мерцало во тьмѣ огромное озеро, кишѣвшее фантастическими чудовищами. Звонкій протяжный крикъ, не разберешь: животного, или птицы, донесся изъ темноты. Словоно голосъ земли Мопль Уайта, прощавшейся съ нами. Мы повернулись и нырнули въ устье пещеры, которая должна была вывести насъ обратно.

Два часа спустя, нагруженные своими пожитками, мы были уже у подножья утесовъ. Въ общемъ, еслибы не громоздкій багажъ Чалленджера, спускъ вышелъ бы совсѣмъ легкій. Разгрузившись, мы первымъ дѣломъ отправились всѣ въ лагерь Замбо. Къ разсвѣту мы добрались до него и съ изумленіемъ увидели не одинъ костеръ, а цѣлую дюжину. Это прибылъ отрядъ, посланный намъ на выручку,—двадцать индѣйцевъ съ Амазонки, съ колыями, веревками и всѣмъ необходимымъ для того, чтобъ перекинуть мостъ черезъ пропасть. Теперь намъ, по крайней мѣрѣ, не придется самимъ тащить свой багажъ—у насъ будутъ носильщики. Завтра же мы выступаемъ въ обратный путь, къ берегамъ Амазонки.

Съ сердцемъ, полнымъ смиренія и признательности, я закрываю эту тетрадку. Великія чудеса видѣли наши глаза и души наши очистились перенесенными нами лишеніями. Каждый изъ насъ, по своему, сталъ лучше и глубже. Можетъ быть, въ Парѣ мы остановимся отдохнуть. Тогда письмо это пойдетъ почтой впередъ. Если нѣтъ, оно придетъ въ Лондонъ одновременно съ нами. Какъ бы то ни было, дорогой мой м-ръ Макъ Ардль, скорѣе я надѣюсь лично пожать вамъ руку.

Глава XVI.

Процессія! Процессія!

Мнѣ хочется здѣсь же выразить признательность всѣмъ нашимъ друзьямъ на Амазонкѣ за ихъ гостепріимство и большую доброту къ намъ во время обратнаго нашего путешествія. Особенно признательны мы синьору Пеньялосъ и другимъ чиновникамъ Бразильскаго правительства, сдѣлавшимъ для насъ многое, и синьору Перейрѣ въ Парѣ, который позаботился приготовить всѣмъ намъ костюмы и далъ намъ возможность явиться въ приличномъ видѣ въ цивилизованномъ мірѣ. Обидно, что въ благодарность за всю эту любезность мы должны обманывать нашихъ хозяевъ и благодѣтелей, но, при данныхъ обстоятельствахъ, у насъ, право же, нѣтъ выбора, и потому лучше напрямикъ сказать имъ, что они только даромъ потратятъ время и деньги, если вздумаютъ пойти по нашимъ слѣдамъ. Не только названія мѣстностей, но даже собственные имена намъ пришлось въ своихъ рассказахъ подмѣнить другими, и я убѣжденъ, что, на основаніи нашихъ указаній, никто не сможетъ приблизиться на тысячу миль къ нашей невѣдомой міру странѣ.

Мы полагали, что интересъ къ намъ и сенсация, вызванная нашимъ возвращеніемъ въ Южной Америкѣ, чисто мѣстнаго характера, и, смѣю завырить нашихъ друзей въ Англіи, мы даже не подозревали, что слухи о нашей экспедиціи вызвали столько шума въ Европѣ. Только когда «Ивернія» была уже въ пятистахъ миляхъ отъ Соутгэмптона, и на насъ посыпались депеша за депешей по беспроволочному телеграфу отъ разныхъ редакцій и агенствъ, съ предложеніемъ крупныхъ суммъ за краткій отчетъ по телеграфу о нашей экспедиціи,—тогда только мы поняли, съ какимъ волненіемъ ожидаетъ насъ не только ученый міръ, но и такъ называемая «широкая публика». Однако, мы условились не давать газетамъ никакого матеріала, пока мы не повидаемся съ совѣтомъ Зоологическаго Института, ибо прямой нашъ долгъ, какъ делегатовъ, былъ—представить свой отчетъ тому учрежденію, которое насъ послало съ цѣлью разслѣдованія. И потому, хотя въ Соутгэмптонѣ насъ со всѣхъ сторонъ атаковали представители печати, мы наотрѣзъ отказались дать имъ какія-либо свѣдѣнія; въ результатъ, это только усилило интересъ публики къ публичному засѣданію Зоологическаго Института, назначенному на 7-е ноября, гдѣ намъ предстояло выступить съ отчетомъ. Зала Зоологическаго Института не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ и засѣданіе было перенесено на этотъ вечеръ въ Квинс-холлѣ въ Риджентъ-стритѣ. Теперь ясно, что, еслибъ даже мы взяли тогда Альбертс-холлѣ, и то огромный залъ этотъ оказался бы слишкомъ малымъ.

Это было на второй вечеръ послѣ нашего прибытія въ Лондонъ. Первый, разумеется, каждый изъ насъ посвятилъ своимъ личнымъ дѣламъ. О своихъ я, пока, умолчу. Сейчасъ мнѣ еще трудно говорить и даже думать объ этомъ спокойно. Въ началѣ своего разказа я откровенно показывалъ читателю, какія пружины управляли мною. Пожалуй, было бы только справедливо показать ему и результаты. Но не сейчасъ. Можетъ быть, наступитъ день, когда я буду радоваться, что это вышло такъ, а не иначе. По крайней мѣрѣ, меня заставили принять участіе въ такомъ приключеніи, которое немногимъ доводится пережить, и я могу быть только признателенъ силѣ, толкнувшей меня на этотъ путь.

А теперь возвращаюсь къ заключительному моменту нашихъ странствій. Въ то время, какъ я ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какъ бы получше разказать вамъ это, взглядъ мой упалъ на № моей собственной газеты отъ 8-го ноября съ полнымъ и блестящимъ отчетомъ о вчерашнемъ вечерѣ написаннымъ моимъ пріятелемъ и товарищемъ-репортеромъ Макдона. Не лучше ли просто на-просто вырѣзать этотъ отчетъ, вмѣстѣ съ заголовкомъ, и вставить сюда. Положимъ, наша газета не поскупилась на похвалы участ-

никамъ экспедиціи, въ виду того, что однимъ изъ нихъ былъ ея собственный корреспондентъ, но, вѣдь, и другіе газетные отчеты грѣшатъ тѣмъ же. Итакъ, привожу дословно отчетъ моего пріятеля Мака:

Новый міръ.

Большое публичное засѣданіе въ Квинс-Холлѣ.

Бурныя сцены.

И цидентъ неожиданный и необычайный.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Ночные безпорядки въ Риджентъ-Стритѣ.

(Отъ нашего стѣ.альнаго корреспондента).

«Вызвавшій столько толковъ митингъ Зоологическаго Института, созванный для выслушанія отчета Комиссіи разслѣдованія, отправленной въ минувшемъ году въ Южную Америку съ цѣлью провѣрки утверждений профессора Чалленджера относительно продолжающагося будто-бы существованія доисторической жизни на этомъ материкѣ, состоялся вчера вечеромъ въ большой залѣ Квинс-Холла, и мы вправѣ сказать, что день этотъ будетъ вписанъ красными чернилами въ исторію Науки, ибо засѣданіе носило такой необычайный и сенсационный характеръ, что врядъ ли кто, присутствовавшій на немъ, забудетъ этотъ вечеръ. (Дружисе, Макъ, какъ это ты ухитрился состряпать такую чудовищную по размѣрамъ вступительную фразу!). Билеты, теоретически, раздавались членамъ Института и друзьямъ ихъ, но послѣднее понятіе—растяжимое, и задолго до восьми часовъ—часъ, назначенный для открытія засѣданія, огромная зала была биткомъ набита. Не получившая билетомъ публика совершенно несправедливо обиженная тѣмъ, что ее не пускали въ залу, безъ четверти восемь, взяла приступомъ двери и ворвалась въ залу, послѣ продолжительной свалки, въ которой пострадало много народу, въ томъ числѣ инспекторъ Скобблѣ, имѣвшій несчастье сломать себѣ ногу. Послѣ этого нежданнаго и ничѣмъ не оправдываемаго вторженія, въ результатъ котораго не только всѣ проходы, но даже и мѣста, отведенныя для представителей печати, были запружены народомъ, въ залѣ, по примѣрному подсчету, оказалось около пяти тысячъ человѣкъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ появленія путешественниковъ. Эти послѣдніе появились, наконецъ, и заняли мѣста въ первомъ ряду на эстрада, гдѣ уже находились всѣ свѣтила науки, не только отечественной, но и французской, и нѣмецкой. Швеція также прислала своего представителя, въ лицѣ профессора Сердживуса, знаменитаго зоолога изъ Упсальскаго университета. Появленіе четырехъ героев для послужило сигналомъ къ рѣдкой по единодушію привѣтственной демонстраціи: вся зала, какъ одинъ человѣкъ, поднялась, и рукоплесканія не смолкали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Внимательный наблюдатель, однако, могъ бы различить въ этихъ аплодисментахъ диссонирующія нотки и сдѣлать изъ этого выводъ, что засѣданіе общается быть болѣе оживленнымъ, чѣмъ гладкимъ и мирнымъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что никто не могъ предвидѣть того необычайнаго оборота, который оно, въ концѣ концовъ, приняло.

«О внѣшности четырехъ путешественниковъ распространяться незначѣмъ; такъ какъ во всѣхъ газетахъ за эти дни помѣщались ихъ портреты. Труды и лишения, по слухамъ, перенесенныя ими, мало на нихъ отразились. Быть можетъ, борода профессора Чалленджера стала нѣсколько болѣе косматой и взъерошенной, лицо профессора Sommerli приняло еще болѣе аскетическій характеръ, а фигура лорда Джона Рокстона стала еще болѣе худощавой, и у всѣхъ троихъ цвѣтъ лица много смуглѣе теперь, чѣмъ когда они покидали берега родины, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они, по видимому, чувствуютъ себя отлично, и вполне здоровы. Что касается нашего собственнаго представителя, известнаго

атлета и футболиста, победителя на международном состязании в Регби, Э. Д. Малона, он смотрит настоящим богатырем, и когда он окинул взором переполненную залу, добродушная и довольная улыбка скользнула по его грубоватому, но честному лицу. (Ну ладно же, Мак! — поладишь ты мне — уже я задам тебе!)

«Когда тишина послѣ овации возстановилась и все утихло на свои мѣста, председатель, герцог Дургемскій, обратился къ присутствующимъ съ вступительной рѣчью, говоря, что онъ постарается, какъ можно меньше задерживать аудиторію и отдавать предстоящее ей удовольствіе. Онъ не хочетъ предвосхищать того, что скажетъ ей профессоръ Sommerli, имѣющій выступить съ докладомъ отъ имени Комиссіи, но слухомъ полнится земля, и всѣмъ уже извѣстно, что экспедиція ихъ увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. (Рукоплесканія). Повидимому, романтическій вѣкъ не умеръ, и существуетъ общая почва, на которой могутъ столкнуться самыя фантастическія грезы романиста съ подлинными научными наблюденіями искателя истины. Прежде чѣмъ сѣсть на свое мѣсто, онъ хочетъ только выразить свою радость — которую, навѣрное, и всѣ раздѣлять съ нимъ — по поводу благополучнаго возвращенія этихъ джентльменовъ здоровыми и невредимыми изъ своей трудной и опасной экспедиціи, ибо нельзя отрицать, что гибель подобной экспедиціи нанесла бы почти неизгладимый ущербъ зоологической наукѣ». (Шумные аплодисменты, въ которыхъ, какъ было замѣчено, принялъ участіе и профессоръ Чалленджеръ).

«Какъ только профессоръ Sommerli поднялся съ мѣста, послѣдовалъ новый взрывъ энтузіазма, и докладъ его неоднократно прерывали шумныя рукоплесканія. Мы не станемъ дословно приводить его рѣчи, такъ какъ подробный отчетъ объ экспедиціи нашего собственнаго спеціального корреспондента будетъ печататься полностью въ приложеніи къ нашей газетѣ. Удовольствуемся общими указаніями. Разказавъ, какимъ образомъ зародилась идея этой экспедиціи и произнесъ маленькій панегирикъ профессору Чалленджеру, вмѣстѣ съ извиненіемъ, что вначалѣ его утвержденія, нынѣ вполне доказанныя, приняты были съ недоумѣніемъ, онъ описалъ ихъ путешествіе, старательно воздерживаясь отъ точныхъ данныхъ мѣста и пространства, которыя позволили бы публикѣ опредѣлить мѣстонахожденіе необычайнаго плато. Зала, затаивъ дыханіе, слушала его разказъ о трудностяхъ, которыя претерпѣвала экспедиція при попыткахъ восхожденія на плато, и о конечномъ успѣхѣ этихъ отчаянныхъ попытокъ, стоившихъ жизни двумъ преданнымъ слугамъ, метисамъ (Это ужъ Sommerli счелъ нужнымъ изобразить дѣло въ такомъ видѣ, чтобъ не подымать на собраніи никакихъ нежелательныхъ вопросовъ).

«Добравшись вмѣстѣ со своими слушателями до вершины плато и напугавъ ихъ разказомъ о провалѣ моста, по которому они перебрались, профессоръ началъ разказывать объ ужасахъ и неожиданностяхъ этой замѣчательной страны. О личныхъ переживаніяхъ онъ говорилъ мало, но выдвигалъ на первый планъ обильную жатву, собранную Наукой, въ видѣ наблюденій надъ невиданными птицами, насѣкомыми, животной и растительной жизнью на плато. Онъ собралъ обильнѣйшія коллекціи колеоптеръ и лепидоптеръ — 46 и 94 новыхъ видовъ — и это за какія-нибудь нѣсколько недѣль. Но публика, разумѣется, больше интересовалась крупными животными, и въ особенности, такъ называемыми вымершими. И этихъ онъ назвалъ достаточно и по всей вѣроятности, могъ бы перечислить ихъ еще больше, еслибъ возможно было шире изслѣдовать эту страну. По крайней мѣрѣ, двѣнадцать разныхъ породъ животныхъ, видѣнныхъ имъ и его спутниками, главнымъ образомъ на разстояніи, не имѣютъ ничего общаго съ животными, нынѣ извѣстными Наукѣ. Напримѣръ, змѣя, сброшенная кожа которой, 51 фута длины, была темно-пурпурнаго цвѣта

или бѣлое существо, повидимому, изъ породы млекопитающихъ, свѣтящееся въ темнотѣ фосфорическимъ свѣтомъ; а также большая черная бабочка, укусъ которой, по увѣреніямъ индѣйцевъ, ядовитъ и смертеленъ. Помимо этихъ совершенно новыхъ формъ жизни, плато изобилуетъ и извѣстными доисторическими формами, доходящими по древности до ранняго Юрскаго періода. Изъ нихъ докладчикъ назвалъ гигантскаго и неуклюжаго стегозавра, однажды видѣннаго м-ромъ Маленомъ на водопадѣ у озера, и зарисованнаго отважнымъ американцемъ, впервые проникшимъ въ эту невѣдомую страну. Описалъ онъ подробно игуанодона и птеродактиля — первыя два дива, видѣнные участниками экспедиціи. Съ трепетомъ выслушала аудиторія его разказъ о странныхъ кровожадныхъ динозаврахъ, неоднократно гонявшихся за смѣлыми путниками, огромнѣйшихъ и самыхъ грозныхъ изъ всѣхъ видѣнныхъ ими доисторическихъ животныхъ. Затѣмъ, перешелъ къ гигантской и свирѣпой птицѣ *форораккусу* и окончательно восхитилъ слушателей описаніемъ тайнъ и чудесъ центральнаго озера. Нужно было утихнуть себѣ, чтобъ убѣдиться, что это не во снѣ, а на-яву, солидный профессоръ, представитель трезвой научной мысли, спокойнымъ и сдержаннымъ тономъ описываетъ трехглазыхъ рыбъ-ящерицъ и огромнѣйшихъ водяныхъ змѣй, обитающихъ въ водахъ этого волшебнаго озера. Далѣе, онъ перешелъ къ индѣйцамъ и необычному поселку, человѣкоподобныхъ обезьянъ, которыхъ надо разсматривать, какъ усовершенствованную разновидность яванскаго питекантропа, болѣе всякой другой извѣстной формы приближающуюся къ гипотетическому существу — такъ называемому «недостающему звену». Слушатели весело смѣялись, когда лекторъ разказывалъ объ остроумномъ, но въ высшей степени опасномъ воздухоплавательномъ аппаратѣ, изобрѣтенномъ профессоромъ Чалленджеромъ, и вздохнули свободнѣе, когда узнали, какимъ образомъ, наконецъ, важные изслѣдователи нашли путь назадъ, къ цивилизации.

«Мы надѣялись, что на этомъ и покончите докладъ, и затѣмъ, — какъ было намѣчено, по предложенію профессора Серджиуса, изъ Упсальскаго университета, собраніе выразить благодарность докладчику-лектору и его товарищамъ; но скоро выяснилось, что засѣданію не суждено было протечь такъ гладко. Уже и раньше обнаруживались нѣкоторые симптомы недовольства, и, когда докладчикъ сѣлъ на мѣсто, поднялся д-ръ Иллингвортъ, Единбургскаго университета, въ центрѣ залы, спрашивая, нельзя ли внести поправку, прежде чѣмъ будетъ вотирирована резолюція.

«Председатель: — Да, сэръ, если вы имѣете предложить поправку, она должна быть внесена раньше резолюціи.

«Д-ръ Иллингвортъ: — Ваша Свѣтлость, я имѣю внести поправку.

«Председатель: — Такъ вносите, только поскорѣе.

«Профессоръ Sommerli (вскакивая на ноги): — Позвольте вамъ замѣтить, ваша свѣтлость, что человѣкъ этотъ — мой личный врагъ со времени нашей полемики въ «Научномъ Обзорѣннѣ» относительно истинной природы...

«Председатель: — Боюсь, что я не въ правѣ принимать къ свѣдѣнію детали личнаго характера. Продолжайте.

«Д-ра Иллингворта было плохо слышно за шумомъ и шиканьемъ сочувствующихъ и друзей изслѣдователей плато. Были даже попытки стащить его съ эстрады. Но такъ какъ это человѣкъ огромный физической силы и голоса у него, какъ труба, въ концѣ концовъ, ему удалось покрыть своимъ голосомъ шумъ въ залѣ и договорить до конца. Какъ только онъ поднялся съ мѣста, стало очевиднымъ, что въ залѣ у него достаточно сочувственниковъ и друзей, хотя они и составляютъ меньшинство аудиторіи. Наибольшая часть публики хранила, можно сказать, внимательный нейтралитетъ.

«Д-ръ Иллингвортъ началъ съ заявленія, что онъ высоко цѣнитъ научную дѣятельность какъ профессора Чал-

ленджера, так и профессора Sommerli, и весьма сожалеть, что въ его поправкѣ усмотрѣли личныя мотивы, тогда какъ имъ руководить исключительно желаніе установить научную истину. Сегодня, онъ стоитъ на той самой позиціи, на какой стоялъ прошлый разъ профессоръ Sommerli. Тогда профессоръ Чалленджеръ приводилъ факты неправдоподобные, оспариваемые его коллегами; теперь профессоръ Sommerli, тогда опровергавшій его, приводитъ тѣ же факты—и, повидимому, не ждетъ ни вопросовъ, ни возраженій. Вправдѣ ли онъ такъ разсуждать? («Да!» «Нѣтъ!» и шумъ въ залѣ, среди котораго слышенъ голосъ профессора Чалленджера, спрашивающій у предсѣдателя разрѣшенія вышвырнуть оратора на улицу). Годъ тому назадъ одинъ человѣкъ утверждалъ необычайное. Теперь четверо утверждаютъ еще болѣе необычайное и невѣроятное, грозящее перевернуть всѣ наши установленныя научныя положенія. Но можно ли считать ихъ утвержденія безспорнымъ доказательствомъ? Мало ли что разсказываютъ путешественники! Развѣ Зоологическій Институтъ можетъ принимать что-либо на вѣру? Онъ согласенъ, что утверждающіе—люди солидные, съ установленной научной репутаціей. Но человѣческая природа сложна и многогранна. И даже профессоръ можетъ ввести въ соблазнъ жажда извѣстности. Какъ мотыльки, всѣ мы летимъ на свѣтъ. Охотники на крупную дичь любятъ разсказывать небывлицы о своихъ охотничьихъ подвигахъ; журналисты, какъ всѣмъ извѣстно, не прочь приправить факты сенсационнымъ вымысломъ. У каждаго изъ членовъ Провѣрочной Комиссіи были свои мотивы преувеличить добытые результаты. (Крики: «Стыдно! Стыдно!» Онъ не имѣетъ желанія кого-либо обидѣть. «Однако-жъ, обижаете!» Шумъ). Всѣ эти сказки, которыя они разсказываютъ, чрезвычайно интересны, но всѣ онѣ шиты бѣлыми нитками. Гдѣ же доказательства? Нѣсколько фотографическихъ снимковъ? Но развѣ въ нашъ вѣкъ искуснѣйшихъ поддѣлокъ фотографіямъ можно вѣрить? А кромѣ этого, что же? Мы слышали разсказъ о спускѣ на веревкахъ, не позволившемъ захватить съ собою крупныя экземпляры мѣстной фауны. Это очень остроумно, но неубѣдительно. Повидимому у лорда Джона Рокстона имѣется черепъ форораккуса. Очень желательно было бы взглянуть на этотъ черепъ.

«Лордъ Джонъ Рокстонъ:—Что же я, по вашему, совралъ что-ли? (Шумъ).

«Предсѣдатель:—Къ порядку! Къ порядку! Д-ръ Иллингвортъ, я попросилъ бы васъ поторопиться съ выводомъ и формулировать вашу поправку.

«Д-ръ Иллингвортъ:—Ваша Свѣтлость, я еще не все сказалъ, но—повинуюсь. Итакъ, предлагаю благодарить профессора Sommerli за интересный докладъ, но все изложенное имъ считать недоказаннымъ и назначить для провѣрки новую комиссію, болѣе многочисленную по составу и возможно болѣе надежную.

«Трудно описать, какое смѣненіе въ залѣ вызвала эта поправка. Значительная часть публики выразила свое негодованіе по поводу обиды, нанесенной путешественникамъ громкимъ шиканьемъ и криками: «Снять поправку». «Не ставитъ на голосованіе». «Вывести его изъ залы». Недовольные—нельзя отрицать, что ихъ также было много—съ своей стороны, требовали, чтобы поправка была поставлена на голосованіе, крича: «Къ порядку!». «Игру надо вести честно». «Вывести ихъ на свѣжую воду!» На заднихъ скамьяхъ, занятыхъ студентами-медиками, дѣло дошло до драки. Только умиротворяющее вліяніе присутствія многихъ дамъ не позволило страстямъ разгорѣться до общей свалки. Неожиданно по залѣ пронеслось зычное: «Тестъ!» и затѣмъ, водворилась тишина. Поднялся профессоръ Чалленджеръ. Его внушительная внѣшность и манеры всегда оказываютъ свое дѣйствіе, и, когда онъ поднималъ руку въ знакъ того, что хочетъ говорить, всѣ ниспѣшили усесться, чтобы выслушать его.

— «Многіе изъ присутствующихъ,—началъ Чалленджеръ,—помнятъ, разумѣется, что подобныя же нелѣпыя и неприличныя сцены разыгрывались и на прошломъ публичномъ засѣданіи, на которомъ докладчикомъ выступалъ я. Тогда во главѣ обидчиковъ стоялъ профессоръ Sommerli и, хотя онъ теперь наказанъ и покаялся, все же забыть этого совсѣмъ нельзя. Сегодня предшествующій ораторъ позволилъ себѣ аналогичныя и еще болѣе оскорбительныя выраженія недовѣрія и, хотя мнѣ стоитъ большихъ усилій и сознательнаго самопожертвованія спуститься до умственного уровня этого господина, я все же попытаюсь сдѣлать это, для того, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія, буде они еще остались у кого-либо изъ слушавшихъ докладъ. (Смѣхъ и шумъ). Мнѣ нѣтъ надобности напоминать почтенному собранію, что, хотя докладчикомъ отъ имени Комиссіи здѣсь и выступилъ профессоръ Sommerli, настоящий инициаторъ всего этого дѣла—я, и, если экспедиція наша прошла успѣшно, заслуга этого должна быть приписана мнѣ. Я доставилъ здоровыми и невредимыми этихъ трехъ дже тленовъ въ условленное мѣсто, и я же убѣдилъ ихъ въ точности первоначальнаго моего изложенія фактовъ. Мы надѣялись, что, по возвращеніи нашемъ, ужъ не найдется въ Англіи такихъ тупицъ, которыя бы стали оспаривать совмѣстныя наши утвержденія. Однако-жъ, наученный горькимъ опытомъ, я все же позаботился на этотъ разъ захватить съ собою такія доказательства, которыя могутъ убѣдить всякаго здравомыслящаго человѣка. Какъ уже объяснялъ профессоръ Sommerli, во время нападенія челоѣкоподобныхъ обезьянъ на нашъ лагерь наши фотографическія аппараты были повреждены, и многіе изъ нашихъ негативовъ погибли. (Смѣхъ и крики: «Разскажите это кому другому—не намъ!») Я только что упомянулъ о челоѣкоподобныхъ обезьянахъ и не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ, что нѣкоторые звуки, доносящіеся до меня, живо напоминаютъ мнѣ мое знакомство съ этими интересными созданіями. (Смѣхъ). Несмотря на уничтоженіе многихъ цѣнныхъ негативовъ, въ нашей совмѣстной коллекціи все же остается еще достаточное количество фотографій, изображающихъ условія жизни на плато. Что же мы—поддѣлывали, что-ли, эти фотографіи? (Голосъ: «Да» и страшный шумъ, закончившійся тѣмъ, что нѣсколькихъ челоѣкъ удалили изъ залы). Негативы были показаны экспертамъ—и сейчасъ могутъ быть осмотрѣны каждымъ желающимъ. Какія же другія доказательства мы можемъ вамъ дать? При условіяхъ нашего бѣгства, разумѣется, невозможно было захватить съ собой много багажу, но мы все же захватили коллекцію бабочекъ и жуковъ, собранную профессоромъ Sommerli и заключавшую въ себѣ много новыхъ породъ. Или и это не убѣдительно? (Нѣсколько голосовъ заравъ: «нѣтъ». Кто сказалъ: «нѣтъ»?)

«Д-ръ Иллингвортъ (поднимаясь съ мѣста):—Такая коллекція могла быть собрана въ разныхъ мѣстахъ, а не непременно на доисторическомъ плато.

«Профессоръ Чалленджеръ:—Безъ сомнѣнія, сэръ, намъ слѣдуетъ преклониться передъ вашимъ научнымъ авторитетомъ, хотя, долженъ сознаться, что имя ваше мнѣ совершенно незнакомо. Итакъ, оставляя въ сторонѣ фотографическія снимки и коллекцію насѣкомыхъ, перехожу къ разнообразнѣйшимъ и самымъ точнымъ свѣдѣніямъ по вопросамъ, которые донинѣ не были разъяснены. Напримѣръ,—о нравахъ и обычаяхъ птеродактилей. (Голосъ: «Враки!» и шумъ). Повторяю: о нравахъ и обычаяхъ птеродактилей. На этотъ вопросъ мы можемъ пролить потоки свѣта. Въ моемъ портфельѣ лежитъ снятый съ натуры портретъ одного птеродактиля, который, безъ сомнѣнія, убѣдитъ васъ...

«Д-ръ Иллингвортъ:—Никакіе снимки никого не убѣдятъ.

«Профессоръ Чалленджеръ:—Вы предпочли бы увидать оригиналъ?

— «Д-ръ Иллигвортъ:—Конечно.

«Профессоръ Чалленджеръ:—И удовлетворились бы этимъ?»

— «Д-ръ Иллигвортъ (смѣясь):—Безъ сомнѣнія.

«Это и былъ сенсационнѣйшій моментъ засѣданія—такой сенсаций еще не бывало въ лѣтописяхъ научныхъ собраний. Профессоръ Чалленджеръ поднялъ руку, и, по знаку его, нашъ сотрудникъ, м-ръ Мэлсонъ, всталъ и отошелъ въ глубь платформы. И мигъ спустя вернулся, въ сопровожденіи громаднаго негра, помогавшаго ему снести большой четырехугольный упаковочный ящикъ, видимо, очень тяжелый. Ящикъ этотъ поставили передъ стуломъ профессора. Въ аудиторіи наступила мертвая тишина. Всѣ, затаявъ дыханіе, ждали, что будетъ дальше. Профессоръ Чалленджеръ отвинтилъ крышку ящика, опрокинулъ его на бокъ, заглянулъ туда нѣсколько разъ, щелкнулъ пальцами и ласково позвалъ: «Поди сюда, миленькій!» Со скамей, гдѣ сидѣли представители печати, отчетливо слышны были эти слова. Тотчасъ же, изъ ящика, царапая когтями и какъ будто треща гремушками, вышло уродливое, отвратительное существо и усѣлось, какъ на насѣсти, на боковой стѣнкѣ ящика. Даже неожиданное паденіе печально оскупишагося предсѣдателя съ эстрады въ оркестръ не могло въ этотъ моментъ отвлечь вниманія залы, не отрывавшей глазъ отъ этого страннаго существа. Физиономія у него была самая гнусная, какую только могло создать воображеніе помѣшавшагося средневѣковаго скульптора: злая, уродливая, съ двумя маленькими красными глазками, горящими, какъ раскаленные уголья. Во рту, большомъ, длинномъ, полуоткрытомъ, видѣлись, два ряда острыхъ зубовъ. На сторбленныхъ плечи его какъ-будто наброшена была выпѣтшная сѣрая шаль. Такимъ мы, въ дѣтствѣ, представляли себѣ дьявола. Въ залѣ поднялся переполохъ—нѣкоторые визжали отъ страха; двѣ дамы въ первыхъ рядахъ упали въ обморокъ; на эстрадѣ многіе обнаруживали явное желаніе послѣдовать за своимъ предсѣдателемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ можно было опасаться общей паники. Профессоръ Чалленджеръ поднялъ вверхъ обѣ руки съ цѣлью успокоить волненіе, но это движеніе спугнуло урода, сидѣвшаго возлѣ него. Сѣрая шаль, покрывавшая его плечи, неожиданно раздвинулась въ пару крыльевъ, сдѣланныхъ какъ-будто изъ кожи. Хозяинъ чудовища схватилъ его за ноги—но, увы!—слишкомъ поздно. Оно уже взвилось кверху и медленно описывало круги надъ залой, взмахивая крыльями съ сухимъ звукомъ кожи, которая трется о кожу, наводняя всю залу несносной, отвратительной вонью. Крики публики на хорахъ, перепугавшейся этихъ огненныхъ глазъ и близости убійственнаго клюва, окончательно взбѣсили чудовище. Все быстрое и быстрое носилось оно по залѣ, въ испугѣ и ярости ударяясь о стѣны и канделябры. —«Окно! Ради Бога, затворите окно!» ревелъ съ эстрады профессоръ Чалленджеръ, пляша на мѣстѣ и ломая руки отъ тревожнаго предчувтія. Увы, его предостереженіе опоздало. Въ то же мгновеніе чудовище, стукаясь о стѣны, словно большая бабочка подъ стекляннымъ колпакомъ, наткнулась на отверстіе, продвинуло въ него свое огромное туловище—и было таково. Профессоръ Чалленджеръ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками; а зала вся вздохнула съ облегченіемъ, убѣдившись, что опасность миновала.

«И тутъ—но гдѣ мнѣ взять слова, чтобъ описать, что тутъ произошло,—когда ликованіе и торжество большинства и реакція, наступившая у меньшинства, слились въ единый колоссальный порывъ энтузіазма, который, перекатываясь волною отъ заднихъ рядовъ, залилъ оркестръ, затопилъ эстраду и вынесъ на хребтѣ своемъ всѣхъ четырехъ героев? (Недурно, Макъ! Ей Богу, недурно!) Если аудиторія и была несправедлива къ докладчикамъ, въ этотъ моментъ она все загладила. Всѣхъ четырехъ окружили. «Качать ихъ! Качать!»—слышались крики. И мгновенно всѣ

четыре встали наъ толпѣ. Нагаво они боролись, сугаясь вырваться. Ихъ подбрасывали слова и смехъ. Да и тѣ удно было сы спустить ихъ на земѣ, тѣкъ густа была толпа вокругъ нихъ. «На Ридженъ-стритъ! На Ридженъ-стритъ!»—ревѣла толпа. Въ залѣ началось движеніе и медлительный и живой потокъ, несся га гремѣніи четырехъ перосовъ момента, гытскъ изъ залы. На улицѣ разгласилъ геобѣаинъ я стена. Тамъ ждала уже, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ я толпа. Громовые привѣтственные клики встрѣтили триумфаторовъ, колыхавшихся высоко въ вѣздухѣ, подъ яркимъ свѣтомъ электрическихъ фонарей у подѣзда. «Прессію! Прессію!»—поднялся гикъ И, густою флангой, зарывшей всю улицу, отъ края до края, толпа направилась по Ридженъ-стритъ, Поппл-Молль, Сентъ-Джонъ-стритъ и Инквэдилли. Все движеніе на этихъ улицахъ (самыхъ людныхъ въ нашей столицѣ), было приостановлено и немало было столкновений между демонстраторами съ одной стороны, полиціей и шофферами съ другой. Лишь далеко за полночь, четверо чествуемыхъ были отпущены у подѣзда квартиры лорда Джона Рокстона въ Альбани. Толпа хоромъ пропѣла общеизвѣстную народную пѣсню: «Наши ребята—славные парни» и заключила національнымъ гимномъ. Такъ закончился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ вечеровъ, когда либо пережитыхъ Лондономъ.

Вотъ какъ описываетъ этотъ достопамятный вечеръ мой товарищъ Макдона, и отчетъ его вполне точенъ и правдивъ, хотя и изукрашенъ разными флоритурами. Что касается главнаго инцидента, онъ, разумѣется, былъ сюрпризомъ только для публики, а не для насъ. Читатель помнитъ, какъ я повстрѣчался въ лѣсу съ лордомъ Джономъ, который, напяливъ на себя плетеную клѣтку въ формѣ кринолина, силится пѣснать «чортова птенца» для профессора Чалленджера. Намекалъ я и на неудобства, которыя намъ доставлялъ при спускѣ громоздкій багажъ этого самаго профессора. Еслибъ я подробно описывалъ наше путешествіе, я упомянулъ бы, конечно, и о тѣхъ непріятностяхъ, которыя намъ доставляла въ пути прожорливость этого гнуснаго созданія, питавшагося исключительно гнилою рыбой. Если я равнѣ не распространялся объ этомъ, то именно потому, что наши ученые втихомолку готовили сюрпризъ для порамленія своихъ враговъ, предвидя, что таковые явятся на засѣданіе.

Одно слово о судьбѣ нашего птеродактиля. Ничего опредѣленнаго на этотъ счетъ, пока, неизвѣстно. Двѣ перепуганныхъ женщины рассказывали, что онъ угнѣзвился на крышѣ Квинсъ-холла и просидѣлъ тамъ, какъ статуя дьявола, нѣсколько часовъ. На другой день, въ вечернихъ газетахъ, проскользнуло извѣстіе, что рядовой Майльсъ, Кольдстримскаго гвардейскаго полка, стоявшій на часахъ у Марльборо-хоуза, безъ разрѣшенія начальства отлучился съ своего поста и за это преданъ военному суду. Рядовой Майльсъ утверждаетъ, будто онъ, взглянувъ на небо, неожиданно увидалъ самого дьявола, заслонившаго отъ него мѣсяцъ, и до того перепугался, что съ перепугу бросилъ ружье и принялся удирать во всѣ лопатки. Показаніе рядового Майльсы не было принято во вниманіе судомъ, а, между тѣмъ, онъ несомнѣнно, могъ одурѣть отъ испуга при видѣ нашего птеродактиля. Далѣе, лопманъ нѣмецко-американскаго военнаго суда «Фрисландъ» утверждаетъ, будто въ девять часовъ утра, на слѣдующій день, экипажъ этого судна видѣлъ не то летучаго козла, не то чудовищной величины летучую мышь, съ неимоверной быстротой летѣвшую по направлению къ юго-западу. Если врожденный инстинктъ направилъ сѣднаго на вѣрный путь, несомнѣнно, послѣдній въ Европѣ птеродактиль нашелъ свой конецъ гдѣ-нибудь въ волнахъ Атлантическаго Океана.

А Глэдисъ?—О, моя Глэдисъ,—царица волшебнаго озера, названнаго ея именемъ—теперь его снова переименуютъ въ Центральное, ибо я не хочу, чтобъ она по моей

милости достигла безсмертія. Развѣ я не говорилъ, что я и раньше подмѣчалъ въ ея характерѣ какую-то непріятную жестокость? Развѣ, даже въ то время, когда я съ гордостью спѣшилъ выполнить ея приказъ, я не чувствовалъ, что плоха та любовь, которая шлетъ любимаго на смертельную опасность? Въ глубинѣ моей души всегда таилась мысль, под-сказанная безошибочнымъ чутьемъ сердца—хоть я и гналъ отъ себя эту мысль—что, несмотря на красоту ея лица, на днѣ ея души таится бездна эгоизма, суетности и тщеславія. Вѣдь, и геройство она любила не ради него самого, не ради его благородной цѣли, а потому только, что это сулило и ее осѣнить ореоломъ славы, которая ей лично ничего не стоила и для которой она ничѣмъ не жертвовала. Или, можетъ быть, эти умныя мысли пришли мнѣ только теперь?.. Какъ бы то ни было, *это* было для меня тяжкимъ ударомъ. Я на время даже циникомъ сталъ. Но съ тѣхъ поръ прошла уже недѣля; за это время я видѣлся съ лордомъ Рокстономъ и—пожалуй, могло быть и хуже.

Доскажу въ нѣсколькихъ словахъ. Ни письма, ни телеграммы на мое имя въ Соутгэмптонѣ я не нашелъ и вечеромъ, изнывая отъ волненія и тревоги, очутился у подъѣзда знакомой маленькой виллы въ Стреттгэмѣ. Отчего Глэдисъ молчитъ? Жива ли она? Куда дѣвались всѣ мои гордыя мечты о раскрытыхъ объятіяхъ, нѣжной улыбкѣ и горячей хвалѣ человѣку, ради нея рисковавшему жизнью. Я уже слѣлъ съ облаковъ на землю, но достаточно было пустяка, чтобы снова вознести меня на седьмое небо. Можетъ быть—у нея были уважительныя причины молчать?.. Я бѣгомъ перебрѣжалъ черезъ садъ, забарабанилъ въ дверь, услышалъ, голосъ Глэдисъ за дверью, оттолкнулъ изумленную служанку и ворвался въ гостиную. Она сидѣла у пьянино, въ низенькомъ креслѣ, озаренная мягкимъ свѣтомъ лампы подъ вѣденнымъ абажуромъ. Моментально я очутился возлѣ нея и схватилъ обѣ ея руки, восклицая:

— Глэдисъ! Глэдисъ!

Она съ изумленіемъ смотрѣла на меня снизу вверхъ. Въ ней произошла какая-то перемѣна, едва уловимая, но ощутительная. Не то выраженіе глазъ и рта, какая-то жестокость во взорѣ... Она вырвала у меня свои руки.

— Глэдисъ! Что съ вами? Развѣ вы не моя маленькая Глэдисъ—Глэдисъ Хенджертоу?

— Нѣтъ. Я—Глэдисъ Поттсъ. Позвольте представить вамъ моего мужа.

Какъ нелѣпо устроена жизнь! Я машинально раскланялся и пожалъ руку маленькому, сѣдѣющему господину, совсѣмъ утонувшему въ огромномъ креслѣ, на которомъ прежде обыкновенно сидѣлъ я. Мы стояли другъ передъ другомъ, переминяясь съ ноги на ногу, и силясь улыбаться.

— Папа проситъ насъ жить здѣсь, у него, пока не будетъ готова наша собственная квартира,—пояснила Глэдисъ.

— Ахъ, вотъ что!

— Вы, значить, не получили моего письма, въ Парѣ?

— Я никакого письма не получалъ.

— Ахъ, какъ жаль! Оно все разъяснило бы.

— Мнѣ и такъ все ясно.

— Я рассказывала про васъ Уильяму. У насъ нѣтъ тайнъ другъ отъ друга. Мнѣ такъ жаль!.. Но, вѣдь, и ваша любовь не могла быть особенно глубока, если вы способны были уѣхать на другой конецъ свѣта и оставить меня здѣсь одну. Вы не очень злитесь—нѣтъ?

— Нѣтъ, ничуть. Я думаю, мнѣ лучше уйти.

— Не выпьете ли вы чего-нибудь?—предложилъ хозяинъ. И добавилъ конфиденціально:—Это всегда такъ бываетъ, не правда ли? И должно быть—иначе у насъ была бы полигамія—наизнанку, вы понимаете.—Онъ идиотски расхохотался, а я направился къ двери.

Но неожиданно для самого себя вернулся и подошелъ

прямо къ моему счастливому сопернику, тревожно поглядывавшему на кнопку электрическаго звонка.

— Не отвѣтите ли вы мнѣ на одинъ вопросъ?

— Отчего же, если вопросъ разумный.

— Какъ вы этого добились? Чѣмъ взяли ее? Нашли кладъ или открыли полюсъ, или были пиратомъ, или переплыли черезъ Ламаншъ? Какой романическій подвигъ вы совершили, чтобы покорить ея сердце?

Онъ уставился на меня съ безнадежно идиотскимъ выраженіемъ, въ общемъ добродушнаго, но глупаго лица.

— Не находите ли вы, что это уже значить вторгаться въ область личной жизни?

— Хорошо. Тогда, еще одинъ вопросъ. Скажите мнѣ: что вы такое? Какая ваша профессія?

— Я—клеркъ у нотариуса.—Джонсонъ Мертивальсъ, 41, Чансери-Лэнъ.

— Доброй ночи!—бросилъ я имъ и выбѣжалъ, какъ подобаетъ безутѣшному, съ разбитымъ сердцемъ герою, на улицу, въ мракъ и холодъ, переполненный горемъ и злобой и въ то же время готовый хохотать надъ своей глупостью.

Еще одна маленькая картинка, и я кончаю. Вчера вечеромъ мы всѣ ужинали у лорда Джона и послѣ ужина, за трубочкой, съ удовольствіемъ припоминали разныя детали нашихъ общихъ приключеній. Странно было видѣть знакомыя лица совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Вотъ Чалленджеръ, съ его снисходительной улыбкой, опущенными вѣками, соколинымъ взглядомъ, выпяченной впередъ грудью и задорно торчащей бородой—совсѣмъ такой, какимъ онъ въ лагерѣ нашемъ перебранивался съ Sommerli. И Sommerli все тотъ же, со своимъ тощимъ лицомъ, козлиной бородкой и неизмѣнной коротенькой трубкой въ зубахъ. Вотъ, наконецъ, нашъ хозяинъ съ его обвѣтреннымъ, орлинымъ лицомъ и холодными голубыми глазами, въ которыхъ, подъ наружнымъ ледянымъ спокойствіемъ всегда искрится лукавство, юморъ и готовность вспыхнуть, какъ порохъ. Такими и останутся ихъ образы въ моей памяти.

Это было послѣ ужина—въ святилищѣ лорда Джона—комнатѣ, озаренной свѣтомъ многихъ лампъ, подъ красными абажурами и увѣшанной несчетными охотничьими трофеями. Лордъ Джонъ вынулъ изъ шкафа старый ящикъ изъ-подъ сигаръ и поставилъ его передъ нами на столъ.

— Видите ли, господа: есть одна вещь, которую, можетъ быть, мнѣ и слѣдовало сказать вамъ раньше, но мнѣ не хотѣлось говорить, пока я самъ не зналъ навѣрное. Что пользы будить надежды только для того, чтобы онъ снова увяли? Но, теперь, это уже не надежды, а факты. Помните вы, господа, тотъ день, когда мы наткнулись въ болотѣ на птичникъ птеродактилей—что? Ну-съ, такъ вотъ именно въ этотъ день я запримѣтилъ нѣчто, что, можетъ быть, и ускользнуло отъ вашего вниманія, такъ что я ужъ лучше скажу вамъ. Это была вулканическаго происхожденія воронка, наполненная синею глиной.

Оба профессора кивнули головами.

— Ну-съ такъ вотъ: въ цѣломъ мірѣ, я только однажъ видѣлъ такую же воронку съ синею глиной. И было это въ Большой Де Веервской Алмазной Розсыпи въ Кимберлѣ—что? И вотъ, я забралъ себѣ въ голову, что и здѣсь должны быть алмазы. Сочинилъ себѣ клѣтку изъ прутьевъ, чтобы меня не заклевали проклятые птеродактили, и цѣлыми днями рылся тамъ, въ этой глинѣ. И вотъ, что я нашелъ.

Онъ открылъ сигарный ящикъ и, опрокинувъ его, высыпалъ на столъ около тридцати неотшлифованныхъ камней разной величины, отъ размѣровъ боба до размѣровъ каштана.

— Можетъ быть, вы скажете, что мнѣ слѣдовало тогда же сказать вамъ? Пожалуй, но я знаю, что неопытнаго человѣка легко одурачить, и что камни, иной разъ и большіе, немногаго стоятъ, если они, что называется, не настоящей воды. И нѣтъ не тотъ, и составъ. Поэтому, я привезъ

ихъ сюда и тотчасъ по приѣздѣ снести одинъ камень Спинксу, прося хотѣ наскоро отшлифовать его и оцѣнить.

Онъ вынулъ изъ кармана коробочку изъ-подъ пиллюль и досталъ оттуда чудеснѣйшій, дивнаго блеска брильянтъ, одинъ изъ лучшихъ, какіе мнѣ доводилось видѣть на своемъ вѣку.

— Вотъ результатъ. Всѣ камни вмѣстѣ онъ цѣнитъ минимумъ въ двѣсти тысячъ фунтовъ. Разумѣется, мы подѣлимъ ихъ между собою. Иначе я не согласенъ. Ну-съ, Чалленджеръ, что вы сдѣлаете съ вашими пятьюдесятью тысячами?

— Если вы ужъ такъ великодушны и настаиваете на раздѣлѣ, я желалъ бы основать свой собственный, частный музей—это моя завѣтная мечта.

— А вы, Sommerli?

— Я брошу профессорство, и тогда у меня будетъ время для классификаціи ископаемыхъ, находимыхъ въ мѣловыхъ образованіяхъ.

— Я—объявилъ лордъ Джонъ—на эти деньги снаряжу новую экспедицію, на милое старое плато. А вы, юноша—вы, разумѣется, поспѣшите жениться?

— Пока еще не съ кѣмъ спѣшить,—грустно усмѣхнулся я.—Если вы не противъ, я, пожалуй, поѣхалъ бы съ вами.

Лордъ Рокстонъ ничего не сказалъ, но смуглая рука его черезъ столъ потянулась къ моей.

(Конецъ).

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

Въ слѣдующемъ № «Волнъ» начнется печатаніемъ новый романъ Конанъ-Дойля: «ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯСЪ», въ которомъ дѣйствующими лицами являются тѣ же лица, которыхъ мы уже успѣли оцѣнить и полюбить: профессоръ Чалленджеръ, Sommerli, лордъ Джонъ Рокстонъ и Мэлонтъ.

Казнь Маріи Стюартъ.

Аббатъ Пти напечаталъ любопытный очеркъ, гдѣ показывается, что Марія была неповинна въ заговоръ на жизнь англійской королевы Елизаветы, что этотъ заговоръ былъ придуманъ агентами Елизаветы, поддѣлывавшими документы въ видѣ уликъ противъ несчастной шотландской королевы, которая, однако, на основаніи подобнаго рода лже-свидѣтельствъ, была приговорена къ смертной казни. Приговоръ этотъ Марія Стюартъ выслушала 7 февраля 1587 г., въ замѣчательномъ спокойствіи и отвергла всякое участіе въ какомъ-либо заговорѣ на жизнь Елизаветы.

По уходѣ лордовъ, Марія Стюартъ, утѣшала приближенныхъ и раздала свои деньги, потомъ осталась одна со своими фрейлинами и молилась съ ними Богу. Вечеромъ сѣла за столъ, за которымъ Марія Стюартъ, по обыкновенію, ѣла очень мало, и не только говорила о своей смерти, какъ о предметѣ совершенно постороннемъ, но даже шутила.

Послѣ ужина Марія Стюартъ призвала своихъ слугъ, пила за ихъ здоровье и пригласила ихъ выпить за ея будущее спасеніе. Затѣмъ она простилась съ ними и раздѣлила между ними свое бѣлье и свое серебро.

Оставшись одна съ своими фрейлинами, Марія Стюартъ записала письма духовнику и французскому королю и докончила свое духовное завѣщаніе и легла спать. Ее разбудилъ шумъ, который производили рабочіе, воздвигая эшафотъ.

Въ шесть часовъ утра Марія Стюартъ встала и приказала одѣть себя въ самое богатое платье, а чтобы во время казни не обнажилась ея грудь, велѣла сѣлать къ своему корсажу надставку. Затѣмъ она еще разъ простилась съ своими приближенными и слугами, мысленно исповѣдалась и сама причастилась. Когда она послѣ этого обратилась къ своимъ фрейлинамъ и слугамъ, всѣ были поражены происшедшею въ ней перемѣною. По свидѣтельству одного шотландскаго историка, лицо ея сіяло лучезарною красотою.

Королева пожелала что-нибудь съѣсть. Докторъ Бургоэнъ предложилъ ей хлѣба и немного вина. Затѣмъ она просила своихъ фрейлинъ не упустить ни малѣйшей подробности ея казни. Стукнули въ дверь и королева приказала открыть. Вошелъ шерифъ Нортгамптона, одѣтый въ трауръ, съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ, и пригласилъ королеву слѣдовать за нимъ. Бургоэнъ поднесъ ей свое маленькое Распятіе изъ слоновой кости. Марія Стюартъ, приложившись къ Распятію, велѣла нести его передъ собой, взяла подъ руку доктора и направилась къ двери. Но Бургоэнъ отказался вести ее на казнь и тогда королева пошла подъ руку съ однимъ изъ солдатъ.

Приближеннымъ и прислугѣ королевы не было позволено слѣдовать за нею, вслѣдствіе чего произошла раздирающая душу сцена. Они силою были отброшены въ комнаты королевы и тамъ заперты. Тогда, взявъ Распятіе въ одну руку, а свой молитвенникъ и носовой платокъ въ другую, Марія Стюартъ продолжала идти. Лорды ожидали ее на площадкѣ лѣстницы, нижняго этажа. По просьбѣ королевы, четыремъ слугамъ и двумъ фрейлинамъ разрѣшено

было слѣдовать за нею. Затѣмъ спустились съ лѣстницы и вошли въ нижнюю залу. Зала эта была обтянута чернымъ. По срединѣ возвышался эшафотъ. Въ глубинѣ залы стояло множество зрителей.

Марія Стюартъ вошла величественно и спокойно. Царица мертвая тишина. Снаружи доносились жалобные звуки медленной и монотонной музыки. То было старинное *адagio*, которое обыкновенно играли при сожиганіи колдуньи. Съ помощью смотрителя замка, Амаса Поле, Марія Стюартъ твердо взошла на эшафотъ. Она сѣла на предназначенное ей мѣсто, по правую руку помѣстились два графа, а по лѣвую клеркъ совѣта и шерифъ; противъ нея стали палачъ и его помощникъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, вдоль стѣны, на колѣняхъ четверо слугъ и двѣ фрейлины королевы.

Марія Стюартъ медленно осмотрѣлась; присутствующіе были поражены ея величіемъ и спокойствіемъ; за глухою тишиною послѣдовалъ шумный взрывъ удивленія.

Маріи Стюартъ прочли смертный приговоръ. Королева съ такимъ достоинствомъ и такъ спокойно его выслушала, что графъ Шрефсбюри счелъ долгомъ напомнить ей, что это приговоръ суда. Но Марія Стюартъ казалась какъ-бы отрѣшившись уже отъ сего міра. Затѣмъ она заговорила съ необыкновеннымъ увлеченіемъ: она завѣряла въ своей невинности, радовалась, что умираетъ за свою религію и простила своихъ врагамъ. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, красота королевы въ эту минуту была поразительна.

Наконецъ Марія Стюартъ стала раздѣваться: она сняла съ себя вуаль, мантию и осталась въ одной малиновой юбкѣ. Своей маленькой золотой крестикъ она хотѣла отдать одной изъ фрейлинъ, но на него заявилъ свои права палачъ. Королева сказала ему, что ему дадутъ за него гораздо болѣе его стоимости.

Затѣмъ королева сѣла на свое мѣсто, благословила своихъ слугъ, простила палачамъ, въ послѣдній разъ поцѣловала фрейлинъ и велѣла завязать себѣ глаза, послѣ чего палачъ приказалъ ей лечь на животъ и положить голову на плаху, но не класть руки подъ подбородокъ, такъ какъ это стѣснитъ его дѣйствія. Королева высвободила руки и помощникъ палача отвелъ ихъ за спину и крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ.

Во время этихъ приготовленій Марія Стюартъ произносила вслухъ тридцатый псаломъ. Наконецъ графъ Шрефсбюри подаль знакъ, опустивъ свой жезлъ. Руки палача дрожали и онъ нанесъ королевѣ жестокую рану. Онъ снова поднялъ топоръ и ударилъ съ такою силою, что топоръ вонзился въ плаху. Въ ту минуту, когда топоръ опускался во второй разъ, весьма ясно послышались слова: «*Redemisti me, Domine...*» (Ты искупилъ меня, Господи).

Палачъ поднялъ голову королевы, чтобы показать ее публикѣ, но она выскользнула у него изъ рукъ и упала на помость.

Отравленный пояс.

Романъ Конанъ-Дойля.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

Рассказъ о новомъ изумительномъ приключеніи профессора Джорджа Э. Чалленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Sommerli и м-ра Э. Д. Малона, открывшихъ «Потерянный Миръ».

ГЛАВА I.

Расплывшіяся линіи.

Я чувствую, что долгъ мой—записать эти необычайныя событія, пока они еще свѣжи въ моей памяти, со всею точностью деталей, которые время можетъ затусшевать. Но, садясь за эту работу, я все же не могу опомниться отъ изумленія, что эти необычайныя, изумительныя переживанія выпали на долю именно нашей маленькой группѣ «Потеряннаго міра»—профессору Чалленджеру, профессору Sommerli, лорду Джону Рокстону и вашему покорному слугѣ.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я описывалъ въ «Ежедневной Газетѣ» наше сенсационное, составившее эпоху въ наукѣ, путешествіе въ Южную Америку, не думалъ я, что мнѣ доведется быть лѣтописцемъ еще болѣе странныхъ личныхъ переживаній, единственныхъ во всей исторіи человѣчества и выдѣляющихся, какъ высокій пикъ, среди окружающихъ скромныхъ холмовъ. Сяго по себѣ событіе всегда останется чудеснымъ, но то обстоятельство, что мы четверо встрѣтили его вмѣстѣ, вполне естественно; иначе, въ сущности, и быть не могло. Постараюсь возможно короче и яснѣ изложить предшествовавшіе ему факты, хотя и знаю, что, чѣмъ полнѣе и подробнѣ такой рассказъ тѣмъ онъ пріятнѣе для читателя.

Это было въ пятницу, двадцать седьмого августа—памятное число въ исторіи міра. Я пришелъ въ редакцію нашей газеты просить трехдневнаго отпуска у Макъ-Арделя, попрежнему завѣдывающаго у насъ хроникой. Добрый старикъ покачалъ головой, озабоченно поскребъ свою лысину, опущенную все убывавшей рыжеватой бахромкой мягкихъ волосъ, и, наконецъ, выразилъ словами свои сомнѣнія:

— А я было думалъ, м-ръ Малонъ, использовать васъ какъ разъ на эти дни. Дѣло такое, что никому другому, кромѣ васъ, поручить его нельзя.

— Очень жаль,—сказалъ я.—Разумѣется, если я нуженъ, объ отпускѣ не можетъ быть и рѣчи. Но мнѣ бы очень нужно съѣздить. Дѣло интимное и важное. Еслибы вы могли обойтись безъ меня...

— Въ томъ то и штука, что не могу.

Это было горькое разочарованіе, но я постарался примириться съ нимъ. Въ сущности, я самъ былъ виноватъ: далъ слово, не принявъ въ расчетъ, что газетный работникъ не вправе располагать собой.

— Въ такомъ случаѣ, не о чемъ и разговаривать,—выговорилъ я, съ напускной безпечностью.—А зачѣмъ я вамъ нуженъ?

— Да вотъ,—проинтервьюировать этого дьявола Ротерфильдскаго.

— Да неужто профессора Чалленджера?

— Ну да, его. Давеча онъ съ миліо гналъ передъ собою по шоссе молодого Алека Симпсона, изъ «Курьера», держа

его за воротъ и за брюки сзади. Да вы, навѣрное, читали объ этомъ въ рубрикѣ полицейскихъ извѣстій. Наши репортеры ни за что не хотятъ ѣхать къ нему—говорятъ: лучше пошлите интервьюировать аллигатора въ Зоологическомъ Саду. Но васъ, вѣдь, онъ можетъ быть, и не спугнуть съ лѣстницы—все-таки, старый другъ и все такое...

Я страшно обрадовался. Да вѣдь это великолепно! Мнѣ какъ разъ къ нему и нужно было ѣхать—изъ-за этого я и просилъ отпуска. Дѣло въ томъ, что на дняхъ исполняется трехлѣтняя годовщина нашего самого опаснаго приключенія на плато, и онъ просилъ насъ всѣхъ пріѣхать къ нему и отпраздновать это событіе.

— Чудесно!—воскликнулъ сіяющій Макъ Ардель, вселю потирая руки.—Такъ что, значить, вы можете обо всемъ разспросить его. Еслибы это кто другой написалъ, я сказалъ бы просто: враки, но этотъ человѣкъ разъ уже показалъ себя умнѣе всѣхъ—кто его знаетъ, можетъ, и еще покажетъ.

— Да въ чемъ же дѣло? Что я долженъ узнать отъ него?

— Развѣ вы не читали его письма о «Научныхъ Возможностяхъ» въ сегодняшнемъ номерѣ «Таймса»?

— Нѣтъ, не читалъ.

Макъ-Ардель нырнулъ подъ столъ и поднялъ съ полу измятый номеръ «Таймса».

Онъ цѣлую миліо гналъ передъ собою Александръ Симпсона изъ «Курьера»...

— Прочтите вслух,—сказалъ онъ, указывая мнѣ пальцемъ на столбецъ. Я не прочь прослушать это еще разъ—боюсь, что я съ перваго раза не уяснилъ себѣ, какъ слѣдуетъ, смысла его предостережений.

Вотъ письмо, которое я прочелъ вслухъ заведующему кроникой газеты, «Научныя Возможности».

«М. Г.—письмо Джемса Вильсона Макъ Фейля по поводу потускнѣнія Фрауэнгоферовскихъ линій въ спектрахъ какъ планетъ, такъ и неподвижныхъ звѣздъ, помѣщенное Вами недавно на столбцахъ Вашей газеты,—письмо весьма успокоительное и совершенно безтолковое, немало позабавило меня, хотя не скажу, чтобы къ этому ощущенію смѣшно у меня не присоединялись иныя и менѣ лестныя эмоціи. Макъ Пфейль не придаетъ никакого значенія этому факту. Болѣе развитой умъ, наоборотъ, можетъ усмотрѣть въ немъ весьма важныя возможности—настолько важныя, что отъ нихъ можетъ зависѣть благоденствіе и самая жизнь всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на нашей планетѣ. Не рѣшаюсь прибѣгнуть къ научному способу изложенія, ибо не смѣю надѣяться, что меня поймутъ тѣ ничтожныя людишки, которые черпаютъ свои мысли и сужденія на столбцахъ ежедневныхъ газетъ. И потому попробую спуститься до ихъ ограниченаго пониманія и выяснитъ положеніе при помощи всѣмъ доступной аналогіи, которая, навѣрное, будетъ понята и вашими читателями.»

— Вотъ чудакъ-то—удивительный чудакъ!—задумчиво покачалъ головой Макъ Ардль.—Онъ способенъ взбунтовать противъ себя даже квакеровъ. Не удивительно, что въ Лондонѣ ему жить неудобно. Ну, посмотримъ, какая у него тамъ аналогія.

«Предположимъ,—читалъ я,—что небольшая пачка соединенныхъ между собою пробокъ медленно плыветъ черезъ Атлантическій океанъ. Пробки потихоньку уносятъ все дальше и дальше, но имъ кажется, что условія вокругъ нихъ ничуть не мѣняются. Если бы пробки были одарены разумомъ, онѣ могли бы вообразить, что условія эти представляютъ собой нѣчто постоянное и вполне надежное. Но мы, съ нашимъ, болѣе высокаго уровня знаніемъ, знаемъ, что пробкамъ могутъ встрѣтиться многія неожиданности и сюрпризы. Онѣ могутъ наткнуться на корабль, или на спящаго кита, или же запутаться въ водоросляхъ. И, во всякомъ случаѣ, вѣроятнѣе всего, путешествіе ихъ кончится тѣмъ, что онѣ будутъ выброшены на скалистый берегъ Лабрадора. Но развѣ могутъ это предвидѣть онѣ, медленно плывущія по тому, что имъ кажется безпредѣльнымъ и вездѣ одинаковымъ океаномъ?»

«Ваши читатели, можетъ быть, догадаются, что подъ Атлантическимъ Океаномъ въ этой параболѣ слѣдуетъ разумѣть великій океанъ эфира, по которому странствуетъ пачка пробокъ—маленькая и ничтожная планетная система, къ которой принадлежатъ и наша земля. Третьеразрядное солнце съ хвостомъ ничтожныхъ спутниковъ, она изо дня въ день, въ условіяхъ, съ виду, не мѣняющихся, стремится къ невѣдомому концу, какой-нибудь скверной катастрофѣ, которая можетъ забросить насъ на крайнюю грань пространства, гдѣ мы плаваемъ въ океанѣ эфира, или же выкинуть на берегъ какого-нибудь невообразимаго для насъ Лабрадора. Я не вижу здѣсь основаній для поверхностнаго и невѣжественнаго оптимизма вашего сотрудника, м-ра Джемса Вильсона Макъ Фейля, и наоборотъ, вижу серьезныя основанія для насъ серьезно и внимательно приглядываться ко всякимъ признакамъ измѣненія въ космическихъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ участь насъ самихъ и нашей планеты.»

— Какой бы изъ него превосходный вышелъ проповѣдникъ,—дивился Макъ Ардль.—И голосъ у него гудитъ, какъ органъ.—Ну, давайте посмотримъ что же его такъ взволновало.

«Перемѣненіе и потускнѣніе Фрауэнгоферовскихъ линій спектра, по моему, указываетъ на широко распространенныя космическія измѣненія трудно уловимаго и необычайнаго характера. Свѣтъ планеты есть отраженный свѣтъ солнца; свѣтъ звѣзды есть свѣтъ, издаваемый, излучаемый самою звѣздой. Но въ данномъ случаѣ измѣненіе наблюдается одинаково какъ въ спектрахъ планетъ, такъ и въ спектрахъ звѣздъ. Чѣмъ же это объяснить. Измѣненіемъ, происшедшимъ въ планетахъ и звѣздахъ. Такое предположеніе для меня совершенно неприемлемо. Что же за перемѣна могла произойти одновременно со всѣми ими?—Измѣненіе въ собственной нашей атмосферѣ?—Возможно, но въ высшей степени невѣроятно, ибо никакихъ признаковъ подобныхъ измѣненій мы вокругъ себя не наблюдаемъ. Какая же третья возможность?—Измѣненіе въ составѣ среды, которая служить проводникомъ—въ томъ самомъ безконечно тонкомъ эфирѣ, который заполняетъ пространства между звѣздами и всю вселенную? Въ глубинѣ этого океана эфира медленно плыветъ наша земля, уносимая медленнымъ теченіемъ. И развѣ не можетъ случиться, что теченіе это, отклонившись отъ обычнаго своего курса, занесетъ насъ въ зоны эфира, новыя для насъ и обладающія свойствами, которыхъ мы и не предполагали? Какая то перемѣна, несомнѣнно происходящая. Это доказываетъ космическое нарушеніе цвѣта линій спектра. Эта перемѣна можетъ быть къ добру. Можетъ она быть и къ худу. Можетъ оказаться и нейтральной. Мы не знаемъ. Поверхностные наблюдатели могутъ не придавать ей значенія, но болѣе глубокий умъ истиннаго философа пойметъ, что предусмотрѣть всѣ возможности въ измѣненіи судебъ вселенной немыслимо, и что мудрый всегда долженъ быть готовъ къ неожиданному. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ,—кто рѣшится утверждать, что загадочная и повальная болѣзнь, свирѣпствующая среди туземнаго населенія Суматры, какъ разъ сегодня прочелъ въ вашей газетѣ телеграмму объ этомъ—не имѣетъ никакого отношенія къ этой космической перемѣнѣ, на которую первобытный организмъ жителей Суматры, быть можетъ, реагируетъ быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе сложный организмъ европейца. Это только мысль, которой я не выдаю за истину. Въ данной стадіи вопроса, утверждать, что это—истина, было бы такъ же неосторожно, какъ и отрицать возможность этого, но нужно быть бараньей головой, лишенной всякаго воображенія, чтобы не понять, что самый фактъ исполнѣ въ границахъ научной возможности.

Преданный Вамъ Джоржъ Эдуардъ Чалленджеръ.
Брайарсъ Ротерфильдъ.

— Интересное письмо, которое можетъ заставить задуматься,—задумчиво сказалъ Макъ Ардль, вставляя папироску въ длинную стеклянную трубочку, служившую ему мундштукомъ.—Какое ваше мнѣніе, м-ръ Мэлонъ?

Къ стыду своему, я долженъ былъ сознаться въ полномъ своемъ невѣжествѣ по этому вопросу. Что такое, на примѣръ, Фрауэнгоферскія линіи? Макъ Ардль уже успѣлъ изучить этотъ вопросъ при содѣйствіи нашего лейбъ-ученаго, состоящаго для такихъ случаевъ при редакціи, и тотчасъ вытащилъ изъ ящика своего письменнаго стола двѣ пестрыхъ ленты со всѣми цвѣтами спектра, весьма схожихъ съ тѣми, какія носятъ на шляпахъ юные и честолюбивые члены крикетныхъ клубовъ. Онъ указалъ мнѣ на черныя линіи, пересекающія рядъ яркоцвѣтныхъ полосъ, отъ красной съ одной стороны до фіолетовой съ другой, проходя черезъ оранжевое, желтое, зеленое, голубое и темно-синее.

— Эти черныя полосы и есть линіи Фрауэнгофера. Цвѣта—тѣ самые, на которые разлагается свѣтъ вообще, какого бы то ни было происхожденія, если вы его пропустили сквозь призму. Дѣло не въ этихъ цвѣтахъ, а именно

вотъ въ этихъ черныхъ полоскахъ, потому что онѣ мѣняются, соответственно источнику свѣта. Вотъ эти-то линіи и измѣнились, потускнѣли за послѣднюю недѣлю, и всѣ астрономы спорятъ между собою о причинѣ. Вотъ фотографическій снимокъ съ измѣнившихся линій, приготовленный для нашего завтрашняго номера. Широкая публика до сихъ поръ не интересовалась этимъ, но письмо Чалленджера въ «Таймсъ», я думаю, заставитъ ее заинтересоваться.

— А про Суматру что это онъ такое пишетъ?

— Да, отъ этихъ потускнѣвшихъ линій до большихъ негровъ на Суматрѣ дистанція изрядная. Но, вѣдь, этотъ чудакъ ужъ показалъ намъ, что, если онъ что говорить, такъ говорить не зря. Тамъ свирѣпствуетъ какая-то страшная эпидемія; а сегодня пришла каблограмма изъ Сингапура, сообщающая, что всѣ маяки на Зундскихъ проливахъ погасли и въ результатъ два судна потерпѣли крушеніе у береговъ. Какъ бы то ни было, не мѣшаетъ проинтервьюировать Чалленджера. Если вы добьетесь отъ него толку, въ ваше распоряженіе будетъ предоставленъ цѣлый столбецъ на понедѣльникъ.

Я вышелъ изъ кабинета завѣдующаго хроникой, обдумывая, какъ лучше выполнить данное мнѣ порученіе, какъ вдругъ меня окликнули. Въ приемной дожидался посланный съ телеграфа съ депешей, пересланной въ редакцію съ моей квартиры въ Стрэтгэмъ. Телеграмма была отъ самого Чалленджера и гласила:

«Мелону, 17, Хилль—стритъ, Стрэтгэмъ. Привезите кислороду. Чалленджеръ».

«Привезите кислороду». Я зналъ нашего друга за большого чудака, способного на самыя громоздкія слоновьи шутки, надъ которыми онъ первый, и порою единственный, хохоталъ, захлебываясь, такъ что глазъ его совсѣмъ не было видно, а видны были только прыгающій ротъ и раскидистая борода. Можетъ быть, и это одна изъ его шуточекъ. Я снова и снова перечитывалъ депешу, но нѣтъ—на шутку это не было похоже. Значитъ, это приказъ, хотя и странный, но требующій немедленнаго выполненія. Ужъ, конечно, не я рискнулъ бы послушаться профессора Чалленджера. Можетъ быть, онъ затѣялъ какой-нибудь химическій экспериментъ, а можетъ быть... Ну, да это не мое дѣло разсуждать, зачѣмъ ему понадобился кислородъ. Просить—значитъ, надо везти. До отхода поѣзда съ вокзала Викторія осталось еще болѣе часа. Я взялъ таксо-моторъ, выписалъ изъ телефонной книжки адресъ и пошелъ на Оксфорд-стритъ въ помѣщеніе Общества снабженія кислородомъ.

Выйдя изъ экипажа, я чуть не столкнулся съ двумя юношами, выносившими изъ дверей большой желѣзный цилиндръ, который они не безъ труда взгромоздили на ожидающій пустой автомобиль. За ними шелъ пожилой господинъ, поругивая и потирающая ихъ скрипучимъ, насмѣшливымъ голосомъ. Онъ обернулся—я не могъ ошибиться: это строгое лицо и козлиная борода могли принадлежать только одному человѣку—профессору Sommerli.

— Какъ?—вскричалъ онъ.—И вы тоже получили одну изъ этихъ наглыхъ телеграммъ насчетъ кислорода?

Я вынулъ изъ кармана телеграмму.

— Такъ, такъ. Я тоже получилъ и, какъ видите, хоть и неохотно, исполнилъ просьбу. Нашъ добрый другъ, какъ всегда, предъявляетъ къ своимъ друзьямъ большія требованія. Ужъ не такъ же это ему нужно, чтобъ непременно надо было отказаться отъ обычныхъ способовъ доставки и навязывать хлопоты, отнимающія время, тѣмъ, кто въ сущности работаетъ много больше его. Почему онъ не могъ высказать этого прямо изъ Общества?

Я могъ только высказать предположеніе, что, вѣроятно, Чалленджеру нуженъ кислородъ безотлагательно.

— Да, да, или онъ вообразилъ себѣ, что это ему нужно—что не одно и тоже. Но, во всякомъ случаѣ, вамъ нѣтъ надобности покупать, разъ я везу цѣлый цилиндръ.

— Однако-жъ, онъ, повидимому, хочетъ, чтобъ и я тоже привезъ свою порцію. Нѣтъ, ужъ я лучше въ точности исполню его просьбу. Этакъ безопаснѣе.

И, несмотря на ворчанье Sommerli, я приобрѣлъ второй цилиндръ который, въ свою очередь, поставили въ его моторъ, такъ какъ онъ предложилъ довести меня до вокзала Викторія.

Я отошелъ, чтобъ расплатиться съ своимъ шофферомъ, что отняло довольно много времени, такъ какъ шофферъ оказался ужаснымъ грубияномъ и долго пререкался со мною изъ-за платы, и, вернувшись, нашелъ профессора Sommerli въ большомъ волненіи: онъ жестоко ругался съ людьми, которые выносили цилиндры, и вся его козлиная борода ходуномъ ходила отъ негодованія. Помню, одинъ изъ этихъ молодцовъ назвалъ его «облѣзлымъ старымъ какаду», и это до такой степени возмутило его шоффера, что тотъ соскочилъ на земъ и полѣзъ съ кулаками на обидчика своего барина; еле-еле намъ удалось разнять ихъ во время и предотвратить уличную драку.

Всѣ эти мелочи могутъ показаться тривиальными, и мы въ свое время не придали имъ значенія. Только теперь, оглядываясь назадъ, я вижу, насколько онъ связанъ съ той исторіей, которую я взялся разсказать.

Шофферъ Sommerli, какъ мнѣ показалось, былъ новичекъ въ своемъ дѣлѣ или же слишкомъ взволновался происшедшимъ, потому что моторомъ управлялъ онъ прескверно. Два раза мы едва не наѣхали на другіе автомобили, управляемые такъ же скверно, и, помню, я замѣтилъ Sommerli, что лондонскіе шофферы стали ѣздить много хуже прежняго. Одинъ разъ мы наѣхали на цѣлую толпу любопытныхъ, глазѣвшихъ на уличную драку. Зѣваки, очень возбужденные, подняли крикъ; одинъ даже вскочилъ на подножку нашего мотора и замахнулся на насъ палкой. Я столкнулъ его, но мы все же рады были, когда

Столкновеніе моторовъ...

выбрались из этой сутолоки и очутились, наконец, в парк, где прохлад был свободный. Этот ряд мелких, но неприятных впечатлений сильно меня взбудоражил, да и спутник мой ворчал и злился, и я подумал, что характер его не улучшился с годами.

Но оба мы развеселились, увидав лорда Джона Рокстона, дождливого нас на перрон, в широком, дорожном желтом пальто, немного висевшем на его высокой худощавой фигуре. Его орлиное лицо с глазами, которых не мог уже забыть, кто раз их видел, вспыхнуло от удовольствия при виде нас. В рыжеватых волосах уже поблескивала седина, и морщинки на лбу врезались глубже, но, помимо этого, перед нами был все тот же лорд Джон, умный и славный товарищ, которому мы были в прошлом столькими обязаны. Он весело расхохотался при виде огромных цилиндров, которые везли за нами на тележках носильщики.

— Ага! И вы тоже!—вскричал он.—Мой уже в вагон. На что это они понадобились старикашкам?

— А вы читали его письмо в «Таймс»?—спросил я.

— А что такое?

— Чуть и ерунда!—рзко ответил Коммерли.

— Какъ знать. Или я очень ошибаюсь, или это имѣетъ отношеніе къ кислороду,—возразилъ я.

— Чуть и ерунда!—снова воскликнул Коммерли, съ совершенно ненужной пылкостью.

Всѣ мы ушли въ первый классъ, въ вагонъ для некурящихъ, и старикъ уже закурилъ свою любимую коротенькую трубочку, которая, казалось, вотъ-вотъ обожжетъ кончикъ его длиннаго крючковатаго носа.

— Чалленджеръ—умный человѣкъ,—продолжалъ онъ, все такъ же раздражительно.—Этого никто не оспариваетъ. Отрицать это могутъ только дураки. Посмотрите на его шляпу. Въ ней помѣщается мозгъ вѣсомъ въ 60 унцій—вдоровенная машина, которая работаетъ отлично и вырабатываетъ первосортный матеріалъ. Покажите мнѣ помѣщеніе и я вамъ скажу, какой величины машина. Но въ то же время онъ—прирожденный шарлатанъ—я это говорилъ ему въ лицо—прирожденный шарлатанъ—онъ не можетъ обойтись безъ штукъ. Когда все спокойно, ему нужно всѣхъ взбучагчить, чтобъ заставить говорить о себѣ. Не думаете же вы, что онъ серьезно вѣритъ во всю эту чепуху относительно измѣненій въ составѣ эфира и опасности, угрожающей человѣческой расѣ. Ну, слыханы ли такіа небылицы!

Онъ сидѣлъ, какъ старый бѣлый воронъ, весь трясаясь отъ скринучаго старческаго смѣха.

Меня это жестоко злило: какъ онъ смѣетъ говорить такъ непочтительно о нашемъ вождѣ, которому мы обязаны и славой, и деньгами, и такими переживаниями, которыхъ, кромѣ насъ, не испыталъ еще никто. Я только что раскрылъ ротъ, собираясь рзко возразить, но лордъ Джонъ предупредилъ меня.

— Вы ужъ попались однажды съ старикомъ Чалленджеромъ, и онъ вмигъ положилъ васъ, что называется, на обѣ лопатки. Мнѣ думается, профессоръ Коммерли, что этотъ орѣшекъ вамъ не по зубамъ, и самое лучшее для васъ не трогать его.

— Къ тому же,—вставилъ я,—онъ былъ добрымъ другомъ всѣмъ намъ. И, каковы бы ни были его недостатки, я не думаю, чтобъ онъ позволилъ себѣ дурно отказываться о своихъ друзьяхъ за ихъ спиной.

— Славно сказано, юноша!—воскликнул лордъ Джонъ. И, съ ласковой усмѣшкой, потрепалъ по плечу профессора Коммерли.—Полноте, герръ профессоръ, ссориться намъ совсѣмъ не пристало. Мы слишкомъ много пережили вмѣстѣ. А, все-таки, вы Чалленджера не задѣвайте, ибо вотъ этотъ милый юноша и я питаемъ къ нему большую слабость.

Но Коммерли былъ не такъ настроенъ, чтобы идти

на уступки. Онъ презрительно и сердито скривилъ губы, выпустивъ большой клубъ дыму изъ своей трубки.

— Что касается васъ, лордъ Джонъ Рокстонъ,—протскрипѣлъ онъ,—ваши мнѣнія о научныхъ вопросахъ имѣютъ для меня такую же цѣну, какъ для васъ мое—о новомъ типѣ скорострѣльнаго ружья. У меня свой разумъ, сѣрь, и свои мнѣнія. Если однажды, я ошибся, это еще не причина принимать на вѣру, безъ критики любое утвержденіе этого человѣка. Что же онъ Папа, что ли, въ наукѣ, сужденія котораго непогрѣшимы и должны приниматься вѣрными безъ разсужденій? Повторяю, сударь мой, у меня свой царь въ головѣ, и я не желаю быть ничьимъ рабомъ. Если вамъ угодно вѣрить всей этой чепухѣ относительно эфира и фрауенгоферовскихъ линий—пожалуйста, сдѣлайте милость, но не требуйте, чтобы люди постарше и поумнѣе васъ поступали такъ же глупо. Да, вѣдь, еслибы составъ эфира подвергся такимъ измѣненіямъ, какъ онъ утверждаетъ, и сталъ бы вреднымъ для здоровья человѣка, развѣ это не отразилось бы прежде всего на насъ самихъ?—Онъ громко захохоталъ.—Да-съ, сударь мой, будь это такъ, мы первые перестали бы быть нормальными людьми и, вмѣсто того, чтобы, сидя въ вагонѣ, спокойно обсуждать научныя проблемы, мы бы уже обнаруживали симптомы отравленія ядомъ, дѣйствующимъ внутри насъ. Въ чемъ же вы видите эти симптомы?

Манера Коммерли выражаться все больше и больше злила меня: въ ней было что-то страшно раздражающее и задорное.

— Я полагаю, что, еслибы вы были болѣе знакомы съ фактами, вы не утверждали бы этого съ такой категоричностью.

Коммерли вынулъ трубку изъ рта и уставился на меня каменнымъ взглядомъ.

— Позвольте узнать, сѣрь, что вы хотите сказать этимъ довольно дерзкимъ замѣчаніемъ?

— А то, что въ редакціи нашей газеты получена телеграмма съ Суматры, подтверждающая извѣстіе о повальной эпидеміи новой и странной болѣзни среди туземнаго населенія этого острова и сообщающая, что въ Зундскихъ проливахъ погасли всѣ маяки.

Коммерли окончательно взбѣсился.

— Нѣтъ, должны же быть какіе-нибудь предѣлы человѣческой глупости! Да неужели же вы не понимаете—если даже допустить, что Чалленджеръ правъ, хотя это явная нелѣпость—неужели же вы не понимаете, что эфиръ есть субстанція, проникающая всю вселенную, и одинаковая, какъ здѣсь у насъ, такъ и у антиподовъ? Или вы думаете, что есть эфиръ англійскій и эфиръ суматранскій, и что въ графствѣ Кентъ эфиръ одинъ, а въ Суррей—другой? Что же это, наконецъ, такое! Неужто же и всѣ непосвященные такъ же неувѣжественны и доверчивы! Да развѣ можно допустить, чтобъ на Суматрѣ эта перемѣна убивала, а у насъ, въ Англіи, не оказывала никакого дѣйствія. Лично я могу по совѣсти сказать, что никогда въ жизни не чувствовалъ себя лучше.

—Возможно. Я себя за ученаго не выдаю, хотъ и слышалъ, что то, что одно поколѣніе считаетъ научной истиной, слѣдующее обыкновенно признаетъ заблужденіемъ. Но не нужно большого ума для того, чтобы понять, что объ эфирѣ мы знаемъ все же очень мало, и, можетъ быть, благодаря мѣстнымъ условіямъ, перемѣна въ его составѣ въ одномъ мѣстѣ можетъ сказаться раньше, чѣмъ въ другомъ.

— «Можетъ быть, можетъ быть». Мало ли что можетъ быть. И свинья могла бы летать. Да-съ, могла бы—да вотъ не летаетъ. Съ вами и спорить то не стоитъ. Чалленджеръ набилъ вамъ головы придуманной имъ чепухой, и вы оба неспособны здраво разсуждать. Это все равно, что убѣждать эти вотъ подушки на сидѣньи.

— Я долженъ замѣтить вамъ, профессоръ Коммерли, что ваши манеры отнюдь не улучшились съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ имѣлъ удовольствіе видѣть васъ,—строго

сказал лорд Джонъ.

— Вы, баре, не любите правды и не привыкли ее слышать, — горько усмѣхнулся Соммерли. — Еще бы! Разумѣется, вамъ обидно слышать, что, несмотря на вашъ титулъ, вы все-таки невѣжда.

Лордъ Джонъ сурово выпрямился. — Честное слово сэръ, будь вы моложе, вы не посмѣли бы говорить со мною такимъ тономъ...

Соммерли вздернулъ подбородокъ кверху и заболталъ своей козлиной бородой.

— Да будетъ вамъ извѣстно, сэръ, что старость и молодость тутъ ни при чемъ. Я никогда не боялся сказать правду въ лицо невѣжественному нахалу — да-съ, сэръ, невѣжественному нахалу — я повторяю это, хотя бы у васъ было столько титуловъ, сколько только способны избобрѣсти рабы, а дураки — усвоить.

Глаза лорда Джона гнѣвно сверкнули, но могучимъ усилиемъ воли онъ сдержалъ себя и откинулся на спинку сидѣнья, съ горькой усмѣшкой на губахъ, мнѣ жутко и больно было слушать ихъ. Невольно вспоминалось прошлое, наши добрыя товарищескія отношенія, счастливые дни странствій — все, что мы пережили и выстрадали, и чего добились вмѣстѣ. А теперь вотъ до чего дошло — до взаимныхъ оскорбленій, чуть не до драки. И я вдругъ разрыдался, такъ мнѣ стало больно — заплакалъ, громко всхлиывая, не въ силахъ удерживать рыданій. Мои спутники съ изумленіемъ смотрѣли на меня. Я закрылъ лицо руками.

— Ничего. Это пройдетъ, — бормоталъ я. — Но мнѣ такъ жалъ! — Такъ жалъ!

— Вы нездоровы, юноша, — участливо сказалъ лордъ Джонъ. — Вы сегодня съ самаго начала казались мнѣ немного страннымъ.

Соммерли укоризненно покачалъ головой. — Однако, молодой человекъ, вы не исправились, съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ. Мнѣ также сразу бросилась въ глаза ваша странная манера держать себя. Напрасно вы его жалѣете, лордъ Джонъ. Это пьяныя слезы. Онъ напился съ утра. Кстати, лордъ Джонъ, я, пожалуй, былъ не въ мѣру строгъ, обозвавъ васъ нахаломъ. Но это мнѣ напомнило объ одномъ моемъ талантѣ, нѣсколько тривіальномъ, но забавномъ. Вы знаете меня лишь за сурового человека науки. Повѣрите ли вы, что, въ свое время, я пользовался репутаціей изумительнаго пересмѣшника, умѣющаго подражать всѣмъ голосамъ на птичникѣ. Хотите, я посмѣшу васъ, — крикну я въ тухомъ?

— Нѣтъ, сэръ, меня это не разсмѣшитъ, — отвѣтилъ лордъ Джонъ, все еще чувствующій себя оскорбленнымъ.

— И еще я замѣчательно умѣю подражать клохтанью курицы, снесшей яйцо. Хотите, изобразжу?

— Нѣтъ, сэръ, не надо, — не имѣю ни малѣйшаго желанія.

Несмотря на это профессоръ Соммерли, положивъ трубку и до конца пути увеселялъ насъ — или думалъ, что увеселялъ, — подражая крику разныхъ птицъ и животныхъ. Это было такъ нелѣпно, что мои истерическія слезы смѣнились неудержимымъ смѣхомъ, который также грозилъ перейти въ истерику, тѣмъ болѣе, что я сидѣлъ напротивъ профессора, а онъ корчилъ уморительнѣйшія рожи, изображая щенка, которому наступили на хвостъ. Лордъ Джонъ не смѣялся; онъ передалъ мнѣ свою газету, на поляхъ которой было написано карандашомъ: «Вѣдьяга! Онъ рехнулся». Безъ сомнѣнія, поведение Соммерли было чрезвычайно эксцентрично, но птичьимъ голосамъ подражалъ онъ, дѣйствительно, въ совершенствѣ.

Не обращая на него вниманія, лордъ Джонъ, нагнувшись ко мнѣ, рассказывалъ мнѣ какую-то безконечную исторію о буйволѣ и объ индійскомъ раджѣ, который я никакъ не могъ взять въ толкъ. Профессоръ Соммерли только что за-

И до конца путешествія Соммерли увеселялъ насъ подражаніемъ крику птицъ и животныхъ...

чирикалъ канарейкой, когда поѣздъ неожиданно остановился на Джарвисъ-Брукъ-станціи, гдѣ сходятъ ѣдущіе въ Ротерфилдъ.

Чалленджеръ выѣхалъ насъ встрѣтить. Напыщенный и важный, какъ индюкъ, онъ величаво шагалъ по платформѣ, снисходительно и благосклонно оглядывая всѣхъ вокругъ себя. Если онъ и измѣнился нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ я зналъ его, то тѣмъ лишь развѣ, что всѣ его особенности стали болѣе подчеркнутыми. Огромная голова съ крутымъ, выдающимся лбомъ, на который живописно падалъ завитокъ черныхъ волосъ, казалась еще огромнѣе прежняго. Черная борода ниспадала на грудь еще болѣе грознымъ каскадомъ, а свѣтло-сѣрые глаза съ дерзкими и насмѣшливыми вѣками смотрѣли еще болѣе зорко и властно.

Онъ весело пожалъ мнѣ руку, поощривъ меня улыбкой, какъ начальникъ школы новичка и, помогши остальнымъ выгрузить ихъ багажъ и цилиндры съ кислородомъ; усадилъ насъ всѣхъ въ большой автомобиль, которымъ правилъ все тотъ же невозмутимый Аустинъ, фигурировавшій въ роли дворецкого и довѣреннаго камердинера въ первый мой визитъ къ профессору Чалленджеру. Дорога шла по очень живописной мѣстности, извиваясь по скату холма. Я сидѣлъ на переднемъ мѣстѣ, рядомъ съ шоферомъ; позади меня мои трое товарищей, говорили какъ-будто всѣ сразу. Лордъ Джонъ все еще возился съ своей исторіей про буйвола и раджу, а наши профессоръ, повидимому, уже снова подняли какой-то неистовый научный споръ. Неожиданно Аустинъ, не отрывая глазъ отъ руля, повернулъ ко мнѣ свое темное, словно изъ дерева вырѣзанное лицо.

— Онъ мнѣ отказалъ отъ мѣста.

— Да не можетъ быть! — вскричалъ я.

Что это за странный день! Всѣ говорятъ такое странное, неожиданное. Мнѣ казалось, что я сплю и вижу сны.

— Это уже сорокъ седьмой разъ, — задумчиво молвилъ Аустинъ.

— Когда же вы уходите, — спросилъ я, не зная, что сказать.

— Я не уйду. Если я уйду, кто же будет смотреть за ним?—Онъ мотнулъ головой по направлению къ своему барину.—Гдѣ же онъ найдетъ себѣ слугу?

— Ну, возьметъ другого.

— Какъ бы не такъ. Другой то не прослужить и недѣли. Если я уйду, этотъ домъ будетъ, какъ часы, въ которыхъ сломана пружина. Я вамъ говорю это, потому что вы другъ ему, и вамъ можно сказать. Какъ же мнѣ уйти-то? Вѣдь они съ барыней все равно, что молодые младенцы. Я же всѣмъ распоряжаюсь. А онъ—на тебѣ,—взялъ, да и отказалъ мнѣ отъ мѣста.

— Почему же вы думаете, что другіе не будутъ жить у него?

— Кто же захочетъ терпѣть такое обращеніе? Слова нѣтъ, баринъ—умный человѣкъ—и другой разъ такой ласковый...—но вы подумайте, что онъ сегодня сдѣлалъ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

Аустинъ нагнулся ко мнѣ ближе и шепнулъ на ухо:

— Укусилъ экономку.

— Укусилъ?!

— Ну да. За ногу укусилъ. Я своими глазами видѣлъ, какъ она съ плачемъ прыгала на одной ногѣ и потомъ бѣжала, какъ сумасшедшая по аллеѣ.

— Господи помилуй! Что вы такое говорите.

— Вотъ тутъ и живи. А съ сосѣдями какъ онъ обращается. Развѣ у него есть хоть одинъ добрый знакомый по сосѣдству!? Иные говорятъ про него, что ему только тамъ бы и жить, съ тѣми чудовищами, про которыхъ вы писали. Вотъ какъ про него люди говорятъ. Но я служу у него десять лѣтъ и люблю его, и знаю, что онъ большой человѣкъ, и за честь почитаю служить ему. А, все-таки, иной разъ труденько приходится. Вотъ поглядите, сэръ. Это какъ, по вашему, гостепріимно? Вы только прочитайте.

Автомобиль медленно взбирался на крутой, извилистый скатъ. Надъ изгородью на краю дороги высилась доска съ надписью, большими буквами, гласившей:

Предостереженіе:

Посѣтители, представители печати и пиіе не поощряются. Д. Э. Чалленджеръ.

— Нѣтъ, это какъ, по вашему радушіемъ зовется?—спрашивалъ Аустинъ, качая головой.—Развѣ потянетъ кого въ такой домъ? Извините, сэръ, что я вдругъ такъ разболтался: сколько лѣтъ молчалъ, а вотъ сегодня не выдержалъ—прорвало. Пусть хоть лопнетъ, тѣ злости, ругая меня, а все-таки не уйду—вотъ не уйду, да и все тутъ. Я его слуга, а онъ—мой господинъ, и такъ оно, думается мнѣ, и останется.

Мы проѣхали между двухъ бѣлыхъ столбовъ у воротъ и стали подниматься по извилистой подъѣздной аллеѣ, обсаженной кустами рододендроновъ. Впереди рисовался домъ, невысокое кирпичное зданіе съ бѣлымъ деревяннымъ переплетомъ, очень красивое и уютное. М-рсъ Чалленджеръ, маленькая, хорошенькая, улыбающаяся, встрѣтила насъ на крыльцѣ.

— Ну, вотъ тебѣ, милочка, и наши гости,—сказалъ Чалленджеръ, грузно вываливаясь изъ мотора.—У насъ не часто бываютъ гости, не правда ли? Мы и наши сосѣди не очень-то любимъ другъ друга. Еслибъ они могли подсыпать мышь-ку въ тѣсто, изъ котораго намъ пекутъ булочки, они бы не задумались.

— Ну, что ты такое говоришь. Это ужасно!—воскликнула маленькая женщина, плача и смѣясь.—Вотъ Джорджъ всегда такой—во всѣмъ ссорится. У насъ совсѣмъ нѣтъ друзей въ этой округѣ.

— Это позволяетъ мнѣ сосредоточить все мое вниманіе на моей несравненной женѣ,—сказалъ Чалленджеръ, обнимая ее за талію своей короткой и толстой рукой. (Ну, и парочка—словно горилла съ газелью!) Однако, будетъ объ-

этомъ. Наши гости устали, надо ихъ накормить. Что Сара вернулась?

Маленькая женщина сокрушенно покачала головой; профессоръ громко захохоталъ и погладилъ себя по бородѣ.

— Аустинъ! Когда поставишь моторъ въ сарай, помоги, пожалуйста, баринѣ приготовить завтракъ. Ну-съ, господа, не пройдете ли вы въ мой кабинетъ—я имѣю сообщить вамъ нѣчто важное.

Глава II.

Волна смерти.

Въ то время, какъ мы проходили черезъ холмъ, раздался звонокъ телефона и мы стали невольными свидѣтелями бесѣды Чалленджера съ вызывавшимъ его. И не только «мы», но и всѣ находившіеся на разстояніи сотни ярдовъ не могли не слышать этого чудовищнаго баса, разносившагося по всему дому: его отвѣты четко запечатлѣлись въ моемъ мозгу.

— Ну да, да, я—кто же иной... Да, разумеется, тотъ самый, знаменитый профессоръ Чалленджеръ... Конечно, думаю, иначе бы не написалъ... Это меня не удивляетъ... Всѣ основанія такъ думать... Черезъ денекъ-другой, самое большое... Такъ чѣмъ же я то могу вамъ помочь?... Очень неприятно, безъ сомнѣнія, но я полагаю, то же будутъ испытывать и болѣе крупные люди, чѣмъ вы. Такъ что пицать нѣтъ пользы... Нѣтъ, врядъ ли смогу... Ужъ это вы рѣшайте сами... Достаточно, сэръ. У меня есть болѣе важныя дѣла, чѣмъ слушать вашу болтовню.

Онъ съ трескомъ повѣсилъ трубку и повелъ насъ наверхъ въ большую просторную комнату, гдѣ было много свѣта и много воздуха,—его кабинетъ. На огромномъ, раснаго дерева, письменномъ столѣ лежало 7-8 нераспечатанныхъ телеграммъ. Чалленджеръ взялъ ихъ въ руки.

— Надо будетъ придумать сокращенный адресъ, въ интересахъ кармана моихъ корреспондентовъ. Пожалуй: «Ноу, Ротерфильдъ» былъ бы самымъ подходящимъ.

И, отпустивъ эту загадочную шуточку, онъ, какъ всегда залился смѣхомъ, такимъ неудержимымъ, что руки его тряслись и телеграммы прыгали въ рукѣ, а лицо стало совсѣмъ свекольнаго цвѣта.

Лордъ Джонъ и я сочувственно улыбались, Соммерти сердито морщился и моталъ своей клинообразной бородой, словно козель, страдающій гесвареніемъ желудка. Чалленджеръ сталъ, наконецъ, читать свои телеграммы, а мы всѣ трое отошли къ окну, чтобы полюбоваться чуднымъ видомъ.

Тутъ, дѣйствительно, было на что посмотреть. Дорога, незамѣтно подымаясь въ гору, привела насъ на сравнительно большую высоту—семьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря, какъ мы узнали потомъ!. Домъ Чалленджера стоялъ на самой вершинѣ холма, и съ южнаго фасада, на которомъ помещалось окно кабинета, открывался видъ на широкое лѣсистое пространство, примыкавшее на горизонтъ къ отрогамъ горъ. У самыхъ ногъ нашихъ раскинулась равнина, поросшая лиловымъ верескомъ; ярко-зеленыя пятна на ней, усыянные темными точками, опредѣляли площади для игры въ гольфъ, а пятна были игроки. Подальше къ югу, сквозь просѣку, въ лѣсу, виднѣлась часть дороги изъ Лондона въ Брайтонъ. Къ дому съ этой стороны примыкалъ небольшой огороженный дворъ, гдѣ стоялъ моторъ, привезшій насъ со станціи.

Восклицаніе Чалленджера заставило насъ обернуться. Онъ прочелъ свои депеши и уложилъ ихъ аккуратной пачкой на столъ. Его большое грубое лицо, по крайней мѣрѣ, та часть его, которую оставляла открытой борода, все пылало и самъ онъ былъ, повидимому, очень взволнованъ.

— Ну-съ, господа,—началъ онъ,—наше собраніе обѣщаетъ быть весьма интереснымъ и происходить при необычайныхъ—я бы сказалъ даже: при неимѣющихъ прецедента обстоятельствахъ. Позвольте васъ спросить: вы ничего особеннаго не замѣтили по пути сюда изъ Лондона?

— Единственно, что я замѣтилъ,—съ кислой усмѣшкой отозвался Соммерли,—это то, что нашъ юный другъ не исправился въ своемъ поведеніи за истекшій годъ. Къ сожалѣнію, долженъ замѣтить, что я былъ прямо таки окорбленъ его поведеніемъ въ поѣздѣ, и я былъ бы неискреннимъ, еслибы не признался вамъ, что оно произвело на меня самое неприятное впечатлѣніе.

— Ну, ладно, ладно, ужъ. Это со всякимъ можетъ случиться успокоительно сказалъ лордъ Джонъ.—Юноша не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть. Притомъ же, онъ не англичанинъ и ему извинительно битыхъ полчаса рассказывать объ одной партіи въ футболъ.

— Битыхъ полчаса!—съ негодованіемъ воскликнулъ я.—Да, вѣдь, это вы битыхъ полчаса рассказывали какую-то нелѣпую исторію про буйвола. Профессоръ Соммерли свидѣтель—онъ подтвердитъ мои слова.

— Трудно даже сказать, кто изъ васъ былъ неспосибѣ, отозвался Соммерли.—Я теперь всю жизнь, кажется, не въ состояніи буду говорить ни о буйволахъ, ни о футболѣ.

— Да я же ни слова не говорилъ о футболѣ!

Лордъ Джонъ свистнулъ; Соммерли печально покачалъ головой.

— И, главное, съ утра,—вотъ что всего обиднѣе. Въ то время, какъ я сидѣлъ молча, погруженный въ грустную задумчивость...

— Молча? Да вы все время подражали птичьимъ голосамъ, словно клоунъ въ кафе-шантанѣ—можно было подумать, что съ нами ѣдетъ граммофонъ, а не человѣкъ.

Соммерли жестоко обидѣлся.

— Оставьте ваши шутки, лордъ Джонъ.

— Да что же это за безуміе! Каждый изъ насъ помнитъ, что дѣлали другіе и не помнитъ, какъ велъ себя онъ самъ. Давайте сопоставимъ все вмѣстѣ, съ самаго начала. Мы сѣли въ вагонъ перваго класса для курящихъ—такъ вѣдь? Затѣмъ заспорили о письмѣ нашего друга Чалленджера, помещенномъ въ «Таймсъ».

— Ахъ, вотъ какъ! Вы значить, спорили о немъ?—вмѣшался нашъ хозяинъ, и вѣки его начали опускаться.

— Вы говорили, Соммерли, что въ немъ не можетъ быть ни слова правды.

— Чортъ возьми!—вскричалъ Чалленджеръ, выпячивая грудь и глядя бороду.—Ни слова правды! Каково! Мнѣ не въ диковинку слышать отъ васъ такія слова. Могу я узнать, какими же доводами великій и знаменитый профессоръ Соммерли разбиваетъ утвержденія скромнаго смертнаго, осмѣливагося высказать свое мнѣніе по поводу одной изъ научныхъ возможностей. Можетъ быть, прежде чѣмъ стереть въ порошокъ эту ничтожную личность, онъ удостоитъ привести нѣсколько доводовъ въ пользу противоположныхъ сужденій, его собственныхъ.

Отпуская эти тяжеловѣсныя слоновья шуточки, онъ кланялся и пожималъ плечами и простиралъ руки, словно призывая всѣхъ въ свидѣтели своего миролюбія.

— Доводы простые,—былъ отвѣтъ.—Если эфиръ, въ которомъ плаваютъ земля, отравленъ настолько, что вызываетъ даже заболѣванія, какъ же мы то трое, нисколько не испытываемъ на себѣ дѣйствія отравы?

Чалленджеръ только покатился со смѣху; онъ хохоталъ такъ громко, что всѣ предметы въ комнатѣ тряслись и дребезжали.

— Нашъ почтенный другъ не замѣчаетъ фактовъ—это ужъ не въ первый разъ,—выговорилъ онъ наконецъ, немного успокоившись. Видите ли, господа, чтобы пояснить вамъ свою мысль, я лучше всего расскажу вамъ, что сегодня утромъ сдѣлалъ я. Вы охотибѣ допустите извѣстную умственную аберацію у себя, когда узнаете, что и у меня были моменты нарушенія душевнаго равновѣсія. У насъ уже нѣсколько лѣтъ служить въ домѣ экономка—нѣкая Сара—

фамиліей ея я не считалъ нужнымъ отягощать свою память. Это женщина строгая, чопорная, чинная, очень тихая и такая выдержанная, что никто изъ насъ никогда не видалъ ея взволнованной. И вотъ, сегодня утромъ, когда я сидѣлъ одинъ за завтракомъ—м-рсь Чалленджеръ завтракаетъ у себя—мнѣ вдругъ пришло въ голову, что было бы забавно и поучительно удостовѣриться, есть ли предѣлы невозмутимости нашей Сары. Я прибѣгнулъ къ способу простому, но дѣйствительному. Опрокинулъ вазочку съ цвѣтами, стоявшую посерединѣ стола, позвонилъ и самъ залѣзъ подъ столъ. Экономка вошла и, увидавъ, что комната пуста, подумала, что я ушелъ къ себѣ. Какъ я и ожидалъ, она подошла къ столу—поднять вазу и поправить скатерть. Передо мной мелькнулъ бумажный чулокъ и башмакъ съ резинкой. Я высунулъ голову изъ-подъ стола и укусилъ ее въ икру. Экспериментъ удался чрезвычайно. Съ минуту женщина стояла, какъ парализованная, уставившись на мою голову, торчавшую изъ-подъ стола, потомъ, съ крикомъ бросилась бѣжать. Я побѣжалъ за ней, чтобы объяснить и извиниться, но она мчалась, какъ вѣтеръ; и нѣсколько минутъ спустя я уже могъ разглядѣть ее только въ бинокль. Рассказываю вамъ по чистой правдѣ все, какъ было. Хорошенькая иллюстрація? Вамъ это ничего не напоминаетъ? Что вы скажете, лордъ Джонъ?

Сара мчалась по дорогѣ...

Лордъ Джонъ задумчиво покачалъ головой.

— Вамъ надо отдохнуть. Такъ можно серьезно захворать.

— А ваше, Соммерли, какое мнѣніе?

— Бросьте сейчасъ-же всякую работу и поѣзжайте на три мѣсяца въ какой-нибудь нѣмецкій курортъ!

— Превосходно. Въ самую точку попали. Ну-съ, сэръ Мэлонъ, можетъ быть, вы обнаружите ту мудрость, которой, такъ очевидно, не хватаетъ вашимъ старшимъ товарищамъ.

И я это сдѣлалъ. При всей моей скромности, долженъ сказать, что это было такъ. Разумѣется, читателю, который

знать все происшедшее, все было ясно с самого начала, но в то время совсем не так легко было сообразить. И, все же, у меня убежденно вырвалось:

— Ограва!

И от одного этого слова мне вдруг стало ясно, почему лорд Джон рассказывал бесконечную историю про буйвола, почему я истерически рыдал, а Соммерли и бьлся, и кричал по питушину. И столкновения моторов, и придиричивость шофера, и ссора из-за кислорода—все вдруг объяснилось, сложилось в одно стройное целое.

— Ну, разумеется!—вскричал я снова.—Это действие яда. Мы все отравлены.

— Именно,—подтвердил Чалленджер, потирая руки.—Мы все отравлены. Наша планета вступила в отравленный пояс эфира и теперь летит через него со скоростью нескольких миллионов миль в минуту. Наш юный друг совершенно правильно определил причину всех наших диких поступков. Это действие яда.

Мы молча переглянулись. Комментарии были излишни.

— Все подобные симптомы могут быть ослаблены и подавлены силой умственного напряжения, силой воли,—продолжал Чалленджер.—Я не могу, конечно, ожидать, чтобы у вас она оказалась настолько же развитой, как у меня, ибо интенсивность различных умственных процессов обыкновенно оказывается взаимно пропорциональной. Но, без сомнения, она скажется в известной степени даже и у нашего юного друга. После этой маленькой вспышки, так встревожившей моих домашних, я съел и начал разсуждать с самим собой. Я допросил себя: приходило ли мне раньше когда-нибудь желание укубить кого-либо из моих домашних?—Нить, не приходило. Следовательно, такой импульс ненормален. И мгновенно истина озарила меня. Исследуя свой пульс, я убедился, что он на десять биений чаще обычного и рефлексы также повышены. Я воззвал к своему высшему и более трезвому «я», к подлинному Дж. Э. Ч., остававшемуся спокойным и непоколебимым, недоступным этому чисто молекулярному разстройству. И убедился, что я могу побороть себя, могу распознать в себе признаки умственного расстройства и преодолеть их. Это была замечательная победа духа над материей, ибо это была победа над той формой материи, которая всего теснее связана с духом. Я бы даже сказал, что самый дух спасовал и победительницей оказалась личность. Так, когда жена моя сошла вниз, мне захотелось спрятаться за дверь и неожиданно крикнуть, чтобы напугать ее, но я подавил в себе это желание и встретил ее сдержанно и с достоинством. Позже, когда я спустился вниз, чтобы велеть подать мотор, и увидел Аустина, нагнувшегося над колесом, поправляя шину, рука моя сама собою поднялась, чтобы дать ему шлепок, в результате которого он, по всей вероятности, последовал бы за экономкой, но я заставил ее опуститься, слегка коснулся его плеча и сказал ему, когда надо подать мотор, чтобы во время поспеть на поезд. В данный момент я едва удерживаюсь от искушения взять профессора Соммерли за его дурацкую бороду и трясти его взад и вперед. Но, как видите, сдерживаюсь. Рекомендую и вам проверить себя.

— Теперь я понимаю, откуда взялся буйвол.

— А у меня—футболл.

— Может быть, вы и правы, Чалленджер,—молвил присмиривший Соммерли.—Сознаюсь, я настроен весьма критически и меня не легко убедить в истинности новой теории, тем более такой фантастической и необычной. Однако же, припоминая события сегодняшнего утра и необычайное поведение моих спутников в вагон, я готов допустить, что оно объясняется действием какого-нибудь возбуждающего яда.

Чалленджер хлопнул его по плечу.—И за то спасибо. Мы положительно идем вперед.

По моему, это кончина мира...

— Хорошо. Но как же вы представляете себе дальнейшее?—смирно осведомился Соммерли.

— С вашего позволения, я скажу несколько слов по этому поводу.—Чалленджер присел на stool, размахивая коротенькими толстыми ногами, неуклюжими, как обрубки.—Мы присутствуем при явлении грозном и жутком. По моему, это кончина мира.

Кончина мира! Мы невольно повернулись к окну, в которое виднелся был мирный летний пейзаж—поля, покрытые вереском, дачи, уютные домики—фермы, гуляющие... Кончина мира. Каждый из нас слышал эти слова, но, не связывая с ними непосредственного практического значения, относил осуществление их к какой-то смутной, отдаленной эпохе—в такой момент, при таких обстоятельствах, в устах такого человека, они приобретали грозное и страшное значение. Пораженные, притихшие, торжественно настроенные, мы молча ждали продолжения. Внутренняя внешность и могучий низкий бас Чалленджера придавали его словам такую силу, что на минуту ступались все его чудачества, и мы чувствовали только, что перед нами изумительная личность, головою выше обыкновенных смертных.

Однако же, я немного успокоился, вспомнив, что уже здесь, у себя в кабинете, Чалленджер дважды начинал смеяться. Все же, ведь, есть границы—даже и самообладания. Если он смеется, значит, момент не такой уж критический.

— Представьте себе гроздь винограда,—начал он,—покрытую бесконечно малыми, незамыслимыми взору бактериями. То ли садовник хочет обезвредить ее, то ли ему нужно место для разведения каких-нибудь иных бактерий, но только он погружает ее в дезинфицирующий раствор. И бактерии исчезают. То же самое, думается мне, верхов-

ный Садовник продѣлываетъ въ данный моментъ съ нашей солнечной системой, и токсическая бактерия, стерилизованная, будетъ смыта съ лица земли.

Водворившееся молчаніе было нарушено рѣзкимъ телефоннымъ звонкомъ.

— Это, навѣрное, пишитъ одна изъ нашихъ бактерий, умоляя о помощи,—сказалъ Чалленджеръ съ невеселой усмѣшкой.

И ненадолго вышелъ изъ комнаты. Помню, за время его отсутствія, никто изъ насъ не проронилъ ни слова. Да и что тутъ было говорить.

— Медицинскій инспекторъ изъ Брайтона,—появился Чалленджеръ, вернувшись.—Почему-то на побережьи болѣзнь быстрѣе прогрессируетъ. Наше преимущество—то, что мы находимся на высотѣ семисотъ футовъ. Повидимому, въ этомъ вопросѣ я признанъ авторитетомъ. Должно быть, вслѣдствіе моего письма въ «Таймсъ». Давеча, когда вы вошли, ко мнѣ звонилъ мэръ одного провинціального городка. Онъ что-то ужъ слишкомъ высоко цѣнитъ свою жизнь. Пришлось немного осадить его.

Соммерли всталъ и подошелъ къ окну. Его тонкія костлявыя руки тряслись отъ волненія.

— Чалленджеръ,—началъ онъ торжественно,—положеніе слишкомъ серьезно для пререканій и споровъ. И, если я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ, не думайте, что я дѣлаю это съ цѣлью позлить васъ. Солнце сіяетъ ярко на безоблачномъ небѣ. Верескъ, птицы, цвѣты—все, какъ всегда. Вонъ молодежь играетъ въ гольфъ, крестьяне жнутъ рожь. А вы говорите, что мы на краю гибели—что наступаетъ грозный день, котораго отъ вѣка ждало человечество. На чемъ же вы основываете этотъ приговоръ?—На нѣсколькихъ аномальныхъ линіяхъ спектра—на слухахъ съ Суматры—на странныхъ симптомахъ возбужденія, подмѣченныхъ нами другъ въ другѣ. Это послѣднее, однако, не такъ сильно выражено, чтобы вы и я усилиемъ воли не могли сдержать его. Съ нами вамъ нечего перемониться, Чалленджеръ. Мы всѣ не разъ лицомъ къ лицу стояли съ смертію. Говорите прямо, объясните толкомъ, чего намъ надо ждать и какіе у насъ шансы на спасеніе.

Это была славная, смѣлая рѣчь, свидѣтельствовавшая о томъ, что подъ всеми чудачествами и озлобленностью стараго зоолога кроется сильный, стойкій духъ. Лордъ Джонъ всталъ и пожалъ ему руку.

— Вы высказали именно то, что я хотѣлъ сказать. Да, Чалленджеръ, вы должны все толкомъ объяснить намъ. Мы всѣ люди не нервные, это вамъ извѣстно. Но хоть кого огоршить, если онъ пріѣдетъ въ гости и неожиданно узнаетъ, что насталъ день Страшнаго Суда. Объясните, въ чемъ опасность и на сколько она велика, и что можно предпринять для борьбы съ нею.

Онъ стоялъ, высокій, сильный, весь на свѣту у окна, положивъ загорѣлую руку на плечо Соммерли. Я сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, съ потухшей папироской въ зубахъ, въ какомъ-то полудремотномъ состояніи, когда всѣ впечатлѣнія становятся необычайно четкими. Можетъ быть, это была новая доза отравленія, но только всякое возбужденіе во мнѣ улеглось, уступивъ мѣсто томному и въ то же время созерцательному настроенію. Я былъ какъ будто зрителемъ, которому, въ сущности, мало дѣла до происходящаго. Но передо мною было трое сильныхъ людей, переживающихъ серьезный кризисъ, и мнѣ въ высшей степени интересно было наблюдать за ними. Прежде чѣмъ отвѣтить, Чалленджеръ наклонилъ голову и погладилъ свою роскошную бороду. Видно было, что онъ взвѣшиваетъ каждое слово.

— Какія были послѣднія извѣстія, когда вы уѣзжали изъ Лондона?

— Я былъ въ редакціи около десяти часовъ,—отвѣтилъ я,—тогда только что получилась телеграмма изъ Синга-

пура—о повальной эпидеміи на Суматрѣ и о томъ, что погасли маяки.

— Съ тѣхъ поръ событія развивались быстрѣе,—сказалъ Чалленджеръ, беря въ руки пачку телеграммъ.—Я захожусь въ тѣсномъ общеніи и съ прессой, и съ властями, такъ что получаю извѣстія со всѣхъ сторонъ. Меня настойчиво вызываютъ въ Лондонъ, но я не вижу, кому и на что это можетъ пригодиться. Всѣ извѣстія сходятся въ томъ, что болѣзнь начинается необычайнымъ возбужденіемъ; въ Парижѣ нынче утромъ были чуть ли не кровавыя столкновения на улицахъ; въ уэльскихъ угольныхъ коняхъ даже что-то вродѣ бунта. Это возбужденное состояніе, болѣе или менѣе сильное, смотря по расѣ и по человѣку, сменяется тихой экзальтаціей и какъ бы ясновидѣніемъ—мнѣ кажется я наблюдаю аналогичные симптомы въ нашемъ юномъ другѣ—которое затѣмъ переходитъ въ коматозное состояніе, или по-просту столбнякъ, быстро переходящій въ смерть. Насколько я знакомъ съ ученіемъ о ядахъ, есть извѣстные растительные яды, дѣйствующие на нервы.

— Напримѣръ, *datura*,—вставилъ Соммерли. *Datura alla*—дурманъ.

— Превосходно. Съ научной точки зрѣнія важно точнѣе обозначить нашъ токсическій агентъ? Назовемъ его *д а т у р о н о мъ*. Вамъ, дорогой мой Соммерли, принадлежитъ честь—увы—«посмертная»—но тѣмъ не менѣе единственная въ своемъ родѣ—дать имя всемірному разрушителю вселенной, при помощи котораго великій Садовникъ дезинфицируетъ ее. Итакъ, симптомы *д а т у р о н а* мною уже перечислены. Что эпидемія охватитъ весь шаръ земной и врядъ ли кто останется въ живыхъ—это представляется мнѣ несомнѣннымъ, ибо эфиръ—субстанція, охватывающая всю вселенную. До сихъ поръ она капризно выбирала мѣста, но разница лишь въ нѣсколькихъ часахъ. Она—какъ приливъ, набѣгающій то на одну часть берега, то на другую, пока, наконецъ, волны не хлынутъ и не затопятъ всего. Дѣйствіе и распредѣленіе *датурона*, повидимому, управляется своими законами, которые было бы чрезвычайно интересно изучить, если бы мы не могли успѣть это сдѣлать. Насколько они выяснились для меня—онъ бросилъ взглядъ на телеграммы—наименѣе развитыя расы всего легче поддаются его дѣйствію. Изъ Африки вѣсти очень печальныя, и туземное населеніе Австраліи, повидимому, уже уничтожено. Сѣверныя расы, пока, обнаруживаютъ большее сопротивленіе, чѣмъ южныя. Вотъ телеграмма изъ Марсели, отъ 9. 45 минутъ утра:

«Провансъ всю ночь провелъ въ бреду. Въ Нимѣ сильное броженіе среди винодѣловъ. Въ Тулонѣ возстаніе социалистовъ. Съ утра множество случаевъ заболѣванія, кончающагося столбнякомъ и смертію. *Peste foudroyante*. На улицахъ множество труповъ. Паника, застой въ дѣлахъ и разруха».

— А, часъ спустя, оттуда же, другая:

«Намъ угрожаетъ поголовное истребленіе. Соборы и церкви переполнены молящимися о спасеніи. Мертвыхъ больше, чѣмъ живыхъ. Непостижимо и ужасно. Смерть, повидимому, безболѣзненная, но скорая и неизбежная».

— Изъ Парижа извѣстія аналогичныя, но тамъ болѣзнь еще не дошла до острой формы. Индія и Персія, повидимому, уже выметены начисто. Славянское населеніе Австріи уничтожено; тевтонское едва задѣто. Вообще, насколько я могу судить по тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются у меня подъ рукою, на равнинахъ и на побережьи, болѣзнь развилась раньше и быстрѣе, чѣмъ на возвышенностяхъ. Даже небольшая разница въ высотѣ оказывается благоприятною и, если найдутся пережившіе эту катастрофу, они найдутся на вершинѣ какого-нибудь Аларата. Даже нашъ небольшой холмикъ—и то пока оказывается островомъ въ

морѣ гибели. Но если такъ пойдеть дальше, еще нѣсколько часовъ, и мы тоже погибнемъ.

Лордъ Джонъ Рокстонъ вытеръ вспотѣвшій лобъ.

— Я вотъ что не понимаю,—какъ вы можете смѣяться съ такими телеграммами въ рукахъ. Я не разъ глядѣлъ въ лицо смерти, но смерть всѣхъ людей—это ужасно.

— Что касается смѣха,—возразилъ Чалленджеръ,—не забудьте, что и я, наравнѣ съ вами, подвергся дѣйствию яда. Но ужасъ кончины міра вы, по моему, преувеличиваете. Еслибъ васъ послали въ открытое море въ лодкѣ безъ паруса и безъ снастей, невѣдомо зачѣмъ—я понимаю, тутъ можетъ дрогнуть сердце. Одиночество, неизвѣстность тяготятъ, удручаютъ. Но, если вы путешествуете на хорошемъ кораблѣ и съ вами ѣдутъ всѣ ваши родные и друзья, хотя бы вы и не знали, куда плыветъ вашъ корабль, все-таки для васъ утѣшеніе, что вы не одни и всѣ, кто дорогъ вамъ, идутъ туда же. Одинокая гибель можетъ быть страшной, но гибель общая, да еще безболѣзненная,—по моему, тутъ нечего бояться. Я скорѣе понялъ бы страхъ остаться въ мірѣ одному, переживъ все славное, талантливое, и высокое, что жило на землѣ.

— Что же вы, въ такомъ случаѣ, думаете дѣлать?—просилъ Sommerli, кивкомъ головы выразивъ полное свое очувствіе доводамъ ученаго собрата.

— Сейчасъ—позавтракать,—сказалъ Чалленджеръ, какъ какъ по дому разнесся звукъ гонга.—У насъ чудесная кухарка, которая неподражаемо готовитъ котлеты и яичницу. Будемъ надѣяться, что космическое разстройство не отразилось на ея кулинарныхъ талантахъ. Мой Шарцбергъ 96-го года также достоинъ вниманія и намъ слѣдуетъ попытаться общими усиліями спасти его отъ бесплоднаго уничтоженія.—Онъ тяжело соскочилъ съ письменнаго стола, на которомъ сидѣлъ, бесѣдуя съ нами и возвѣщая гибель вселенной, и молвилъ:—идемте же. Если и намъ осталось мало времени, тѣмъ болѣе подобаетъ провести его разумно и пріятно.

И, дѣйствительно, завтракъ былъ веселый и пріятный. Не считите меня хвастуномъ, милый мой читатель. Мы соznавали всю торжественность момента, и сознаніе это, таившееся на днѣ нашей души, умѣряло пылкость нашихъ словъ и мыслей. Но, поистинѣ, только человѣкъ, который ни разу не глядѣлъ смерти въ лицо, боится ея до послѣдней минуты. Изъ насъ же каждый не разъ глядѣлъ въ лицо смерти. Что же касается нашей дамы, она безпредѣльно вѣрила своему мужу и съ нимъ готова была идти, куда угодно. Будущее было въ рукахъ судьбы. Настоящее—въ нашихъ рукахъ, и послѣднія наши минуты мы провели дружно и весело. Какъ я уже замѣтилъ, мышленіе наше приобрѣло необычайную ясность и остроту. Даже я подчасъ высказывалъ блестящія мысли; о Чалленджерѣ ужъ и говорить нечего. Онъ былъ изумителенъ. Никогда я не постигалъ такъ ясно стихійнаго величія этого человѣка, мощи и гигантскаго его ума. Sommerli подстрекалъ его своею ядовитой критикой; лордъ Джонъ и я посмѣивались ихъ спору; маленькая хозяйка, дергала мужа за рукавъ, когда онъ чересчуръ ужъ увлекался. Жизнь, смерть, судьба, назначеніе человѣка—всѣ эти великіе вопросы были подняты и обсуждены съ тѣмъ большей смѣлостью, что странное внезапное возбужденіе, охватившее меня, звонъ въ ушахъ и зудъ во всѣхъ членахъ говорили мнѣ, что невидимая рука смерти уже занесена надъ нами. Однажды я замѣтилъ, какъ лордъ Джонъ неожиданно провѣлъ рукой по глазамъ, а Sommerli поблѣднѣлъ и откинулся на спинку кресла. Съ каждымъ глоткомъ воздуха мы впивали въ себя отраву. И, однакожъ, на душѣ у насъ было легко и радостно. Аустинъ принесъ папиросы и сигары, положилъ ихъ на столъ и хотѣлъ удалиться, когда его хозяинъ окликнулъ его:

— Аустинъ!

— Что прикажете, сэръ?

— Благодарю васъ за извѣстную службу.

Улыбка скользнула по суровому лицу камердинера.

— Я исполнялъ мой долгъ, сэръ.

— Сегодня я жду кончины міра, Аустинъ.

— Слушаю, сэръ. Въ какомъ часу?

— Не могу сказать, навѣрное. Аустинъ. Къ вечеру.

— Слушаю, сэръ.

Молчаливый Аустинъ съ поклономъ вышелъ. Чалленджеръ закурилъ папироску и, подвинувшись поближе къ жепѣ, взялъ ея руку въ свои.

— Ты знаешь, какъ обстоитъ дѣло, дорогая. Я объяснилъ это и нашимъ друзьямъ. Ты, вѣдь, не боишься?

— Это не будетъ больно, Джорджъ?

— Нѣтъ, не больнѣе, чѣмъ вдыханіе веселящаго газа у зубного врача. Каждый разъ, какъ тебѣ приходилось вдыхать его, ты на время умирала?

— Такъ вѣдь это же пріятное ощущеніе.

— Можетъ быть, и настоящее умираніе будетъ такимъ же. Возможно, что природа построитъ красивую дверь и завѣситъ ее роскошными драпировками, чтобы сдѣлать пріятнѣе вступленіе въ новую жизнь для нашей изумленной души. Изслѣдуя живую жизнь до самыхъ корней, я всюду нахожу въ глубинѣ мудрость и доброту, а когда же смертный болѣе нуждается въ добротѣ, какъ не во время рискованнаго перехода отъ одной жизни къ другой? Нѣтъ, Sommerli, я не матеріалистъ, какъ вы. Я, по крайней мѣрѣ, считаю себя чѣмъ-то слишкомъ крупнымъ, чтобы по смерти просто на-просто распасться на составныя части—пачку солей и ведра три воды. Вотъ здѣсь—онъ ударилъ себя по головѣ огромнымъ волосатымъ кулакомъ—здѣсь обитаетъ нѣчто, пользующееся матеріей, но созданное не изъ матеріи—нѣчто такое, что можетъ разрушить смерть, но чего смерть не можетъ разрушить.

— Точно также и во мнѣ,—молвилъ лордъ Джонъ.—Я по своему, христіанинъ, но мнѣ кажется исполнѣ естественнымъ, что наши предки приказывали зарывать себя вмѣстѣ съ своими стрѣлами, луками и топорами, какъ еслибъ они и по смерти продолжали жить прежней жизнью. Не знаю—прибавилъ онъ, смущенно озираясь,—можетъ быть, и я бы чувствовалъ себя лучше, еслибъ меня похоронили вмѣстѣ съ моими любимыми ружьями и пачками двумя патроновъ—разумѣется, это глупая фантазія, но, признаюсь, бываютъ у меня такія мысли. А вы какъ думаете, герръ профессоръ?

— На меня отъ вашихъ словъ вѣетъ каменнымъ вѣкомъ, если не дальше того. Я же человѣкъ двадцатаго вѣка и хотѣлъ бы умереть, какъ цивилизованный человѣкъ. Не думаю, чтобы я боялся смерти больше васъ троихъ—я уже старый человѣкъ, и не могу рассчитывать на долгую жизнь, но это противъ моей природы—сидѣть сложа руки и ждать смерти покорно, какъ овца мясника. Увѣрены ли вы, Чалленджеръ, что мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Чтобы спасти себя—ничего. Чтобы продлить нашу жизнь на нѣсколько часовъ и слѣдить за развитіемъ этой великой трагедіи, прежде чѣмъ она захватитъ и насъ,—это, можетъ быть, и въ моей власти. Я принялъ нѣкоторые мѣры.

— Кислородъ?

— Да, кислородъ.

— Но развѣ можетъ кислородъ противодѣйствовать отравленію эфиромъ? Между кнрипичемъ и газомъ нѣтъ болѣе-шей разницы въ свойствахъ, чѣмъ между кислородомъ и эфиромъ.

— Они, такъ сказать, въ разныхъ плоскостяхъ матеріи. Они не могутъ воздѣйствовать другъ на друга. Ну, полноте Чалленджеръ, вы не серьезно говорите.

— Мой добрый Sommerli, это отравленіе мірового эфира, несомнѣнно, вызвано матеріальными факторами. Это видно уже по методамъ распространенія эпидеміи. А priori

склоненъ думать, что кислородъ, повыняющій жизнеспособность и силу сопротивленія нашего тѣла, весьма и весьма можетъ замедлить дѣйствіе яда, который вы такъ удачно назвали датурономъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но у меня большая вѣра въ правильность моего сужденія.

— Ну знаете,—сказалъ лордъ Джонъ,—если надо лежать и сосать воздухъ изъ этихъ трубъ, какъ грудные ребятишки сосутъ рожокъ—я не согласенъ.

— Это не понадобится. Мы устроили такъ—т. е. главнымъ образомъ, моя жена устроила—что ея будуаръ сталъ почти непроницаемъ для воздуха. При помощи матовъ и воценовой бумаги...

— Господи, Боже, мой! Чалленджеръ! Да неужели же вы надѣетесь не допустить эфира при помощи воценовой бумаги?

— Мой достойный другъ, вы искажаете смыслъ моихъ словъ и, повидимому, умышленно. Я дѣлаю это не для того, чтобъ не допустить внутрь эфира, а для того, чтобы не выпустить наружу кислорода. Я надѣюсь создать въ этой комнатѣ настолько окисленную атмосферу, что въ теченіе нѣкотораго времени мы можемъ надѣяться сохранить сознание. У меня было дома два цилиндра съ кислородомъ, да три вы привезли съ собою. Это немного, но все же, кое что.

— На сколько же времени этого хватитъ?

— Понятія не имѣю. Мы откроемъ ихъ только, когда начнемъ задыхаться. И будемъ выпускать кислородъ по мѣрѣ неотложной надобности. Это дастъ намъ возможность прожить нѣсколько лишнихъ часовъ, а можетъ быть и дней и наблюдать гибель міра.—оставаясь, по всей вѣроятности, единственнымъ арьергардомъ человечества на пути его къ невѣдомому. Можетъ быть, вы будете такъ добры помочь мнѣ перенести туда цилиндры? Мнѣ кажется, что атмосфера уже становится удушливой.

III.

Погибаемъ.

Комната, предназначенная служить ареной этихъ незабвенныхъ переживаній, была очаровательнѣйшее гнѣздышко, гдѣ когда-либо обитала женщина,—небольшое, но уютное, квадратное, шаговъ семь-восемь въ обѣ стороны. Къ нему примыкала, отдѣленная отъ него красной бархатной портьерой, ниша, служившая профессору уборной. А изъ уборной дверь вела въ большую спальню. Занавѣсъ продолжалъ висѣть, но уборная и будуаръ въ данномъ случаѣ составляли одно цѣлое. Дверь и окно были оклеены провоценой бумагой и, такъ сказать, опечатаны. Надъ другою дверью, выходившей на площадку лѣстницы, былъ вдѣланъ въ стѣну вентиляторъ, который можно было открыть съ помощью прикрѣпленнаго къ нему шнура, еслибы явилась безусловная необходимость провѣтрить комнату. По угламъ стояли большія растенія въ кадкахъ.

Когда всѣ пять цилиндровъ, были поставлены рядышкомъ у стѣны, Чалленджеръ оглядѣлся вокругъ.

— Весьма важнымъ вопросомъ было: какъ намъ избавиться отъ избытка углекислоты при выдыханіи, не тратя понапрасну нашего запаса кислорода. Еслибъ у меня было больше времени, я напрягъ бы всю силу своего ума, и, быть можетъ, разрѣшилъ бы этотъ вопросъ удачливо, но теперь приходится довольствоваться тѣмъ, что есть. Эти растенія могутъ отчасти сослужить намъ службу. Два цилиндра уже развинчены и могутъ быть открыты моментально, такъ что застигнуть насъ врасплохъ довольно трудно. Но, все-таки, лучше не отходить далеко отъ этой комнаты, такъ какъ кризисъ можетъ наступить внезапно.

Въ комнатѣ было низкое широкое окно, выходившее на балконъ. Видъ изъ него былъ тотъ же, что и изъ кабинета. Я смотрѣлъ въ окно и не замѣчалъ никакихъ признаковъ смятенія. Мнѣ видна была вся дорога, извивами сбѣгавшая

теперь лишь въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ, медленно карабкался на холмъ. Пониже нянька катила передъ собой колясочку съ ребенкомъ, и вела другого за руку. Голубоватые струйки дыма надъ коттеджами придавали всему ландшафту видъ порядка и уюта. Ни въ лазурномъ небѣ, ни на залитой солнцемъ землѣ не замѣтно было никакихъ предвѣстниковъ катастрофы. Жнецы мирно работали въ полѣ; играющіе въ гольфъ парами и четверками перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Въ моей собственной головѣ была такая сумятица и нервы мои были такъ напряжены, что меня поражала безучастность всѣхъ этихъ людей.

— Эти господа, повидимому, ничего не ощущаютъ,—замѣтилъ я, указывая на играющихъ.

— Вы играете въ гольфъ?—спросилъ меня лордъ Джонъ.

— Нѣтъ, не случалось.

— Ну такъ вотъ: еслибъ вы играли, вы знали бы по опыту, что развѣ только землетрясеніе можетъ заставить любителя гольфа добровольно прекратить игру. Алло! Опять телефонъ, опять звонятъ.

Уже не въ первый разъ послѣ завтрака, профессора настойчиво вызывали по телефону. Возвращаясь, онъ каждый разъ вкратцѣ передавалъ намъ полученныя извѣстія. Катастрофа была безпримѣрная въ исторіи: съ юга надвигалась на сѣверъ какъ бы гигантская тѣнь—волна смерти. Египетъ уже пережилъ бредовой періодъ и затихъ. Испанія и Португалія, послѣ бѣшеныхъ схватокъ клерикаловъ съ анархистами, тоже стихли. Изъ Южной Америки каблограми больше не получалось. Въ Сѣверной Америкѣ разыгрывались жестокія стычки между бѣлыми и неграми. Въ сѣверномъ Мэрилэндѣ и въ Канадѣ эпидемія только еще начинала сказываться. Вельгія, Голландія и Данія, по очереди, переживали бурный періодъ. Со всѣхъ концовъ свѣта неслись отчаянные призывы къ очагамъ знанія и мудрости—къ всемірно извѣстнымъ химикамъ и врачамъ, молебны о совѣтѣ, о помощи. Астрономовъ тоже осаждали со всѣхъ сторонъ. Но помочь было нечѣмъ. Эпидемія была повсемѣстная и недоступная человѣческому знанію. Надвигалась смерть—безобъяснимая, но неминуемая—для старыхъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, слабыхъ и сильныхъ, безъ надежды, безъ возможности исцѣленія. Вотъ какія вѣсти сообщалъ намъ телефонъ. Большіе города уже знали, что имъ предстоитъ, и готовились встрѣтить неизбежное съ достоинствомъ и покорностью. А у насъ здѣсь игроки въ гольфъ бѣгали и прыгали, словно ягнята, не чувствуя, что надъ ними занесенъ ножъ мясника. Это казалось изумительнымъ. Но откуда же имъ было знать? Все это нахлынуло вдругъ, какъ бурный приливъ. Въ утренней газетѣ не было ничего такого, что могло бы ихъ встревожить. А теперь было всего три часа пополудни. Однако, какіе-то тревожные слухи, очевидно, долетѣли и до нихъ: мы видѣли, какъ жнецы вдругъ бросили работу и побѣжали съ поля. Изъ играющихъ въ гольфъ тоже нѣкоторые спѣшили къ зданію клуба, какъ бы спасаясь отъ дождя. Но другіе все-таки продолжали играть. Нянька повернула обратно и торопливо катила дѣтскую колясочку подъ гору, по временамъ прикладывая руки ко лбу. Извозчикъ кабъ стоялъ на мѣстѣ и утомленная лошадь отдыхала, свѣсивъ голову на грудь. А надъ всѣмъ этимъ раскинулось яркое лазурное небо, почти безоблачное, если не считать нѣсколькихъ перистыхъ облачковъ надъ дальними холмами. Если человечеству суждено окончить нынче свою жизнь, его послѣдній день будетъ красивымъ. Но прелесть окружающей природы дѣлала мысль о предстоящей гибели еще ужаснѣе. Какъ обидно такъ внезапно и страшно разстаться съ этой милой прекрасной землей!..

Я, кажется, говорилъ уже, что раздался звонокъ по телефону. Неожиданно изъ холла донесся зычный голосъ Чалленджера:

Малонь! Это пост... Идите сюда! Я соблажал вниз. Это Макъ Ардль говорил со мной из Лондона.

— Это вы, м-р Малонь!?—кричал знакомый голос.— М-р Малонь, ради самого Бога, попросите профессора Чалленджера посоветовать что-нибудь!

— Онъ ничего не можетъ посоветовать,—крикнулъ я въ отвѣтъ.—Онъ считаетъ кризисъ повсемѣстнымъ и неизбѣжнымъ. У насъ тутъ есть немного кислорода, но это можетъ лишь на нѣсколько часовъ оттянуть развязку.

— Кислороду? Теперь ужъ его не откуда достать. Что тамъ творилось утромъ въ конторѣ—чисто сумасшедшій домъ! А теперь половина служащихъ лежатъ безъ чувствъ. Я самъ еле держусь на ногахъ, голова такая тяжелая... Въ окно вижу людей, валяющихся на Флитъ-стритъ. Судя по телеграммамъ, весь мѣръ...

Голосъ его, постепенно ослабѣвавшій, вдругъ умолкъ. Минуту спустя я въ трубку телефона услышалъ какъ бы звукъ паденія чего-то тяжелого—словно мой собесѣдникъ стукнулся головой объ столъ.

— М-р Макъ Ардль!—крикнулъ я.—М-р Макъ Ардль! Отвѣта не было. И, вѣшая трубку на мѣсто, я зналъ, что больше уже не услышу его голоса.

Не успѣлъ я отойти отъ телефона, какъ э т о обрушилось на насъ. Словно мы стаяли по шею въ водѣ и насъ вдругъ захлестнуло волной. Невидимая рука тихонько стиснула мнѣ горло, выдавливая изъ меня жизнь по каплямъ. Что-то сдавило грудь, стиснуло голову, какъ обручемъ; въ ушахъ звенѣло, передъ глазами мелькали искры. Я пошатнулся и ухватился за перила лѣстницы. Въ то же мгновеніе, сопя и отфыркиваясь, какъ раненый буйволъ, мимо меня промчался грознымъ призракомъ Чалленджеръ, съ багровымъ лицомъ и выкатившимися на лобъ глазами: волосы на немъ стояли дыбомъ. Черезъ плечо у него была переброшена его малютка жена, повидимому лишившаяся чувствъ. Онъ спотыкался и стучался коленками о ступени, но все же, страшнымъ усиленіемъ воли поддерживая въ себѣ силы и сознаніе, вынесъ ее отъ отравленной атмосферы во временно безопасное убѣжище. При видѣ его и я приободрился, бросился къ лѣстницѣ, и, спотыкаясь, оступаясь, цѣпляясь за перила, карабкался вверхъ, пока не упалъ ничкомъ на верхнюю площадку. Желѣзные пальцы лорда Джона впились въ мой воротникъ; мигъ спустя я уже лежалъ въ растяжку на спинѣ, не въ силахъ ни двинуться, ни заговорить, на ковръ, покрывающемъ полъ, будуара. Со мною рядомъ лежала наша хозяйка; Sommerlin, весь ослѣпшій, сидѣлъ въ креслѣ у окна, уронивъ голову чуть не на колѣни. Какъ во снѣ я видѣлъ Чалленджера, ползущаго по полу, какъ чудовищный жукъ, и, мигъ спустя, услышалъ шипѣніе газа, выходящаго изъ цилиндра. Чалленджеръ вдохнулъ въ себя полной грудью животельный газъ, шумно, съ присвистомъ.

— Дѣйствуетъ!—вырвался у него ликующій крикъ.— Я не ошибся.

Онъ уже снова былъ на ногахъ, бодрый и свѣжій. Со спасительнымъ цилиндромъ въ рукѣ онъ бросился къ женѣ и поднесъ отверстие цилиндра къ ея личику. Черезъ нѣсколько секундъ она вздохнула, пошевелилась и приподнялась. Онъ повернулъ цилиндръ ко мнѣ, и я почувствовалъ, какъ кровь горячей волной побѣжала по моимъ жиламъ. Разумъ твердилъ мнѣ, что это лишь маленькая острочка, но раньше мы небрежно говорили о ней, теперь же каждый часъ, каждая минута казались намъ невыразимо цѣнными. Никогда я не ощущалъ такого прилива радости всѣхъ чувствъ, какъ теперь, когда я ожилъ послѣ того, какъ уже началъ умирать. Тяжесть свалилась съ груди; легкія дышали свободно, обручъ пересталъ давить голову; всѣмъ существомъ моимъ овладѣло сладкое чувство покоя и нѣги. Не вставая съ полу, я смотрѣлъ, какъ оживляли Sommerlin,

Шумно, съ присвистомъ, онъ вдыхалъ въ себя животельный газъ.

и затѣмъ лорда Джона. Едва вдохнувъ кислороду, этотъ послѣдній вскочилъ на ноги и протянулъ мнѣ руку, чтобы помочь подняться; тѣмъ временемъ Чалленджеръ поднялъ свою жену и положилъ ее на кушетку.

— О, Джорджъ! Затѣмъ ты оживилъ меня!?—говорила она, держа его за руку.—Ты правду говорилъ: врата смерти завѣшены яркими красивыми занавѣсами: когда прошло первое тягостное чувство удушья, мнѣ стало вдругъ невыразимо хорошо и сладко. Затѣмъ ты вернулъ меня къ жизни?

— Затѣмъ, что я хочу, чтобы мы вмѣстѣ совершили этотъ переходъ. Мы столько лѣтъ прожили вмѣстѣ. Было бы грустно разстаться въ послѣднюю минуту.

Въ голосъ его звучали незнакомыя мнѣ нѣжныя нотки. Я видѣлъ передъ собой новаго Чалленджера, совсѣмъ непохожаго на шумнаго и дерзкаго буяна, который и дивилъ; и возмущалъ своихъ соотечественниковъ. Здѣсь, подъ сѣнью смертной, передъ нами былъ иной Чалленджеръ—человѣкъ, сумѣвшій завоевать и сохранить любовь женщины. Но тотчасъ уже настроеніе его измѣнилось—онъ снова былъ нашимъ вождемъ и учителемъ.

— Единственный изъ всѣхъ людей я предугадалъ и предсказалъ эту катастрофу!—вскричалъ онъ съ торжествомъ.—Надѣюсь, мой добрый Sommerlin, теперь вы не станете оспаривать значенія потускнѣвшаго линіи спектра и увѣрять, что письмо мое въ «Таймсъ» основано на заблужденіи.

Впервые этотъ завзятый спорщикъ не могъ и не хотѣлъ ничего возразить. Онъ только цѣривисто дышалъ и вытягивалъ свои длинные тощіе члены, словно сiliaсь убѣдить себя, что онъ еще на этой планетѣ. Чалленджеръ подошелъ къ цилиндру съ кислородомъ и завернулъ крышку, такъ что вмѣсто громкаго шипѣнія теперь доносилось тихое, чуть слышное.

— Мы должны беречь нашъ запасъ газа,—молвилъ онъ. Атмосфера этой комнаты теперь насыщена даже сверхъ мѣры кислородомъ, и я надѣюсь, никто изъ насъ не ощущаетъ з

удушья. Мы только на опытѣ можемъ опредѣлить какую долю кислорода надо прибавлять къ воздуху, чтобы нейтрализовать дѣйствіе яда. Будемъ наблюдать.

Минутъ пять мы просидѣли молча, въ нервномъ напряженіи, зорко наблюдая за своими ощущеніями. Мнѣ только начало казаться, что невидимая каска снова начинаетъ стягивать мнѣ лобъ, какъ м-съ Чалленджеръ съ дивана заявила, что ей дурно, что у нея кружится голова. Супругъ ея прибавилъ газу.

— Въ до-научныя времена на подводныхъ судахъ держали всегда бѣлую мышъ, хрупкій организмъ которой обнаруживалъ признаки удушья и предупреждалъ объ опасности людей, раньше, чѣмъ они замѣчали, что воздухъ испорченъ. Ты, милая, будешь нашей бѣлой мышкой. Я прибавилъ кислороду, и тебѣ стало лучше—правда?

— Да, теперь мнѣ лучше.

— Можетъ быть, теперь мы напали на вѣрную дозу. Если мы точно установимъ, сколько именно намъ надо кислорода въ воздухѣ, чтобы держаться, мы можемъ вычислить и сколько времени мы еще можемъ просуществовать. Къ несчастью, воскресая себя, мы уже потратили изрядный запасъ кислороду изъ перваго цилиндра.

— Не все ли равно?—сказалъ лордъ Джонъ, стоявшій у окна, заложивъ руки въ карманы.—Если, все-таки, надо умирать, зачѣмъ намъ эти проволоочки. Вѣдь вы же говорите, что нѣтъ шансовъ на спасеніе?

Чалленджеръ съ улыбкой покачалъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, не почетнѣе ли самимъ сдѣлать прыжокъ, чѣмъ дожидаться, пока насъ толкнутъ? Если такъ я предпочелъ бы плотно закрыть цилиндръ, помолиться и отворить настежь окно.

— Почему бы и нѣтъ?—храбро поддержала его м-рсъ Чалленджеръ.—По моему, Джорджъ, лордъ Джонъ правъ. Такъ будетъ лучше.

— Я рѣшительно протестую противъ этого,—сердито крикнулъ Соммерли.—Что-жъ дѣлать—умирать-такъ умирать; но добровольно итти навстрѣчу смерти,—это по моему, нелѣпо и ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

— Что скажете на это нашъ молодой другъ?—спросилъ Чалленджеръ.

— Я думаю, что намъ слѣдуетъ держаться до конца.

— И я тоже это думаю.

— Ну, если ты такъ думаешь, Джорджъ, такъ и я съ тобой согласна,—молвила хозяйка дома.

— Да я что-жъ; я только предложилъ,—сказалъ лордъ Джонъ.—Если вы всѣ противъ, я не настаиваю. Разумѣется, это дьявольски интересно. У меня въ жизни было немало приключеній и всякихъ тревоженій, но я, что называется, кончаю на высокой нотѣ.

— Никто изъ насъ,—поучительно сказалъ Чалленджеръ,—не можетъ предсказать, какія наблюденія мы можемъ дѣлать, такъ сказать, изъ области духа въ области матеріи. Для самаго тупого человѣка очевидно, что всего удобнѣе наблюдать матеріальныя явленія на самомъ себѣ. И только, оставаясь въ живыхъ нѣсколько лишнихъ часовъ, мы можемъ надѣяться унести съ собою въ иной міръ ясное представленіе о самомъ необыкновенномъ событіи, пережитомъ вселенной. И мнѣ было бы обидно хоть на минуту сократить такой необычайный опытъ.

— Вполнѣ съ вами согласенъ,—крикнулъ Соммерли.

— Резолюція вынесена единогласно,—сказалъ лордъ Джонъ,—смотрите-ка, а бѣдный нашъ шоферъ тамъ во дворѣ уже покончилъ свой земной путь. Не сойти ли намъ внизъ и не втащить ли его сюда?

— Это было-бы безуміемъ,—возразилъ Соммерли.

— Да, пожалуй,—согласился лордъ Джонъ.—Даже еслибъ мы возвратились живыми, нашъ кислородъ разошелся бы по всему дому, а его бы мы уже не оживили. Нѣтъ, вы поглядите на этихъ птичекъ подъ деревьями!

Мы всѣ четверо придвинули свои стулья къ окну. М-рсъ Чалленджеръ все еще лежала съ закрытыми глазами на кушеткѣ. Помню, въ головѣ моей промелькнула чудовищная и забавная мысль—быть можетъ, порожденная удушливостью воздуха, вдыхаемаго нами—что мы сидимъ въ первомъ ряду креселъ и присутствуемъ при послѣднемъ актѣ мировой драмы, заканчивающейся свѣтопреставленіемъ

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

съ англійскаго З. Журавская.

Отравленный поясъ.

Романъ Конанъ-Дойля.

Конецъ.

Внизу, подъ окномъ, передъ глазами нашими былъ маленькій дворикъ, гдѣ стоялъ недочищенный автомобиль. Рядомъ съ колесами его лежалъ на спинѣ Аустинъ, шофферъ, съ огромной темной ссадиной на лбу—падая, онъ ударился о желѣзную скобку. Въ рукѣ у него такъ и остался зажатъ резиновый рукавъ, съ помощью котораго онъ мылъ свою машину. Въ уголкѣ двора росли двѣ чинары, и подъ ними валялось нѣсколько трогательныхъ комочковъ вздерошенныхъ перьевъ съ поднятыми кверху тоненькими ножками. Смерть, размахнувшись своей косою, захватывала все безъ разбора, большое и малое.

Черезъ ограду двора намъ видна была извилистая дорога, ведущая на станцію. Жнецы, которыхъ мы видѣли бѣгущими съ поля, теперь лежали на землѣ хаотической грудой труповъ. Дальше лежала нянюшка, прислонясь головой и плечами къ травянистому пригорку. Она вынула дитя изъ колясочки, и теперь держала въ рукахъ, словно неподвижный узелъ съ платьемъ. Сейчас же, вслѣдъ за нею, на дорогѣ тонкой полоской вытянулся мальчикъ, котораго она раньше вела за руку. Еще ближе виднѣлась мертвая извозчичья лошадь, упавшая на колѣни между оглоблями. Старикъ извозчикъ повисъ на козлахъ, словно какое-то пелѣное чучело, свѣсивъ руки впередъ. Сквозь стекла окна смутно можно было различить силуэтъ молодого человѣка—сѣдока. Дверца кэба была распахнута, и его рука сжимала ручку дверцы, какъ будто въ послѣдній моментъ онъ хотѣлъ выпрыгнуть изъ экипажа. Поле для игры въ гольфъ было устлано темными точками—фигурами играющихъ, лежавшими на травѣ, или въ кустахъ вереска, окаймлявшихъ поле. Въ одномъ мѣстѣ лежали почти рядомъ цѣлыхъ восемь труповъ—упорныхъ игроковъ, до послѣдней минуты не бросившихъ игры. Подъ голубымъ небеснымъ сводомъ не видно было ни единой птички; на обширномъ пространствѣ, открывавшемся нашему взору,—ни человѣка, ни животнаго. Солнце, склонявшееся уже къ закату, сіяло такъ мирно, но надъ всѣмъ пейзажемъ была разлита тишина и безмолвіе смерти—которая скоро должна была унести и насъ. Въ данный моментъ лишь хрупкое стекло, не пропускавшее наружу кислорода, ограждало насъ отъ участи, постигшей всѣхъ остальныхъ людей. Въ теченіе нѣсколькихъ краткихъ часовъ знанія и предусмотрительность одного человѣка могли еще поддержать жизнь въ этомъ маленькомъ оазисѣ среди огромной пустыни смерти, и отвратить отъ насъ общую гибель, но выйдетъ весь запасъ кислорода, и мы будемъ лежать, задыхаясь, на этомъ мягкомъ, вишневаго цвѣта коврѣ, и тогда свершится судьба всего человѣчества и всей земной жизни. Моментъ былъ слишкомъ торжественный для разговоровъ, и мы долго безмолвно взглядывали въ эту трагическую картину.

— Смотрите: вонъ, тамъ, домъ горитъ,—произнесъ, наконецъ, Чалленджеръ, указывая на столбъ дыму, поднявшійся между деревьями.—Теперь надо думать, пожаровъ будетъ много—пожалуй, цѣлые города будутъ выгорать,—вѣдь многіе задохлись, какъ стояли, съ огнемъ, или папирскою въ рукахъ. Ну да, вонъ и еще пожаръ—на вершинѣ Кроуборо-хилля. Если не ошибаюсь, это горитъ гольфъ-клубъ. Слышите, бьютъ часы на башнѣ. Философъ заинтере-

совался бы этой маленькой подробностью—что механизмъ, сдѣланный человѣческими руками, пережилъ человѣка, который его сдѣлалъ.

— А это что?—взволнованно вскричалъ лордъ Джонъ, вскакивая съ мѣста.—Откуда этотъ дымъ? Ей Богу, это поѣздъ идетъ!

Мы услышали грохотъ поѣзда; черезъ мгновеніе показался и онъ, мчавшійся, какъ мнѣ показалось, съ невѣроятной быстротой. Откуда и куда онъ шелъ, мы не имѣли понятія. И то ужъ было чудомъ, что онъ могъ идти, вообще. Но намъ предстояло еще увидѣть его трагическій конецъ. На томъ же пути стоялъ безъ движенія товарный поѣздъ. Мы невольно затаили дыханіе. Раздался оглушительный трескъ столкновенія двухъ поѣздовъ. Вагоны и локомотивы—все смѣшалось въ кучу изломанныхъ досокъ и согнутаго желѣза. Изъ этого хаоса выкинуло нѣсколько огненныхъ языковъ, и скоро все мѣсто крушенія запылало. Съ полчаса мы молча смѣли на это изумительное зрѣлище, не въ силахъ говорить ни слова.

— Вѣдны! Вѣдны!—воскликнула, наконецъ, м-рсъ Чалленджеръ, уцѣпившись за руку мужа.

— Дорогая моя, вѣдь они были такъ же безчувственны, когда разыгралась эта катастрофа, какъ тотъ уголь, въ который они превращены теперь,—успокаивалъ ее Чалленджеръ, ласково поглаживая ея руку.—Когда этотъ поѣздъ выходилъ со станціи, на немъ были живые люди, но въ моментъ гибели они были давно уже мертвы.

— Навѣрное, и повсюду происходитъ то же,—сказалъ я. Мнѣ рисовались странныя картины.—Подумайте о парходахъ на морѣ. Они будутъ плавать и плавать, по волѣ вѣтра, пока не выйдетъ все топливо, или пока они не разобьются о береговыя скалы. А парусныя суда. Они будутъ носить свой мертвый грузъ, пока не сгниютъ доски и не разсохнутся днища, и тогда только они начнутъ медленно тонуть. Можетъ быть, еще черезъ столѣтіе Атлантическій океанъ будетъ устланъ такими обломками крушенія.

— А углекопы въ шахтахъ,—напомнилъ Sommerli, издавъ какой-то странный булькающій звукъ.—Если когда-нибудь на землѣ снова будутъ жить геологи, воображаю, какія они будутъ строить странныя теоріи по поводу нахождения человѣка въ угольныхъ пластахъ.

— Я въ такихъ вещахъ мало смыслу,—возразилъ лордъ Джонъ,—но мнѣ кажется, что послѣ этой катастрофы земля опустѣетъ. Вѣдь, если она всѣхъ людей сотретъ съ лица Земли, откуда же они опять возьмутся?

— Земля и раньше была пуста,—серьезно возразилъ Чалленджеръ.—Въ силу дѣйствія законовъ, непостижимыхъ для насъ, она стала населенной. Почему же этому процессу и не повториться?

— Дорогой мой Чалленджеръ, что вы такое говорите! Неужели вы это вправду думаете?

— Профессоръ Sommerli, я не имѣю привычки говорить то, чего не думаю. Ваше замѣчаніе совершенно неумѣстно.

Пышная борода вздернулась кверху; вѣки опустились книзу.

— Ну, знаете, вы вѣрны себѣ; жили закоренѣлымъ

Тишина и безмолвіе смерти.

догматистомъ—такимъ же и умрете,—кисло сказалъ Сомерли.

— А вы, сударь мой, жили вѣчнымъ спорщикомъ, лишеннымъ воображенія, и теперь ужъ, разумѣется, инымъ не станете.

— Да, въ недостатокъ воображенія васъ никогда не упрекали и злѣйшіе ваши критики.

— Ей-Богу, они опять пререкаются!—вскричалъ лордъ Джонъ.—Какъ это похоже на васъ, господа. Стоило ради этого глотать кислородъ! Ну, не все ли вамъ равно, будутъ на землѣ снова жить люди или нѣтъ? Намъ то, вѣдь, тогда уже не будетъ.

— Въ этомъ замѣчаніи, сэръ, только сказывается ваша ограниченность,—строго сказалъ Чалленджеръ.—Истинно-научный умъ не связанъ съ условіями времени и пространства, среди которыхъ онъ живетъ. Онъ ставитъ свой наблюдательный пунктъ на грани настоящаго, отдѣляющей безконечное прошлое отъ безконечнаго будущаго. Съ этого невыблемаго исходнаго пункта онъ дѣлаетъ вылазки и по направленію къ началу, и по направленію къ концу вещей. Что же касается смерти, ученый умираетъ на своемъ посту, до конца работая, нормально и методично. Такую мелкую деталь, какъ собственный физическій распадъ онъ также не беретъ въ расчетъ, какъ и всѣ прочія ограниченія, налагаемыя на него вѣшними условіями. Вы согласны со мной, профессоръ Сомерли?

Сомерли сердито пробормоталъ:

— Съ нѣкоторыми оговорками, согласенъ.

— Идеальный, научный умъ,—продолжалъ Чалленджеръ,—я умышленно говорю въ третьемъ лицѣ, для того, чтобъ вы не сочли меня слишкомъ самонадѣяннымъ,—истинно научный умъ, даже въ тотъ моментъ, когда обладатель его падаетъ съ воздушнаго шара, способенъ работать надъ отвлеченною проблемой. Только такіе сильные люди могутъ побѣдить Природу и быть вѣрными хранителями Истины.

— Ну, на этотъ разъ, кажется, побѣдительницей останется Природа,—замѣтилъ лордъ Джонъ, глядя въ окно.—Я читалъ, что вы, господа ученые, умѣете ее обуздывать, но иной разъ она вырывается на волю и беретъ свое.

— Только временно,—съ убѣжденіемъ возразилъ Чалленджеръ.—Вы видите сами: растительный міръ увѣлѣлъ. Посмотрите на листья этой чинары. Птицы въ вѣтвяхъ ея мертвы, но дерево живетъ. Изъ этой растительной жизни въ болотѣ и прудѣ современемъ возникнетъ движущаяся живая протоплазма, микроскопическіе слизняки, пионеры великой арміи жизни, которой мы пятеро имѣемъ рѣдкую честь быть арьергардомъ. А разъ возникла низшая форма жизни, въ концѣ концовъ появится и человѣкъ—это такъ же вѣрно, какъ то, что дубъ расстетъ изъ жолудя. Эволюція снова свершитъ свой старый кругъ.

— А ядъ?—спросилъ я.—Развѣ онъ не отравитъ зародышей?

— Возможно, что ядомъ напоенъ лишь одинъ слой эфира—что это своего рода зловонный Гольфштремъ въ могучемъ океанѣ, гдѣ плаваетъ наша планета. Возможно и другое—что дѣйствіе яда ослабнетъ, и жизнь приспособится къ новымъ условіямъ. Уже одинъ фактъ, что сравнительно небольшое переокисленіе нашей крови позволяетъ намъ безъ вреда для себя существовать въ этой отравленной атмосферѣ, вѣрное доказательство тому, что не нужно большихъ измѣненій въ ея составѣ для того, чтобъ живая жизнь могла выносить ее.

Домъ за деревьями, изъ-подъ крыши котораго выбивался дымъ, вдругъ запылалъ. Высоко взвивавшіеся огненные языки лизали воздухъ.

— Это прямо ужасно!—пробормоталъ лордъ Джонъ. Никогда еще я не видалъ его такимъ подавленнымъ.

— Въ сущности, не все ли равно?—замѣтилъ я.—Міръ уже мертвъ. Сожженіе труновъ—лучшій способъ погребенія.

— Если этотъ домъ загорится—это сократить и нашу жизнь.

— Я предвидѣлъ эту опасность,—сказалъ Чалленджеръ,—и просилъ мою жену позаботиться о томъ, чтобы предотвратить ее.

— Всѣ мѣры приняты, мой дорогой. Но у меня опять начинаетъ шумѣть въ ушахъ. Какой ужасный воздухъ!

— Этому можно помочь,—сказалъ Чалленджеръ. И нагнулся надъ цилиндромъ съ кислородомъ.

— Онъ почти пустъ. Одного цилиндра намъ хватило на три съ половиною часа. Сейчасъ около восьми. Значитъ, конца надо ждать завтра утромъ къ девяти. Еще разъ для насъ взойдетъ солнце—и только для насъ.

Онъ повернулся ко второму цилиндру и на минуту пріотворилъ вѣерообразное оконце надъ дверью, чтобы провѣтрить комнату. Воздухъ сталъ замѣтно лучше, но всѣ мы сразу почувствовали себя хуже. Онъ закрылъ окошко и отвинтилъ крышку цилиндра.

— Кстати, господа, человѣкъ не можетъ питаться однимъ кислородомъ. Обѣденный часъ давно прошелъ. Я приглашалъ васъ къ себѣ на это интересное собраніе не для того, чтобъ умирить васъ голодомъ. Къ сожалѣнію, здѣсь мы должны довольствоваться малымъ. Я увѣренъ, вы согласитесь со мной, что было бы безуміемъ портить воздухъ, зажигая керосинку. Но у меня припасено холодное мясо, хлѣбъ и пикули; съ добавленіемъ бутылокъ двухъ кларета, пожалуй, съ насъ этого хватитъ. Спасибо, дорогая, ты, какъ всегда—царица всѣхъ хозяекъ.

Дѣйствительно, можно было только удивляться, какъ быстро маленькая женщина—истый образецъ британской хозяйки—накрыла столъ посерединѣ бѣлоснѣжной скатертью, разставила на немъ приборы, положила къ нимъ салфетки и подала намъ скромный обѣдъ со всѣмъ изяществомъ цивилизаціи, включая и электрическую лампу надъ сто-

ломъ. Еще больше надо было удивляться нашему великолѣпнѣйшему аппетиту.

— Это показываетъ, какъ мы волновались,—пояснилъ Чалленджеръ съ той снисходительностью, которая всегда появлялась въ немъ, когда этотъ великій ученый удостоивалъ объяснить какой-нибудь простой будничныи фактъ.— Мы пережили крупный кризисъ. Значитъ, молекулярной силы затратили много. И природа требуетъ возмѣщенія затраченнаго. Большое горе и большая радость всегда вызываютъ острый голодъ, а не воздержаніе отъ пищи, какъ увѣряютъ наши романисты.

— Потому то въ провинціи и устраиваютъ поминальные обѣды послѣ похоронъ,—рискнулъ вставить я.

— Совершенно вѣрно. Нашъ юный другъ привелъ чудеснѣйшій примѣръ. Позвольте предложить вамъ еще ломтикъ языка.

— То же самое у дикарей,—сказалъ лордъ Джонъ, наръзывая мясо.—Я видѣлъ однажды, какъ негры хоронили вождя на верховьяхъ Аруими—они слопали цѣлаго гиппопотама, который вѣсилъ столько же, сколько все племя. А въ Новой Гвинѣи въ заключеніе для полнаго порядка съѣдаютъ самого покойника. Но, надо признаться, изъ всѣхъ похоронныхъ тризнъ, справлявшихся на этой землѣ, наша, пожалуй, самая необычайная.

— Странно то,—вставила слово м-рсь Чалленджеръ,—что я какъ то совершенно не могу печалиться о тѣхъ, кто уже умеръ. А вѣдь у меня отецъ и мать въ Бедфордѣ. Я знаю, что ихъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ, но передъ лицомъ этой страшной всемірной трагедіи, не могу особенно скорбѣть ни о комъ въ отдѣльности, даже о своихъ близкихъ.

— И у меня старушка мать въ Ирландіи,—сказалъ я.—Я такъ ясно представляю себѣ ее въ ея всегдашней шали и кружевномъ чепцѣ, прислонившейся къ прямой высокой спинкѣ стариннаго кресла у окна; глаза ея закрыты, очки и книга лежатъ возлѣ нея. Зачѣмъ мнѣ горевать о ней? Она скончалась, и мнѣ осталось жить немного, и, можетъ быть, въ иной жизни я буду ближе къ ней, чѣмъ Англія къ Ирландіи. И, однакоже, мнѣ грустно думать, что моей милой старушки уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Что жалѣть о тѣлѣ!—возразилъ Чалленджеръ.—Не плачемъ же мы о срѣзанныхъ волосахъ, или ногтяхъ, а вѣдь и они когда-то были частью насъ самихъ. Точно также и калѣка врядъ ли станетъ оплакивать свою отрѣзанную ногу. Наше физическое тѣло для насъ скорѣй источникъ боли и усталости, постоянный показатель нашей ограниченности. Такъ стоитъ ли огорчаться, что оно оторвано отъ нашего психическаго я?

— Если только оно *можетъ* быть оторвано,—буркнулъ Коммерли.—Но все-таки, гибель вселенной ужасна.

— Какъ я уже объяснилъ,—сказалъ Чалленджеръ,—гибель вселенной менѣе ужасна, чѣмъ гибель отдѣльнаго человѣка.

— Точно также, какъ въ сраженіи,—подтвердилъ лордъ Джонъ.—Когда вы видите человѣка, лежащаго передъ вами на полу съ проломленной грудью, или съ дыркой на лицѣ, вамъ дѣлается дурно. А я въ Суданѣ видѣлъ десять тысячъ труповъ и ничего подобнаго не испытывалъ; потому что, когда дѣлаешь исторію, жизнь отдѣльнаго человѣка слишкомъ ничтожна, чтобы сокрушаться о ней. А когда тысяча миллионовъ гибнетъ одновременно, какъ вотъ сегодня, гдѣ ужъ тутъ плакать объ одномъ!

— Хоть бы ужъ скорѣе это кончилось!—грустно говорила м-рсь Чалленджеръ.—О, Джорджъ, я такъ боюсь!

— Когда дѣйdetъ до дѣла, ты будешь храбрѣе насъ всѣхъ, моя малютка. Я былъ для тебя очень неудобнымъ мужемъ, дорогая, но ты помни, что Д.Э.Ч. есть Д.Э.Ч.: таковъ ужъ уродился и передѣлать себя не могъ. Да и ты—развѣ ты хотѣла бы имѣть другого мужа?

— Никого въ цѣломъ мірѣ мнѣ не нужно, кромѣ тебя, мой милый!

Маленькія ручки ласково обвились вокругъ его бычачей шеи. Мы всѣ трое подошли къ окну и остановились въ изумленіи при видѣ зрѣлища, открывшагося нашимъ взорамъ.

Спустились сумерки и мракъ окуталъ мертвый міръ.

Но на югѣ поперекъ горизонта тянулася длинная ярко алая полоса, то разгораясь, то какъ будто потухая, то достигая до зенита, то замирая едва видной багряной полоской.

— Льюисъ горитъ!—воскликнулъ я.

— Нѣтъ, это Брайтонъ,—сказалъ Чалленджеръ, подходя. Видите, сквозь огонь просвѣчиваетъ извилистая линия дымъ. Должно быть, весь городъ въ огнѣ.

Зарево пожаровъ видѣлось и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ, и гряда обломковъ желѣзнодорожной катастрофы еще тлѣла, порою вспыхивая во мракѣ ярче, но все это было ничтожно, въ сравненіи съ чудовищнымъ пожаромъ, пылавшимъ за холмами. Какую блестящую хронику я могъ бы дать въ «Газету»? Случилось ли когда журналисту имѣть въ рукахъ такой чудесный матеріалъ и не имѣть возможность записать все видѣнное? Если люди науки могутъ быть до конца вѣрны дѣлу своей жизни, почему бы и мнѣ, въ моей скромной области, не быть стойкимъ до конца. Пусть никто не прочтетъ написаннаго мною. Вѣдь надо же какъ-нибудь убитъ время въ теченіе этой долгой ночи, а спать—я, по крайней мѣрѣ, зналъ навѣрное, что не усну. Это поможетъ мнѣ наполнить время и займетъ мысли.

Вотъ какимъ образомъ у меня очутилась въ рукахъ записная книжка, въ которой я кой-какъ записываю эти впечатлѣнія при слабомъ свѣтѣ единственной электрической лампочки. Будь у меня литературный талантъ, эти записи могли бы быть достойны описываемаго событія. Такъ, какъ онѣ есть, онѣ все же, можетъ быть, расскажутъ другимъ людямъ объ острыхъ и тягостныхъ переживаніяхъ этой страшной ночи.

Глава IV.

Дневникъ умирающаго.

Какъ странно выглядит это заглавіе, напарапанное сверху пустой страницы моей записной книжки. Еще страшнѣе, что его написалъ я, Эдуардъ Мэлонъ,—всего какихъ-нибудь двѣнадцать часовъ тому назадъ вышедшій изъ своихъ номеровъ въ Стрэтхемъ-стритъ, даже и не подозревая, какія чудеса мнѣ доведется видѣть въ этотъ день. Оглядываясь назадъ, я отчетливо припоминаю всю цѣпь событій: мой разговоръ съ Макъ Ардлемъ, первая тревожная замѣтка въ «Таймсѣ», нелѣпное путешествіе въ поѣздѣ, пріятный завтракъ, катастрофа—и вотъ финалъ: мы сидимъ въпятеромъ, единственные живые люди на вымершей планетѣ, зная впервые свою судьбу настолько, что на эти строки, написанныя машинально, по привычкѣ профессионала—вѣдь ихъ не суждено увидѣть человѣческому взору—я смотрю, какъ на записки человѣка, который уже умеръ,—такъ близко онъ стоитъ къ грани страны тѣней, куда ушли ужъ всѣ, кромѣ этого маленькаго кружка друзей. Я чувствую теперь, какъ мудры и правдивы были слова Чалленджера: что истинной трагедіей для насъ было бы, еслибы мы остались жить послѣ того, какъ все доброе, благородное и прекрасное погибло. Но такая опасность не грозитъ намъ. И второй нашъ цилиндръ съ кислородомъ подходитъ къ концу. Мы почти можемъ сосчитать, сколько минутъ намъ остается жить.

Только что Чалленджеръ угостилъ насъ лекціей, длившейся добрую четверть часа. Онъ такъ волновался, что ревѣлъ, какъ будто обращался къ своимъ врагамъ въ Квинсхоллѣ, принимающимъ каждое его утвержденіе скептически. Аудиторія у него была курьезнѣйшая: жена, со всѣмъ согласная и абсолютно ничего не понимающая, сидящій въ тѣни Коммерли, придиричивый и критически настроенный,

но заинтересованный предметом лекции, скупающий лорд Джон и я у окна, наблюдающий всю эту сцену с равнодушным вниманием человека, который видит сон наяву, или нечто такое, что лично его совершенно не касается. Чалленджер сидел за центральным столом, под лампой, свет которой падал прямо на стеклышко микроскопа, принесенного им из своей уборной. В ярком кружке благо света, отбрасываемого рефлектором, четко выступала часть его морщинистого, бородастого лица, другая же часть оставалась в тени. Последнее время он, повидимому, работал над низшими формами жизни и в данный момент его волновало то, что в микроскоп, закрытом вчера, он нашел амёбу еще живой.

— Смотрите сами, — возбужденно повторил он. — Соммерли, будьте добры подойти поближе и удостовериться лично. Малон, проверьте, пожалуйста, не ошибаюсь ли я. Крохотные веретенообразные штучки в центре — диатомы; их вы можете оставить без внимания, так как он, по всей вероятности, ближе к растительному царству, чем к животному. Но справа вы увидите несомненно амёбу, медленно ползущую через поле зрения. Крыша моего микроскопа завинчивается очень плотно. Смотрите сами.

Соммерли посмотрел и подтвердил, что амёба живая. Я сидел то же и увидел крохотное создание, как будто сдланное из тертого стекла, липнущее к освещенному кружку на микроскоп. Лорд Джон готов был поверить на слово.

— Я не склонен ломать себе голову над вопросом, живая она, или мертвая. Мы с ней даже не знаем друг друга, так чего же ради я стану принимать к сердцу ее участь. Не думаю, чтобы она особенно беспокоилась о моем здоровье.

Я разсмехался; Чалленджер холодно и надменно покосился в мою сторону, бросив на меня уничтожающий взгляд.

— Дерзость педоучек больше тормозит науку, чем даже тупость невежд, — язвительно замечил он. — Если лорд Джон удостоит...

— Мой милый Джордж, чего же ты язвишь, — заметила его жена, поглажив рукой черную гриву, свесившуюся над микроскопом. — И, в самом деле, не все ли равно, жива амёба, или нет?

— Нет, это совсем не все равно, — буркнул Чалленджер.

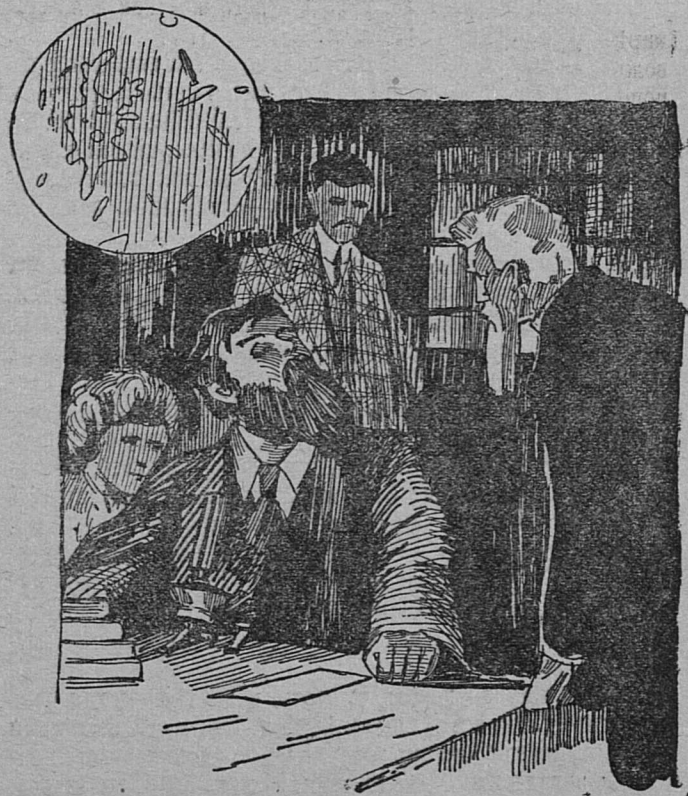
— А вы объясните, почему, — добродушно усмехаясь, сказал лорд Джон. Надо же о чем-нибудь говорить, — отчего не поговорить об этом? Если вы находите, что я обидел эту госпожу, я готов извиниться.

— С своей стороны, — вставил вечный спорщик Соммерли своим скрипучим голосом: — я не понимаю, почему вы придаете такое значение тому, что это существо живет. Оно живет в одной с нами атмосфере, и, естественно, что яд не действует на него. Если бы вы поддержали его за окном, оно умерло бы, как все живое.

— Ваше замечание, милейший Соммерли, — начал Чалленджер (о, если бы я мог нарисовать это надменное, задорно-дерзкое лицо в ярком свете рефлектора!) — ваше замечание только показывает, как вы мало уяснили себе положение. Эта амёба была положена туда вчера и герметически закрыта. Наш кислород не мог проникнуть внутрь микроскопа. Но эфир, разумеется, проник туда, как он проникает всюду. Следовательно, амёба уцелела, испытав на себе действие яда. Отсюда, мы вправду сдлать вывод, что и все амёбы, находящиеся за стенами этой комнаты, вместо того, чтобы погибнуть, как вы ошибочно утверждаете, пережили эту катастрофу.

— Ну так что же? И теперь у меня нет желания кричать ура, — сказал лорд Джон. — Какое же это может иметь значение?

— А такое, что мир, значить, жив, а не умер. Если бы вы обладали фантазией ученого, вы бы умели заглянуть вперед, за несколько миллионов лет — один момент в нескончаемом лете веков — и увидели бы мысленным взором мир, полный жизни, и животной, и растительной, которая пойдет от этого крохотного существа. Случалось вам видеть пожар в прерии, когда огонь, как будто выжигает все следы растительности на земле и оставляет лишь обугленную пустыню? Можно подумать, что она и навсегда останется пустыней. Однако корни растений, скрытые в земле, живы и, если вы через несколько лет пройдете по этой самой прерии, вы уже не увидите следов пожара. Вот в этом миниатюрном создании скрыты корни всей животной жизни и, постепенно развиваясь, по законам эволюции, она когда-нибудь изгладит всякое воспоминание о кризисе, переживаемом нами теперь.

О, если бы я мог нарисовать это надменное лицо...

— Дьявольски интересно! — сказал лорд Джон, перегибаясь через стол и заглядывая в микроскоп. — Так вот он какой, наш первый прадед, — не мешало бы повесить у него портрет в нашей семейной галлерее. И какая у него большая запонка на груди!

— Этот темный предмет — его ядро, *нуклеус*, — пояснил Чалленджер, с видом няньки, показывающей ребенку буквы азбуки.

— По крайней мере, мы не одиноки, — шутиливо продолжал лорд Джон. — Кроме нас, есть и еще живые твари на земле.

— Вы, повидимому, не сомневаетесь, Чалленджер, — вмешался Соммерли, — что этот мир только затмил и создан, чтобы на нем могла возникать и поддерживаться человеческая жизнь.

— А, по вашему, сударь мой, зачем он создан? — спросил Чалленджер, ошенившись при первом же намеке на противоречие.

— Иной раз мне кажется, что это только чудовищное самомнение человечества заставляет его думать, будто вся эта огромная арена устроена только для того, чтобы человек мог парадировать на ней.

— Мы не можем утверждать этого положительно,

но, по крайней мѣрѣ, и не впадая въ то, что вамъ угодно называть «чудовищнымъ самомиѣніемъ», мы, конечно, можемъ сказать, что человѣкъ—высшее изъ существъ, созданныхъ природой.

— Высшее изъ тѣхъ, которыхъ мы знаемъ.

— Я васъ не понимаю, сударь.

— Подумайте о томъ, сколько миллионѣвъ и, можетъ быть, билліонѣвъ лѣтъ земля носилась пустой въ пространствѣ—или, если не пустой, то, во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ признаковъ и слѣдовъ существованія человѣка. Несчетные вѣка омываемая дождями, обжигаемая солнцемъ, выметаемая вѣтрами, она жила безъ него. Съ точки зрѣнія геологій, человѣкъ—существо весьма недавно появившееся на землѣ. Какъ же можно быть увѣреннымъ, что все это было только подготовкой къ его появленію въ природѣ.

— Если не для него, такъ для кого же—или для чего? Соммерли пожалъ плечами.

— Почему я знаю. Фактъ налицо, а причина выше нашего постиженія—и человѣкъ могъ возникнуть совершенно случайно, какъ побочный результатъ случайныхъ комбинацій. Это все равно, какъ еслибы пѣна на поверхности океана вообразила себѣ, что океанъ созданъ ради нея, или же церковная мышь думала, что церковь—спеціально для нея выстроенная—законная ея резиденція.

Я записывалъ дословно весь ихъ споръ, но теперь онъ перешелъ въ шумную перебранку; оба кричатъ, волнуются, сыплютъ длиннѣйшими научными терминами, а смысла не разобрать непосвященному. Безъ сомнѣнія, это большая честь присутствовать при обсужденіи важнѣйшихъ проблемъ науки двумя такими крупными учеными, но такъ какъ они никогда не бывають согласны между собой, простые смертные, какъ лордъ Джонъ и я, не могутъ извлечь изъ этого большой пользы для себя. Они, такъ сказать, нейтрализуютъ другъ друга, а мы остаемся все при томъ же. Въ данный моментъ споръ конченъ, и Соммерли сидитъ, весь съезжившись, въ креслѣ, а Чалленджеръ все еще завинчиваетъ крышку микроскопа, не переставая глухо ворчать, какъ море послѣ бури. Лордъ Джонъ подошелъ ко мнѣ и мы вмѣстѣ смотримъ въ окно.

Взошла луна—первая четверть, новолуніе—а для насъ послѣдняя; небо все усыяно звѣздами. Какія онѣ блестящія сегодня! Даже въ чистомъ воздухѣ южно-американскаго плато я не видалъ ихъ болѣе яркими. Можетъ быть, это оттого, что составъ эфира измѣнился. Погребальный костеръ въ Брайтонѣ все еще пылаетъ, а вдали, на западѣ, виднѣются еще какъ будто зарева пожаровъ—быть можетъ, это горитъ Арундель, или Чайчестеръ, а, можетъ быть, и Портсмутъ. Я сижу и думаю; порою кое-что записываю. Земля при свѣтѣ звѣздъ кажется такой мирной и кроткой. Кто бы могъ подумать, что это—Голгофа, усыпанная трупами людей? Неожиданно я расхохотался.

— Что съ вами, юноша?—изумился лордъ Джонъ.—Повеселите и насъ, если у васъ есть что-нибудь смѣшное. Въ чемъ дѣло?

— Я думалъ обо всѣхъ великихъ неразрѣшимыхъ вопросахъ, которые теперь разрѣшились сами собой. Сколько, напримѣръ, печатъ судила и рядила о томъ, кто возьметъ верхъ въ конкуренціи между Германіей и Англіей, или кому владѣть Персидскимъ Заливомъ, которымъ такъ интересовался мой бѣдный Макъ Ардль. Мы столько спорили и волновались изъ-за нихъ. Кто бы могъ подумать, что они будутъ разрѣшены такъ просто!..

Мы снова умолкли. Мнѣ сдается, каждый изъ насъ думалъ о друзьяхъ, ушедшихъ раньше его. М-рсъ Чалленджеръ тихонько плакала; Чалленджеръ что-то шепталъ ей, утѣшая. Въ моей памяти вставали самые неожиданные люди, и я представлялъ себѣ ихъ всѣхъ лежащими въ растряску, бѣлыми и неподвижными, какъ бѣдный Аустинъ во

дворѣ. Ну, напримѣръ, Макъ Ардль. Я точно вижу, какъ онъ лежитъ, упавъ лицомъ на столъ и не снимая руки съ телефона. Или Бьюмонтъ, редакторъ,—тотъ, навѣрное, лежитъ на коврѣ, турецкомъ, красномъ съ голубымъ, украшающемъ его святилище. А наши репортеры—Макдонна, Муррей и Бондъ. Изъ нихъ, конечно, каждый умеръ за работой, съ записной книжкою въ рукѣ, полной интереснѣйшихъ замѣтокъ. Одного, разумѣется, отправили по докторамъ, другого—въ соборъ Св. Павла, третьяго—въ Вестминстеръ. Одни заголовки чего стоятъ:—«Послѣдняя надежда»—интервью съ д-ромъ Солей Вильсономъ.—«Знаменитый врачъ говоритъ: никогда не слѣдуетъ отчаиваться». —«Нашъ сотрудникъ засталъ великаго ученаго сидящимъ на крышѣ, куда тотъ спасся отъ толпы перепуганныхъ паціентовъ, осаждавшихъ его квартиру. Хотя и явно сознавая всю серьезность положенія, знаменитый физикъ отказывается признать, что никакой надежды больше нѣтъ». Макъ непременно началъ бы съ этого. А Бондъ—тотъ, конечно, пошелъ бы первымъ дѣломъ въ соборъ Св. Павла. Темя для него самая подходящая.—Онъ, вѣдь, воображаетъ, что у него блестящій литературный талантъ.—«Стоя на хорахъ, подъ самымъ куполомъ собора и глядя внизъ, на плотную массу людей, въ отчаяніи взывавшихъ къ Силѣ, которой они до тѣхъ поръ не желали знать, я вдругъ услышалъ донесшійся до слуха моего такой безумный вопль мольбы и ужаса, такой раздирающій призывъ на помощь, что я...» и т. д.

Да, вотъ гдѣ пожива репортерамъ, хотя всѣ они, подобно мнѣ, умрутъ, не успѣвъ использовать собранныхъ сокровищъ. А чего бы не далъ бѣдный Бондъ за то, чтобы увидать свою подпись подъ такой замѣткой!

Однако, какой я вздоръ пишу. Но, вѣдь, это только для того, чтобы убить время. М-рсъ Чалленджеръ удалась въ сосѣднюю уборную, и профессоръ говоритъ, что она уснула. Самъ онъ составляетъ какія-то замѣтки, заглядывая въ книги, лежащія на кругломъ столѣ посреди комнаты, такъ же невозмутимо, какъ еслибы передъ нимъ были годы мирнаго труда.

Соммерли совсѣмъ ушелъ въ свое кресло и отъ времени до времени раздражающе похрапываетъ. Лордъ Джонъ лежитъ на спинѣ, держа руки въ карманахъ, съ закрытыми глазами. Не понимаю, какъ могутъ люди спать при такихъ обстоятельствахъ.

3 часа 30 минутъ пополудни. Я только что проснулся. Было пять минутъ двѣнадцатаго, когда я написалъ послѣднюю строку. Помню, я завелъ часы и посмотрѣлъ на нихъ. Значитъ, и я истратилъ цѣлыхъ пять часовъ изъ тѣхъ многихъ, что мнѣ еще осталось жить. Кто бы повѣрилъ! Зато теперь я подбодрился и готовъ мужественно встрѣтить свой конецъ—или, по крайней мѣрѣ, стараюсь убѣдить себя, что я готовъ. А, между тѣмъ, чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ нужны людямъ его жизнь, тѣмъ, казалось бы, больше долженъ онъ бояться смерти. Какъ мудра и милосердна Пророда, постепенно, маленькими подергиваньями ослабляющая якорь, на которомъ держится наша жизнь, незамѣтно уводя насъ изъ земной гавани въ великое невѣдомое море!.

М-рсъ Чалленджеръ все еще въ уборной. Самъ Чалленджеръ уснулъ въ креслѣ. Что за картина! Все его огромное тѣло откинулось назадъ, толстыя волосатые руки сложены на жилетѣ; голова запрокинута назадъ, такъ что я ничего не вижу, кромѣ спутанной пышной бороды. При каждомъ всхрапываніи животъ его колышется. Соммерли отъ времени до времени вторить гулящему басу Чалленджера высокимъ, тонкимъ теноркомъ. Лордъ Джонъ также спитъ; его длинное тѣло перегнулось вдвое на бокъ въ большомъ плетеномъ креслѣ. Первые холодные лучи разсвѣта прокрались въ комнату; все въ ней сѣро и уныло.

Я смотрю въ окно, на солнечный восходъ—сегодня солнце будетъ свѣтить пустой землѣ. Человѣческій родъ въ одинъ

день вымерь, угась, но планеты, какъ прежде, вращаются вокругъ солнца, и въ морѣ тѣ же приливы и отливы, и вѣтеръ шелеститъ листьями деревьевъ, и вся Природа, вплоть до амебы, продолжаетъ жить, какъ бы даже не замѣчая, что человѣкъ, вѣнецъ творенія, пересталъ существовать. Внизу, во дворѣ, лежить мертвый Аустинъ; лицо его чуть бѣлѣетъ, въ рукѣ все еще заката кишка, съ помощью которой онъ мылъ автомобиль. Все человѣчество какъ бы воплотилось въ этой полу-комической, полу-трагической фигурѣ безпомощно лежащей у машины, которую она привыкла управлять..

На этомъ кончаются замѣтки, набросанныя мной тогда. Дальнѣйшія событія смѣнялись такъ быстро и такъ остро волновали меня, что я уже не могъ писать, но всѣ они до мелочей, такъ врѣзались мнѣ въ память, что врядъ ли я о чемъ нибудь забуду упомянуть.

Мнѣ сдавило горло, я взглянулъ на цилиндры съ кислородомъ—и былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ. Минуты нашей жизни были сочтены. За ночь Чалленджеръ отвинтилъ крышки и третьяго, и четвертаго цилиндровъ, и даже въ четвертомъ кислорода осталось очень немного. Но ощущение удущья было такъ тягостно, что я поспѣшилъ къ пятому цилиндру и отвинтилъ крышку. Совѣсть упрекала меня,—еслибъ я удержался, всѣ мои бѣдные товарищи, можетъ быть, умерли бы во снѣ. Но въ то же мгновеніе я услыхъ голосъ нашей хозяйки:

— Джорджъ! Джорджъ! Я задыхаюсь.

— Сейчасъ пройдетъ, м-рсъ Чалленджеръ,—откликнулся я.—Сейчасъ вамъ станетъ легче дышать.

Мой голосъ рзбудилъ другихъ. Всѣ повскакали на ноги. Даже въ эту минуту я не могъ не улыбнуться при видѣ Чалленджера, который, какъ разбуженный ребенокъ, теръ глаза огромнымъ волосатымъ кулакомъ. Sommerli весь дрожалъ мелкой дрожью: человѣческая слабость и страхъ на мигъ побѣдили въ немъ стоицизмъ ученаго. Одинъ лордъ Джонъ вскочилъ такимъ же бодрымъ, какъ еслибъ его подняли чуть свѣтъ для того, чтобъ ѣхать на охоту.

— Пятый и послѣдній,—молвилъ онъ, взглянувъ на цилиндръ.—Скажите, юнса, неужто это вы провели ночь, записывая ваши впечатлѣнія вотъ въ эту тетрадку, которая лежитъ у васъ на колѣняхъ?

— Такъ, бѣгля замѣтки, чтобы убить время.

— Ну, знаете, кромѣ ирландца никто по моему, на это не способенъ. Я полагаю, вамъ придется подождать пока амеба превратится въ человѣка, прежде чѣмъ найдется кому-прочестъ ваши замѣтки. Ну, что г. профессоръ, какія у насъ перспективы?

Чалленджеръ смотрѣлъ въ окно, на густой клубящійся туманъ, окутывающій ландшафтъ. Тамъ и сямъ, изъ этого моря тумана поросшіе лѣсомъ холмы выглядывали, словно коническіе острова.

— Словно саванъ,—сказала м-рсъ Чалленджеръ, входя въ комнату, въ ночномъ капотикѣ.—Помнишь твою любимую пѣсенку, Джорджъ? «Гоните старое, впустите новое!» Она была пророческой... Однако, какъ вы всѣ озябли, мои бѣдные друзья. Мнѣ было тепло подъ одеяломъ, а вы всю ночь провели въ креслѣ. Сейчасъ я васъ согрѣю.

Храбрая маленькая женщина поспѣшно вышла и черезъ минуту мы услыхали пѣсню котелка. А черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, неся на подносѣ пять дымящихся чашекъ какао.

— Выпейте-ка. Сейчасъ повеселѣете.

И мы выпили. Sommerli попросилъ разрѣшенія закурить трубку; мы закурили папироски. Я думалъ, что это подбодритъ насъ, но вышло иначе—это только окончательно испортило воздухъ въ комнатѣ, и безъ того страшно душной. Пришлось открыть вентиляторы.

— Сколько еще, Чалленджеръ?—спросилъ лордъ Джонъ.

— Я думаю: часа три.

— Я прежде боялся,—начала м-рсъ Чалленджеръ.—Но, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ я спокойнѣе. Ты не думаешь, что намъ слѣдовало бы помолиться, Джорджъ?

— Молись, родная, если хочешь. Каждый изъ насъ молится по своему. Моя молитва—въ томъ, что я всецѣло и съ легкимъ сердцемъ мирюсь съ той участью, которую послала мнѣ Судьба. Это высшая точка, въ которой сходятся наука и религія.

— Не могу, по совѣсти, сказать, чтобъ у меня въ душѣ было такое примиреніе, не говоря уже о «легкомъ сердцѣ»,—буркнулъ Sommerli.—Я покорюсь потому, что ничего иного мнѣ не остается. Но, сознаюсь, предпочелъ бы прожить еще годикъ, чтобы закончить свой трудъ по классификаціи ископаемыхъ.

— Вашъ неоконченный трудъ стоитъ немногого въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, что мой magnus opus, моя «Лѣтница Жизни» только еще начата. Въ этой книгѣ должно было соединиться все: мой умъ, моя начитанность, мой личный опытъ, мои огромныя познанія—она должна была создать эпоху—и, все же, вы видите, я примиряюсь.

— Я думаю, у каждаго изъ насъ останется что-нибудь въ его жизни незаконченнымъ,—сказалъ лордъ Джонъ.—У васъ что, юнса?

— Я работалъ надъ томикомъ стиховъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ, отъ этого міръ избавленъ. Это все же утѣшеніе.

— А вы сами, лордъ Джонъ?—спросилъ я.

— У меня то все устроено, и я совсѣмъ готовъ. Я, вѣдь, собрался въ путь въ Тибетъ, съ Меривалемъ. А вотъ васъ жалко, м-рсъ Чалленджеръ—вы только что устроили себѣ это хорошенькое гнѣздышко.

— Мой домъ тамъ, гдѣ мой мужъ. Но чего бы я не дала, чтобы въ послѣдній разъ пройти съ нимъ вмѣстѣ свѣжымъ утромъ по этимъ чуднымъ дюнамъ!..

Каждый изъ насъ радъ былъ бы сдѣлать то же. Солнце разсѣяло туманъ, окутывавшій его и весь пейзажъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ. Изъ этой комнаты, полутемной и съ отравленнымъ воздухомъ, этотъ мирный, красивый, яркий деревенскій пейзажъ казался дивно прекраснымъ.

М-рсъ Чалленджеръ невольно протягивала къ нему руки. Мы всѣ придвинулись къ окну и услыхъ полукругомъ. Дышать становилось трудно. Мнѣ чудилось—уже тѣни смерти рѣютъ надъ нами—послѣдними изъ людей. Словно невидимая завѣса со всѣхъ сторонъ спускалась на насъ.

— Этотъ цилиндръ что-то плохо дѣйствуетъ,—сказалъ лордъ Джонъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Количество кислорода въ каждомъ разное, въ зависимости отъ силы давленія и отъ добросовѣстности того, кто закупоривалъ его,—пояснилъ Чалленджеръ.—Но я согласенъ съ вами, Росконтъ: этотъ цилиндръ плоховать.

— Такъ что и въ послѣдній часъ нашей жизни насъ надули,—съ горечью молвилъ Sommerli.—Превосходная заключительная иллюстрація къ исторіи гнуснаго вѣка, въ который мы живемъ. Ну-съ, Чалленджеръ, теперь для васъ самое время приступить къ работѣ, если вы желаете изучить на себѣ лично явленія физическаго распада.

— Присядь на этотъ пуфикъ возлѣ меня и дай мнѣ твою руку,—сказалъ Чалленджеръ, обращаясь къ женѣ.—Я думаю, друзья мои, что оставаться дольше въ этой невыносимой атмосферѣ врядъ ли благоразумно. Вѣдь ты не хочешь этого, дорогая?

М-рсъ Чалленджеръ съ легкимъ стономъ уткнулась ему лицомъ въ колено.

— Я видалъ, какъ люди купаются зимой,—сказалъ лордъ Джонъ.—Наиболѣе храбрые окунаются сразу; кто послабѣй, стоитъ, дрожа на берегу, и завидуетъ

тѣмъ, кто уже въ водѣ. Этимъ приходится всего хуже. Я лично стою за то, чтобы не ждать, а окунуться съ головой.

— То-есть за то, чтобы отворить окно и вдохнуть эфиръ?

— Лучше умереть отравленнымъ, чѣмъ задохнуться.

Соммерли неохотно кивнулъ головой и протянулъ Чалленджеру свою худую руку.

— Мы съ вами много спорили, но это дѣло прошлое. Все же, мы были добрыми друзьями, и каждый изъ насъ въ душѣ уважалъ другого. Прощайте.

— Прощайте, юноша,—сказалъ лордъ Джонъ.—Окно замазано. Открыть его нельзя.

Чалленджеръ нагнулся и поднялъ жену, прижавъ ее къ своей груди; она обвила руками его шею.

— Дайте-ка мнѣ этотъ бинокль, Мэлонъ.

Я подаль ему бинокль.

Онъ ударилъ биноклемъ по стеклу.

— Въ руки Силы, создавшей насъ, мы предаемъ себя!—громовымъ голосомъ рявкнулъ онъ и, размахнувшись, ударилъ биноклемъ по стеклу.

На полъ посыпались осколки. Въ наши разгорѣвшіяся лица повѣяло свѣжимъ, душистымъ воздухомъ, невыразимо сладостнымъ.

Не умѣю сказать, сколько времени мы сидѣли, онѣмѣвъ отъ изумленія. Затѣмъ, словно во снѣ, я услышалъ голосъ Чалленджеръ:

— Мы вернулись къ нормальнымъ условіямъ. Земля вышла изъ отравленного пояса эфира, но изъ всего рода человѣческаго остались въ живыхъ только мы пятеро.

ГЛАВА V.

Мертвый міръ.

Сколько времени мы просидѣли такъ, съ наслажденіемъ вдыхая полной грудью влажный и душистый вѣтеръ съ моря, надувавшій кисейныя занавѣски и охлаждавшій наши разгоряченные лица, никто изъ насъ впоследствии не могъ сказать. Каждый считалъ по своему. Мы были изумлены, ошеломлены, отъ неожиданности почти потеряли сознание. Мы приготовились мужественно встрѣтить смерть, но къ этой страшной неожиданности, къ необходимости жить послѣ того, какъ умерло все человѣчество, мы не были готовы и растерялись, какъ отъ физическаго удара. Затѣмъ, постепенно, временно прекратившій свою работу механизмъ, снова заработалъ: въ мозгахъ нашихъ сами

собою рождались мысли. Невольно мы сравнили ту жизнь, которую мы жили раньше, съ тою, которую намъ придется вести теперь. Въ безмолвномъ ужасѣ каждый изъ насъ обращалъ свой взоръ къ другимъ и находилъ у всѣхъ одинъ отвѣтъ. Въмѣсто радости, которую, казалось бы, должны были испытывать люди, спасшіеся отъ неминуемой гибели, мы всѣ впали въ жестокое уныніе. Все, дорогое намъ, потонуло въ великомъ океанѣ невѣдомаго, и мы пятеро очутились, словно на необитаемомъ островѣ, безъ надеждъ, безъ стремленій. Намъ предстояло теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ бродить, точно шакаламъ, вокругъ могилъ человѣчества и ждать, когда же смерть возьметъ и насъ.

— Это ужасно,—Джорджъ! Ужасно!—рыдая воскликнула м-рсъ Чалленджеръ.—О, зачѣмъ ты спасъ насъ? У меня такое чувство, какъ будто это мы умерли, а всѣ остальные живы.

Густыя брови Чалленджеръ сдвинулись и нависли надъ глазами, огромная волосатая лапа скала протянутую ему руку жены. Я замѣтилъ, что въ бѣдѣ она всегда протягивала ему руки, какъ ребенокъ матери.

— Не будучи фаталистомъ вплоть до непротивленія злу,—сказалъ онъ,—я всегда находилъ, что высшая мудрость заключается въ примиреніи съ дѣйствительностью.

Онъ говорилъ медленно; видно было, что мысль его сосредоточенно работала; его звучный голосъ дрожалъ отъ волненія.

— Я не согласенъ мириться,—рѣшительно объявилъ Соммерли.

— И совсѣмъ это неважно, согласны вы или не согласны,—сказалъ лордъ Джонъ.—Хотите, падайте ницъ, хотите барахтайтесь—все равно, придется покориться неизбежному. Никто не спрашивалъ вашего позволенія передъ тѣмъ, какъ устроить эту катастрофу, и теперь не спросить. Такъ не все ли равно, что мы лично думаемъ объ этомъ? Какая разница?

— Разница только въ томъ, какъ мы будемъ чувствовать себя—счастливыми или несчастными,—задумчиво сказалъ Чалленджеръ, глядя руку жены.—Вы можете плыть по теченію, какъ я, и быть спокойны духомъ, или же плыть противъ теченія—и выйти на берегъ разбитымъ и усталымъ. Что сдѣлано, того ужъ не измѣнишь; примемъ его, какъ оно есть, и перестанемъ говорить объ этомъ.

— Но какъ же мы будемъ жить?—воскликнулъ я въ отчаяніи, взывая къ голубымъ безмолвнымъ небесамъ.—Я, напримѣръ,—что я буду дѣлать? Газетъ издавать некому,—значитъ мнѣ некуда дѣвать себя.

— А мнѣ нечего стрѣлять и не съ кѣмъ воевать—такъ что и мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего,—сказалъ лордъ Джонъ.

— И мнѣ некого будетъ учить, такъ какъ студентовъ больше нѣтъ,—воскликнулъ Соммерли.

— Слава Богу, у меня есть мой мужъ и мой домъ,—выговорила м-рсъ Чалленджеръ,—такъ что у меня то дѣло найдется.

— И у меня тоже,—сказалъ Чалленджеръ.—Ибо наука не умерла, и сама эта катастрофа дастъ намъ богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованій.

Онъ распахнулъ настежь окна и мы смотрѣли на безмолвный и недвижный ландшафтъ.

— Дайте сообразить,—продолжалъ онъ.—Это было въ три часа пополудни—или немного послѣ трехъ—окончательное погруженіе земли въ отравленный поясъ эфира. А теперь девять утра. Вопросъ въ томъ, въ которомъ часу мы вышли изъ этого пояса.

— На разсвѣтѣ воздухъ былъ очень скверный,—сказалъ я.

— Да и позже тоже,—поправила м-рсъ Чалленджеръ.—Въ семь часовъ у меня началось такое же удушье, какъ вчера вечеромъ, въ самомъ началѣ.

— Въ такомъ случаѣ, будемъ считать, что это произошло послѣ восьми утра. Въ теченіе семнадцати часовъ міръ былъ погруженъ въ отравленный эфиръ. За это время Великій Садовникъ счистилъ всю человѣческую плѣсень, выросшую на плодѣ Его трудовъ. Можетъ ли быть, что дѣло Его сдѣлано не до конца, и что остались въ живыхъ не только мы?

— Вотъ и я себя объ этомъ спрашиваю,—сказалъ лордъ Джонъ.—Почему бы намъ однимъ уцѣлѣть?

— Это нелѣпное предположеніе,—съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Соммерли.—Вспомните, что ядъ былъ такъ силенъ, что даже Мэлонъ, который можетъ справиться съ быкомъ и совершенно лишентъ нервовъ, едва въ состояніи былъ взбѣжать на лѣстницу передъ тѣмъ, какъ онъ свалился замертво. Правдоподобно ли, чтобы кто-нибудь могъ прожить въ этомъ отравленномъ воздухѣ семнадцать минутъ,—не говоря уже о семнадцати часахъ?

— Если только онъ не предвидѣлъ катастрофы и не приготовился къ ней, какъ нашъ другъ Чалленджеръ.

— Ну, это врядъ ли,—возразилъ Чалленджеръ, выставляя впередъ бороду и опуская вѣки.

— Такъ что, вы думаете, что кромѣ насъ, всѣ люди умерли?

— Почти не сомнѣваюсь въ этомъ. Однакожъ, надо помнить, что ядъ дѣйствовалъ снизу вверхъ, и возможно, что въ верхнихъ слояхъ атмосферы онъ дѣйствовалъ менѣе разрушительно. Это очень странно, и въ будущемъ намъ надо будетъ выяснитъ причину этого. А, слѣдовательно, если ужъ искать уцѣлѣвшихъ, то надо обращать свой взглядъ къ тибетскимъ селеніямъ, или альпійскимъ фермамъ на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

— Ну, принимая во вниманіе, что теперь у насъ нѣтъ ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ для насъ, это все равно, что искать живыхъ людей на лунѣ,—сказалъ лордъ Джонъ.—А я вотъ задаю себѣ другой вопросъ: совсѣмъ это прошло, или только наполовину?

Соммерли вытянулъ шею, какъ журавль, и обвелъ глазами горизонтъ.

— Небо кажется чистымъ и яснымъ, но, вѣдь, и вчера оно было такимъ. Я далеко не увѣренъ, что опасность миновала.

Чалленджеръ пожалъ плечами.

— Опять таки, намъ слѣдуетъ вернуться къ нашему фатализму. Если міръ когда нибудь и переживалъ уже нѣчто подобное,—что не выходитъ изъ предѣловъ возможности—то, во всякомъ случаѣ, это было очень давно. И мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что повториться это можетъ развѣ очень нескоро.

— Все это прекрасно,—сказалъ лордъ Джонъ,—но въ землетрясеніи, однако, за первымъ ударомъ почти всегда слѣдуетъ второй. Я полагаю, что не худо бы намъ было размять ноги и надышаться воздухомъ, пока онъ не отравленъ. Нашъ запасъ кислорода все равно истощился и, развѣ ужъ нужно будетъ умереть, то не все ли равно, въ комнатахъ, или на воздухѣ.

Послѣ непрерывныхъ волненій въ теченіе послѣднихъ сутокъ, теперь настала реакція—физическая и моральная; кромѣ усталости мы ничего не чувствовали; все было безразлично, все казалось утомительнымъ и безцѣльнымъ. Даже Чалленджеръ поддался этому чувству и уйдя въ свои мысли, витавшія гдѣ-то далеко, сидѣлъ въ креслѣ, облокотясь локматой головою на руки до тѣхъ поръ, пока лордъ Джонъ и я, подхвативъ его подъ руки, силой не подняли его—за что, вмѣсто благодарности, онъ заворчалъ на насъ, какъ потревоженный сердитый песъ. Тѣмъ не менѣе, когда мы изъ своего тѣснаго убѣжища вышли на свѣтъ и воздухъ, постепенно къ намъ вернулась обычная наша энергія.

Но что начать, что дѣлать въ этой живой могилѣ? Приходилось ли когда человѣку задавать себѣ такой вопросъ?

Правда, физическія наши нужды были обезпечены, даже съ избыткомъ. Всѣ склады провіанта, всѣ винницы, всѣ сокровища искусства были теперь наши. Но намъ то куда было дѣвать себя? Впрочемъ, дѣло оказалось подъ рукой. Мы спустились въ кухню и прежде всего положили двухъ умершихъ слуганокъ каждую на ея постель. Онѣ, повидимому, не страдали; одна уснула на табуретѣ у огня, другая на полу въ кладовой. Затѣмъ, перенесли въ домъ со двора бѣднаго Аустина. Всѣ его мускулы ооченьли въ самомъ неестественномъ положеніи и были тверды, какъ доска, а ротъ былъ перекошенъ жесткой сардонической усмѣшкой. Эту усмѣшку наблюдали у всѣхъ, погибшихъ отъ дѣйствія

У меня есть мой мужъ и мой домъ. (См. стр. 44).

отравы. Куда бы мы ни направились, всюду на насъ смотрѣли тѣ же скалившія зубы лица, словно издѣваясь надъ нашей злополучной участью единственныхъ людей, уцѣлѣвшихъ на землѣ.

— Послушайте,—сказалъ лордъ Джонъ,—безпокойно шагавшій по столовой, въ то время, какъ мы подкрѣплялись ѣдой,—не знаю, какъ вы, господа, но я прямо не въ состояніи сидѣть здѣсь, сложа руки.

— Можетъ быть, вы будете такъ любезны пояснить, что именно, по вашему, намъ нужно дѣлать,—съ убійственной любезностью выговорилъ Чалленджеръ.

— Прежде всего встряхнуться и узнать толкомъ, что случилось.

— Это бы и самъ я предложилъ.

— Но только не здѣсь, въ глухой деревушкѣ. Кромѣ того, что видно изъ этого окна, мы здѣсь все равно ничего больше не увидимъ.

— Куда же итти?

— Въ Лондонъ.

— Ну, знаете,—вмѣшался Соммерли.—Вы, можетъ быть, и въ состояннн ходить по сорока пяти миль пѣшкомъ, но относительно Чалленджера съ его обрубками вмѣсто ногъ, я въ этомъ не увѣренъ, а о себѣ положительно увѣренъ, что этого я не могу.

Чалленджеръ обозлился.

— Попробовали бы вы, сударь мой, ограничить наши наблюденія вашими собственными физическими особенностями—повѣрьте, что и этого вполне достаточно.

— Да я же не хотѣлъ обидѣть васъ, мой дорогой Чалленджеръ,—воскликнулъ нашъ безтактный другъ.—Человѣкъ не отвѣтственъ за свою физическую внѣшность. Если природа наградила васъ приземистымъ, тяжеловѣснымъ тѣломъ, ноги у васъ не могутъ быть иными, какъ обрубками.

Чалленджеръ слишкомъ разсвирѣпѣлъ, чтобы возражать. Онъ могъ только щетиниться, ворчать и сверкать глазами. Лордъ Джонъ поспѣшилъ вмѣшаться.

— Затѣмъ же непремѣнно идти пѣшкомъ?—спросилъ онъ.

— А какъ же иначе—по желѣзной дорогѣ, что ли?—фыркнулъ Чалленджеръ.

— А моторъ? Вѣдь онъ не испорченъ. Почему бы намъ не поѣхать на моторѣ?

— Я не специалистъ по этой части,—раздумчиво выговорилъ Чалленджеръ, поглаживая бороду.—Но вы правы, предполагая, что человѣческнй интеллектъ, достигшнй высшаго развитiя, настолько гибокъ, что можетъ овладѣть и этимъ. Ваша мысль—превосходная, лордъ Джонъ. Я самъ съезжу васъ въ Лондонъ.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете,—рѣшительно заявилъ Соммерли.

— Нѣтъ, Джорджъ. Ты этого не сдѣлаешь! — вскричала м-рсъ Чалленджеръ.—Ты только разъ попробовалъ управлять моторомъ, и, помнишь? выломалъ ворота гаража.

— Это потому, что я на одинъ моментъ отвлекся,—снисходительно пояснилъ профессоръ.—Вопросъ рѣшенъ. Я, конечно, сумѣю доставить васъ въ Лондонъ.

Къ счастью вмѣшався лордъ Джонъ:

— У васъ какой моторъ?

— Двадцати-сильный, Гумберъ.

— Да у меня такой же; я ужъ сколько лѣтъ ѣзжу на немъ: Ей-Богу! Не думалъ я дожить до той поры, когда все человѣчество можно будетъ умѣстить въ одномъ автомобилѣ. Помнится, тамъ именно пять мѣстъ. Ну, собирайтесь, господа: къ десяти часамъ машина будетъ у подъѣзда.

Дѣйствительно, въ назначенный часъ автомобиль, пыхтя, уже стоялъ у дверей. Лордъ Джонъ сидѣлъ на рулѣ. Я сѣлъ съ нимъ рядомъ, а даму нашу, въ видѣ маленькаго буфера, помѣстили между двумя раздражительными профессорами. Затѣмъ лордъ Джонъ налегъ на рукоятку рычага, перевелъ скорость съ первой на третью, и мы помчались.

Это была странная прогулка. Представьте себѣ ясный августовскнй день, прохладное утро, купающееся въ золотомъ солнечномъ свѣтѣ, безоблачное небо, роскошную зелень, холмы, одѣтые розоватымъ верескомъ. Можно было совсѣмъ забыть о происшедшей катастрофѣ, если бъ не одна зловѣщая черта—торжественная, гробовая тишина. Въ деревнѣ, вѣдь, все время слышишь шумы жизни, только не замѣчаешь ихъ, какъ на морѣ перестаешь слышать рокотъ волнъ. Щебетанье птицъ, жужжанье насѣкомыхъ, далекiе голоса, мычанье коровъ, неумолкающнй собачнй лай, громыханье поѣздовъ и телѣгъ—все эти шумы мы все время слышимъ, хотъ и перестаемъ замѣчать ихъ. И теперь намъ ихъ не доставало. И это мертвое безмолвiе было такъ страшно, такъ жутко, такъ зловѣще, что шумъ, производимый нашимъ автомобилемъ, казался святотатственнымъ нарушенiемъ этой могильной тишины, леденившей наши сердца, какъ и клубы дыма, подымавшiеся тамъ и сямъ надъ ножащими.

А затѣмъ, мертвецы. Первые, видѣнные мною: нянька съ ребенкомъ, мальчикъ, Аустинъ, мертвый извозчикъ и мертвая лошадь, упавшая на колѣни между оглоблями, навѣки врѣзались мнѣ въ память. Но природа милосерда и скоро переутомленные нервы перестали реагировать на такiя впечатлѣнiя. Слишкомъ много было ужасовъ кругомъ, чтобы переживать ихъ всѣ. Отдѣльные индивидуумы сливались въ группы, группы въ массы, и эти массы мертвецовъ становились уже привычными, какъ неизбѣжная деталь каждой картины. Лишь изрѣдка, когда въ глаза бросалось что-нибудь особенно жестокое, или траги-комичное, мы съ ужасомъ вспоминали, что все это значить.

Всего больше жалъ было дѣтей. Ихъ гибель казалась возмутительно несправедливостью. Хотѣлось плакать—м-рсъ Чалленджеръ и плакала—когда мы, проѣзжая мимо большой городской школы, увидали рядъ маленькихъ фигурокъ, которыми усыяна была дорога къ школѣ. Испуганные наставники распустили ихъ, и они поспѣшили домой, но ядъ убилъ ихъ на пути. Почти во всѣхъ домахъ были отворены окна, и изъ каждаго выглядывало мертвое ухмыляющееся лицо. Въ послѣдннй моментъ ощущенiе удущья, потребность въ кислородѣ, которую одни мы въ состоянн были удовлетворить, бросало каждаго къ окну. Тротуары также были усыяны трупами мужчинъ и женщинъ, безъ шляпъ, одѣтыхъ по домашнему—очевидно, выбѣжавшихъ на улицу, спасаясь отъ удущья. Немало труповъ валялось и прямо на улицѣ. Хорошо, что лордъ Джонъ отлично управлялъ автомобилемъ—мѣстами проѣхать было довольно таки трудно. Въ городахъ и деревняхъ приходилось ѣхать шагомъ, а въ Тонбриджѣ намъ даже пришлось выйти и урвать часть труповъ, заграждавшихъ путь.

Изъ этой обширной панорамы Смерти мнѣ врѣзались въ память нѣсколько отдѣльныхъ черточекъ. Одна изъ нихъ—большой красивый моторъ, стоявшнй возлѣ гостиницы въ деревушкѣ Соузборо. Повидимому, въ немъ какая-то веселая компанiя возвращалась съ пикника въ Брайтонъ, или Эстборнъ. Тамъ были три нарядныхъ дамы, всѣ молодыя и красивыя; у одной на колѣняхъ была собачка, крохотная китайская болонка. Съ дамами былъ пожилой, сильно таки пожившнй господинъ и молодой аристократъ, съ моноклемъ въ глазу, съ папирской, догорѣвшей до самого конца въ пальцахъ его обтянутой шегольской перчаткой руки. Смерть, видимо, застигла ихъ мгновенно, такъ что они остались въ тѣхъ же позахъ, какъ сидѣли. Еслибы пожилой господинъ, задыхаясь, не сорвалъ съ себя воротничка, можно было бы подумать, что они уснули отъ усталости. По одну сторону мотора лежалъ на землѣ лакей, а возлѣ него валялся подносъ и разбитые стаканы. По другую сторону двое оборванцевъ, мужчина и женщина, первый съ застывшей въ воздухѣ протянутой рукой—онъ, очевидно, въ моментъ смерти просилъ милостыни. Одинъ мигъ слилъ воедино аристократа, лакея и бродягу и всѣхъ ихъ превратилъ въ недвижную и разлагающуюся протоплазму.

Помню еще другую странную картину. На пути въ Лондонъ изъ Севернокса, на горѣ есть большой монастырь. Къ нему ведетъ отлогнй изумрудный скатъ. На этомъ скатѣ застыли на колѣняхъ многе ство дѣтей. Передъ ними, также на колѣняхъ, рядъ монахинъ, а повыше, лицомъ къ нимъ, отдѣльная женская фигура,—должно быть, мать игуменьи. Здѣсь, повидимому, предвидѣли опасность и умерли сознательно, красиво, съ молитвой на устахъ, какъ подобаетъ христіанамъ.

Я до сихъ поръ не могу опомниться отъ этихъ ужасающихъ впечатлѣннй и напрасно ищу словъ, чтобы точно описать ихъ. Можетъ быть, лучше и не пробовать, а лишь вкратцѣ излагать факты. Даже Соммерли и Чалленджеръ были подавлены и не подавали голоса; лишь изрѣдка до насъ доносились изнутри кареты всхлипыванья нашей дамы. Что касается лорда Джона, онъ былъ слишкомъ занятъ

управленіем моторомъ, чтобы глядѣть по сторонамъ, или разговаривать. Онъ только повторялъ все одну и ту же фразу, застрявшую у меня въ памяти, почти смѣшную, до того она не соответствовала тому, къ чему относилась.

— Нечего сказать. Хорошія дѣла!

На Старой Кентской дорогѣ насъ ждала неожиданность. Въ окнѣ скромнаго углового дома развѣвался носовой платокъ въ длинной и тонкой человѣческой рукѣ. Ни одинъ мертвецъ не вызывалъ въ насъ такого остраго волненія, какъ этотъ первый призракъ жизни въ пустынѣ смерти. Сердца наши на мигъ перестали биться и затѣмъ забились съ удвоенной силой. Лордъ Джонъ остановилъ моторъ у подъѣзда дома, и черезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ комнатѣ маленькой квартирки во второмъ этажѣ, откуда исходилъ сигналъ.

Въ креслѣ у открытаго окна сидѣла древняя старуха, а рядомъ съ нею, на стулѣ, лежалъ цилиндръ съ кислородомъ, меньше размѣромъ, но такой же формы, какъ и тѣ, которые спасли намъ жизнь. Старуха повернула къ намъ, столпившимся въ дверяхъ, худое, изможденное лицо съ очками на носу.

— Я уже боялась, что меня совсѣмъ тутъ бросили—одну, а я калѣка и не могу двинуться съ мѣста.

■ Я уже боялась, что меня бросили здѣсь совсѣмъ одну.

— Да, сударыня, это счастье для васъ, что намъ случилось проѣхать мимо.

— Господа, умоляя васъ, не скрывайте отъ меня ничего. Отвѣйте мнѣ на одинъ очень важный вопросъ. Какъ отразятся эти событія на шерахъ Сѣверо-Западной желѣзной дороги?

Мы расхохотались бы въ отвѣтъ, еслибъ не трагическая серьезность, съ которой старуха ждала нашего отвѣта. М-рсъ Берстонъ—такъ ее звали—была вдова преклонныхъ лѣтъ, у которой весь ея скромный капиталъ былъ вложенъ въ эти шеры, и для нея все въ жизни зависѣло отъ того, падаютъ онѣ или поднимаются на биржѣ. Напрасно мы доказывали ей, что теперь богатства всего міра принадлежатъ

ей, да только купить на нихъ ничего нельзя—ея старческій умъ не могъ усвоить себѣ этой новой мысли, и она громко рыдала о своихъ погибшихъ шерахъ.

— Это все мое состояніе!—плакала она.—Если оно погибло, лучше было бы и мнѣ погибнуть.

Изъ ея жалобныхъ восклицаній мы поняли, какимъ образомъ сохранилось это хрупкое деревцо во время гибели цѣлаго лѣса. Старуха, разбитая параличемъ, была прикована къ креслу и страдала астмой. Ей было предписано врачами вдыхать кислородъ и въ моментъ кризиса возлѣ нея былъ цилиндръ съ этимъ спасительнымъ газомъ. Почувствовавъ удушье, она естественно схватилась за него и, постепенно вдыхая его, она дожила до утра. А затѣмъ уснула и проснулась отъ шума нашего мотора. Взять ее съ собою было невозможно; поэтому мы позаботились, чтобы у нея было подъ рукой все необходимое и обѣщали дня черезъ два, самое большое, навѣстить ее. И оставили ее горько плачущей о своихъ утраченныхъ шерахъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали къ Темзѣ, улицы становились все загроможденнѣе. Лишь съ большимъ трудомъ удалось намъ перебраться черезъ Лондонскій Мостъ. Всѣ примыкавшія къ нему улицы были застѣлены экипажами и телѣгами; устранить это препятствіе намъ было не подъ силу. На одной изъ верфей, возлѣ самого моста горѣлъ пароходъ, и воздухъ былъ полонъ летающей сажки и фѣкаго дыма. Такое же облако дыма стояло и надъ зданіемъ Парламента, но отсюда невозможно было опредѣлить, гдѣ именно горитъ.

— Не знаю, какъ вы, господа,—сказалъ лордъ Джонъ, останавливая моторъ,—но, по моему, въ деревнѣ какъ-то веселѣе, чѣмъ здѣсь, въ городѣ. Мертвый Лондонъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Я бы предложилъ повернуть обратно въ Розерфильдъ.

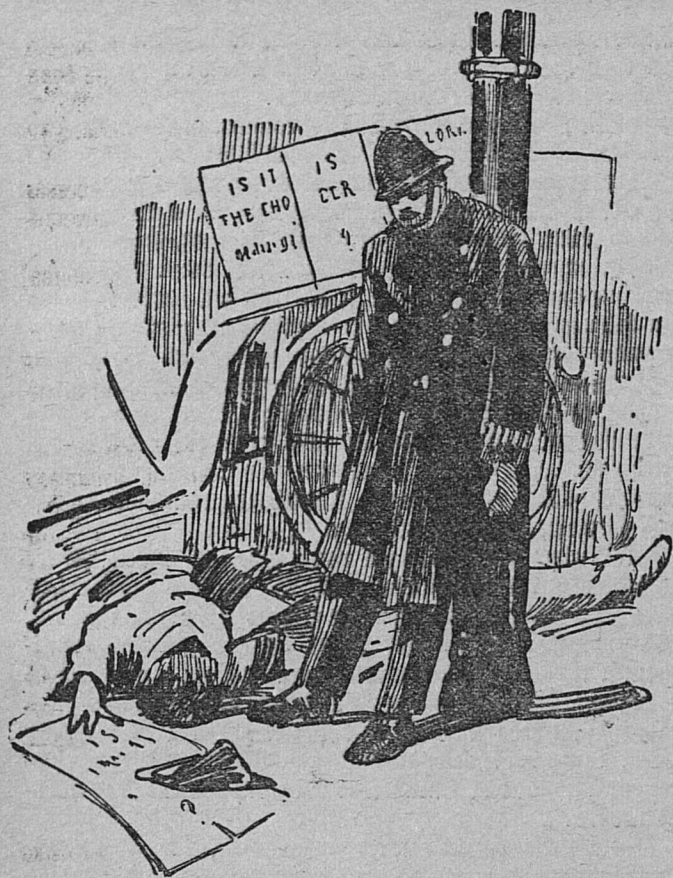
— Сознаюсь, и я не вижу, чего намъ здѣсь еще искать,—сказалъ профессоръ Sommerli.

— А между тѣмъ,—сказалъ Чалленджеръ, и его густой басъ звучалъ такъ странно среди общаго безмолвія,—трудно представить себѣ, чтобы изъ семи милліоновъ населенія уцѣлѣла только одна эта старуха, случайно ухитрившаяся пережить катастрофу.

— Можетъ быть, и есть другіе, но какъ же намъ найти ихъ, Джорджъ? Впрочемъ, я согласна съ тобой, что нельзя уѣзжать отсюда, не попробовавъ.

Мы вышли изъ мотора, не безъ труда пробираясь по заваленнымъ трупами тротуарамъ Кингъ Уильямъ-стритъ, и вошли въ отворенную дверь большаго зданія страховаго агенства. Домъ былъ угловой, и изъ оконъ его открывался широкій видъ во всѣ стороны. Мы поднялись по лѣстницѣ и очутились, должно быть, въ залѣ засѣданій, такъ какъ за длиннымъ столомъ посерединѣ сидѣло восемь пожилыхъ мужичковъ. Большое до полу окно было открыто, и мы вышли на балконъ. Отсюда видны были улицы Сити, расходящіяся по всѣмъ направленіямъ, и почти сплошь загроможденные недвижимыми моторами. Очевидно, въ послѣдній моментъ, почувствовавъ опасность, дѣльцы поспѣшили къ своимъ близкимъ, жившимъ за городомъ, на дачахъ. Тамъ и сямъ, среди болѣе скромныхъ каретъ виднѣлся роскошный автомобиль какого-нибудь важнаго сановника, безнадежно застрявшій въ хаосѣ экипажей. Какъ разъ подъ окномъ стоялъ такой; владѣлецъ его, пожилой толстякъ, наполовину высунулся изъ окна, и пухлая рука его, вся покрытая бриллантовыми перстнями, была протянута къ шоферу, которому онъ, должно быть, приказывалъ употребить всѣ усилія, чтобы выбраться изъ общей кучи.

Автобусы возвышались, какъ острова среди этого моря экипажей; пассажиры имперіала лежали всѣ въ повалку, одинъ на другомъ, какъ куклы въ дѣтской. У фонаря стоялъ солидный полисменъ, прислонившись къ фонарному столбу, въ такой естественной позѣ, что трудно было повѣ-

* Прислонившись къ фонарному столбу, стоялъ поли-
оменъ.

рить, что человѣкъ этотъ не живой; у ногъ его лежалъ оборванный мальчишка газетчикъ и возлѣ него пачка газетъ. Тутъ же неподалеку завязла тележка съ объявленіями, и мы читали заглавія газетныхъ статей, огромными буквами, чернымъ по желтому: «Шумныя пренія въ палатѣ лордовъ». — «Правда ли, что это конецъ? Предостереженіе Великаго Ученаго». И рядомъ: «Правъ ли Чалленджеръ? Грозныя слухи»

Чалленджеръ указалъ женѣ на этотъ послѣдній плакатъ, развѣвавшійся, какъ знамя, надъ толпой. И незамѣтно выпятилъ грудь впередъ и погладилъ бороду. Ему, видимо, льстило, что Лондонъ умиралъ съ его именемъ на устахъ. Это было такъ ясно, что насмѣшникъ Коммерли не выдержалъ:

— До послѣдней минуты на виду, Чалленджеръ.

— Да, повидимому.—Однако, я, дѣйствительно, не вижу, зачѣмъ намъ дольше оставаться въ Лондонѣ. Я бы предложилъ вернуться въ Розерфильдъ и тамъ обсудить, какъ намъ полезнѣе употребить оставшіеся намъ годы жизни.

Изъ видѣнныхъ нами картинъ мертваго города приведу еще одну—внутренность церкви Св. Маріи. Раздвигая фигуры, распрестертыя на ступеняхъ крыльца, мы добрались, наконецъ, до двери и вошли. Это было изумительное зрѣлище. Церковь была сплошь заполнена колѣнопреклоненными фигурами. Въ послѣднюю страшную минуту, очутившись лицомъ къ лицу со Смертью, уже заглядывавшею въ глаза, люди кидались въ церкви, старые храмы Сити, столько лѣтъ почти не посѣщавшіеся прихожанами. И здѣсь, сбившись въ кучу, бросившись на колѣни, гдѣ пришлось, въ страхѣ молились о спасеніи, въ то время, какъ надъ ними молодой человѣкъ въ свѣтскомъ платьѣ съ амвона, повидимому, обращался къ нимъ съ какой-то рѣчью, пока и его не постигла общая со всѣми участь. Теперь онъ лежалъ, недвижный, перевѣсившись головой и обѣими руками черезъ перила кафедры. Эта безмолвная, пыльная церковь, эти ряды недвижныхъ людей на колѣняхъ, эта страшная тишина—все это осталось у меня въ памяти, жуткимъ кошма-

ромъ. Уходя оттуда, мы шли на ципочкахъ и говорили шепотомъ.

Неожиданно меня осыпала мысль. Въ одномъ углу церкви, близъ входной двери, стояла старинная купель, а позади нея, въ нишѣ, видѣлись веревки отъ колоколовъ. Почему бы намъ не поднять трезвона и не оповѣстить по всему городу, что есть еще живые люди? Я побѣжалъ туда и ухватился за веревку, но, къ изумленію моему, не раздалось ни звука. Раскачать языкъ колокола оказалось, не такъ то легко. Лордъ Джонъ сталъ помогать мнѣ, восклицая:

— Ей Богу, юноша, вы молодчина! Это дьявольски блестящая мысль. Дайте-ка сюда вотъ ту веревку. Вдвоемъ у насъ дѣло пойдетъ спорнѣе.

Но языкъ колокола былъ такъ тяжелъ, что только когда къ намъ присоединились оба профессора, мы услышали колокольный звонъ. Надъ мертвымъ Лондономъ пронеслась вѣсть надежды и дружескаго привѣта всѣмъ уцѣлѣвшимъ, если только они есть. Намъ самымъ отродно было слышать этотъ мощный, гудящій призывъ, и мы удвоили усилія, взлетая на два фута кверху и всей нашей тяжестью повисая на веревкѣ, когда нужно было оттащить ее обратно книзу. Послѣднимъ изъ насъ, ниже всѣхъ, подвѣсился Чалленджеръ, пустивъ въ ходъ всю свою гигантскую силу, подпрыгивая, какъ огромная раздувшаяся лягушка и громко крикая при каждомъ прыжкѣ. Вотъ бы теперь нарисовать, или снять насъ всѣхъ четверыхъ! Съ полчаса мы работали съ такимъ усердіемъ, что потъ катился съ насъ градомъ, а плечи и спины мучительно ныли отъ напряженія. Затѣмъ мы вышли на крыльцо, зорко выглядывая въ тихія, хоть и людныя улицы.—Ни звука, ни шороха—никакого отвѣта на всѣ наши призывы:

— Напрасно. Здѣсь никого нѣтъ въ живыхъ!—вскричалъ я.

Мы сдѣлали, что могли и больше ничего не можемъ сдѣлать,—взмолилась м-ръ Чалленджеръ.—Джорджъ, ради Бога, поѣдемъ обратно въ Розерфильдъ. Еще часъ въ этомъ страшномъ мертвомъ городѣ,—и я сойду съ ума.

Молча заняли мы свои мѣста въ моторѣ. Лордъ Джонъ повернулъ его обратно на югъ. Послѣдняя глава исторіи человечества, повидимому, была закончена. Не предвидѣли мы, какія неожиданности предстоятъ намъ впереди.

Глава VI.

Нежданннй финалъ.

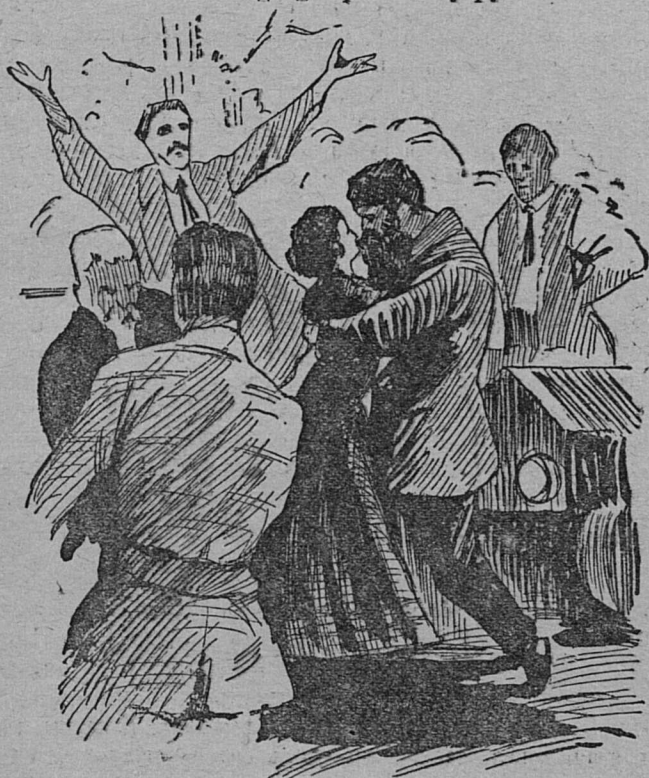
Я, какъ ирландецъ, умѣю въ каждомъ положеніи, даже самомъ тягостномъ, найти юмористическую сторону. Но, когда я остался одинъ въ кабинетѣ Чалленджера, по возвращеніи изъ Лондона—остальные внизу строили планы на будущее—я же такъ усталъ, что попросилъ разрѣшенія остаться одному—настроеніе мое было далеко не веселое. Я сидѣлъ у открытаго окна, опершись подбородкомъ на руку и раздумывая о нашемъ несчастномъ положеніи. Стоитъ ли намъ жить?—Вотъ какой вопросъ я задавалъ себѣ. Возможно ли существовать на вымершей землѣ? Точно такъ же, какъ въ физикѣ большое тѣло притягиваетъ къ себѣ малыя, не потянуть ли и насъ за собою властно эти мертвецы, ушедшіе въ страну тѣней? Но каковъ же будетъ нашъ конецъ? Повторится ли дѣйствіе яда? Или земля станетъ необитаемой, отравленная продуктами всеобщаго разложенія? Или мы сами, поставленные въ такое необычайное и ужасное положеніе, не выдержимъ и сойдемъ съ ума? Кучка сумасшедшихъ на мертвой землѣ. Я крѣпко задумался надъ этой страшной перспективой и очнулся только отъ страннаго шума, заставившаго меня взглянуть на дорогу внизу. И что же я увидѣлъ?!—Старая извозничья кляча поднималась въ гору. Извозчикъ подгонялъ ее кнутомъ, самъ повернувшись къ сѣдоку, который что-то кричалъ ему въ окно.

Одновременно съ этимъ я услышалъ щебетанье птицъ, и чей-то кашель на дворѣ и замѣтилъ, что весь ландшафтъ

как бы ожилъ. Но больше всего вниманія приковывала эта нелѣпая, изможденная, съ провалившимися боками извозничья кляча. Тяжело дыша, она все же поднималась на холмъ. И ея возница, и сѣдокъ, несомнѣнно, были живы. И всѣ остальные были живы. На площадкѣ снова играли въ гольфъ. Жнецы снова взялись за работу. Нянька отшлепала одного ребенка, а другого посадила въ колясочку и принялась подталкивать ее впередъ. Всѣ, сами того не замѣчая, продолжали дѣлать то, что дѣлали въ моментъ, когда ихъ захватила катастрофа.

Что же это такое? Или, можетъ быть, катастрофы и не было? Можетъ быть, все это только приснилось мнѣ? Но нѣтъ, на рукѣ моей вздулся пузырь отъ веревки, которой я натеръ себѣ ладонь, дергая за языкъ колокола. Значить, все, видѣнное мною и пережитое, было на самомъ дѣлѣ, И все же, мнѣ воскресъ изъ мертвыхъ.

Я кубаремъ скатился съ лѣстницы. Входная дверь была открыта; со двора доносились изумленные и радостные голоса моихъ товарищей. Боже, какъ мы всѣ были счастливы! Какъ горячо мы поздравляли другъ друга, пожимая другъ другу руки. Славная маленькая м-рсь Чалленджеръ на радостяхъ расцѣловала насъ всѣхъ, прежде чѣмъ пріютиться въ объятіяхъ своего медвѣдеобразнаго супруга.

М-рсь Чалленджеръ бросилась въ объятія своего медвѣдеобразнаго супруга.

— Да неужели же они только спали?—воскликала лордъ Джонъ.—Да не можетъ быть! Чортъ побери, Чалленджеръ!—не увѣрите вы меня, что такъ можно спать—съ такими невидящими мертвыми глазами, окоченѣвшимъ тѣломъ и гримасой смерти на лицѣ.

— Я могу объяснить это только такъ называемой каталепсией. Въ старину это явленіе встрѣчалось очень рѣдко, и его обыкновенно принимали за смерть. Во время припадка температура падаетъ, бѣнія сердца различить невозможно, дыханія не слышно—словомъ, фактически, это та же смерть, съ той разницей, что она преходяща. И даже всеобъемлющій умъ—тутъ онъ закрылъ глаза и улыбнулся,—едва ли могъ бы допустить возможность такой одновременной вселенской каталепсии.

— Зовите это каталепсией, если хотите,—замѣтилъ Соммерли,—но, въ концѣ концовъ, вѣдь, это только названіе,

ничего не объясняющее. Мы попрежнему ничего не знаемъ о ядѣ, дѣйствіе котораго вызвало это состояніе. Самое большее, что мы можемъ сказать,—это, что дыханіе отравленнаго эфира имѣло послѣдствіемъ результатомъ временную смерть.

Аустинъ сидѣлъ на подножкѣ автомобиля, покашливая и покачивая головой, и разсуждалъ самъ съ собой, поглядывая на моторъ.

— Ишь, вѣдь, какъ воображаетъ о себѣ, мальчишка! Непремѣнно все ему надо потрогать.

— Вы это о комъ, Аустинъ?

— Да маслянка не завинчена. Тутъ кто-то безъ меня дурачился съ автомобилемъ. Должно быть, садовниковъ сынишка, сэръ. Я такъ думаю.

Лордъ Джонъ съ виноватымъ видомъ отвернулся.

— Не знаю, что со мной такое было,—продолжалъ Аустинъ, съ трудомъ поднимаясь на ноги.—Должно быть, голова закружилась... Помню, я, какъ стоялъ, такъ и хлопнулся о земь. Но только маслянки я бы не оставилъ незавинченной—это ужъ нѣтъ.

Изумленному Аустину вкратцѣ объяснили, что случилось съ нимъ самимъ и міромъ. Онъ слушалъ съ видомъ глубокаго недовѣрія, когда мы рассказывали ему, какъ лордъ Джонъ управлялъ его моторомъ, и очень заинтересовался, когда дошло до описанія мертваго Сити. Характеренъ его комментарий.

— И въ Англійскомъ Банкѣ вы были, сэръ?

— Были, Аустинъ.

— И всѣ кругомъ спали, а миллионы сторожить было некому?

— Конечно, некому.

— Вотъ бы мнѣ туда!—со стономъ вырвалось у него, и онъ печально отвернулся.

Неожиданно мы услышали скрипъ колесъ по гравію. Старая кляча остановилась у подъѣзда виллы Чалленджера. Изъ экипажа вылъзъ юный сѣдокъ. Минуту спустя появилась горничная, растрепанная и растерянная, какъ будто со сна, съ карточкой на подносѣ. Чалленджеръ свирѣпо засопѣлъ, увидѣвъ ее; даже густые черные волосы его какъ будто встали дыбомъ.

— Представитель печати? Опять!—заворчалъ онъ. Но тотчасъ же, какъ бы извиняясь, добавилъ:—Впрочемъ, естественно, что весь мнѣ свѣдѣть узнать мое мнѣніе о такомъ необычайномъ событіи.

— Едва-ли онъ за этимъ,—возразилъ Соммерли.—Вѣдь онъ ѣхалъ къ вамъ еще до кризиса.

— Я посмотрѣлъ на карточку. «Джемсъ Бекстеръ, лондонскій корреспондентъ «Нью-Йорскаго Вѣстника».

— Вы примете его?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Джорджъ? Опять? Будь же добрый и снисходительный къ другимъ. Неужели все, пережитое нами, ничему не научило тебя?

Но профессоръ упрямо качалъ головой.

— Поганое племя. Вы не согласны, Мэлонъ? Истые плебелы современной цивилизаціи, прямо мука для уважающаго себя человѣка. Сказалъ ли хоть одинъ изъ нихъ доброе слово обо мнѣ?

— А вы сами сказали доброе слово хоть объ одномъ изъ нихъ? Полноте, профессоръ, вѣдь это иностранецъ, совершившій цѣлое большое путешествіе, чтобы увидать васъ. Не будете же вы съ нимъ грубы.

— Ну ладно, ладно ужъ,—проворчалъ онъ.—Идемте вмѣстѣ. Говорите съ нимъ сами. Я заранѣе протестую противъ такихъ оскорбительныхъ вторженій въ мою частную жизнь.—Ворча себѣ подъ носъ, онъ катилъ за мною, какъ обиженный и сердитый бульдогъ.

Юный американецъ вытащилъ записную книжку и сразу окунулся въ суть вопроса.

— Я приехал, сэр, узнать, как вы представляете себя эту опасность, по вашему мнению, угрожающую миру. У нас, в Америке, очень этим интересуются.

— Я не вижу, чтобы в данный момент миру угрожала какая-нибудь опасность,—угрюмо проворчал Чалленджер.

Американец возрился на него с крстким изумлением.

— Я имю в виду, сэр, ту опасность, которая угрожает землѣ вслѣдствие вступленія ея въ поясъ отравленнаго эфира.

— Такой опасности я не предвижу.

Юный репортеръ былъ озадаченъ.

— Вѣдь вы же профессоръ Чалленджеръ? Надѣюсь, я не ошибаюсь?

— Да. Это я.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю. Какъ же вы говорите, что нѣтъ опасности? Вѣдь не далѣе, какъ сегодня утромъ въ «Таймсъ» было помѣщено ваше письмо въ редакцію.

Теперь Чалленджеръ былъ какъ-будто озадаченъ.

— Сегодня утромъ?—Сегодня утромъ «Таймсъ» не вышелъ.

— Позвольте, сэр,—кратко возразилъ американецъ.— Не станете же вы отрицать, что «Таймсъ» газета ежедневная.—Онъ вынулъ номеръ изъ жилетнаго кармана.—Вотъ, письмо о которомъ я говорю.

Чалленджеръ хихикнулъ и потеръ руки.

— Я начинаю понимать. Такъ вы прочли это письмо сегодня утромъ?

— Да, сэръ.

— И сейчасъ же отправились интервьюировать меня?

— Да, сэръ.

— По пути сюда вы ничего особеннаго не замѣтили?

— Правду сказать, вашъ народъ показался мнѣ оживленнѣе и болѣе похожимъ на людей, чѣмъ обыкновенно. Носильщикъ началъ мнѣ рассказывать какую-то забавную исторію—этого со мной здѣсь никогда еще не бывало.

— А больше ничего?

— Насколько помню, ничего.

— Теперь скажите, въ которомъ часу вы выѣхали съ вокзала Викторія?

Американецъ усмѣхнулся.

— Я приехалъ сюда интервьюировать васъ, профессоръ, а выходитъ, что вы какъ будто интервьюируете меня.—Этотъ вопросъ меня интересуетъ. Вы запомнили, въ котромъ часу отошелъ поездъ?

— Конечно, въ половинѣ перваго.

— А сюда вы приѣхали?

— Въ четверть третьяго.

— И наняли извозчика?

— Конечно.

— Какъ вы думаете, далеко отсюда до станціи?

— Я думаю, не болѣе двухъ миль.

— Сколько же времени, по вашему, вы ѣхали?

— Съ полчаса, должно быть,—лошадь попала въ очень ужъ плохая.

— Такъ, что теперь должно быть три часа?

— Да, приблизительно. Можетъ быть, немного больше.

— Посмотрите на часы.

Американецъ повиновался, посмотрѣлъ и въ изумленіи уставился на насъ.

— Позвольте. Что же это? Двадцать минутъ седьмого. Ну, знаете, ваши извозчики побили всѣ рекорды. Ѣхать четыре часа двѣ мили! Да нѣтъ же, это невозможно. Однако, дѣйствительно, солнце уже клонится къ закату. Позвольте, тутъ что-то не такъ.

— Вы не помните, не случилось ли чего-нибудь особеннаго, когда вы взбирались на гору?

— Какъ будто помню, что меня одолѣвала дремота.

Да, да, теперь припоминаю: я что-то хотѣлъ сказать извозчику,—должно быть, подогнать его, и никакъ не могъ добиться, чтобъ онъ повернулся ко мнѣ. Должно быть, это отъ жары, но я таки на минутку задремалъ. Только и всего.

— Очевидно, то же было и со всѣми,—сказалъ Чалленджеръ.—Всѣ они «какъ будто на минутку задремали». Ни одинъ не имѣетъ понятія о происшедшемъ. И каждый будетъ продолжать свою прерванную игру или работу, какъ Аустинъ продолжаетъ чистить свой моторъ. Вашъ издатель, Малонъ, будетъ продолжать издавать свою газету и очень удивится, замѣтивъ, что одного номера не хватаетъ. Да-съ, молодой человекъ,—продолжалъ онъ, добродушно посмѣиваясь и обращаясь теперь уже къ американцу:—вамъ, можетъ быть, не безынтересно будетъ узнать, что міръ благополучно вышелъ изъ ядовитаго воздушнаго теченія, подобно гольфстрему, клубящемуся въ океанѣ эфира. Будьте любезны также замѣтить себѣ, что сегодня—не пятница 27 августа, а суббота, августа 28-го, и что вы изволили пролежать безъ чувствъ въ нашемъ извозничьемъ кабѣ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ на склонѣ Розельфильдскаго холма.

Вы пролежали безъ чувствъ въ нашемъ кабѣ въ теченіе сутокъ.

Однако, пора, прервать этотъ рассказъ. Какъ вы, вѣроятно, догадываетесь, это—лишь болѣе полное и детальное изложеніе фактовъ, печатное описаніе которыхъ появилось въ понедѣльничномъ номерѣ «Ежедневной Газеты», разошедшемся ни болѣе ни менѣе, какъ въ трехъ съ половиной милліонахъ экземпляровъ. На стѣнѣ кабинета нашего завѣдующаго хроникой виситъ, вставленный въ рамку великолѣпный заголовокъ:

Миръ въ состояніи небытія въ теченіе 24 часовъ.

Небывалое происшествіе.

ПРЕДСКАЗАНІЯ ЧАЛЛЕНДЖЕРА ОПРАВДАЛИСЬ.

Чудесное спасеніе нашего корреспондента.

Сенсаціонный рассказъ очевидца.

Комната, пропитанная кислородомъ. Страшная прогулка на моторѣ.

Мертвый Лондонъ.

Колоссальные пожары и убытки отъ огня.

БУДУТЪ ЛИ ВЫПЛАЧЕНЫ СТРАХОВЫЯ ПРЕМИИ?

За этимъ колоссальнымъ заголовкомъ слѣдовало девять съ половиною столбцовъ текста, заключавшихъ въ

себѣ первое, послѣднее и единственное изложеніе исторіи нашей планеты въ теченіе одного, но, мнѣ бы хотѣлось, самаго замѣчательнаго дня ея существованія. Чалленджеръ и Соммерли оба писали объ этомъ въ специальныхъ научныхъ органахъ, но для публики некому было составить отчетъ, кромѣ меня. Постиги, теперь я могу пропѣть: «Нынѣ отпускаеши». Послѣ этого, о чемъ еще можетъ мечтать журналистъ!

Но позвольте мнѣ закончить не этимъ сенсационнымъ заголовкомъ, доставившимъ триумфъ только мнѣ лично, а выдержкой изъ блестящей передовой, помѣщенной по этому поводу въ одной изъ самыхъ почтенныхъ и самыхъ большихъ нашихъ газетъ.

«Вѣдь извѣстно,—пишетъ «Таймсъ»,—что человѣкъ слабъ и ничтоженъ, въ сравненіи съ могучими скрытыми силами Природы, окружающими его. Это слишкомъ извѣстно. И пророки древности, и философы нашего времени не разъ предостерегали насъ. Но, какъ всѣ истины, часто повторяемыя, и эта истина съ теченіемъ времени утратила свой смыслъ и стала для человѣчества, какъ бы пустымъ звукомъ. Нуженъ былъ внушительный урокъ, чтобы напомнить намъ, что она—не только звукъ. И этотъ урокъ мы получили. Спасительное, но жестокое испытаніе, черезъ которое мы только что прошли, ошеломило насъ своей неожиданностью,

смирilo насъ наглядной демонстраціей нашего безсилія и нашей ограниченности. Этотъ урокъ обошелся міру очень дорого. Мы еще не можемъ представить себѣ полностью всей картины разрушенія, но уже одни колоссальные пожары въ Нью-Йоркѣ, Орлеанѣ и Брайтонѣ сами по себѣ—величайшія трагедіи въ исторіи человѣчества. Жутко будетъ намъ читать телеграммы о желѣзнодорожныхъ катастрофахъ и кораблекрушеніяхъ, хотя, повидимому, въ большинствѣ случаевъ машинисты и корабельные механики успѣвали затормозить свои машины, прежде чѣмъ они подпали дѣйствію яда. Но сейчасъ, въ умахъ нашихъ на первомъ планѣ не матерьяльные убытки, какъ бы они ни были огромны. Все это со временемъ забудется. Но не забудется и вѣкъ будетъ преслѣдовать наше воображеніе этотъ день, открывшій намъ невѣдомыя дотолѣ возможности, таящіяся во вселенной, разрушившій наше спокойствіе невѣждѣ, показавшій намъ, какъ ненадежны тропы нашего жизненнаго пути и какія бездны могутъ развернуться предъ нами. Всѣ мы сегодня переживаемъ настроеніе благоговѣйнаго смиренія. Дай Богъ, чтобы оно помогло намъ выработать себѣ болѣе серьезное и вдумчивое отношеніе къ жизни въ будущемъ».

Конецъ.

ЦЫГАНКА.

Какъ-то, въ началѣ лѣта, отправился я съ пріятелемъ въ Зоологію. Вечеръ былъ пасмурный и холодный. Часамъ къ одиннадцати, насытившись лицедрвіемъ «Орфея», мы перекочевали въ буфетъ и, выбравъ укромное мѣстечко, принялись за чаепіе. Публики на верандѣ было мало и только кой-гдѣ, за пустыми столами, жались другъ къ другу продрогшія феи. Зорко вглядывались онѣ въ проходящую публику, стараясь заманить къ себѣ «настоящаго кавалера», но типичные завсегдатаи буфета равнодушно лавировали между ними.

Въ общемъ, было порядочно таки тоскливо и мы уже собирались домой, какъ вдругъ къ столику подошла довольно потрепанная цыганка и, потупивъ глаза, тихо шепнула мнѣ на ухо:

— Вася! Ты? Я тебя узнала!

Я пристально взглянулъ на говорившую;

— Милуша?! Неужели... ты?... Милуша!

Милуша выпрямилась. На поблекшихъ щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ и на когда-то прекрасномъ личикѣ появилась та очаровательная улыбка, которая въ свое время многихъ сводила съ ума.

— Ага! Призналъ! — радостно сверкнула она глазами — и за то спасибо! Ты меня прости, что я осмѣлилась подойти... Можетъ быть нельзя?... Это твой сынъ?... Да!.. Какъ ты постарѣлъ, да и я... старуха!.. Можно присѣсть?... Неудобно? Ну, ладно!.. Я вотъ тутъ съ подругой... Лялечка!.. Подойди!.. Новенькая она, конфузится!.. Вмѣстѣ служимъ... Холодно, прозябли... ѣсть хочется... Ты... Знаешь что, дай мнѣ рубль на большую «рюмку водки». Я выпью, согрѣюсь, угощу Лялю, а потомъ пойдемъ съ тобой въ садъ, въ «глу-

хое» мѣстечко, тамъ и поговоримъ... Ахъ, вѣдь я много, много могу рассказать тебѣ!..

Я сунулъ ей деньги въ руку.

— Поди закуси, а я подожду!

— Ты не думай—тронула за плечо сосѣда Милуша,—что это мой прежній любовникъ! Накажи Богъ—нѣтъ!

Пріятель сконфузился и промолчалъ. Милуша ухватила Лялю подъ руку и побѣжала къ «знакомому» лакею.

— Что за «типъ»? — обратился ко мнѣ пріятель?

— Типъ интересный! Когда-то была красавица, богачка, видная помѣщица... Судьба сломила!.. Словомъ, цѣлая драма!

— Расскажи!

— Изволь! Когда-то, въ дни ранней юности, познакомился я съ красавцемъ корнетомъ, Гришей Ветловымъ. Ветловъ попалъ въ Петербургъ на скачки, случайно взялъ первый призъ и, на радостяхъ, жестоко закутилъ. Человѣкъ онъ былъ совершенно одинокій и очень богатый, владѣлецъ болѣе чѣмъ тысячи десятинъ въ полтавской губерніи, а это, братецъ, состояніе громадное! Сначала Ветловъ поселился противъ меня, но, затѣмъ, пустивъ по боку свою квартиру, переехалъ ко мнѣ. Прожили мы съ нимъ мѣсяца два и, сатаясь по увеселительнымъ мѣстамъ, попали въ одинъ изъ прекрасныхъ вечеровъ въ Аркадію. Въ *президію* Аркадію, время *Родона, Завадской, Чернова, Бѣльской, Крузовой и Кестлеръ*, время блестящаго расцвѣта оперетки, когда за дирижерскимъ пюпитромъ сидѣлъ король опереточныхъ капельмейстеровъ, знаменитый «*Жоржъ*»! Тогда въ Аркадію собирался весь шикарный Петербургъ. Золотая молодежь сорила деньгами

Перевод «The Lost World», выполненный З. Н. Журавской и озаглавленный «Погибший мир», был впервые напечатан в №№ 4, 6, 8, 10-12 журнала *Волны* в марте-июле 1913 г. Перевод повести «Отравленный пояс» был впервые напечатан в №№ 14, 16 указанного журнала в августе-сентябре 1913 г. Сканы выполнены сотрудниками Российской национальной библиотеки.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.